

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 6, №4 2020

Издательство Амурского государственного университета

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

ТиПЛ

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4

Выпуск 6, № 4, 2020

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Держач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Бурькин Алексей Алексеевич д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Викулова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттус Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартровский государственный университет)

Селютин Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции:

675027, г.Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

email: lingua.amursu.journal@gmail.com

ThAL

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4

Volume 6, Issue 4, 2020

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Russian Federation)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru
email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Аверин Артём Сергеевич
Воронежский государственный университет
г. Воронеж, Российская Федерация
nauka-art@mail.ru

Лингвистические характеристики англоязычных популярно-юридических текстов: теория и практика

Аннотация

В статье рассматриваются основные характеристики связного текста применительно к текстам англоязычного популярно-юридического дискурса (цельность, связность, непрерывность, прагматическая установка, информативность, завершённость). Кратко описываются названные характеристики: цельность отражает неразрывную связь всех элементов текста, связность относится к внутреннему смысловому единству текста, непрерывность предполагает ввод новой информации в существующую неразрывную смысловую цепочку текста, прагматическая установка заключается в функциональной ориентации автора текста на достижение определённых целей, информативность предполагает поэтапное раскрытие темы текста путём ввода всё новой информации, завершённость текста подразумевает раскрытие в нём темы в необходимом объёме. Также в работе анализируются особенности перечисленных характеристик применительно к материалу исследования. В частности, прагматическая установка англоязычных популярно-юридических текстов специфична в силу ориентации автора на разъяснение положений законодательства, решений судов и сложившейся юридической практики по конкретному правовому вопросу. Установка адресата – получение необходимого объёма информации профессионального качества по интересующей юридической проблеме в доступной форме. Делается ряд выводов: о взаимосвязанности, взаимозависимости и императивности основных лингвистических характеристик популярно-юридического текста; о специфичности каждой характеристики применительно к рассмотренным текстам (в первую очередь, в силу их жанрового своеобразия и прагматической установки).

Ключевые слова: дискурс, юридический дискурс, текст, лингвистические характеристики текста, интернет дискурс.

© Аверин А. С. 2020

1. Введение [Introduction]

Коммуникация посредством сети интернет становится всё более распространённой. По данным агентства «We are Social», ежегодно проводящего исследования в сфере цифровых технологий и онлайн коммуникации, в 2019 году количество пользователей сети интернет выросло на 9% по сравнению с показателями предыдущего года и составило 4,39 миллиарда человек [Сергеева, 2019]. О коммуникационном потенциале интернета также говорит ещё один факт: статья, содержащая приведённые выше данные, была опубликована на русскоязычном сайте 11.02.2019 года и прочитана более 45000 раз (на момент написания настоящей работы). Происходящее в интернете давно перестало быть субкультурным процессом, ограниченным возрастными, образовательными и другими социальными параметрами. Современная лингвистическая наука должна идти в ногу со временем и уделять достаточное внимание коммуникации, существующей в онлайн реальности. На сегодняшний день проводится большое количество исследований, посвящённых различным аспектам интернет дискурса. Например: «Интернет-дискурс в современном информационном пространстве» [Загоруйко, 2012, с. 56–60], «Социальная компьютерная сеть «вконтакте»: жанровая характеристика» [Алтухова, 2012, с. 21–25],

«Дифференциальные и жанровые особенности компьютерного интернет-дискурса» [Распопина, 2010, с. 125–132] Это одно из самых перспективных, стабильно востребованных и объективно актуальных направлений (обращаем внимание на годы публикации приведённых статей). Среди огромного массива коммуникации в сети интернет выделяется юридический интернет дискурс. Речь идёт о различных по тематике правовых сайтах, публикующих как официальные документы и комментарии к ним, так и ответы юристов на вопросы пользователей, разъяснительные статьи, описание конкретных юридических ситуаций. Указанный дискурс претерпевает существенные трансформации переходя из официальной институциональной реальности материального мира в пространство интернета, где он подвергается влиянию большого количества различных по своей природе факторов. Видится актуальным обширное и в то же время детальное изучение юридического дискурса в пространстве сети интернет и особенно одного из его направлений – популярно-юридического дискурса, которое, по сути, сформировалось и стало распространённым именно благодаря всемирной паутине. В 2018 году были опубликованы две статьи А. С. Глищенко, посвящённые названному дискурсу [Глищенко, 2018а], в начале 2019 вышла работа Д. С. Медведева и О. Г. Щитовой [Медведев, Щитова, 2019]. На наш взгляд, наименование «популярно-юридический дискурс» является более предпочтительным. В задачи настоящего исследования не входит детальный анализ данного аспекта темы, поэтому ограничимся лишь констатацией того факта, что популярно-юридический дискурс имеет отношение исключительно к юридической практике и правоприменению и не разъясняет проблемы и вопросы юридической науки. Он также встречается в правовых рубриках печатных изданий, что указывает на отсутствие необходимости употреблять словосочетание «интернет-дискурс».

2. Материал исследования [Research material]

Для изучения текстуальных характеристик популярно-юридического дискурса нами были выбраны четыре англоязычных интернет-сайта с доменными именами в наиболее распространённых доменных зонах «.com» и «.org»: Avvo.com, HG.org, Justia.com, Rocketlawyer.com. Данные сайты также находятся в первой десятке (на первой странице) поисковой выдачи в поисковой системе Google. Тексты на указанных сайтах публикуются бессрочно, количество посетителей и, соответственно, прочтений за 2–3 года может достигать сотен тысяч, что говорит о высокой социальной и научной значимости материала. Объём статей в среднем от 2000 до 10000 печатных знаков. Тексты каждого сайта обладают определённой спецификой. На портале Avvo.com они являются ответами конкретных юристов на вопросы пользователей сайта. Причём на большинство вопросов дано несколько ответов разных юристов. Каждому специалисту присваивается рейтинг, приводится его фото, имя и фамилия, а также контактные данные. Портал Justia.com содержит тексты по различным правовым темам, которые не являются ответами на конкретные вопросы пользователей. Не указываются никакие данные об авторах текстов, только фраза «last updated» и год, когда статья была опубликована в текущем виде. Большинство текстов структурированы и связаны друг с другом в рамках тематики с помощью перекрёстных ссылок. Следующий сайт – Rocketlawyer.com. Тексты с названного ресурса также не являются ответом на вопрос конкретного реального пользователя, но построены так, как если бы были им. Все тексты структурированы по тематике, нет никакой информации об авторах, годе публикации. Ресурс HG.org содержит отдельный раздел «Legal Articles», где опубликованы популярно – юридические тексты. Они раскрывают конкретную правовую тему, структурированы по отдельным вопросам в рамках общей темы. Никаких данных об авторах также не приводится: тексты заканчиваются фразой «Provided by HG.org».

Тематика статей достаточно обширна и включает большинство востребованных сфер правоотношений:

- семейное право,
- аренда жилых помещений,
- банкротство физических лиц,
- налоги,
- открытие и ведение бизнеса,
- уголовное преследование и другие.

Для анализа в рамках данной работы и ряда других нами были выбраны тексты первых трёх тематик в количестве 20 по каждому направлению (всего 60 текстов). Далее в работе мы также будем именовать изучаемые тексты статьями.

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Как пишет А. Л. Буран, в современной лингвистике такими исследователями, как А. Э. Бабайлова, А. А. Вейзе, Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьев, Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн, Г. В. Колшанский выделены следующие характеристики целого связного текста: «связность, цельность, непрерывность, прагматическая установка, завершённость, информативность» [Буран, 2012, с. 97]. В текстах каждого жанра перечисленные признаки преломляются по-своему. Они уникальны применительно к различным типам и видам дискурса. Рассмотрим упомянутые выше популярно-юридические тексты на предмет соответствия указанным критериям, а также наличия специфических текстуальных характеристик.

1. **С в я з н о с т ь.** По утверждению Л. М. Яхиббаевой, «связность текста – это явление не только смысловое... Связность может быть отнесена как к внутренней, смысловой стороне текста, так и к его языковому оформлению, которое предполагает использование определённых лексико-грамматических средств, формально осуществляющих эту связанность, а также употребление языковых единиц для их участия в построении текста» [Яхиббаева, 2008, с. 213]. Все рассмотренные популярно-юридические тексты являются специфичными в контексте критерия связности. Несмотря на часто встречающуюся рубрикацию и внутреннее структурирование повествования по отдельным тематикам в рамках общей проблемы, их внутреннее смысловое единство очевидно. Во многом это достигается благодаря прагматической установке на описание различных аспектов одной и той же правовой проблемы. Например, в статье «Child Custody and Support» с сайта Justia.com («Определение порядка опеки и денежного содержания ребёнка») различные аспекты темы описываются структурированно и связно: каждая микротема строго соответствует абзацному членению текста и в целом тематике. В частности, первый абзац разъясняет общие вопросы опеки и алиментов и начинается с предложения «When the parents of a child are not married or in a relationship, issues may arise regarding the custody and support of the child». Во втором абзаце рассказывается о порядке установления опеки и алиментных выплат. Абзац начинается заголовком «Petition for Custody and Support» [Child Custody..., 2019]. Здесь и далее мы приводим лишь некоторые краткие примеры в целях сохранения адекватного объёма работы. В уже упомянутом выше исследовании А. Л. Буран пишет: «Связность обусловлена линейностью текста» [Буран, 2012, с. 98]. Действительно, в рамках одного текста возможно существенное варьирование микротем повествования без нарушения связности текста как линейного движения по прямой взаимозависимых смыслов. Например, в статье «Considering bankruptcy?» («Задумываетесь о банкротстве?») с сайта Justia.com в каждом абзаце раскрывается новая микротема, все они достаточно разнородны, но в целом предметно относятся к одной проблематике, объясняя её аспекты:

– «Bankruptcy law allows debtors, who are unable or partially unable to pay outstanding debts, to rid themselves of these debts and obtain a fresh start» (первое предложение первого абзаца – о назначении законодательства о банкротстве);

– «Bankruptcy lawyers offer legal advice and services during a financial crisis» (первое предложение третьего абзаца – О роли и функциях юристов, специализирующихся на банкротстве физических лиц) [Considering bankruptcy, 2019].

Такое «наращивание» разномысловых микротем вокруг единого тематического стержня является ключевой текстуальной характеристикой популярно-юридического дискурса. Именно благодаря ей наиболее полно реализуется разъяснительный характер повествования. Итак, для популярно-правовых текстов критерий связности носит значимый характер в силу внутреннего тематического разнообразия большинства названных текстов: обозначенная тема раскрывается с разных сторон, в разных аспектах, дробится на более узкие смысловые части. И в то же время тема должна быть изложена линейно, логично, понятно даже для самого «неквалифицированного» читателя. Важны языковые средства, которые должны не только упростить понимание положений законов и в целом правовой материи, но также сформировать у адресата дискурса ощущение профессионализма автора и определённой степени официальности разъяснения.

2. **Ц е л ь н о с т ь.** Данная характеристика отражает непрерывность текста, внутреннюю смысловую взаимосвязанность и взаимозависимость его смысловых и структурных частей. Н. С. Валгина пишет: «Цельность текста – это прежде всего единство тематическое, концептуальное, модальное. Смысловая цельность заключается в единстве темы – микротемы, макротемы, темы всего речевого произведения [Валгина, 2003]. Ещё более точно и практически применимо определяет критерий цельности Л. М. Яхиббаева. Она пишет: «В каждом тексте существует определённый общий замысел, который должен быть реализован.... Замысел охватывает текст в целом – от его начала и до конца» [Яхиббаева, 2008, с.210–211]. Текст наращивается вокруг смыслотематического стержня, заключая в себе неделимое единство описания различных аспектов темы, причём здесь важна логичность, последовательность изложения материала. В частности, в статье «5 Things Landlords Need to Know About Renting In a Down Economy» с сайта Rocketlawyer.com структурированно раскрываются различные аспекты проблемы сдачи в аренду жилой недвижимости в период экономического кризиса. Текст разделён на части подзаголовками с названиями микротем, причём многие из них носят околоюридический характер (например, «1. Find solid tenants», «3. Know how much you can charge for rent» [5 Things Landlords Need to Know About Renting In a Down Economy, 2019]). Цельность имеет первостепенное значение для популярно – юридических текстов. Они призваны объяснить не обладающему специальными познаниями читателю сложный и запутанный материал – положения законов и подзаконных актов, порядок действий, варианты развития ситуации и так далее. В силу этого микротематическая структура текста должна представлять собой плотное полотно повествования без пробелов. Малейшие нарушения цельности и логической последовательности (взаимосвязи) влекут сложности в понимании практически значимого материала повествования. В названном выше тексте разъясняются различные аспекты проблемы:

– «Competitive tenant markets like New York City have rent control laws» (первое предложение абзаца №3 подраздела №3 – О наличии специальных законов города Нью-Йорк, регулирующих вопросы арендной платы);

– «It's also a good idea to include a subletting clause in your lease, clarifying whether or not you'll allow the tenant to let out the apartment to another tenant» (первое предложение 4-го абзаца 4-го подраздела – О полезности включения в договор аренды положения, разрешающего / запрещающего арендатору сдавать ваше помещение в субаренду);

– «Different states have different laws regarding how to evict a tenant» (первое предложение четвёртого абзаца пятого подраздела – В разных штатах действуют разные законы, регламентирующие порядок выселения арендатора) [5 Things..., 2019].

Кроме смысловой, необходима стилистическая однородность, чтобы восприятие сложного материала не нарушалось хаотичностью лексических единиц, излишней терминологической нагруженностью и другими чисто стилистическими факторами.

3. **Н е п р е р ы в н о с т ь**. Данный признак Л. А. Буран описывает следующим образом: «Если текст целен, то его детали и части сливаются в одно непрерывное целое. Именно это свойство текста предполагает ввод новой информации» [Буран, 2012, с. 97]. Раскрытие в приведённой цитате содержания признака не является безупречным, но в наши задачи не входит более глубокое рассмотрение данного теоретического вопроса. Как было показано выше, популярно-юридические тексты характеризуются многоаспектностью повествования в рамках заданной проблематики. Это обусловлено в первую очередь прагматикой изучаемого дискурса. Цель автора заключается в том, чтобы наиболее полно и практически полезно объяснить различные аспекты конкретного правового вопроса. В такой ситуации на первое место выходит непрерывность как равномерный, последовательный, «цепной» ввод новой информации, её наращивание вокруг тематического стержня повествования. Признак многоаспектности также обусловлен спецификой предметной области популярно-юридического дискурса. Различные стороны (аспекты) конкретных правоотношений изложены как правило в нескольких правовых актах, в силу чего необходимо связно и с соблюдением принципа непрерывности изложить в доступной форме различные нормы из нескольких правовых документов. Также важно учесть, что популярно-юридические тексты часто носят алгоритмический характер: они содержат описание конкретных шагов (действий), которые должен совершить субъект правоотношений. Здесь задействованы материальные и процессуальные нормы права: первые регулируют вопросы прав, обязанностей и ответственности физических и юридических лиц по владению имуществом, совершению сделок, вступлению в брак и прочее. Процессуальные нормы регламентируют вопросы судопроизводства: содержание и порядок подачи искового заявления, представительство в судебном заседании, порядок обжалования решений суда и так далее. Все эти положения относятся к разным правовым сферам, но к одной конкретной ситуации конкретного гражданина. Они должны быть:

- известны автору текста,
- проанализированы им на предмет относимости к проблеме,
- синтезированы в связное повествование,
- логично и доступно изложены в кратком тексте.

Именно поэтому, на наш взгляд, для популярно-юридических текстов принципиально важны такие характеристики, как связность, цельность, непрерывность. Иначе цель дискурса не будет достигнута.

4. **П р а г м а т и ч е с к а я у с т а н о в к а**. Данное понятие, очевидно, более тесно связано с жанровостью и конкретными жанровыми параметрами того или иного дискурса. Н. С. Валгина в работе «Теория текста» пишет следующее: «Прагматическая установка текста исходит из самого текста – его назначения, его вида, жанра. Например, автор, приступающий к написанию учебника, заранее знает, каков будет объём текста, какие вопросы и проблемы надо осветить, в основном какова будет структура будущего текста, каковы сложившиеся в практике жанровые особенности учебной литературы и методические приемы подачи материала» [Валгина, 2003]. Выше мы уже затрагивали вопрос осознанности использования тех или иных языковых средств авторами популярно-юридических текстов. Очевидно, что юристы, пишущие разъяснительные тексты

для широкой публики, понимают их назначение и задумываются о потенциальных адресатах своего творчества. Но на основе анализа материала текстов популярно-юридического характера нельзя однозначно сказать о чётком понимании юристами жанровой специфики и необходимых в её контексте языковых средств. Здесь обратим внимание на принципиально важный аспект вопроса. Прагматическая специфика популярно-юридических текстов не позволяет распространять на них нормы таких стилей как разговорный, официально-деловой. Названные тексты составляют самостоятельный специфический жанр и представляют собой уникальное, но при этом органичное смешение языковых средств каждого из указанных стилей. Отметим также тесную связь прагматического аспекта популярно-юридических текстов и критерия цельности. Аналогично считает Л. М. Яхиббаева: «Смысловые связи не только проникают в структуру предложения, но и соединяют предложения между собой. Происходит смысловая интеграция порядка предложений, в основе которой лежит соответствие замысла текста и его формы» [Яхиббаева, 2008, с. 210–211].

5. Завершённость. Данный параметр также специфически преломляется применительно к текстам популярно-юридической направленности. А. Л. Буран пишет: «Текст считается завершённым, когда, по мнению автора, желаемый результат достигнут самим поступательным движением темы» [Буран, 2012, с. 98]. Проблема возникает уже на стадии определения желаемого для автора результата. Почти все популярно-юридические тексты содержат дисклеймер, а также часть, которую мы называем «маркетинговый блок». В них указывается в той или иной форме одна и та же идея: данный текст является разъяснительным и не носит характер юридической консультации. Для более полной информации, а также для конкретной юридической помощи обратитесь к юристу. Приведём пример маркетинговых блоков и дисклеймеров. Статья «Inheritance and Creditors: How to Help Protect Your Loved Ones» с сайта HG.org заканчивается фразой «Estate planning can be a complicated endeavor. Because of this, it's generally a good idea to enlist the help of an attorney» (рекомендация обратиться к юристу в силу сложности описываемого предмета) [Chayet, 2019 b]. Каждый текст на названном сайте заканчивается следующим фрагментом: «Disclaimer: While every effort has been made to ensure the accuracy of this publication, it is not intended to provide legal advice as individual situations will differ and should be discussed with an expert and/or lawyer. For specific technical or legal advice on the information provided and related topics, please contact the author» (краткое описание содержания: несмотря на точность рекомендаций, данная статья не является юридической консультацией; обратитесь к автору за более подробной информацией). Получается, что, с одной стороны, автор нацелен на полезность текста для потенциальных читателей (количество которых за несколько лет публикации статьи на сайте может достигать сотен тысяч). С другой стороны, можно предположить, что конечной целью является привлечение потенциальных клиентов, а полезность статьи и её формальные языковые параметры переходят в разряд промежуточной задачи при продвижении к итоговой цели. Говорить о маркетинговой направленности изученных популярно – юридических текстов заставляют следующие факты.

А) Они публикуются преимущественно на сайтах юридических компаний, ставящих целью получение прибыли (Rocketlawyer.com).

Б) Тексты с некоторых сайтов содержат прямые предложения нанять юриста (причём именно автора конкретной статьи).

В) В описании текстов на некоторых сайтах многократно приводятся наименования юридических компаний, чьи сотрудники являются авторами данных текстов. Также рядом с каждым текстом размещена символика (бренд) компании (например, в начале статьи «Avoiding Medicaid Penalties and Pitfalls» с сайта HG.org расположено

крупное изображение бренда компании Chayett&Danzo и адрес соответствующего сайта [Chayet, 2019 a].

Г) Для привлечения клиентов на сайт юридических компаний среди прочих применяются методы поисковой оптимизации (SEO), включающие использование полезных для пользователей материалов (текстов), которые они находят в поисковых системах (Google, Yahoo и другие) и далее переходят на сайт компании для чтения (аналогично бесплатной консультации, которые адвокаты и юридические компании используют для привлечения клиентов и интереса общественности к своим услугам).

Итак, однозначно установить цели авторов популярно-юридических текстов не представляется возможным. Можно лишь обрисовать их с достаточно высокой долей вероятности. Следовательно, невозможно однозначно и предельно объективно сделать вывод о достижении авторами их целей. Однако допустимо говорить о разъяснительном потенциале конкретного текста, его практической полезности. Все изученные нами тексты в том или ином объёме разъясняют правовые положения, необходимые действия субъекта права, их возможные последствия и прочие юридические тонкости. Тексты отвечают на поставленные вопросы, делают правовую материю более доступной и понятной для обывателя. Причём, для популярно-юридических текстов особенно важен критерий завершённости. Ответ на поставленный вопрос или разъяснение по конкретной тематике должны быть исчерпывающими в силу специфики предмета коммуникации и практической значимости сообщения. В отношении рассматриваемых текстов критерий завершённости важен не только с позиции соответствия повествования замыслу автора. Для адресата и в контексте прагматики текста имеет решающее значение насколько полно, исчерпывающе разъяснены правовые положения.

Обратимся к последней характеристике текстов популярно-юридического жанра: информативность (№ 6). В уже упоминавшейся работе А. Л. Буран пишет, что информативность можно понимать «более широко – как все содержание сообщения и более узко – как новое знание, имеющееся в тексте» [Буран, 2012, с. 99]. Говоря о первом аспекте, отметим, что информативность популярно-юридических текстов заключается в передаче необходимых сведений по конкретной юридической проблеме. Однако жанровая специфика здесь связана с формой передачи информации. Необходимо представить сведения в доступном для не юристов виде. Если же речь идёт о «новом знании, имеющемся в тексте», характеристика жанра популярно-юридического дискурса по данному параметру также будет достаточно специфична. Рассмотрим конкретный пример: разъяснительную статью: «Tax Changes Affecting Divorce» Avvo.com («Изменения в налоговом законодательстве, затрагивающие вопросы бракоразводного процесса») [Alton, 2019]. Вводная часть текста содержит информацию, ориентирующую читателя на общее содержание статьи: «These changes will have quite an effect on how settlements are negotiated in divorce, custody, and support cases». Далее ввод новой информации производится структурированно и строго последовательно. Не каждый учебный или инструктивный текст может характеризоваться такой логичностью и стройностью. Перечислим наименования пунктов (и соответствующих микротем):

- «Spousal Support / Alimony».
- «Personal Exemptions and Child Tax Credit».
- «Personal Deductions».
- «Conclusion».

Ввод новой информации происходит пошагово, причём некоторая часть сведений известна читателю, несмотря на отсутствие у него правовых знаний. Текст ориентирован на тех, кто уже является плательщиком алиментов и сообщает им дополнительные не известные ранее сведения по теме. Цель автора – разъяснить чита-

телю новую сложную профессиональную информацию, вводя её постепенно и делая таким образом более доступной. Цель адресата – узнать как можно больше нового, получить информацию, которая заполнит пробелы в его правовых знаниях. Для сравнения: читатель художественного текста в большинстве случаев не нацелен на получение конкретной информации по заранее известному вопросу: он хочет не познания, а эстетических переживаний. Чтение юридического текста любой жанровой принадлежности предполагает противоположную установку. То есть, специфика жанра популярно-юридических текстов состоит в том, что у адресата заранее есть запрос на получение как можно большего объёма новой и практически полезной информации. Для такого дискурса характерна прагматическая установка на максимальную информативность. Экзистенциальность, бытие популярно-юридического текста есть бытие ради информативности.

Также отметим, что изученные характеристики популярно-юридических текстов являются, с одной стороны, требованиями-императивами, с другой, тесно связаны друг с другом и взаимозависимы. Действительно, популярно-юридический текст будет бессмысленен и бесполезен при отсутствии как минимум одного критерия. Именно поэтому автор такого текста должен воспринимать их как императивы и требования. По той же причине они являются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Например, отсутствие связности влечёт невозможность цельности, непрерывности, информативности, завершенности и невыполнение прагматической цели текста.

4. Заключение [Conclusion]

Любой связный текст, независимо от жанра, а также принадлежности к тому или иному типу и виду дискурса, обладает рядом характеристик: связность, цельность, непрерывность, прагматическая установка, завершенность, информативность. Каждая характеристика особым образом преломляется и наполняется новым смыслом в зависимости от жанра, типа, вида конкретного текста.

Рассмотренные в работе англоязычные популярно-юридические тексты сами по себе специфичны и мало изучены. Изучение перечисленных характеристик связного текста применительно к популярно-юридическому дискурсу позволило сделать выводы о своеобразии проявления каждой из них в популярно-юридических текстах.

Критерий связности в них реализуется в условиях внутреннего микротематического разнообразия. Темы большинства текстов раскрываются в разных аспектах, дробятся на микротемы, что отражается рубрикацией текстов. На первый взгляд содержание многих текстов кажется хаотичным, однако, смысловое единство повествования сохраняется.

Цельность популярно-правовых текстов особенно значима в силу их прагматической специфики. По той же причине необходима стилистическая однородность, которая часто отсутствует. Непрерывность популярно-юридических текстов является «слабым звеном» в силу многоаспектности предметной области повествования. Автор должен связно, цельно и доступно изложить различные нормы из нескольких правовых документов, а также разъяснить сложившиеся на практике особенности конкретных правоотношений и дать определённые рекомендации. Прагматическая специфика популярно-юридических текстов не позволяет распространять на указанные тексты нормы таких стилей как официально-деловой и разговорный. Первый будет слишком сложным и формальным, второй не создаст должное ощущение профессионализма и надёжности разъяснения.

Завершённость популярно-юридического текста носит императивный характер в силу его прагматической установки. Неполное разъяснение запутанной и практически значимой правовой информации сводит на нет остальные характеристики популярно-

юридического текста. Также отметим, что перечисленные и детально рассмотренные характеристики популярно-юридических текстов являются, с одной стороны, требованиями-императивами, с другой, тесно связаны друг с другом и взаимозависимы.

Исследование популярно-юридических текстов, как англоязычных, так и российских, является перспективным и достаточно новым направлением. Требуются годы работы для изучения и обобщения текущего массива таких текстов. В частности, необходимо исследовать вопросы жанровой специфики популярно-юридических текстов, их отграничения от правовых материалов, публикуемых с СМИ. Требуют изучения вопросы прагматики популярно-юридического дискурса, его функций. Перспективно сравнительное изучение англоязычных и русскоязычных популярно-юридических текстов, а также текстов данного дискурса на других языках. В ряде наших работ аспекты терминологии, содержания и функций популярно-юридического дискурса раскрыты более подробно, но данный аспект темы также требует дальнейшей научной разработки (вопросы, связанные с соотношением терминов «правовой» и «юридический», популярный текст» и «популярный дискурс»).

Список литературы

- Алтухова, 2012 – Алтухова Т. В. Социальная компьютерная сеть «вконтакте»: жанровая характеристика // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2012. № 4–3 (52). С. 21–25.
- Буран, 2012 – Буран А. Л. К вопросу об основных лингвистических характеристиках технического текста [Текст] / А. Л. Буран // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 4 (119). – С. 97–99.
- Глищенко, 2018 а – Глищенко А. С. Популярный юридический дискурс в США: общая характеристика и перспективы исследований // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 36–40.
- Глищенко, 2018 б – Глищенко А. С. Стилистические особенности популярных текстов о семейном праве США // Язык, коммуникация и социальная среда. 2018. № 16. С. 248–256.
- Загоруйко, 2012 – Загоруйко И. Н. Интернет-дискурс в современном коммуникационном пространстве // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 3. С. 56–60.
- Медведев, Щитова, 2019 – Медведев Д. С., Щитова О. Г. Межстилевой характер научно-популярного юридического интернет-дискурса // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2019. № 2 (199). С. 70–76.
- Распопина, 2010 – Распопина Е. Ю. Дифференциальные и жанровые особенности компьютерного интернет дискурса // Вестник Иркутского гос. лингвистич. ун-та. 2010. № 1. С. 125–132.
- Валгина, 2003 – Валгина Н. С. Теория текста [Электронный ресурс]. М. : Логос, 2003. 173 с. URL : <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/part-006.htm>.
- Сергеева, 2019 – Сергеева Ю. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России [Электронный ресурс] // Web Canape. 2019. URL : <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/>.
- Alton, 2019 – Alton W. S. Tax changes affecting divorce [Electronic resource] // Avvo. 2019. URL : <https://www.avvo.com/legal-guides/ugc/tax-changes-affecting-divorce> (дата обращения : 19.10.2019).
- Chayet, 2019 а – Chayet M. Avoiding Medicaid Penalties and Pitfalls [Electronic resource] // HG.org. URL : <https://www.hg.org/legal-articles/avoiding-medicaid-penalties-and-pitfalls-53583> (дата обращения : 15.10.2019).
- Chayet, 2019 б – Chayet M. Inheritance and creditors: How to help protect your loved ones [Electronic resource] // HG.org. URL : <https://www.hg.org/legal-articles/inheritance-and-creditors-how-to-help-protect-your-loved-ones-53581> (дата обращения : 13.10.2019).
- Considering bankruptcy, 2019 – Considering bankruptcy? [Electronic resource] // JUSTIA Lawyers. URL : <https://www.justia.com/lawyers/bankruptcy> (дата обращения : 14.10.2019).
- Child custody..., 2019 – Child custody and support [Electronic resource] // JUSTIA Lawyers. URL : <https://www.justia.com/family/child-custody-and-support/> (дата обращения : 19.10.2019).

5 Things..., 2019 – 5 Things landlords need to know about renting in a down economy. URL : <https://www.rocketlawyer.com/article/5-things-landlords-need-to-know-about-renting-in-a-down-economy.rl> (дата обращения : 19.10.2019).

UDC 81'43

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_5_15

Artyom S. Averin
Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation
nauka-art@mail.ru

Linguistic features of English popular legal texts: Theory and practice

Abstract

The article describes the basic text features applied to a number of typical English popular legal texts. These include integrity, connectedness, continuity, pragmatic attitude, informativeness, completeness. Each feature is briefly described: integrity reflects the indissoluble connection of all elements of the text, connectedness refers to the internal semantic unity of the text and the continuity implies the input of new information into the existing semantic indissoluble chain of text, pragmatic attitude is a functional orientation of the author of the text to achieve specific objectives, informativeness involves the gradual disclosure of the topic text by entering all new information, completeness means the disclosure it threads to the necessary extent. The paper also analyzes the manifestation of these features in relation to the research material.

The analysis shows that pragmatic attitude of English popular legal texts is specific because of the author's intention to clarify legal rules, court's decisions, and legal practice related to a particular legal issue. The recipient's purpose is to receive the necessary amount of professional information on the relevant legal topic in an understandable form. A number of conclusions are made: about the interconnectedness, interdependence and imperativeness of the main linguistic features of popular legal texts; about the specificity of each feature in relation to the texts considered (primarily due to their genre originality and pragmatic attitude).

Keywords: discourse, legal discourse, text, text linguistic features, internet discourse.

© Averin A. S. 2020

References

- Altukhova, T. V. (2012). Sotsial'naya komp'yuternaya set' «vkontakte»: zhanrovaya kharakteristika [Social computer network “Vkontakte”: Genre characterization]. *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta* [Bulletin of Kemerovo State University], 4–3 (52), 21–25.
- Buran, A. L. (2012). K voprosu ob osnovnykh lingvisticheskikh kharakteristikakh tekhnicheskogo teksta [The question of the main linguistic characteristics of technical text]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 4 (119). 97–99.
- Glishchenko, A. S. (2018 a). Populyarnyy yuridicheskiy diskurs v SShA: obshchaya kharakteristika i perspektivy issledovaniy [Popular legal discourse in the USA: General outline and perspectives of research]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 4. 36–40.
- Glishchenko, A. S. (2018 b). Stilisticheskie osobennosti populyarnykh tekstov o semeynom prave SShA [Popular USA Family law discourse and its stylistic features]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, communication and social environment], 16. 248–256.
- Zagoruyko, I. N. (2012). Internet – diskurs v sovremennom kommunikatsionnom prostranstve [Internet discourse in modern communication sphere] *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 3, 56–60.

- Medvedev, D. S. Shchitova, O. G. (2019). Mezhshtylevoy kharakter nauchno-populyarnogo yuridicheskogo internet-diskursa [Interstyle nature of the popular scientific legal internet discourse]. *Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2 (199). 70–76.
- Raspopina, E. Yu. (2010). Differentsial'nye i zhanrovye osobennosti komp'yuternogo internet diskursa [Differential and genre features of computer internet-discourse]. *Vestnik Irkutskogo gos. lingvistich. un-ta* [The ISLU Philological Review], 1, 125–132.
- Valgina, N. (2003). *Teoriya teksta* [The theory of the text]. Moscow : Logos Press, 2003. Retrieved June 15, 2019 from <<http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/part-006.htm>>.
- Sergeeva, Yu. (2019). Vsya statistika interneta na 2019 god – v mire i v Rossii [All internet statistics for 2019 in the world and in Russia]. *Web Canape*. Retrieved from <<https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/>>.
- Alton, W. S. (2019). Tax changes affecting divorce. *Avvo*. Retrieved <<https://www.avvo.com/legal-guides/ugc/tax-changes-affecting-divorce>>.
- Chayet, M. Avoiding Medicaid Penalties and Pitfalls. *HG*. Retrieved <<https://www.hg.org/legal-articles/avoiding-medicaid-penalties-and-pitfalls-53583>>.
- Chayet, M. Inheritance and creditors: How to help protect your loved ones. *HG*. <<https://www.hg.org/legal-articles/inheritance-and-creditors-how-to-help-protect-your-loved-ones-53581>>.
- Considering bankruptcy? (2019). *JUSTIA Lawyers*. Retrieved <<https://www.justia.com/lawyers/bankruptcy>>.
- Child custody and support (2019). *JUSTIA Lawyers*. Retrieved <<https://www.justia.com/family/child-custody-and-support/>>.
- 5 Things landlords need to know about renting in a down economy. (2019). *Rocketlawyer*. Retrieved <<https://www.rocketlawyer.com/article/5-things-landlords-need-to-know-about-renting-in-a-down-economy.rl>>.

Бурдаева Татьяна Валерьевна
Самарский государственный университет путей сообщения
г. Самара, Российская Федерация
t-burdaeva@mail.ru

Синтаксический концепт каузальности как способ выражения когерентно-когезионных отношений в железнодорожном тексте

Аннотация

В данной статье исследуется синтаксический концепт каузальности, репрезентантом которого выступает модель сложноподчинённого предложения с причинными придаточными предложениями. Синтаксический концепт каузальности рассматривается как способ выражения когерентно-когезионных отношений в немецких железнодорожных текстах, представленных научными статьями, отобранными из специальных журналов 2000–2017 гг. В ходе исследования применялись методы сплошной выборки, лингвистического описания и наблюдения, синтаксического моделирования, статистический метод, приёмы когнитивного моделирования и прототипического анализа. Выявлена взаимосвязь между формально-грамматической и содержательно-тематической сторонами в железнодорожном тексте в рамках четырёх аспектов: синтаксического, семантического, прагматического и герменевтического (когнитивного). Детальный анализ таких синтаксических средств, как союзы, порядок слов, тема-рематический компонент, временные формы сказуемого, модальность в сложноподчинённых предложениях с причинными придаточными, позволил раскрыть специфику выражения когерентно-когезионных отношений в железнодорожных текстах. Исследование пропозиций с точки зрения семантического аспекта в сложноподчинённом предложении с причинными придаточными показало, что семантический компонент тесно связан с модально-оценочным компонентом. Благодаря выявленным когнитивно-прагматическим ситуациям, раскрывающим сущность синтаксического концепта каузальности в сложноподчинённых предложениях с причинными придаточными, представлена более полная картина о концептуализирующей деятельности сознания носителей немецкого языка, отражающаяся на синтаксическом уровне. В ходе анализа было также установлено, что у сложноподчинённых предложений с причинными придаточными, вводимыми союзами *da*, *weil*, *zumal*, выделяется общая ситуация для всего предложения (реальная причина, мотив и познание) и минимум две ситуации для главного предложения и придаточного предложения в отдельности. Предложенная схема может быть использована для анализа других сложноподчинённых предложений в немецком языке.

Ключевые слова: синтаксический концепт, каузальность, когерентность, когезия, когнитивно-прагматическая ситуация.

© Бурдаева Т. В. 2020

1. Введение [Introduction]

Современные исследования специальных текстов обращены к когнитивистике. Вопросы, связанные с эффективной передачей и когнитивной переработкой профессионально-ориентированной информации являются особенно актуальными. Специальные тексты представляют собой конкретные реализации профессиональных языков, результат профессиональной коммуникации. Соответственно, под железнодорожными текстами мы понимаем инструмент, результат профессиональной коммуникативной деятельности людей, занятых в железнодорожной сфере. Железнодорожный текст, как и любой другой текст, будучи коммуникативной единицей, может рассматриваться как комплекс внутри- и внешнетекстовых признаков. Прагматический, функциональный и ситуативный аспекты относятся к внешнетекстовым факторам, а внутритекстовые фак-

торы определяются структурой текста, его стилистическими и формальными особенностями [Ср.: Dressler, 1972 ; Baumann, 1992 ; Heinemann, 2002]. Иными словами, грамматические, лексические и синтаксические средства образуют круг внутритекстовых факторов. Согласно концепции Р.-А. Де Богранда и В. Дресслера, внутритекстовыми критериями текстуальности являются когезия, когерентность, информативность, а внешнетекстовыми – интенциональность, акцептабельность, ситуативность, интертекстуальность [Beaugrande, Dressler 1981]. Совокупность всех этих критериев позволяет судить о тексте как о едином целом произведении.

Среди названных семи критериев главными принято считать когезию и когерентность, обозначаемые как внешняя и внутренняя связность, соответственно. Поскольку термины «когезия» и «когерентность» по-разному трактуются в современной лингвистике как в отечественной, так и в зарубежной, то мы последуем примеру Л. Гоффманна, который определяет эти термины с позиции знакового треугольника (синтактика, семантика, прагматика) [Hoffmann, 1988, S. 119]. В нашем случае образуется тетраэдр, который состоит из четырёх плоскостей: синтаксической, семантической, прагматической и герменевтической. Когезия относится к синтаксису, к формально-грамматической стороне и выражается следующими средствами: союзы, местоименные наречия, определённый / неопределённый артикль, временные формы, эллипсы, повторения и другие [Halliday, Hasan, 1976 ; Bußmann, 2002 ; Арнольд, 1981 ; Хлебникова 1983]. Когерентность относится к семантике и представляет собой содержательно-тематическую сторону текста. В широком смысле слова под когерентностью понимается совокупность синтаксических, семантических и когнитивно-прагматических аспектов, которые обеспечивают смысловую связность между предложениями в тексте [Blumenthal, 1997, S. 114, Brinker, 2018, S. 29]. Синтаксический аспект объясняет структурное взаимодействие между предложениями, в этом случае когезия рассматривается как часть когерентности. Семантический аспект включает в себя значение текста, его пропозициональное содержание. В этом аспекте затрагиваются вопросы типа: «Что сообщает собеседник слушателю и на какую тему?», а также «Какие семантические отношения возникают между ними?». В рамках прагматического аспекта исследуются логико-семантические отношения между предложениями в тексте [Wellmann, 2008, S. 125–126]. Логико-семантические отношения маркированы не только внеязыковыми обстоятельствами или положением вещей (профессиональная сфера, профессиональная компетентность собеседника и слушателя, коммуникативная ситуация: теоретическое исследование или практический эксперимент), но и коммуникативным действием (степень воздействия на собеседника / слушателя, интенциональность, акцептабельность), при котором собеседники обмениваются своими профессиональными знаниями и опытом. При этом подчёркивается, что когерентность является результатом когнитивных процессов собеседников [Duden, 1998, S. 846]. Это уже задача герменевтики, которая исследует различные условия понимания специального текста, так называемые «регулярные условия понимания» (мышление, сохранение и переработка информации, презентация), а также определённый запас знаний (интертекстуальность) [Brinker, 1998, S. 193].

Когерентность как целостная структура знаний специального текста создаётся с целью профессионально-ориентированной коммуникативной и когнитивной переработки информации [Dijk, 1983] и таким образом связывается с концептами и отношениями между ними [Beaugrande, Dressler 1981, S. 100 ; Vater, 1994, S. 43]. В широком смысле под концептом понимается единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике. В процессах мышления человек оперирует концептами, которые отражают со-

держание результатов человеческой деятельности и познания мира в виде неких «квантов» знания. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира [Кубрякова, 1997, с. 90–92].

В современной лингвистике различают лексические, фразеологические, культурные, а также синтаксические концепты. Наше внимание сосредоточено на синтаксических концептах, под которыми понимаются типовые пропозиции, получившие закрепление в устойчивой структурной схеме [Попова, 2004, с. 27–31]. Структурная схема простого предложения – это знак отдельного синтаксического концепта, представляющего собой типовое отношение, установленное между компонентами пропозиции, избранными на роль субъекта и предиката суждения [Волохина, 2003, с. 8]. Мы вслед за С. Е. Кузьминой понимаем синтаксический концепт как «объективируемую структурной моделью предложения и представленную в виде типовой пропозиции (структурированной совокупности смыслов) единицу знания о мире – знание об одном из типов отношений между предметами, выделяемых в действительности» [Кузьмина, 2015, с. 33].

Специальный текст, как известно, относится к научному стилю, в том числе научно-техническому подстилю и, в свою очередь, научная статья представляет собой его письменную разновидность. Наряду с особым лексическим оформлением, синтаксическое оформление играет немаловажную роль в этом типе текста. Синтаксическая полнота оформления высказывания, наличие аналитических конструкций обуславливает частое использование сложных предложений, а именно сложноподчинённых. Подчинительные отношения раскрывают логическое построение научного текста, основанное на причинно-следственных связях, подчёркивают линейный характер, соответствующий последовательному ходу научного изложения. Различают, например, такие подчинительные отношения, как: объектные, субъектные, атрибутивные, обстоятельственные (каузальные, кондициональные, темпоральные и т. д.), аппозитивные, в которых большой удельный вес имеют союзы, союзные слова. Соответственно, выделяются синтаксические концепты объектности, субъектности, атрибутивности, каузальности, кондициональности и т. д. [Бурдаева, 2020].

В качестве примера проанализируем синтаксический концепт каузальности как способ выражения когерентно-когезионных отношений и, таким образом, сформулируем цель исследования как установление согласования между формально-грамматической и содержательно-тематической сторонами железнодорожного текста.

2. Анализ синтаксического концепта каузальности в немецком железнодорожном тексте [Syntactic concept of causality analysis in German railway text]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В качестве материала исследования использовались железнодорожные тексты, представленные научными статьями, отобранными из специальных немецких журналов (*Der Eisenbahningenieur*; *Eisenbahntechnische Rundschau*, *Internationales Verkehrswesen*) периода 2000–2017 гг. Объём составил 44 статьи, из которых методом сплошной выборки были отобраны 149 придаточных предложений причины в составе сложноподчинённых предложений. На основе метода лингвистического описания и наблюдения в данной статье были проанализированы и последовательно описаны 17 примеров с точки зрения их структуры и функционирования в железнодорожных текстах. С помощью метода синтаксического моделирования в каждом сложноподчинённом предложении были выделены прототипичные модели и их варианты. Применение статистического метода дало возмож-

ность, во-первых, установить частотность сложноподчинённых предложений с причинными придаточными. На их долю приходится 8,5% от всех придаточных, функционирующих в исследуемом материале. Во-вторых, была определена доля причинных придаточных предложений, вводимых союзами *da*, *weil* и *zumal*, что, соответствует процентному соотношению 87,2%, 12,1% и 0,7%, если принять общее число причинных придаточных предложений в составе сложноподчинённых за 100%. Посредством приёмов когнитивного моделирования и прототипического анализа были выявлены когнитивно-прагматические ситуации, раскрывающие сущность синтаксического концепта каузальности в сложноподчинённых предложениях с причинными придаточными, реализующихся в железнодорожных текстах.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Проведённый анализ выявил, что репрезентантом синтаксического концепта каузальности является модель сложноподчинённого предложения с причинными придаточными предложениями (далее СПП_{пр}). Синтаксические средства выражения когерентно-когезионных отношений в железнодорожных текстах представлены прежде всего союзами, порядком слов, тема-рематическим компонентом, временными формами сказуемого, модальностью. В семантическом аспекте исследуется пропозиция. Пропозиция, рассматриваемая как ядро объективного содержания мысли, соотносится с обозначаемым положением дел. Одно и то же положение дел, отражающее внеязыковую ситуацию, описываемую предложением, называют его объективным содержанием, в отличие от прочих компонентов, которые так или иначе связаны с отношением говорящего к описываемой ситуации, и потому относятся к сфере субъективного. За объективным компонентом содержания предложения в лингвистической семантике закрепилось название пропозиционального компонента, пропозиционального содержания или же просто пропозиции предложения. Основу пропозиции образует структура ситуации [Кобозева, 2004, с. 217–218]. Прагматический и когнитивный аспекты реализуются посредством когнитивно-прагматических ситуаций, благодаря которым раскрывается сущность синтаксических концептов в сложноподчинённых предложениях. Когнитивно-прагматические ситуации включают в себя знания, представления, намерения в их отношении к коммуникантам, реальному и возможным мирам, к культурной ситуации, статусно-ролевым отношениям участников, способу коммуникации и т. п. – все аспекты контекстуальности в виде набора пропозиций [Макаров, 2003, с. 150].

СПП_{пр} обозначают обстоятельства, которые служат для обоснования или разъяснения другого обстоятельства, отвечают на вопрос «почему?» (*Warum?*). Союз *weil* употребляется, если называется причина, ранее не известная. Как правило, придаточные предложения с союзом *weil* занимают постпозицию, поскольку, выражая что-то новое, они представляют собой рему высказывания. Если придаточное предложение с союзом *weil* выступает в препозиции, то оно вместе с главным предложением образует единую информационную структуру. Придаточные предложения с союзом *da* обозначают причину, как правило, уже известную и могут рассматриваться как тема высказывания. В этой связи они в большинстве случаев находятся в препозиции по отношению к главному предложению. Если придаточные предложения с союзом *da* находятся в постпозиции, то они могут обнаруживать свой собственный фокус, но при этом никогда не могут представлять единый фокус всего высказывания [Satztypen des Deutschen, 2013, S. 505]. Именно в этом и состоит их главное отличие от придаточных предложений с союзом *weil*, потому что придаточные предложения с союзом *da* не могут выступать в качестве ответа на вопрос о возможной причине [Heidolph, 1981, S. 800 ; GDS..., 1997, S. 2299]. СПП_{пр}, вводимые союзом *zumal*, характеризуются тем, что и в главном, и в придаточ-

ном предложениях выделяется свой собственный фокус (своя информационная единица). Союз *zumal* сильнее подчёркивает причину, чем союз *weil*, в этом плане он схож с коннектором (типа: *insbesondere weil*) [Satztypen des Deutschen, 2013, S. 505]. Придаточные предложения с союзом *zumal* занимают всегда только постпозицию.

В СПП_{Пр} доминирует прототипичная модель S+P+A_{Sub}/O_{Sub}..., *da* S+ A_{Sub}/O_{Sub}+P... либо её структурный вариант: *da* S+A_{Sub}/O_{Sub}+P..., P+S +A_{Sub}/O_{Sub}, такие предложения составляют 87,2% от общего числа изученных причинных придаточных предложений, например:

(1) *Ein weiterer positiver Nebeneffekt entsteht im Fall von Überarbeitungen durch die schnelle Identifikation geänderter Blätter, da für jedes Blatt ein eigener Hashwert erzeugt wird* (EI № 03'2015, S. 38) – 'Другой положительный сопутствующий эффект возникает в случае обработки посредством быстрой идентификации изменённых листов, **так как** для каждого листа создаётся своё хеш-значение';

(2) *Da diese Bauwerke nicht als Produkt ausgeliefert werden, sondern als Planungsgrundlage dienen, ist der Begriff Standardisierung gerechtfertigt* (EI № 04'2016, S. 46) – '**Так как** эти конструкции не поставляются в качестве готовой продукции, а служат основой для проектирования, понятие стандартизации обоснованно.'

Причинные придаточные предложения с союзом *weil* составляют, соответственно, 12,1% от всех СПП причинного типа, они строятся по модели S+P+A_{Sub}/O_{Sub}..., *weil* S+ A_{Sub}/O_{Sub}+P..., например:

(3) *Die Berechnungen / Abschätzungen werden mit Excel durchgeführt, weil bisher kein Rechenprogramm für diese Aufgabe existiert* (EI № 09'2009, S. 22) – 'Расчёты / оценки проводятся с помощью Excel, **потому что** до сих пор не существует вычислительной программы для этой задачи'.

Всего в одном случае (0,7%) был обнаружен пример употребления модели СПП с причинным придаточным, вводимым союзом *zumal*:

(4) *Diese Werte sind nicht unplausibel, zumal sie alle täglichen Temperaturschwankungen, bei denen der (geringe) Durchschubwiderstand der Schienenbefestigungsmittel überwunden wird, beinhalten* (ETR № 04'2011, S. 32) – 'Эти значения не кажутся неправдоподобными, **так как** они содержат все суточные колебания температуры, при которых исключается сопротивление (минимальное) рельсовых плетей угону'.

В железнодорожных текстах обнаруживаются случаи эллипсиса СПП_{Пр}, которые содержат редукцию главного предложения. Ср.:

(5) *Besonders, da die ergänzende Betrachtung der Motive für die Nicht-Sitzplatzbelegung ergibt, dass mehr als die Hälfte jener Personen, die keinen Sitzplatz mit einem Gepäckstück belegen, Bedenken haben, jemandem sonst den Platz wegzunehmen* (ETR № 11'2010, S. 777) – 'В особенности, **потому что** дополнительное рассмотрение причины не занимать место показывает, что более половины тех пассажиров, которые не кладут свой багаж на свободное место, опасаются, что отнимут его у другого пассажира'.

(6) *Zum einen, weil sie für die manuelle Interpretation zu umfangreich ist* (EI № 3'2015, S. 21) – 'Во-первых, **потому что** оно (количество – прим. авт.) для ручной расшифровки слишком объёмно'.

В СПП_{Пр} вскрывается существенное различие по структуре и значению между случаями постпозиции и препозиции придаточных предложений. Если преобразовать пример (3), в котором причинное придаточное предложение вводится союзом *weil* и занимает позицию после главного предложения, в СПП_{Пр} с союзом *da*, поместив придаточное предложение перед главным предложением, получится следующее:

(3) → (3a) *Da bisher kein Rechenprogramm für diese Aufgabe existiert, werden die Berechnungen / Abschätzungen mit Excel durchgeführt – 'Так как до сих пор не существует вычислительной программы для этой задачи, расчёты/оценки проводятся с помощью Excel'.*

В предложении (3) с постпозицией придаточного предложения главное предложение автономно, и придаточное свободно примыкает к нему. При этом не возникает никакой структурной соотносительности между утверждением факта и указанием на его причину. В предложении (3a) с препозицией придаточного предложения очевидна соотносительность между выражением значения причины в нём и выражением значения следствия в главном предложении. Таким образом, только во втором случае в конструкциях закрытого типа, как называет подобные предложения Н. С. Поспелов [Поспелов, 1959, с. 25], выражается причинно-следственное отношение, и связь придаточного и главного предложений оказывается обоюдной. В открытых конструкциях главное предложение не выражает следствия, а придаточное предложение указывает причину того, что утверждается в главном предложении. В этой связи два СПП не могут рассматриваться как релевантные друг другу и не могут заменять друг друга в качестве синонимов.

С точки зрения коммуникативно-прагматических ситуаций подчеркнём, что придаточные предложения с союзом *weil* выражают иллокутивную силу главного предложения, а придаточные предложения с союзом *da* рассматриваются как «достаточное условие» для пропозиции главного предложения [Pasch, 1989, S. 151]. Союзу *da* приписывается свойство «затекстовой информации», то есть ситуация, которая выражается в придаточном предложении, связана с предыдущим контекстом, и интерпретатору информации предстоит ознакомиться с этой информацией или он может быть уже знаком с данной информацией.

Подобно тому, как В. Флемиг выделяет три типа причин у причинных придаточных предложений: 1) реальную причину (основание), 2) логическую причину (познание) и 3) побудительную причину (мотив) [Flämig, 1991, S. 281], попробуем выделить ряд прототипичных когнитивно-прагматических ситуаций у СПП_{Пр} как пропозиционального знака синтаксического концепта каузальности.

А. Необходимость (совершение действия) + рекомендация (следование действию):

(7) *Da die Anzahl Signale um Vor- und Rangiersignale bereinigt werden muss, soll hier der Wert $r_{sig} = 2$ Signale pro Kilometer angenommen werden (ETR № 11'2010, S.763) – 'Так как число сигналов должно быть отрегулировано без учёта предупредительных и маневровых сигналов, здесь должна быть принята величина $r_{sig} = 2$ сигнала на километр'.*

В (7) выделяется общая ситуация: необходимость в совершении действий, вызванная рекомендацией к следованию действию; в придаточном предложении употребляется предикат, выраженный модальным глаголом *müssen* в форме презенса индикатива и инфинитива пассива и в главном предложении употребляется модальный глагол *sollen* в форме презенса индикатива и инфинитива пассива.

(8) *Um den Aufwand zu minimieren, sollten sich dazwischen möglichst wenige Verzweigungen befinden, da für abzweigende Fahrwege gegebenenfalls der Funkaufbau durch zusätzliche Balisen zu beenden ist (EI № 03'2015, S.37) – 'Чтобы минимизировать затраты, между ними (сигналами – прим. авт.) должно быть, как можно меньше развилки, так как для маршрута по отклонённым стрелкам в случае необходимости передача сигналов должна быть прекращена посредством дополнительных бализ'.*

В (8) общая ситуация идентична ситуации в (7), в придаточном предложении необходимость реализуется за счёт употребления модальной конструкции *sein + zu +*

Infinitiv и в главном предложении за счёт употребления модального глагола *sollen* в форме претерита конъюнктива.

(9) *Da viele Instandhaltungsmaßnahmen an den Wochenenden stattfinden, müssen die Ersatz- und Verschleißteile auch an den Wochenenden sowie Feiertagen abrufbar sein* (EI № 09'2008, S.3) – '**Так как** многие мероприятия по обслуживанию и ремонту оборудования проводятся по выходным, запасные части и быстроизнашивающиеся детали должны быть в наличии также в выходные и праздничные дни'.

Общая ситуация идентична ситуации в (7) и (8), в главном предложении употребляется модальный глагол *müssen* в форме презенса индикатива, необходимость здесь представляется как следствие реальных событий (мероприятий по обслуживанию и ремонту оборудования), о которых речь идёт в придаточном предложении.

Б. Возможность (оценка возможности) + возможность (обеспечение):

(10) *Eine autarke Betrachtung der Stellwerks- oder ETCS-Planung ist nicht zielführend, da die Funktionalität nur gemeinsam durch beide Planungen gewährleistet werden kann* (EI № 3'2015, S.36) – '**Автономное рассмотрение проектирования электрической централизации и системы управления движением поездов не целесообразно, так как функциональность может быть обеспечена благодаря их совместному проектированию**'.

Общая ситуация состоит в возможности действия, вызванной возможностью другого действия; в придаточном предложении оценка возможности создаётся употреблением модального глагола *können* в форме презенса индикатива и инфинитива пассива, в главном предложении возможность имплицитно выражена (ср.: *ist nicht zielführend = kann nicht zielführend sein*);

В. Сообщение (предоставление информации) + возможность (начало действия):

(11) *Da es sich um ein einzelnes, symbolisches Barrierensystem mit initiierendem Charakter handelt, kann von einer geringen Basis-Fehlerwahrscheinlichkeit ausgegangen werden* (ETR № 11'2010, S.765) – '**Так как** речь идёт об отдельной символической системе обеспечения безопасности АЭС иницирующего характера, можно исходить из минимальной вероятности появления ошибок'.

Общая ситуация заключается в том, что представлена информация, связанная с возможностью начала действия; в главном предложении употребляется модальный глагол *können* в форме презенса индикатива, возможность обуславливается здесь известной ранее информацией, о которой речь идёт в придаточном предложении.

Примеры 7–11 демонстрируют такие события или явления, которые только должны произойти или могут произойти, поэтому они могут быть отнесены к статусу планируемых, ещё не выполненных в реальности. При этом в (7–10) и (11) прослеживается побудительная причина, мотив, обусловленные необходимостью или возможностью какого-то действия, выраженные с помощью модальных глаголов *sollen*, *müssen* и *können*. В (12) и (13) выявляется логическая причина, связанная с возможностью / невозможностью выполнения каких-либо действий в силу каких-либо обстоятельств.

Г. Необходимость (состояние необходимости) + невозможность (невозможность применения):

(12) *Dies war unter anderem notwendig, da durch die kontinuierliche Einbauweise der Tragschicht bekannte Prüfmethoden nicht angewandt werden konnten* (EI – Sonderheft № 08'2016, S.15) – '**Это было необходимо среди прочего, так как** при непрерывной укладке несущего слоя не могли быть применены известные методы контроля'.

Общая ситуация здесь – это необходимость, вызванная невозможностью применения известных методов проверки; в главном предложении состояние необходимо-

сти выражается составным именным сказуемым, состоящим из глагола *sein* и имени прилагательного *notwendig*, при этом сказуемое стоит в форме прошедшего времени претерит; в придаточном предложении невозможность применения маркирована употреблением предиката, выраженного модальным глаголом *können* в форме претерита индикатива и инфинитивом пассивом.

Д. Состояние (характеристика) + состояние (результат):

(13) *Ein schierer Vergleich von Systemen aufgrund der Kosten/Umsatz-Relationen greift zu kurz, da die Unterschiedlichkeit der Leistungsbestandteile unberücksichtigt bleibt (Inter. Verkehrswesen № 2'2015, S.19) – 'Чистое сравнение систем на основе расходов/соотношения оборотов оказывается слишком недостаточным, так как разница составляющих услуг остаётся неучтённой'.*

Общая ситуация характеризуется состоянием вещей, обусловленным состоянием неучтённости разницы объектов; в главном предложении предикат выражен глаголом в форме презенса индикатива, в придаточном предложении предикат также выражен глаголом в форме презенса индикатива.

Е. Состояние (характеристика параметра) + действие (изменение параметра):

(14) *Da das Shuttle von Local Motors derzeit nur für eine Geschwindigkeit von 8 km/h zugelassen ist, wurde die Höchstgeschwindigkeit für alle motorisierten Verkehrsteilnehmer auf dem Campus auf 10 km/h gesenkt (Inter. Verkehrswesen № 3'2017, S.57) – 'Так как движение электромобилей в настоящее время допустимо при скорости 8 км/ч, максимальная скорость для всех участников движения на территории административного комплекса была снижена до 10 км/ч'.*

В общей ситуации наблюдается действие, направленное на изменение параметра – снижение максимальной скорости, вызванное состоянием – параметром скорости объекта; в придаточном предложении предикат выражен глаголом в форме презенса пассива состояния, в главном предложении предикат выражен глаголом в форме претерита пассива действия.

Ж. Состояние (оценка эффективности) + состояние (результат):

(15) *Zur Bewertung der Bedienereffizienz reicht es jedoch noch nicht, da die zeitliche Begründung der Bedienhandlungen nicht erkennbar ist (EI № 3'2015, S. 41) – 'Для оценки эффективности управления этого недостаточно, так как временное обоснование управляющих воздействий не прослеживается'.*

Общая ситуация выражает состояние оценки эффективности, обусловленное неизвестным результатом; в главном предложении предикат выражен глаголом в форме презенса индикатива, в придаточном предложении составное именное сказуемое выражено глаголом-связкой *sein* в форме презенса индикатива и именем прилагательным.

З. Состояние (оценка предмета) + действие (выбор):

(16) *Da die Schwellen von der Alterung des Systems (Schiene, Schotter, Planum) abhängig sind, wurde eine Rate K von 75% gewählt (ETR № 11'2010, S. 782) – 'Так как состояние шпал зависит от старения системы (рельсы, щебень, земляное полотно), была выбрана норма K в 75%'.*

Общая ситуация показывает действие по выбору шпал, обусловленное их состоянием, а именно, старением шпал; в придаточном предложении составное именное сказуемое выражено глаголом-связкой *sein* в форме индикатива презенса и именем прилагательным, в главном предложении употребляется претерит пассив.

И. Свойство (оценка предметов) + невозможность (оценка невозможности действия):

(17) *Weichen- und Kreuzungsbereiche waren in der Vergangenheit die Schwachstelle beim Einsatz von Festen Absperungen, weil sie dort aus konstruktiven Gründen*

grundsätzlich nicht montiert werden konnten ... (EI № 10'2016, S.23) – 'Стрелки и зоны перекрёстков считались в прошлом «слабым местом» при установке шлагбаумов, потому что они не могли быть основательно укреплены из-за конструктивных причин'.

Общая ситуация в 17 демонстрирует свойство объектов – негативную оценку стрелочных переводов и перекрёстков в силу невозможности их основательного укрепления; в главном предложении составное именное сказуемое состоит из глагола-связки *sein* в форме претерита индикатива и именной части (предикатива), в придаточном предложении невозможность действия маркирована употреблением модального глагола *können* в форме претерита индикатива и инфинитива пассива.

В примерах 13 и 15 представлены реальные ситуации, которые описывают события или явления, происходящие в настоящем времени. В (12) и (17) также представлены реальные ситуации, в которых сообщается о событиях или явлениях в прошлом. В (14) и (16) выделяются реальные ситуации, обозначающие события или явления в прошлом, несмотря на то, что в придаточном предложении употребляется предикат в форме настоящего времени. Здесь есть только формальное грамматическое время, события (факты) реальным временем измерить нельзя, т. к. в них характеристика времени не заложена.

3. Заключение [Conclusion]

В данной статье впервые проведён анализ синтаксического концепта каузальности, в качестве репрезентанта которого рассмотрена модель сложноподчинённого предложения с причинными придаточными. Синтаксический концепт каузальности исследовался как способ выражения когерентно-когезионных отношений в немецких железнодорожных текстах, а именно, научных статьях, отобранных из специальных журналов. Применяемые в работе методы исследования позволили выявить взаимосвязь между формально-грамматической и содержательно-тематической сторонами в железнодорожном тексте в рамках четырёх аспектов: синтаксического, семантического, прагматического и герменевтического (когнитивного). При анализе таких синтаксических средств, как союзы, порядок слов, тема-рематический компонент, временные формы сказуемого, модальность в сложноподчинённых предложениях с причинными придаточными, предпринята попытка раскрыть специфику выражения когерентно-когезионных отношений в тексте. С помощью выявленных пропозиций в сложноподчинённых предложениях с причинными придаточными с точки зрения семантического аспекта проявилась очевидная тенденция к полипропозитивности, поскольку была установлена тесная связь между семантическим и модально-оценочным компонентами, что, в свою очередь, способствует наглядному описанию структуры предложения. Так, были выделены прототипичные когнитивно-прагматические ситуации, обозначающие необходимость совершения каких-либо действий, рекомендацию, возможность / невозможность какого-то действия, состояние, свойство, а также ситуации, содержащие сообщение о чём-либо. При этом проведённый анализ показал, что у сложноподчинённых предложений с придаточными причины выделяется общая ситуация для всего предложения (реальная причина, мотив и познание) и минимум две ситуации для главного предложения и придаточного предложения в отдельности. Это касается СПП, подчинительными средствами в которых выступают все три названных выше союза (*da, weil, zumal*).

Таким образом, через описание семантической структуры когнитивно-прагматических ситуаций, отражённых сознанием носителей немецкого языка, занятых в одной профессиональной сфере, возможно глубже понять и изучить лингвистические особенности научно-технических текстов, что также дополняет представление о лингвистическом анализе текста.

Дальнейшее изучение синтаксических концептов, вербализуемых сложными синтаксическими структурами, не ограничивается только научными текстами и может быть продолжено при сопоставлении с другими жанрами. В перспективе предстоит систематизация синтаксических концептов и рассмотрение их роли в реализации различных текстовых категорий и отношений.

Список литературы

- Арнольд, 1981 – Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Л. : Просвещение, 1981. 295 с.
- Бурдаева, 2020 – Бурдаева Т. В. Сложноподчиненное предложение как знаково-коммуникативная единица : концептуальный подход (на материале научно-технических текстов немецкого языка). М. : РУСАЙНС, 2020. 202 с.
- Волохина, Попова, 2003 – Волохина Г. А., Попова, З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж : ИСТОКИ, 2003. 192 с.
- Кобозева, 2004 – Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал, УРСС, 2004. 352 с.
- Кубрякова и др., 1997 – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
- Кузьмина, 2015 – Кузьмина С. Е. Простое предложение современного английского языка как средство репрезентации синтаксического концепта : дис. ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Кузьмина Светлана Евгеньевна; Нижегородский гос. лингвистич. ун-т им. Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород, 2015. 499 с.
- Макаров, 2003 – Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
- Попова, 2004 – Попова З. Д. Синтаксический концепт и межкультурная коммуникация // Вестник ВГУ. 2004. № 2. С. 27–31.
- Поспелов, 1959 – Поспелов Н. С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 19–27.
- Хлебникова, 1983 – Хлебникова И. Б. К проблеме средств связи между предложениями в тексте (на материале английского языка) // Иностранные языки в школе. 1983. № 1. С. 6–11.
- Baumann, 1992 – Baumann K.-D. Integrative Fachtextlinguistik. Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1992. 266 S.
- Beaugrande, Dressler, 1981 – Beaugrande R., W. Dressler. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen : Niemeyer. 290 S.
- Blumenthal, 1997 – Blumenthal P. Sprachvergleich deutsch-französisch. 2., neubearb. u. erg. Aufl. (Romanistische Arbeitshefte; 29). Tübingen : de Gruyter, 1997. 136 S.
- Brinker, 1998 – Brinker K. Aspekte der Textkohärenz am Beispiel einer Rundfunkpredigt. // Deutsche Grammatik. Thema in Variationen. Festschrift für Hans-Werner Eroms zum 60. Geburtstag / Hrsg. v. Karin Donhanser, L. M. Eichinger. Heidelberg : Winter, 1998. 1. Auflage. S. 191–214.
- Brinker, 2018 – Brinker K. Linguistische Textanalyse : eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2018. 190 S.
- Bußmann, Gerstner-Link, 2002 – Bußmann H., Gerstner-Link C. Lexikon der Sprachwissenschaft. 3., aktualis. u. erw. Aufl. Stuttgart : Kröner, 2002. 783 S.
- Dijk, Kintsch, 1983 – Dijk T. van., Kintsch W. Strategies of discourse comprehension. New York : Acad. Press, 1983. 418 p.
- Dressler, 1972 – Dressler W. Einführung in die Textlinguistik (Konzepte der Sprach- und Literaturwissenschaft; 13). Tübingen : Niemeyer. 135 S.
- Duden, 1998 – Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. und bearbeitet von P. Eisenberg, H. Gelhaus, H. Henne, H. Sita, H. Wellmann. 6., neu bearb. Aufl. – Mannheim. Leipzig. Wien. Zurich : Dudenverlag, 1998. 912 S.
- Flämig, 1991 – Flämig W. Grammatik des Deutschen. Berlin : Akademie-Verl., 1991. 640 S.
- GDS, 1997 – Grammatik der deutschen Sprache / Hrsg. von G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker et. al. Berlin, New York : de Gruyter. Bd.3, 1997. S. 1685–2569.

- Halliday, Hasan, 1976 – Halliday V. A. K., Hasan, R. Cohesion in English. London : Longman, 1976. 374 p.
- Heidolph et al., 1981 – Heidolph K.-E. Grundzüge einer deutschen Grammatik / K.-E. Heidolph, W. Flämig, W. Motsch. Berlin : Akademie-Verlag, 1981. 1028 S.
- Heinemann, Heinemann, 2002 – Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik: Interaktion – Text – Diskurs. Tübingen : Verlag Max Niemeyer, 2002. 281 S.
- Hoffmann, 1988 – Hoffmann L. Vom Fachwort zum Fachtext : Beiträge zur Angewandten Linguistik. Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1988. 265 S.
- Pasch, 1989 – Pasch R. Adverbialsätze – Kommentarsätze – Adjungierte Sätze. Eine Hypothese zu den Typen der Bedeutungen von weil, da und denn // Linguistische Studien 194 : Wortstruktur und Satzstruktur. Berlin : Akademie der Wissenschaften der DDR, 1989. S. 141–153.
- Satztypen des Deutschen, 2013 – Satztypen des Deutschen / Hrsg. von J. Meibauer, M. Steinbach, H. Altmann. Berlin, Boston : Walter de Gruyter, 2013. 941 S.
- Vater, 1994 – Vater H. Einführung in die Textlinguistik. Struktur, Thema und Referenz in Texten. 2, überarb. Aufl. München : Fink, 1994. 206 S.
- Wellmann, 2008 – Wellmann H. Deutsche Grammatik. Laut. Wort. Satz. Text. Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2008. 359 S.

Источники иллюстративного материала

- Der Eisenbahningenieur (EI). Internationale Fachzeitschrift für Schienenverkehr & Technik. 2008. № 9.
- Der Eisenbahningenieur (EI). Internationale Fachzeitschrift für Schienenverkehr & Technik. 2015. № 3.
- Der Eisenbahningenieur (EI). Internationale Fachzeitschrift für Schienenverkehr & Technik. Sonderheft. 2016. № 8.
- Der Eisenbahningenieur (EI). Internationale Fachzeitschrift für Schienenverkehr & Technik. 2016. № 10.
- Eisenbahntechnische Rundschau (ETR). 2010. № 11.
- Internationales Verkehrswesen. Fachzeitschrift für Information und Kommunikation in Verkehr. 2015. № 2.
- Internationales Verkehrswesen. Fachzeitschrift für Information und Kommunikation in Verkehr. 2017. № 3.

UDC 81'367.7

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_16_28

Tatiana V. Burdaeva
Samara State Transport University
Samara, Russian Federation
 t-burdaeva@mail.ru

Syntactic concept of causality as a presentation of coherent-cohesive connections in German railway text

Abstract

This article aims to study the syntactic concept of causality reflected in the model of a complex sentence with causal clauses. The syntactic concept of causality is viewed as a presentation of coherent-cohesive connections in the railway-related texts taken from the German research articles published in specialized journals in the period of 2000–2017. During the study, the following methods were applied: continuous sampling, linguistic description and observation, syntactic modeling, the statistical method, cognitive modeling and prototype analysis techniques. The research enabled to demonstrate the connection of a formal-grammatical and a content-thematic sides in the railway-related texts revealed within the four aspects such as syntactic, semantic, pragmatic and hermeneutic (conceptual) ones. A detailed analysis of the syntactic means such as conjunctions, word order, theme-rhematic component, tense forms of the verb, modality in causal clauses, made it possible to identify the patterns of the expression of coherent-cohesive relations in the railway-related texts.

The study of propositions from the point of view of the semantic aspect in a complex sentence with causal clauses has shown that the semantic component is closely related to the modal-evaluative component. Due to the identified cognitive-pragmatic situations revealing the essence of the syntactic concept of causation in complex sentences with causal clauses, a more complete picture is presented of the conceptualizing activity of native German speakers' consciousness reflected at the syntactic level. In the course of the analysis, it has also been found that in causal clauses with the conjunctions *da*, *weil*, *zumal*, there is a common situation for the whole sentence (real reason, motive and cognition) and there are at least two situations for the main clause and the subordinate clause separately. The proposed analysis scheme can be used to analyze other complex sentences in German.

Keywords: syntactic concept, causation, coherence, cohesion, conceptual-pragmatic situation.

© Burdaeva T. V. 2020

References

- Arnol'd, I. V. (1981). *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka (stilistika dekodirovaniya)* [Stylistics of Modern English (Stylistics of Decoding)]. Leningrad : Prosveshchenie Press.
- Burdaeva, T. V. (2020). *Slozhnopodchinennoe predlozhenie kak znakovyo-kommunikativnaya edinitsa : kontseptual'nyy podkhod (na materiale nauchno-tekhnicheskikh tekstov nemetskogo yazyka)* [Complex Sentence as a Semiotic-communicative Element: Conceptual Approach (Based on German scientific and engineering texts)]. Moscow : RUSAJNS Press.
- Volohina, G. A., Popova, Z. D. (2003). *Sintaksicheskie kontsepty russkogo prostogo predlozheniya* [Syntactic Concepts of Russian Simple Sentence]. Voronezh : ISTOKI Press.
- Kobozeva, I. M. (2004). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistics Semantics]. Moscow : Editorial, URSS Press.
- Kubryakova, E. S., Dem'yankov, V. Z., Pankrats, Yu. G. et al. (1997). *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Brief Conceptual Dictionary]. Moscow : Lomonosov Moscow State University Press.
- Kuz'mina, S. E. (2015). *Prostoe predlozhenie sovremennogo angliyskogo yazyka kak sredstvo reprezentatsii sintaksicheskogo kontsepta* [Simple Sentence of modern English as a means of syntactic concept representation]. PhD in Philological sci. diss. Nizhny Novgorod : Linguistics University of Nizhny Novgorod.
- Makarov, M. L. (2003). *Osnovy teorii diskursa* [The outline of discourse theory]. Moscow : ITDGGK «Gnozis» Press.
- Popova, Z. D. (2004). *Sintaksicheskiy kontsept i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [A Syntactic Concept and Intercultural Communication]. *Vestnik VGU* [Proceedings of Voronezh State University], 2, 7–31.
- Pospelov, N. S. (1959). *Slozhnopodchinennoe predlozhenie i ego strukturnye tipy* [A complex sentence and its structure models]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2, 19–27.
- Khlebnikova, I. B. (1983). *K probleme sredstv svyazi mezhdu predlozheniyami v tekste (na materiale angliyskogo yazyka)* [To the Problem of Connection Means between sentences in text (Based on English)]. *Inostrannyye yazyki v shkole* [Foreign Languages for Schools], 1, 6–11.
- Baumann, K.-D. (1992). *Integrative Fachtextlinguistik*. Tübingen : Gunter Narr Verlag.
- Beaugrande, R. de, Dressler, W. (1981). *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen : Niemeyer.
- Blumenthal, P. (1997). *Sprachvergleich deutsch-französisch*. *Romanistische Arbeitshefte*; 29. Tübingen : de Gruyter.
- Brinker, K. (1998). *Aspekte der Textkohärenz am Beispiel einer Rundfunkpredigt*. *Deutsche Grammatik. Thema in Variationen* (S.S. 191–214). Heidelberg : Winter.
- Brinker, K. (2018). *Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin : Erich Schmidt Verlag.
- Bußmann, H., Gerstner-Link, C. (2002). *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart : Kröner.
- Dijk, T. van, Kintsch, W. (1983). *Strategies of discourse comprehension*. New York u.a., Acad. Press.

- Dressler, W. (1972). Einführung in die Textlinguistik. Konzepte der Sprach- und Literaturwissenschaft; 13. Tübingen : Niemeyer.
- Eisenberg, P, Gelhaus, H., Henne, H., Sita, H., Wellmann, H. (Hrsg.) (1998). Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, Leipzig, Wien, Zurich : Dudenverlag, 4.
- Flämig, W. (1991). Grammatik des Deutschen. Berlin : Akademieverl.
- GDS = Grammatik der deutschen Sprache (1997). Berlin, New York : de Gruyter, 3.
- Halliday, V. A. K., Hasan, R. (1976). Cohesion in English. London : Longman.
- Heidolph, K.-E., Flämig, W., Motsch, W. (1981). Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin : Akademieverl.
- Heinemann, M., Heinemann, W. (2002). Grundlagen der Textlinguistik : Interaktion –Text – Diskurs. Tübingen : Verlag Max Niemeyer.
- Hoffmann, L. (1988). Vom Fachwort zum Fachtext : Beiträge zur Angewandten Linguistik. Tübingen : Gunter Narr Verlag.
- Pasch, R. (1989). Adverbialsätze – Kommentarsätze – Adjungierte Sätze. Eine Hypothese zu den Typen der Bedeutungen von weil, da und denn. Linguistische Studien, 194: Wortstruktur und Satzstruktur (S.S. 141–153). Berlin : Akademie der Wissenschaften der DDR.
- Meibauer, J, Steinbach, H., H. Altmann, H. (Hrsg.). (2013). Satztypen des Deutschen. Berlin, Boston : Walter de Gruyter.
- Vater, H. (1994). Einführung in die Textlinguistik. Struktur, Thema und Referenz in Texten. München : Fink.
- Wellmann, H. (2008). Deutsche Grammatik. Laut. Wort. Satz. Text. Heidelberg : Universitätsverlag Winter.

Sources of illustrative material

- Der Eisenbahningenieur (EI) (2008). *Internationale Fachzeitschrift für Schienenverkehr & Technik*, 9.
- Der Eisenbahningenieur (EI) (2015). *Internationale Fachzeitschrift für Schienenverkehr & Technik*, 3.
- Der Eisenbahningenieur (EI) (2016). *Internationale Fachzeitschrift für Schienenverkehr & Technik. Sonderheft*, 8.
- Der Eisenbahningenieur (EI) (2016). *Internationale Fachzeitschrift für Schienenverkehr & Technik*, 10.
- Eisenbahntechnische Rundschau (ETR)* (2010), 11.
- Internationales Verkehrswesen (2015). *Fachzeitschrift für Information und Kommunikation in Verkehr*, 2.
- Internationales Verkehrswesen (2017). *Fachzeitschrift für Information und Kommunikation in Verkehr*, 3.

Гордеев Сергей Витальевич

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

г. Томск, Российская Федерация

Хэйхэский университет

г. Хэйхэ, Китайская Народная Республика

gordeev-sergei@inbox.ru

Оглезнева Елена Александровна

Томский государственный архитектурно-строительный университет

г. Томск, Российская Федерация

eoglezneva@yandex.ru

Современная языковая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (КНР) с участием русского языка: количественные признаки

Аннотация

Языковая ситуация является одним из ключевых понятий социолингвистики. Различные условия формирования той или иной языковой ситуации определяют её своеобразие и самобытность. Описание каждой конкретной языковой ситуации необходимо для типологического описания языковых ситуаций в целом. Объектом исследования настоящей статьи выступает современная языковая ситуация Синьцзян-Уйгурского автономного района, являющегося крупнейшей административно-территориальной единицей КНР. Интерес к данной языковой ситуации обусловлен её уникальностью, необычайной этнической и языковой неоднородностью. Именно в Синьцзяне находится самая крупная по сравнению с другими регионами Китая русскоязычная диаспора. Целью исследования является анализ количественных признаков современной языковой ситуации Синьцзян-Уйгурского автономного района с участием русского языка. В ходе исследования было установлено число идиомов, функционирующих в регионе, их демографическая и коммуникативная мощность, а также количество функционально доминирующих идиомов современной языковой ситуации в СУАР, что в результате определило её количественные характеристики. Кроме того, выявлено место русского идиома в числе других идиомов анализируемой языковой ситуации.

Ключевые слова: Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), русский язык, языковая ситуация, демографическая мощность идиома, коммуникативная мощность идиома, экзоглоссия, эндоглоссия.

© Гордеев С. В., Оглезнева Е. А. 2020

1. Введение [Introduction]

Языковая ситуация является одним из ключевых понятий социолингвистики, которой посвящены работы многих исследователей (см. [Аюпова, 2015 ; Искужина, 2017 ; Лингвистический энциклопедический словарь, 2008 ; Чурилова, 2017 ; Швейцер, 1978]). В последнее время данной проблеме уделяется всё больше внимания, поскольку в мире продолжают происходить значительные изменения как в обществе, так и функционировании языков [Чурилова, 2017, с. 192 ; Аюпова, 2015, с. 1008]. Все эти изменения влияют на количественные и качественные характеристики языковых ситуаций, изучение которых даёт возможность прогнозировать развитие языков в поликультурном обществе и осуществлять мероприятий языковой политики [Щеглова, 2017, с. 172]. Кроме того, изучение языковых ситуаций, в частности в полиэтнических регионах, имеет большое значение не только для решения задач социолингвистики, но и для предупре-

ждения языковых конфликтов, оптимизации межнациональных отношений и в целом формирования толерантного общества [Искужина, 2017, с. 194]. Всё это обуславливает актуальность настоящего исследования.

По определению В. А. Виноградова, «языковая ситуация – совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Лингвистический энциклопедический словарь, 2008, с. 5693]. Та или иная языковая ситуация существует в обществе в совокупности подсистем одного языка, а также в совокупности взаимодействующих друг с другом языков, вследствие чего выделяются экзогlossные и эндогlossные языковые ситуации. Совокупность отдельных языков и отношения между ними являются классификационными критериями экзогlossных языковых ситуаций. Эндогlossные языковые ситуации представляют собой отношения между языковыми образованиями (подсистемами или идиомами) одного языка [Швейцер, 1978, с. 102].

В настоящее время Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР – СУАР – самая крупная административно-территориальная единица Китайской Народной Республики, относящаяся к одному из пяти её автономных районов [Бармин, 2016, с. 18]. СУАР, или Синьцзян, расположенный в северо-западной части Китая, в Центральной Азии и имеющий историческое название «Восточный Туркестан», граничит со следующими странами: Россия, Казахстан, Монголия, Киргизия, Индия, Пакистан, Афганистан и Таджикистан [Абдурейму, 2018, с. 12 ; Краев, 2015 ; Капицын, 2013, с. 108]. Особого внимания заслуживает современная языковая ситуация в СУАР, которая является объектом исследования в данной статье. Предметом изучения выступают количественные характеристики названной языковой ситуации, характеризующейся этнической и языковой неоднородностью.

По официальным данным шестой китайской переписи населения 2010 г., в Синьцзян-Уйгурском автономном районе проживают представители 55 народностей КНР. В 2017 г. их численность составила более 22 млн. чел. [Эпштейн, 2018, с. 1448]. Среди них 13 «коренных народов», проживавших на территории Синьцзяна ещё до образования КНР, – уйгуры, китайцы, дунгане, казахи, монголы, киргизы, сибо, узбеки, таджики, маньчжуры, дауры, русские и татары [Бондаренко, 2007, с. 105 ; Цзяньган, 2016, с. 29]. Известно, что именно в Синьцзяне в настоящее время существует самая крупная по сравнению с другими регионами Китая русскоязычная диаспора: по данным на 2010 г., там проживает около 12000 русских [Ван, 2017, с. 167].

2. Количественные признаки современной языковой ситуации в СУАР [Quantitative features of language situation in XUAR]

Описание различных языковых ситуаций происходит посредством характеристики количественных, качественных и оценочных (эстимационных) признаков, на основе чего можно строить типологию языковых ситуаций [Лингвистический энциклопедический словарь, 2008, с. 5693–5697]. Опираясь на имеющиеся исторические и лингвистические источники, а также опыт полевого наблюдения языковой ситуации во время научной экспедиции в г. Инин (Кульджа) и Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района в июле 2018 г., мы предприняли опыт анализа количественных параметров современной языковой ситуации в СУАР. Количественную сторону языковой ситуации характеризуют число идиомов, демографическая мощность идиомов, коммуникативная мощность идиомов, количество доминирующих в функциональном плане идиомов [Там же, с. 5693–5695]. Рассмотрим перечисленные количественные параметры исследуемой языковой ситуации, которая

является, несомненно, одной из самых ярких в Китае, поскольку Синьцзян, как мы указывали, – самый этнически неоднородный и многонациональный регион КНР.

2.1. Число идиомов языковой ситуации [The number of language situation idioms]

Рассмотрим языковую ситуацию в Синьцзяне с точки зрения экзоглоссии и эндоглоссии. В СУАР говорят на уйгурском, китайском, казахском, монгольском, киргизском, сибирском, узбекском, таджикском, татарском, русском, саларском, тибетском, чжуанском, дунском, корейском, дунсянском, цянском, вьетнамском, нанайском, лолойском и некоторых других языках. Всего в рассматриваемом автономном районе функционирует 53 языка, каждый из которых для той или иной национальности является родным [Цзяньган, 2016, с. 38]. Следовательно, число компонентов (идиомов) языковой ситуации СУАР с позиции экзоглоссии составляет 53.

С позиции эндоглоссии необходимо отметить, что некоторые языки в Синьцзяне представлены не единственным идиомом: они функционируют как минимум в двух формах – разговорной (в сфере неофициальной коммуникации) и литературной (в сфере официальной коммуникации). Это, например, китайский, уйгурский, казахский и некоторые другие языки. Они используются как в устной, так и в письменной форме в официальном общении.

Таким образом, современная языковая ситуация в Синьцзяне может быть охарактеризована как поликомпонентная.

В подтверждение сказанному рассмотрим несколько языков, функционирующих в современном Синьцзяне, сделав акцент на наиболее распространённых там китайском и уйгурском языках, а также казахском, киргизском, монгольском языках и на русском языке, вызывающем у нас наибольший интерес.

2.1.1. Китайский язык [Chinese language]

В настоящее время китайский язык – второй по распространённости после уйгурского идиом в Синьцзяне. Использование китайского языка в СУАР наиболее престижно в связи с его высоким статусом.

В конце 2014 г. китайское население Синьцзяна, говорящее на китайском языке, составляло 8595100 чел. (37,01%) [新疆维吾尔自治区最新人口数据, 2018].

Китайский язык имеет статус государственного официального во всём Китае, в том числе и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, но он не является в СУАР титульным, поскольку его «название не совпадает с именем этноса, по которому названо национально-территориальное образование» [Титульный язык, 2019].

Китайский язык в Синьцзяне представлен несколькими идиомами – как литературными, так и нелитературными.

Путунхуа – официальная форма китайского языка, повсеместная распространённость которой конституционно закреплена на всей территории КНР [Клиновский, 2012, с. 141]. Путунхуа сформировался на диалектной основе и представляет пекинскую ветвь северной китайской группы диалектов – гуаньхуа [Путунхуа, 2019]. Путунхуа в СУАР представлен как литературной письменной, так и разговорной формами.

Кроме путунхуа, в СУАР имеются носители нескольких диалектов китайского языка. Укажем на них: а) диалект Урумчи, распространённый в северном Синьцзяне и относящийся к ветви Лань-Инь; б) диалект Кашгара, распространённый в южном Синьцзяне и относящийся к Чжуньюаньской ветви [Диалекты китайского языка, 2010 ; Мандаринский диалект китайского языка, 2019].

Названные диалекты в соответствии с особенностями функционирования диалектной формы языка используются только в устной форме.

Таким образом, китайский язык представлен как минимум четырьмя идиомами: путунхуа в литературной письменной форме, путунхуа в разговорной форме и двумя диалектами китайского языка – Урумчи и Кашгара.

2.1.2. Уйгурский язык [*Uygur language*]

Носители уйгурского языка представляют самую многочисленную национальность Синьцзяна, насчитывающую к концу 2014 г. 11271900 чел. (48,53%) [新疆维吾尔自治区最新人口数据, 2018].

На сегодняшний день уйгурский язык в Синьцзяне обладает статусом официального и титульного языка – языка, совпадающего с именем этноса, по которому названо национально-государственное образование – Синьцзян-Уйгурский автономный район. Это язык самой многочисленной этнической группы, использующийся в законодательстве, делопроизводстве, судопроизводстве [Уйгурский язык, 2019].

Уйгурский язык представлен следующими идиомами: литературная форма и её разговорный вариант, диалекты. Диалекты уйгурского языка подразделяются на южные, восточные и центральные. Каждый из них представлен различными говорами. Так, урумчинский, илийский, турфанский, аксуйский, кашгарский, комульский, яркендский, карашарский, курлинский говоры принадлежат центральному диалекту, которым пользуется большая часть населения, говорящая на уйгурском языке (90%) [Уйгурский язык, 2019 ; Тарасенко, 2019]. На восточном диалекте говорят в западной части озера Лобнор, находящегося в восточной части Таримской впадины. Южный уйгурский диалект используется населением Хотанского оазиса и южной части окраины пустыни Такла-Макан. Несмотря на различные диалекты и говоры, все уйгуры Синьцзяна хорошо понимают друг друга вследствие знания ими единого уйгурского литературного языка [Аникеева, 2015, с. 98 ; Тарасенко, 2019].

Можно заключить, что уйгурский язык в языковой ситуации региона представлен не менее чем 13 идиомами: литературной и разговорной формами уйгурского языка и одиннадцатью его диалектами.

2.1.3. Русский язык [*Russian language*]

Русскоязычное население в Синьцзяне не является многочисленным: там в настоящее время проживает 12000 русских, что составляет 0,05% от общего населения СУАР) [Ван, 2017, с. 167], однако в языковом плане вызывает несомненный интерес славянское присутствие в азиатском языковом континууме региона. Синьцзян является самым «русским» местом во всём Китае, если учитывать, что общая численность русских в Китае по данным на 2010 г. равна 15393 чел. [Chinese Nationalities and Populations, 2010].

Русский язык в СУАР не является государственным, официальным, титульным. При этом он употребляется как в литературной, так и в разговорной разновидностях, функционируя в различных сферах жизнедеятельности русскоязычного населения: культурной (сохраняется русская народная культура среди представителей русского населения, например, песенная), религиозной (русский язык используется как язык православия в православных храмах), образовательной (в XX в. была школа на русском языке, а в настоящее время есть школа, в которой русский язык преподаётся как иностранный), торговой, производственной и, главным образом, в бытовой сфере [Гордеев, 2019, с. 50–52]. Доля использования русского языка в официальной сфере

становится меньше по сравнению с XX вв., в частности в сфере образования, в производственной сфере, в сфере массовой коммуникации, но тем не менее она сохраняется.

Необходимо отметить, что русский язык в СУАР в бытовой сфере используется многими представителями русскоязычного населения СУАР в диалектной форме, сохранившейся в речи потомков переселенцев из России.

Таким образом, русский язык представлен не менее чем тремя идиомами: литературным идиомом в письменной и устной формах и диалектной формой русского языка.

2.1.4. Казахский, киргизский, монгольский языки [Kazakh, Kyrgyz and Mongolian]

Данные языки выбраны нами для анализа из множества других функционирующих в Синьцзяне языков по причине того, что они занимают срединное положение между доминирующими в языковой ситуации региона китайским и уйгурским языками и языками абсолютных национальных меньшинств региона, к числу которых относится, например, русский.

К началу 2015 г. после уйгуров, китайцев и отчасти дунган (1058500 – 4,56%) наибольшую численность в Синьцзяне составляли казахи (1598700 – 6,88%), киргизы (202400 – 0,87%), монголы (185300 – 0,8%), являющиеся соответственно носителями казахского, киргизского и монгольского языков [新疆维吾尔自治区最新人口数据, 2018]. Они сосредоточены в пяти автономных округах Синьцзяна, имеющих соответствующие названия: Или-Казахский, где казахи – второй по величине народ после китайцев; Чанцзи-Хуэйский, где казахи – третий по величине народ после китайцев и дунган; Кызылсу-Киргизский, где киргизы – вторые по численности после уйгуров; Баянгол-Монгольский, где монголы – четвёртые по численности после китайцев, уйгуров, дунган; Боро-Тала-Монгольский, где монголы – также четвёртые по численности после китайцев, уйгуров, казахов [Капицын, 2013, с. 111].

Языки автономных округов (казахский, киргизский, монгольский) в СУАР имеют статус официально признанных языков национальных меньшинств КНР, используемых местными органами на государственной службе, в делопроизводстве и судопроизводстве [Капицын, 2013, с. 113; Цзяньган, 2016, с. 37; Уйгурский язык, 2019]. Казахский, монгольский и киргизский языки представлены как минимум двумя идиомами: разговорным, используемым в бытовом, семейном общении и литературным, используемым в официальном общении. Не исключается (а скорее – предполагается) функционирование и диалектных идиомов указанных языков.

2.1.5. Другие языки в Синьцзяне [Other languages in Xinjiang]

Как мы указывали, Синьцзян является многонациональным регионом и, кроме отмеченных выше национальностей, там проживают многие другие народы. Так, к концу 2015 г. в СУАР проживало 50100 таджиков (0,21%), 43200 сибинцев (0,2%), 27515 маньчжуров (0,11%), 18769 узбеков (0,08%), 15787 туцзя (0,067%), 7006 мяо (0,038%), 6153 тибетца (0,033%), 5642 чжуана (0,031%), 5183 татарина (0,024%), 3762 салара (0,02%) и 129190 других народов (0,6%) [Синьцзян, 2015].

Языки названных национальных меньшинств в Синьцзяне не имеют официального статуса. Они используются в бытовой коммуникативной сфере внутри этнической группы. Можно предположить, что значительная часть этих языков функционирует в диалектной форме. Не исключено использование этих языков и в литературной форме, как устной, так и письменной. Однако сведений для однозначного утверждения этого факта на данный момент недостаточно.

2.2. Демографическая мощьность языков в СУАР [Demographic power of languages in XUAR]

Демографическая мощьность представляет собой «число говорящих на каждом из идиомов в отношении к общему числу населения исследуемого ареала» [Лингвистический энциклопедический словарь, 2008, с. 5693]. В настоящее время точная информация о национальном составе каждой конкретной территориальной единицы СУАР отсутствует, поэтому для установления демографической мощьности идиомов оперируем данными 2000, 2010 и 2014 гг. Показатели демографической мощьности в динамике за период с 2000 по 2014 гг. оказалось возможным представить в Таблице 1 [Национальный состав Синьцзяна, 2000 ; Ван, 2017, с. 167 ; 新疆维吾尔自治区最新人口数据, 2018].

Т а б л и ц а 1. Демографическая мощьность языков в СУАР
T a b l e 1. Demographic power of languages in XUAR

Национальность	Численный состав носителей языка			Демографическая мощьность языков		
	2000 год	2010 год	2014 год	2000 год	2010 год	2014 год
Уйгуры	8 345 622	9 651 000	11 271 900	0,45	0,44	0,48
Китайцы	7 489 919	8 239 000	8 595 100	0,4	0,38	0,37
Казахи	1 245 023	1 484 000	1 598 700	0,067	0,068	0,069
Киргизы	158 775	182 000	202 400	0,009	0,008	0,009
Монголы	149 857	177 000	185 300	0,008	0,008	0,008
Таджикки	39 493	45 000	50 100	0,002	0,002	0,002
Сибо	34 566	42 000	43 500	0,002	0,002	0,002
Узбеки	12 096	16 000	18 500	0,0006	0,0007	0,0008
Русские	8 935	12 000	12 000	0,0005	0,0005	0,0005
Другие	975 225	1 965 334	1 247 900	0,053	0,09	0,054
Всего	18 459 511	21 813 334	23 225 400			

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что с точки зрения экзоглоссии наибольшей демографической мощьностью обладает уйгурский язык, используемый большей частью населения СУАР – уйгурами. Вторым по демографической мощьности является китайский язык, количество носителей которого в настоящее время несколько меньше, чем носителей уйгурского языка. Казахский язык уверенно занимает третью позицию. Несмотря на то, что данный язык значительно отстаёт от китайского и уйгурского по своей демографической мощьности, он более мощный демографически по сравнению с остальными языками Синьцзяна, носители которых количественно уступают носителям казахского языка.

С точки зрения эндоглоссии, наиболее мощными демографически идиомами уйгурского языка являются его разговорная (обиходно-бытовая) форма и диалектный идиом, а именно центральный диалект уйгурского языка, наиболее распространённый в Синьцзяне из всех других уйгурских диалектов. Названные идиомы уйгурского языка являются безусловно доминирующими в силу преобладания носителей языка, для которых они являются основными. Известно, что у уйгуров в целом, в сравнении с китай-

цами, более низкий уровень образования. Кроме того, в настоящее время большинство уйгуров (более 70%) задействованы в мелкой торговле и сельском хозяйстве и представляют в плане языка соответствующие своему социальному статусу языковые идиомы [Цзяньган, 2016, с. 32 ; Уйгуры, 2019].

Наиболее демографически мощным идиомом китайского языка в современном Синьцзяне с точки зрения эндоглоссии является литературная форма китайского языка – путунхуа, так как именно путунхуа используется носителями разных языков в различных сферах официальной коммуникации и является средством как внутрисоциального, так и межгосударственного общения. Это связано прежде всего с популярностью литературного стандарта китайского языка на государственном уровне как языка, имеющего привилегированный статус в КНР и, в частности, в СУАР [Биткеева, 2015, с. 112 ; Клиновский, 2012, с. 142]. Так, с начала XXI в. правительство КНР начинает вводить официальный язык «путунхуа» в учебную программу национальных школ в старших классах в целях распространения так называемого «двуязычного» образования – на родном и китайском языках [Биткеева, 2015, с. 110 ; Чжао, 2012, с. 174 ; Анিকেева, 2015, с. 99]. Известно также, что в Синьцзяне во многих учреждениях и организациях проводятся специальные курсы по обучению китайскому языку национальных меньшинств, немалую часть которых составляют уйгуры [Тарасенко, 2019].

На данный момент китайское население Синьцзяна рассредоточено большей частью в городах и обладает наибольшей образованностью и лучшей степенью владения официальным китайским языком, что позволяет ему играть ключевую роль во многих ведущих организациях и отраслях автономного района: государстве, образовании, науке, производстве и т. д. [Тарасенко, 2019 ; Слободина, 2012, с. 134 ; Новичков, 2017, с. 118 ; Анিকেева, 2015, с. 99]. Все вышеприведённые факты служат доказательством высокой демографической мощности китайского литературного языка в Синьцзяне.

Среди идиомов русского языка в современном Синьцзяне наибольшей демографической мощностью обладает разговорная форма, использующаяся в непосредственном бытовом неофициальном общении [Гордеев, 2019, с. 50].

2.3. Коммуникативная мощность языков в СУАР [Communicative power of languages in XUAR]

Число коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомом, в отношении к общему числу таких сфер определяет показатель коммуникативной мощности идиомов [Лингвистический энциклопедический словарь, 2008, с. 5693].

Функционирующие в современном Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР языки используются во многих коммуникативных сферах. К числу основных коммуникативных сфер использования языка отнесём следующие: бытовая, религиозная, торговая, политическая, производственная, образовательная и научная сферы, а также различные сферы СМИ: периодическая печать, радио и телевидение.

В круг анализируемых по коммуникативной мощности языков, функционирующих в СУАР, включили языки различной степени распространённости: 1) доминирующие там китайский и уйгурский языки; 2) гораздо менее распространённые, но имеющие различную степень распространённости по сравнению друг с другом казахский, киргизский, монгольский, таджикский, сибирский, узбекский языки; 3) сравнительно не распространённый и единственный функционирующий в СУАР язык из славянской группы языков – русский язык. На выбор анализируемых языков повлияло и наличие источников информации по тому или иному языку. Примерная коммуникативная мощность языков представлена в Таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Коммуникативная мощность языков в СУАР

T a b l e 2. Communicative power of languages in XUAR

Языки Ком- муника- тивные сферы	Китайский	Уйгурский	Казахский	Киргизский	Монгольский	Таджикский	Сибирский	Узбекский	Русский
Быт	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Религия	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Образование	+	+	+	+	+	-	+	-	+
Производство	+	+	+	+	+	-	+	-	+
Торговля	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Политика	+	+	+	+	+	-	-	-	-
Наука	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Печать	+	+	+	+	+	-	+	-	-
Радио	+	+	+	+	+	-	-	-	-
Телевидение	+	+	+	+	+	-	+	-	-
Показатель коммуникативной мощности	1	0,9	0,9	0,9	0,9	0,3	0,7	0,3	0,5

Итак, максимальный показатель коммуникативной мощности на уровне экзоглоссии – у китайского языка, который используется во всех значимых сферах использования языка, официальных и неофициальных. Этот показатель равен 1. На уровне эндоглоссии максимальный показатель – у литературного стандарта китайского языка – путунхуа, поскольку он функционирует во всех без исключения официальных сферах коммуникации в современном Синьцзяне.

На уровне эндоглоссии коммуникативная мощность литературного стандарта уйгурского языка несколько уступает китайскому. Возможно, это связано с тем, что уйгуры, как правило, заняты в непромышленных отраслях, не требующих использования литературной формы их родного языка, и обладают более низкой профессиональной подготовкой, чем китайское население, которое проживает преимущественно в крупных городах Синьцзяна (Урумчи, Карамай, Шихэцзы, Кульджа, Корла и др.) и занимается в большинстве своём высококвалифицированным трудом [Фролова, 2014, с. 75 ; Анিকেева, 2015, с. 97], сопряжённым с использованием литературной формы китайского языка. Несмотря на это, уйгурский язык как титульный язык в Синьцзяне имеет высокий показатель коммуникативной мощности – 0,9 и превосходит по использованию языка, имеющие такой же показатель коммуникативной мощности в регионе – казахский, киргизский и монгольский, которые обслуживают приблизительно такое же количество сфер коммуникации, в силу своей большей демографической мощности.

Другие рассмотренные нами по показателю коммуникативной мощности языки демонстрируют среднее или около среднего значение данного показателя: так, коммуникативная мощность сибирского языка составляет 0,7; таджикского – 0,3; узбекского – 0,3; русского языка – 0,5.

Дадим краткий комментарий, характеризующий коммуникативную мощь рассмотренных языков. Сибирский язык с коммуникативной мощью 0,7 распространён в Чапчал-Сибоском автономном уезде Или-Казахского автономного округа, где большую часть населения составляет народ сибо. В уезде существуют школы с преподаванием сибирского языка, выходят телепередачи на сибирском языке, а также выпускается единственная во всём мире еженедельная газета «Чапчалские новости» («Чапчал серкин») на сибирском языке [Горелова, 2004].

Таджикским языком в Китае, в Синьцзяне, называют сарыкольский язык. Более 80% таджикского населения (преимущественно памирские таджики), проживающего в Ташкуртан-Таджикском автономном уезде (округ Кашгар), говорят на сарыкольском языке. Невысокая степень коммуникативной мощи таджикского (сарыкольского) языка (0,3) объясняется его бесписьменностью, что делает необходимым знание этим народом уйгурского языка, используемого во многих коммуникативных сферах в Ташкуртан-Таджикском автономном уезде [Сарыкольцы, 2019].

Русский язык, являющийся единственным славянским языком в СУАР, демонстрирует среднюю коммуникативную мощь – 0,5. Данные научных источников, а также результаты полевого исследования, осуществленного нами в 2018 г. в г. Урумчи и г. Инин (г. Кульджа), показали достаточно устойчивую степень витальности русского языка. Показатель 0,5 – это и высокий показатель, учитывая весьма невысокую демографическую мощь русского языка в регионе – 0,005. В настоящее время, как мы указывали, русскоязычное население составляет всего 12000 чел. в многомиллионном Синьцзяне.

Русскоязычное население появилось в Синьцзяне в середине XIX в. и на протяжении второй половины XIX в., а затем в XX в. миграционные потоки из России пополнили русскую колонию в Восточном Туркестане.

До настоящего времени сохраняются основные сферы использования русского языка среди русскоязычного населения в Синьцзяне. Укажем на них.

В г. Урумчи действует современный центр русского языка и русской культуры, играющий значительную роль в сплочении русскоязычного населения Синьцзяна. Центр организует различного рода мероприятий на русском языке, участвует в праздновании религиозных православных праздников – Рождества, Пасхи, Троицы и др.

В г. Урумчи действует православный храм, где проводятся воскресные богослужения, посещаемые местными русскоязычными прихожанами, общающимися на русском языке.

В г. Инине (Или-Казахский автономный округ) в начальной средней школе № 12 дети изучают русский язык как иностранный. В настоящее время это единственная в Синьцзяне школа такого рода, хотя совсем недавно, во второй половине XX в., было несколько русских школ, в которых обучение осуществлялось на русском языке.

В г. Инин до сих пор существует так называемый «Русский квартал», являющийся местом проживания нескольких семей русских и их потомков, среди которых есть не только «чистокровные» русские, но и метисы, оказывающие помощь и поддержку друг другу и говорящие главным образом по-русски.

До сих пор в Синьцзяне открыты русские рестораны, пекарни, мастерские. У русских г. Инина есть даже собственный музей музыкальных инструментов, основу которого составляют русские народные инструменты [Гордеев, 2019, с. 50–52].

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволило описать современную языковую ситуацию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР по её количественным параметрам. Укажем на её основные признаки.

Во-первых, рассмотренная языковая ситуация является **п о л и к о м п о н е н т н о й**, поскольку представлена большим количеством идиомов – 53 разных языка, различающихся по количеству их носителей, функционирующих языковых подсистем и их статусу. Во-вторых, современная языковая ситуация в Синьцзяне может быть охарактеризована как **р а з н о м о щ н а я** по демографической мощности идиомов. С позиции экзоглоссии максимальную демографическую мощность имеет уйгурский язык, а с позиции эндоглоссии наивысший показатель демографической мощности у литературного стандарта китайского языка – путунхуа, с одной стороны, а с другой стороны – у разговорного и диалектного идиомов уйгурского языка.

В-третьих, языковая ситуация в Синьцзяне является **н е р а в н о в е с н о й** по коммуникативной мощности идиомов, показатели которой колеблются от 1 (максимальная мощность) до 0,3 (минимальная мощность). Так, максимальное её значение выявлено у китайского языка (показатель = 1) и с позиции экзоглоссии, и с позиции эндоглоссии (у путунхуа). Значительной коммуникативной мощностью обладают уйгурский язык (показатель 0,9), а также казахский, киргизский и монгольский языки (показатель также 0,9).

В-четвёртых, языковую ситуацию в СУАР можно определить как **м н о г о п о л ю с н у ю**, поскольку её характеризует наличие двух функционально доминирующих идиомов: китайского и уйгурского языков. Особое место на лингвистической карте региона занимает единственный присутствующий там славянский язык – русский. Появившийся в Синьцзяне более полутора веков назад, он до сих пор имеет свой, хотя и немногочисленный, состав носителей и вследствие этого обладает низкой демографической мощностью (показатель 0,005). В то же время русский язык в современном Синьцзяне, находясь в окружении многочисленных неродственных языков, имеет достаточно высокий показатель коммуникативной мощности (0,5), и это, по всей видимости, обеспечивает его длительную сохранность во многих поколениях русских и их потомков в Восточном Туркестане. Таким образом, анализ языковой ситуации в современном Синьцзяне продемонстрировал её определённое своеобразие, выразившееся в неординарности её количественных признаков.

Перспектива дальнейшего исследования – анализ качественных и эстимационных (оценочных) признаков современной языковой ситуации в СУАР в дополнение к количественным, которые в совокупности создадут целостное представление об изучаемой языковой ситуации.

Список литературы

- Абудуреиму Г., Титкова С. И. Подготовка универсальных специалистов русского языка в вузах Синьцзяна (КНР) в рамках проекта «Один пояс – один путь» // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: сб. материалов I Международной науч.-практич. конф. – М.: Изд-во Гос. ин-та русского языка им. А. С. Пушкина, 2018. С. 12–13.
- Аникеева и др., 2015 – Первая междунар. конф. по уйгуроведению: история, культура и общество (Вашингтон, 25–27 сентября 2014 г.) [Текст] / Т. А. Аникеева, В. А. Бармин, А. Д. Васильев [и др.] // Восточная аналитика. 2015. № 5. С. 88–114.
- Аюпова Л. Л., Ромашкевич В. Р. Исследование языковой ситуации: научное осмысление проблемы // Вестник Башкирского ун-та. 2015. Т. 20. № 3. С. 1006–1010.
- Бармин В. А., Петяшкина Е. А. Становление и развитие православной жизни в западном Китае (XX – начало XXI вв.) // Макарьевские чтения: материалы XI Междунар. науч.-практич. конф. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2016. С. 17–22.
- Биткеева А. Н., Голик М. Я. Языки Китая: социолингвистический портрет // Учёные записки Орловского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6 (69). С. 107–112.
- Бондаренко А. В. Современная национальная и религиозная политика в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Россия и АТР. 2007. № 3 (57). С. 105–109.

- Ван Ц. Векторы современного этносоциального и этнокультурного развития уйгур Синьцзян-Уйгурского автономного района // *Этнографическое обозрение*. 2017. № 2. С. 166–177.
- Гордеев С. В. Сферы использования русского языка в современном Синьцзяне (на материале текстов воспоминаний потомков русских переселенцев) // *Вестник Бурятского гос. ун-та. Язык. Литература. Культура*. 2019. № 3. С. 49–53.
- Горелова Л. М. Сибо [Электронный ресурс] // *Большая российская энциклопедия*. 2004. URL : <https://bigenc.ru/ethnology/text/3660563> (дата обращения 13.01.2020).
- Диалекты китайского языка [Электронный ресурс]. 2010. URL : <https://www.bestreferat.ru/referat-223735.html> (дата обращения 29.11.2019).
- Искужина Н. Г. Языковая ситуация в республике Башкортостан на современном этапе // *Политическая лингвистика*. 2017. № 5 (65). С. 194–199.
- Капицын В. М., Ван Я. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика // *Arg Administrandi*. 2013. № 3. С. 107–117.
- Клиновский В. А. Языковая политика КНР в Синьцзяне и её роль в китайско-уйгурском конфликте // *Вестник Томского гос. ун-та. История*. 2012. № 2 (18). С. 140–143.
- Краев В. Русский дух в Синьцзяне: почему «другой Китай» помнит СССР и открыт сегодняшней России [Электронный ресурс] // Центр Льва Гумилёва. Невские новости. 2015. URL : <http://www.gumilev-center.ru/russkijj-duk-v-sinczyane-pochemu-drugojj-kitajj-pomnit-sssr-i-otkryt-segodnyashnejj-rossii/> (дата обращения: 26.01.2020).
- Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / глав. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. – 5987 с. – 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Мандаринский диалект китайского языка // *ru.knowledgr.com новые знания!* [Электронный ресурс]. URL : <http://ru.knowledgr.com> (дата обращения: 29.11.2019).
- Национальный состав Синьцзяна (2000 г.) // *e-reading.club* [Электронный ресурс]. URL : http://www2.e-reading.club/chapter.php/128042/13/Penzev_-_Zemli_Chingishana.html (дата обращения 07.12.2019).
- Новичков В. С. Основные направления национальной политики в СУАР КНР после 2000 г. // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2017. № 424. С. 116–122.
- Путунхуа // *Словари и энциклопедии на Академике* [Электронный ресурс]. – URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/196306> (дата обращения 12.12.2019).
- Сарыкольцы // *Википедия* [Электронный ресурс]. 2019. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 15.01.2020).
- Синьцзян [Электронный ресурс]. 2015. URL : <https://ru.qwertyu.wiki/wiki/Xinjiang> (дата обращения 07.12.2019).
- Слободина Е. С. Этнополитическое развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района в конце XX – начале XXI веков // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы 2-й междунар. науч.-практич. конф. / отв. ред. Д. В. Буяров. Благовещенск : Изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2012. С. 134–136.*
- Тарасенко Р. Ф. О некоторых вопросах развития уйгурского языка в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [Электронный ресурс]. URL : <https://pandia.ru/text/77/457/31008.php> (дата обращения 21.11.2019).
- Титульный язык // *Словарь лингвистических терминов* [Электронный ресурс]. URL : <https://how-to-all.com> (дата обращения 20.12.2019).
- Уйгурский язык // *ru.knowledgr.com новые знания!* [Электронный ресурс]. – URL : <http://ru.knowledgr.com> (дата обращения 23.11.2019).
- Уйгуры // *ru.knowledgr.com новые знания!* [Электронный ресурс]. URL : <http://ru.knowledgr.com> (дата обращения 23.11.2019).
- Фролова И. Ю. Экономическая политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в контексте интересов стран Центральной Азии // *Проблемы национальной стратегии*. 2014. № 4 (25). С. 65–85.
- Цзяньган В. Межэтнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // *Вестник антропологии*. 2016. № 3 (35). С. 27–53.
- Чжао, П. Двухязычное обучение в Синьцзяне и его влияние на язык и культуру национальных меньшинств // *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология*. 2012. Т. 11. № 10. С. 174–178.
- Чурилова И. Н., Фёдорова М. А. История и содержание понятия «Языковая ситуация» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 7–2 (73). С. 192–194.

- Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М. : Высшая школа, 1978. 216 с.
- Щеглова И. В. Языковая ситуация: определение понятия, пути изучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8–1 (74). С. 172–175.
- Эпштейн В. А., Бочков Д. А. Политика КНР по интеграции Синьцзян-Уйгурского автономного района: 1949–2018 годы // Учёные записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 6. С. 1442–1454.
- Chinese Nationalities and Populations (2010) [Electronic Resource]. URL : <http://www.paulnoll.com/China/Minorities/China-Nationalities.html> (дата обращения 04.12.2019).
- 新疆维吾尔自治区最新人口数据! [Последние демографические данные Синьцзян-Уйгурского автономного района!] [Электронный ресурс]. 2018. URL : http://www.sohu.com/a/259591848_431310 (дата обращения 11.12.2019).

UDC 81'27, 801:316

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_29_42

Sergey V. Gordeev
National Research Tomsk Polytechnic University
Tomsk, Russian Federation
Heihe University
Heihe, People's Republic of China
gordeev-sergei@inbox.ru

Elena A. Oglezneva
Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering
Tomsk, Russian Federation
eoglezneva@yandex.ru

The present language situation in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (PRC) with the participation of the Russian language: Quantitative characteristics

Abstract

The language situation is one of the key concepts of sociolinguistics. Various conditions of the formation of a particular language situation determine its originality and singularity. The description of each specific language situation is necessary with a holistic typological description of language situations. In this paper, the focus is made upon the present language situation of the Xinjiang Uygur Autonomous Region – the largest administrative-territorial unit of the PRC. The Interest in this language situation was sparked by its uniqueness, extraordinary ethnic and linguistic heterogeneity. In addition, it is Xinjiang that hosts the largest Russian-speaking diaspora in comparison with other regions of China. This study is aimed to analyze the quantitative characteristics of the present language situation of the Xinjiang Uygur Autonomous Region whose integral part is the Russian language. The study has found the number of idioms functioning in the region, their demographic and communicative power, as well as the number of functionally dominant idioms of the present-day language situation in the XUAR, which as a result determine its quantitative characteristics. In addition, the place of the Russian idiom among other idioms of the analyzed language situation has been revealed.

Keywords: Xinjiang Uygur Autonomous Region (XUAR), Russian language, language situation, demographic power of idiom, communicative power of idiom, exoglossia, endoglossia.

References

- Abudureimu, G., Titkova, S. I. (2018). Podgotovka universal'nykh spetsialistov russkogo yazyka v vuzakh Sin'tszyana (KNR) v ramkakh proekta «Odin poyas – odin put'» [Preparation of multipurpose Russian language specialists at universities of Xinjiang (China) within the framework of the project “One belt – one road”]. *Peresekaya granitsy: mezhkul'turnaya kommunikatsiya v global'nom kontekste* [Crossing Borders: Intercultural Communication in a Global Context]: Proc. of the I International Scientific and Practical Conference (pp. 12–13). Moscow : Pushkin State Russian Language Institute Press.
- Anikeeva, T. A., Barmin, V. A., Vasil'ev, A. D. et al. (2015). Pervaya mezhdunarodnaya konferentsiya po uyuurovedeniyu: istoriya, kul'tura i obshchestvo [First International Conference on Uigurology: History, Culture and Society] (Washington, September 25–27, 2014). In A. V. Akimov (Ed.), *Vostochnaya analitika* [Eastern analytics] (Vol. 5, pp. 88–114). Moscow.
- Ayupova, L. L., Romashkevich, V. R. (2015). Issledovanie yazykovoy situatsii: nauchnoe osmyslenie problemy [The study of the language situation: the scientific understanding of the problem]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 20 (3), 1006–1010.
- Barmin, V. A., Petyashkina, E. A. (2016). Stanovlenie i razvitie pravoslavnoy zhizni v zapadnom Kitae (XX – nachalo XXI vv.) [The formation and development of the Orthodox life in western China (XX - beginning of XXI centuries)]. *MAKAR'EVSKIE CHTENIYA* [MAKARIEV READINGS] : Proc of the XI International Scientific and Practical Conf. (pp. 17–22). Gorno-Altaiisk : Gorno-Altaiisk State University Press.
- Bitkeeva, A. N., Golik, M. Ya. (2015). Yazyki Kitaya: sotsiolingvisticheskiy portret [Languages of the People's Republic of China: Sociolinguistic Portrait]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences], 6 (69), 107–112.
- Bondarenko, A. V. (2007). Sovremennaya natsional'naya i religioznaya politika v Sin'tsyzan-Uygurskom avtonomnom rayone [The National and Religious Policy of the People's Republic of China on the Example of the Xinjiang Uigur Autonomous Region]. *Rossiya i ATR* [Russia and APR], 3 (57), 105–109.
- Van, Ts. (2017). Vektory sovremennoogo etnosotsial'nogo i etnokul'turnogo razvitiya uygur Sin'tsyzan-Uygurskogo avtonomnogo rayona [Vectors of Contemporary Ethnic, Social, and Cultural Development of the Xinjiang Uyghur]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2, 166–177.
- Gordeev, S. V. (2019). Sfery ispol'zovaniya russkogo yazyka v sovremennom Sin'tsyzane (na materiale tekstov vospominaniy potomkov russkikh pereselentsev) [The Spheres of the Russian language use in modern Xinjiang (based on the texts of short stories and memoirs recorded from the descendants of Russian emigrants)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura* [Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture], 3, 49–53.
- Gorelova, L. M. (2004). Sibio [Sibo]. *Bol'shaya rossiyanskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Retrieved January 13, 2020 from <<https://bigenc.ru/ethnology/text/3660563>>.
- Dialekty kitayskogo yazyka [Chinese dialects] (2010). Retrieved November 29, 2019 from <<https://www.bestreferat.ru/referat-223735.html>>.
- Iskuzhina, N. G. (2017). Yazykovaya situatsiya v respublike Bashkortostan na sovremennom etape [The language situation in the Republic of Bashkortostan at the present stage]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 5 (65), 194–199.
- Kapitsyn, V. M., Van, Ya. (2013). Sin'tsyzan-Uygurskiy avtonomnyy rayon Kitaya: territorial'noe samoupravlenie i natsional'naya politika [The Xinjiang Uygur Autonomous Region of China: Territorial Self-Government and National Policy]. *Ars Administrandi*, 3, 107–117.
- Klinovskiy, V. A. (2012). Yazykovaya politika KNR v Sin'tsyzane i ee rol' v kitaysko-uygurskom konflikte [The language policy of China in Xinjiang and its role in the Chinese-uyghur Conflict]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2 (18), 140–143.
- Kraev, V. (2015). Russkiy dukh v Sin'tsyzane: pochemu «drugoy Kitay» pomnit SSSR i otkryt segodnyashney Rossii [Russian spirit in Xinjiang: why "another China" remembers the USSR and is open to today's Russia]. *Tsentr L'va Gumileva. Nevskie novosti* [Center of Lev Gumilyov. Nevsk news]. Retrieved January 26, 2020 from <<http://www.gumilev-center.ru/russkijj-dukhn-v-sinczyane-pochemu-drugojj-kitajj-pomnit-sssr-i-otkryt-segodnyashnejj-rossii/>>.
- Yartseva, V. N. (Ed.). (2008). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing.

- Mandarinskiy dialekt kitayskogo yazyka [Mandarin Chinese]. *ru.knowledgr.com novye znaniya!* [ru.knowledgr.com new knowledge]. Retrieved November 29, 2019 from <<http://ru.knowledgr.com>>.
- Natsional'nyy sostav Sin'tszyana (2000 g.) [Xinjiang National Composition (2000)]. *e-reading.club*. Retrieved December 7, 2019 from <http://www2.e-reading.club/chapter.php/128042/13/Penzev_-_Zemli_Chingishana.html>.
- Novichkov, V. S. (2017). Osnovnye napravleniya natsional'noy politiki v SUAR KNR posle 2000 g. [Priorities of ethnic policy in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, China, since 2000]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 424, 116–122.
- Putunkhua [Putonghua]. Slovari i entsiklopedii na Akademike [Dictionaries and Encyclopedias on Academician]. Retrieved December 12, 2019 from <<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/196306>>.
- Sarykol'tsy [Tajiks of Xinjiang] (2019). *Vikipediya* [Wikipedia]. Retrieved January 15, 2020 from <<https://ru.wikipedia.org/wiki>>.
- Sin'tszyan [Xinjiang] (2015). Retrieved December 7, 2019 from <<https://ru.qwertyu.wiki/wiki/Xinjiang>>.
- Slobodina, E. S. (2012). Etnopoliticheskoe razvitie Sin'tszyan-Uygurskogo avtonomnogo rayona v kontse XX – nachale XXI vekov [Ethnopolitical development of the Xinjiang Uygur Autonomous Region in the late XX – early XXI centuries]. In D. V. Buyarov (Ed.), *Rossya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestv* [Russia and China: History and prospects of cooperation] : Proc. of the 2nd International Scientific-Practical Conf. (pp. 134–136). Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
- Tarascenko, R. F. *O nekotorykh voprosakh razvitiya uygurskogo yazyka v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnom rayone* [On some issues of the development of the Uyghur language in the Xinjiang Uygur Autonomous Region]. Retrieved November 21, 2019 from <<https://pandia.ru/text/77/457/31008.php>>.
- Titul'nyy yazyk [Title language]. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Retrieved December 20, 2019 from <<https://how-to-all.com>>.
- Uygurskiy yazyk [Uighur language]. *ru.knowledgr.com novye znaniya!* [ru.knowledgr.com new knowledge]. Retrieved November 23, 2019 from <<http://ru.knowledgr.com>>.
- Uygury [Uighurs]. *ru.knowledgr.com novye znaniya!* [ru.knowledgr.com new knowledge]. Retrieved November 23, 2019 from <<http://ru.knowledgr.com>>.
- Frolova, I. Yu. (2014). Ekonomicheskaya politika KNR v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnom rayone v kontekste interesov stran Tsentral'noy Azii [China's economic policy in the Xinjiang Uygur Autonomous Region in the context of the interests of Central Asian countries]. *Problemy natsional'noy strategii* [Problems of the national strategy], 4 (25), 65–85.
- Tszyan'gan, V. (2016). Mezhetnicheskie otnosheniya v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnom rayone [Interethnic Relations in the Xinjiang Uygur Autonomous Region]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 3 (35), 27–53.
- Chzhao, P. (2012). Dvuyazychnoe obuchenie v Sin'tszyane i ego vliyanie na yazyk i kul'turu natsional'nykh men'shinstv [Bilingual education in Xinjiang and the influence on culture of ethnic minorities]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 11 (10), 174–178.
- Churilova, I. N., Fedorova, M. A. (2017). Istoriya i sodержanie ponyatiya «Yazykovaya situatsiya» [The history and content of the concept of “language situation”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 7–2 (73), 192–194.
- Shveytser, A. D., Nikol'skiy, L. B. (1978). *Vvedenie v sotsiolingvistiku* [Introduction to Sociolinguistics]. Moscow.
- Shcheglova, I. V. (2017). Yazykovaya situatsiya: opredelenie ponyatiya, puti izucheniya [Language situation: definition of a concept, ways of learning]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 8–1 (74), 172–175.
- Epshteyn, V. A., Bochkov, D. A. (2018). Politika KNR po integratsii Sin'tszyan-Uygurskogo avtonomnogo rayona: 1949-2018 gody [The Policy of the People's Republic of China on Integration of the Xinjiang Uygur Autonomous Region: 1949–2018]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities], 160 (6), 1442–1454.
- Chinese Nationalities and Populations (2010). Retrieved December 4, 2019 from <<http://www.paulnoll.com/China/Minorities/China-Nationalities.html>>.
- 新疆维吾尔自治区最新人口数据! [The latest demographic data of the Xinjiang Uygur Autonomous Region!] (2018). Retrieved December 11, 2019 from <http://www.sohu.com/a/259591848_431310>.

Добринина Альбина Альбертовна
Институт филологии, Сибирское отделение Российской Академии Наук
г. Новосибирск, Российская Федерация
dobrinina@philology.nsc.ru

Артикуляторные характеристики реализаций звуков типа /и/ в языке южных алтайцев (по данным МРТ)

Аннотация

В работе рассматриваются некоторые артикуляторные особенности реализаций гласного /и/ в языке алтайцев-усть-канцев диалекта алтай-кижи алтайского языка визуализированных методом магнитно-резонансного томографирования (МРТ). Алтай-кижи – центральный базовый диалект алтайского литературного языка. На Алтае каждая деревня представляет самостоятельный говор, важность изучения которых подчёркивал ещё В. В. Радлов. Звуки типа /и/ в диалектах алтайского языка реализуется в основном в переднерядных вариантах разных степеней подъёма. Знаком «и» передаётся узкий нелабиализованный гласный переднего ряда, факультативно более задний, чем русский /и/. Экспериментальные данные по территориальным говорам диалекта алтай-кижи, полученные от 6 его носителей (д1–д6) с учётом ингерентной высоты нёба, свидетельствует как об общности артикуляционных баз носителей языков (выраженная переднерядность), так и об их различиях (вариативность степеней подъёма).

Ключевые слова: алтайский язык, диалект алтай-кижи, вокализм, артикуляторно-акустическая база, экспериментальная фонетика.

© Добринина А. А.

1. Введение [Introduction]

Алтайский язык – разговорный и литературный – язык коренного населения республики Алтай. Общая численность алтайцев по переписи 2010 года – 68814 человек, из них 59861 человек указали алтайский язык родным, а владеют языком лишь 48583 человек [Национальный состав ..., 2013, с. 58].

Алтайский язык является наиболее близким к киргизскому языку, вместе с которыми они составляют киргизско-кыпчакскую группу восточной ветви тюркских языков. Южную группу диалектов алтайского языка составляет язык теленгитов вместе с языками алтай-кижи и телеутским [Баскаков, 1966, с. 506]. На сегодняшний день теленгиты и телеуты, наряду с северными алтайцами – кумандинцами, чалканцами и тубаларами, – включены в перечень коренных малочисленных народов РФ, а их языки признаны в качестве самостоятельных языков, являющихся национальным достоянием и находящиеся под защитой государства как историко-культурное наследие [О едином перечне ..., 2020].

Данная статья посвящена изучению артикуляторных настроек реализаций гласных типа «и» в двух словоформах *тиш* ‘зуб’, *эри* ‘мужчина=её’ методом МРТ в языке носителей усть-канского говора южного диалекта алтай-кижи алтайского языка.

Актуальность работы определяется недостаточной изученностью фонетики алтайского языка, необходимостью получения объективных инструментальных данных с использованием новейших технологий.

Вокальная система алтайского языка структурируется артикуляторными параметрами ряда, подъёма, огубления и длительности.

Общим условием образования гласных является наличие определённого уклада произносительных органов в надгортанных полостях. Различие между гласными зависит от настройки этих резонаторных полостей. Работа голосовых связок, языка и губ является основной, а работа нёбной занавески и фаринкса – дополнительной.

Вокализм алтайского языка экспериментально исследовали [Чумакаева, 1984, 1988 ; Шалданова, 2007], бачатско-телеутский вокализм изучал [Гаврилин, 1985], были исследованы также теленгитский [Машталир, 1983], чалканский [Кокорин, 1984], кумандинский [Селютина, 1998] и тубинский [Сарбашева, 2004].

Анализ экспериментального материала по твердоядным гласным позволил М. Ч. Чумакаевой сделать вывод о том, что в алтайском литературном языке твердоядные гласные являются центральнозаднерядными. По степени подъёма языка они различаются открытостью и закрытостью, закрытые гласные локализируются в зоне второй ступени подъёма, открытые – в зонах четвёртой и пятой ступеней. Звуки одинаковой ступени различаются на слух по признаку «огубленность – неогубленность». Огубленные твердоядные гласные имеют слабое огубление и являются ротовыми [Чумакаева, 1984, с. 25–26]. На основе статического рентгенографирования М. Ч. Чумакаева определяет артикуляторные характеристики только долгих мягкорядных гласных, отмечая, что учёту и анализу поддаются лишь долгие гласные. Звук /и/ она определяет как переднерядный слабоотодвинутый второй ступени отстояния неогубленный неназализованный [Чумакаева, 1988, с. 29].

А. А. Шалданова отмечает крайне низкую продуктивность долгой фонемы /i:/, высокую вариативность её настроек. Фонема может быть определена как гласный переднерядный (слабо или сильноотодвинутый) либо центральнозаднерядный сверхсильновыдвинутый, от первой приоткрытой до третьей ступени отстояния, неогубленный неназализованный [Шалданова, 2007, с. 95].

В диалектах алтайского языка звук /и/ определяется как переднерядный второй ступени отстояния «I», но в онгудайском, бачатско-телеутском и теленгитском этот звук – основной настройки, а в алтайском и в кумандинском – слабоотодвинутый. В чалканском гласный «j» – переднерядный слабоотодвинутый, первой ступени подъёма, неогубленный, ртовый [Кокорин, 1984, с. 29]. В тубинском диалекте /и/ «i:ʔ ɛ:» – комбинированный переднерядный / центральнозаднерядный сверхсильновыдвинутый, второй ступени снижения, нелабиализованный, неназализованный [Сарбашева, 2004, с. 66–67].

2. Артикуляторные характеристики [Articulatory features]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Объективные инструментальные данные, полученные методом МРТ, находят широкое применение в исследованиях по тюркским [Селютина и др., 2012] и тунгусо-маньчжурским [Морозова и др., 2018] языкам, являясь обязательной и необходимой частью комплексного изучения конкретных языков, позволяют решить ряд важных общелингвистических задач, в частности усовершенствование артикуляционной классификации звуков гласных и согласных. Единообразие методики получения и интерпретации экспериментального материала обуславливает сопоставимость результатов.

Материалом для настоящего исследования послужили томограммы изолированных словоформ от шести дикторов-усть-канцев. Иллюстративный томографический материал приводится по диктору 1, (30 лет, родилась, выросла и проживает в селе Яконур Усть-Канского района республики Алтай, образование высшее) и по диктору 2 (28 лет, родилась, выросла и проживает в селе Козуль того же района республики Алтай). У обеих женщин высшее образование и хороший уровень владения родным алтайским языком.

К сожалению, из-за длительности процесса томографирования в нескольких проекциях, а также дороговизны съёмок, не представлялось возможным документировать произносительные образцы звуков во всех возможных позициях и комбинациях в словоформе. По условиям эксперимента, для получения соматических данных методами статического магнитно-резонансного томографирования, наиболее предпочтительной для фиксации является ауслустная настройка звука, позволяющая испытуемому затянуть артикуляцию во времени, а оператору вовремя включить аппаратуру, что в комплексе обеспечивает адекватность получаемого материала [Рыжикова и др., 2019]. Список словоформ для томографической визуализации настроек гласных звуков языка усть-канцев включал 20 единиц.

МРТ было выполнено в рамках Интеграционного проекта конкурса фундаментальных исследований Сибирского отделения РАН в Лаборатории медицинской диагностики Института «Международный томографический центр» СО РАН на Philips Achieva Nova Dual 1.5 T, катушка Head/Neck synergy SENSE (Philips medical systems; Eindhoven, Netherlands) (описание методики см.: [Летягин и др., 2013]). Томосхемы выполнены на графическом планшете Wacom Intuos 4. Расшифровка и интерпретация томографических данных проводится непосредственно по томограммам, томосхемы представлены для иллюстрации (см. рис. 1–6).

Анализ представленных томограмм проводились в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН. Методику для расшифровки рентгенограмм звуков В. М. Наделяев предложил в статье по артикуляционной классификации гласных [Наделяев, 1980], а в начале XXI в. [Уртегешев, 2007] усовершенствовал её и адаптировал для расшифровки томографических снимков.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Артикуляционная классификация гласных должна ориентироваться на действие таких произносительных органов как язык, губы, голосовые связки. Как отмечает [Селютина, 2008, с. 51], систематизация должна основываться именно на положении языка при артикулировании, так как важнейшим органом является язык. Важно, какое положение язык в целом занимает в ротово-глоточной полости, какую форму придает ей. Артикуляторными настройками обуславливается корреляция качественных и количественных параметров гласных [Селютина, 1990, с. 153].

При исследовании гласных параметры настройки определяются по её основным компонентам: контуру активности, наименьшей прямой и нёбному локусу. Контуром активности является участок превышения на контуре спинки языка в виде выпячивания одной из его частей или перемещения всего контура спинки в сравнении с нейтральным положением. На этом же участке при локальном крутом (КА-1) и локальном пологом (КА-2) контурах активности маркируется наивысшая точка – максимум превышения. При глобальном контуре активности, при котором весь корпус языка равномерно активно участвует в создании нижней стенки резонатора в полости рта, максимум превышения не отмечается. Наименьшая прямая проводится из точечного превышения на контуре спинки языка на контур нёбного свода. Точка пересечения на контуре нёбного свода обозначается как НЛ (нёбный локус). Определить рядность настройки гласного позволяет сопоставление локализаций нёбного локуса и максимум превышения на контуре активности с векторными формулами пяти рядов классификации гласных [Наделяев, 1980, с. 28–32].

Вокальные ряды определяются передвижением спереди назад точечных нёбных локусов (НЛ) у первых четырёх рядов и принципиально отличным линейным нёбным

локусом у последнего – смешанного ряда. По В. М. Надеяеву «... локальный контур активности с точечным максимальным превышением в круто очерченной форме КА-1 и – чаще – в полого очерченной форме КА-2 локализуется в 1-м (переднем) и во 2-м (центральном) рядах гласных в пределах средней части спинки языка *c*, в 3-м (центральнезаднем) ряду – в пределах межзубочной части языка *d*, в 4-м (заднем) ряду – в пределах задней части спинки языка *e*; глобальный контур КА-3 тождественен всему контуру спинки языка *ag* и характерен для 5-го (смешанного ряда)» [Надеяев, 1980, с. 27].

Предложенная В. М. Надеяевым векторная классификация гласных выделяет в языках мира пять артикуляционных рядов: 1) передний, 2) центральный, 3) центральнозадний, 4) задний, 5) смешанный и шесть ступеней отстояния.

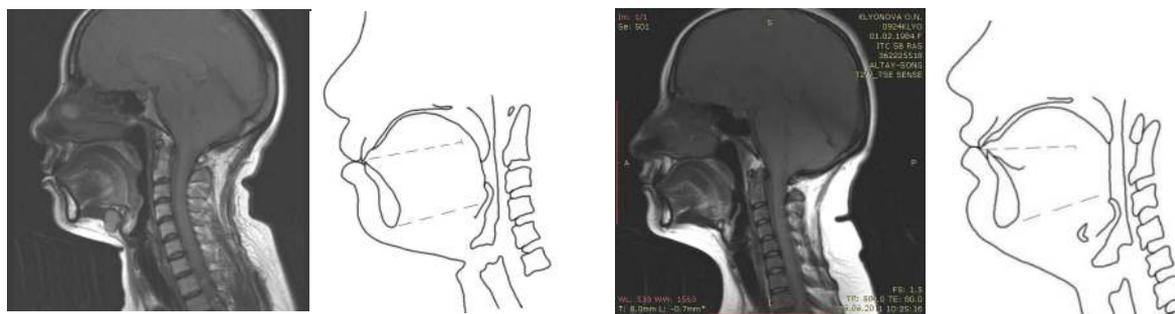
При анализе томограмм вокальных настроек кроме векторности с определением по ней классификационного ряда и ступени снижения гласных обязательной фиксации подлежат конические проекции таких объёмных деталей в надгортанных полостях, как мягкое нёбо с увулой; корень языка; объём плоточной части резонатора; наличие / отсутствие оттянутости корня языка; профильные прогибы на корпусе и корне языка; взаимное отстояние верхних и нижних зубов; губы и угол рта. Анализ указанных деталей несёт добавочную информацию о признаках гласных: назализованность / отсутствие назализованности, степень напряжённости, огубленность / отсутствие огубленности.

На следующих рисунках представлены томограмма и томосхема произвольного свободного расположения произносительных органов во время спокойного дыхания дикторов через нос.

По томограмме нейтрального положения речевого аппарата диктора 1 (рис. 1) при свободном дыхании через нос, сомкнутых зубах и губах определена постоянная прямая $l_{const} = 70,00$ мм, максимальная высота нёба h_{max} составляет 24 мм, следовательно, нёбный показатель Sp данного диктора, определяемый по формуле $h_{rel} = l_{const} \times 100\% : h_{max} = 28 \times 100 : 70$ и равный 40% высоты твёрдого нёба, характеризует нёбо рассматриваемого диктора как средневысотное.

У диктора 2 (рис. 2) постоянная прямая $l_{const} = 78,0$ мм, максимальная высота нёба h_{max} составляет 23 мм. Нёбный коэффициент, высчитываемый по формуле $h_{rel} = l_{const} \times 100\% : h_{max}$, равен 33,9%, что определяет нёбо данного диктора как сверхнизкое.

Далее приводятся артикуляторные характеристики усть-канских гласных по результатам МРТ исследований в словоформах *тиш* ‘зуб’ и *эри* ‘муж=её’.

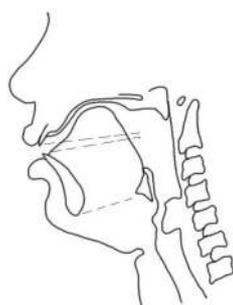
Р и с у н о к 1. Нейтральный снимок, д1
Figure 1. Neutral position, d1

Р и с у н о к 2. Нейтральный снимок, д2
Figure 2. Neutral position, d2

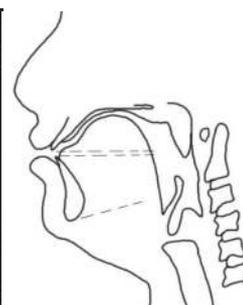
На томограмме у диктора 1 (рис. 3) при артикулировании звука /и/ в словоформе *тиш* ‘зуб’ максимальное превышение спинки языка приходится на пограничную зону передней и средней части языка. Корпус языка в переднем положении, средняя часть спинки языка направлена к твёрдому нёбу. Настройка звука /и/ соответствует третьей

ступени отстояния. По данным томографирования, у диктора 1 в рассматриваемой словоформе звук /и/ можно охарактеризовать как сверхслаболабиализованный, неназализованный, неувуларизованный, слабофарингализованный неэпиглоттализированный с *i*-образным звучанием – e° .

При произнесении звука /и/ у диктора 2 (рис. 4) локальный пологий контур активности фиксируется на второй трети средней части спинки языка; нёбный локус – на первой половине твёрдого нёба. Данные характеристики позволяют определить настройку как переднерядную основную. По данным МРТ, определяем гласный /и/ как переднего ряда слабоотодвинутой настройки, первой ступени отстояния, нелабиализованный, неназализованный, неувуларизованный, нефарингализованный эпиглоттализированный – *i*.

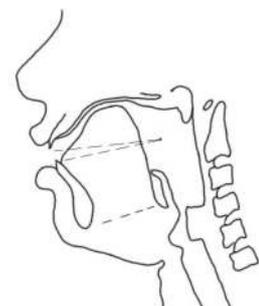
Р и с у н о к 3. Звук /и/ в *tish* 'зуб', d1
Figure 3. Vowel /i/ in *tish* 'tooth', d1

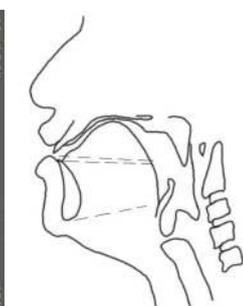
Р и с у н о к 4. Звук /и/ в *tish* 'зуб', d2
Figure 4. Vowel /i/ in *tish* 'tooth', d1

По данным томографирования, в словоформе *эри* 'мужчина=её' полученным от диктора 1 (рис. 5), артикуляторная настройка гласного определяется как гласный переднего ряда сильноотодвинутой настройки третьей ступени отстояния, сверхслаболабиализованный, неназализованный, неувуларизованный, нефарингализованный неэпиглоттализированный с *i*-образным звучанием – e° .

При продуцировании гласного /и/ в словоформе *эри* 'мужчина=её' у диктора 2 (рис. 6) активным участком корпуса языка является межзубчатая часть спинки языка *d*, векторно направленная на первую половину второй части твёрдого нёба. Наименьшее отстояние межзубчатой части спинки составляет 83,3% по отношению к *hmax* или 6,8% по отношению к *lconst*, что позволяет определить гласный как переднего ряда сильноотодвинутой настройки первой ступени отстояния, нелабиализованный, неназализованный, неувуларизованный, нефарингализованный эпиглоттализированный – *i*.

Р и с у н о к 5. Звук и в *эри* 'муж=её', d1
Figure 5. Vowel /i/ in *eri* 'husband', d1

Р и с у н о к 6. Звук и в *эри* 'муж=её', d2
Figure 6. Vowel /i/ in *eri* 'husband', d1

3. Заключение [Conclusion]

Результаты анализа томограмм свидетельствуют о следующем. При артикуляции звука /и/ относительная величина отстояния максимумов превышения от нёбных локусов представлена оттенками первой и третьей ступеней отстояния: у диктора 1 артикуляция более широкая (третья ступень отстояния), а у диктора 2 – более узкая – первая ступень. У диктора 1 встречается немотивированная лабиализация звука. В одном случае зафиксировано наличие слабой фарингализации – возможно, остаточное единичное явление, сохранившееся в генетической памяти диктора. Для алтайского языка работа фаринкса не является фонематическим признаком. Кроме того, все артикуляции у диктора из села Яконур неэпиглотталлизированные, в отличие от диктора из села Козуль.

По данным МРТ можно сделать вывод о том, что звук /и/ в усть-канском говоре диалекта алтай-кижи алтайского языка реализуется в основном в переднерядных вариантах разных степеней подъёма: от первой до третьей. Полное определение: гласный переднерядный основной настройки, слабоотодвинутый / центральнозаднерядный первой-третьей ступеней отстояния, неогубленный, неназализованный.

В заключении добавим, что в онгудайском говоре южного диалекта алтай-кижи звук /и/ тоже определяется как переднерядный основной настройки, неогубленный, неназализованный, но второй-третьей ступеней отстояния [Шалданова, 2007, с. 91].

Благодарности [Acknowledgments]

Работа выполнена в рамках проекта НИР «Языковые процессы на территории Сибири и Дальнего Востока» № 0328-2016-0004

Список литературы

- Баскаков, 1996 – Баскаков Н. А. Алтайский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки. Т. II. М.: Наука, 1966. С. 506–522.
- Гаврилин, 1985 – Гаврилин Н. В. Рентгенограммы гласных в бачатско-телеутском языке // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 59–68.
- Кокорин, 1984 – Кокорин В. Н. Артикуляторные настройки гласных мягкого ряда в языке чалканцев (по данным статического рентгенографирования) // Исследование звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 27–30.
- Летягин и др., 2013 – Летягин А. Ю., Ганенко Ю. А., Уртегешев Н. С. Анатомо-функциональные мышечные механизмы формирования голосового тракта при произнесении аутентичных гласных сибирско-татарского языка по данным магнитно-резонансной томографии // Бюллетень СО РАМН. Новосибирск, 2013. Т. 33. № 5. С. 10–17.
- Машталир, 1983 – Машталир С. И. Артикуляторные настройки гласных теленгитского диалекта алтайского языка по данным статического рентгенографирования [Текст] / С. И. Машталир // Сибирский фонетический сборник. Новосибирск, 1983. С. 121–127.
- Морозова и др., 2018 – Ороchonский язык: материалы корпусного исследования звучащей речи орочонов КНР / О. Н. Морозова, Н. Я. Булатова, С. В. Андросова, В. С. Гибалин, Е. А. Процукович, Ю. П. Иванашко. Благовещенск: Изд-во «ИПК Одеон», 2018. 108 с.
- Наделяев, 1980 – Наделяев В. М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск: Типография ГПНТБ СО АН СССР, 1980. С. 3–91.
- Национальный состав..., 2013 – Национальный состав и владение языками, гражданство: стат. Сборник Алтайстат. – Горно-Алтайск, 2013. 419 с.
- О Едином перечне..., 2020 – О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации (с изменениями на 26 мая 2020 года): постановление Правительства РФ [Электронный ресурс] // Электронные фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757631> (дата обращения 18.08.2020).
- Рыжикова и др., 2019 – Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Уртегешев Н. С. Артикуляторные характеристики реализаций звуков типа «а» в барабинском, алтайском и башкирском языках в сопоставительном аспекте // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2019. Т. 18. № 9: Филология. С. 127–143.

- Сарбашева, 2004 – Сарбашева С. Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004. 244 с.
- Селютина, 1990 – Селютина И. Я. Корреляция качественных и количественных параметров гласных // Системность на разных уровнях языка (на материале языков Сибири). Новосибирск, 1990. С. 153–165.
- Селютина, 1998 – Селютина И. Я. Кумандинский вокализм. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. 184 с.
- Селютина, 2008 – Селютина И. Я. Введение в общую фонетику : учеб. пособие. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2008. 66 с.
- Артикуляторные базы..., 2011 – Артикуляторные базы тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии) [Текст] / И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, А. Ю. Летягин, А. И. Шевела, А. А. Добринина, Г. А. Эсенбаева. Новосибирск : Твердый знак, 2011. 352 с.
- Уртегешев, 2007 – Уртегешев Н. С. Определение ступени отступа гласного по рентгенограмме // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 4. С. 10–15.
- Чумакаева, 1984 – Чумакаева М. Ч. Артикуляторные настройки гласных твердого ряда в алтайском языке (по данным статического рентгенографирования) // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 22–27.
- Чумакаева, 1988 – Чумакаева М. Ч. Артикуляторные настройки мягкорядных гласных алтайского языка (по данным статического рентгенографирования) // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1988. С. 29–35.
- Шалданова, 2007 – Шалданова А. А. Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск : ИД «Сова», 2007. 280 с.

UDC 811.512.151

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_43_50

Albina A. Dobrinina
Institute of Philology Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
 dobrinina@philology.nsc.ru

Articulatory features of the /i/-type vowels in the Altai-Kizhi dialect (MRI data)

Abstract

The paper considers some articulatory features of allophones of the vowel /i/ in the Altai-Kizhi dialect (spoken in the locality Ust-Kan, Altai) of the Altai language visualized by magnetic resonance imaging (MRI). The Altai-Kizhi is the central basic dialect of the Altai literary language. In Altai, each rural locality represents a unique dialect, whose relevance of studying was emphasized by V. V. Radlov. Speech sounds of the /i/-type in the dialects of the Altai language are realized mainly as front variants with different degrees of openness. In the written Altai speech, the symbol “и” is used to denote narrow front non-labialized vowel; some variants of the Altai vowel /i/ are central-back differing in this from the Russian vowel /i/. Experimental data on the territorial dialects of the Altai-Kizhi dialect, obtained from its 6 native speakers (d1–d6) taking into account variable inherent palate height, shows both the common articulation bases of native speakers (clearly-expressed frontness) and their differences (variable openness).

Keywords: Altai language, Altai-Kizhi dialect, vocalism, articulatory-acoustic base, experimental phonetics.

© Dobrinina A. A.

References

- Baskakov, N. A. (1966). *Altayskiy yazyk* [Altai language]. In *Yazyki narodov SSSR. Tyurkskiy yazyki* [Languages of the peoples of the USSR. Turkic] (Vol. II, pp. 506–522). Moscow : Nauka Press.
- Gavrilin, N. V. (1985). *Rentgenogrammy glasnykh v bachatsko-teleutskom yazyke* [X-rays of vowels in bachatskiy-Teleut language]. *Fonetika sibirskih yazykov* [Phonetics of Siberian languages] (pp. 59–68). Novosibirsk.

- Kokorin, V. N. (1984). Artikulyatornye nastroyki glasnykh myagkogo ryada v yazyke chalkantsev (po dannym sticheseskogo rentgenografirovaniya) [Articulatory settings soft vowel series in the language of calcante (according to static radiography)]. *Issledovanie zvukovykh sistem yazykov Sibiri* [Research of sound systems of Siberian languages] (pp. 27–30). Novosibirsk.
- Letyagin, A. Yu., Ganenko, Yu. A., Urtegeshev, N. S. (2013). Anatomico-funktsional'nye myshechnye mekhanizmy formirovaniya golosovogo trakta pri proiznesenii autentichnykh glasnykh sibirskotatarskogo yazyka po dannym magnitno-rezonansnoy tomografii [Anatomic and functional muscular mechanisms of a voice path's forming at pronouncing of authentic vowels of the siberian tatar language according to the magnetic resonance tomography]. *Byulleten' SO RAMN* [The Siberian Scientific Medical Journal], 33 (5), 10–17.
- Mashtalir, S. I. (1983). Artikulyatornye nastroyki glasnykh telengitskogo dialekta altayskogo yazyka po dannym sticheseskogo rentgenografirovaniya [Articulatory settings of vowels of the Telengit dialect of the Altaic language according to static radiography data]. In *Sibirskiy foneticheskiy sbornik* [Siberian phonetic collection] (pp. 121–127). Novosibirsk.
- Morozova, O. N., Bulatova, N. I., Androsova, S. V., Giblin, V. S., Protsukovich, E. A., Ivanashko, Y. P. (2018). *Orochonskiy yazyk: materialy korpusnogo issledovaniya zvuchashchey rechi orochoinov KNR* [The Orochon language: Corpus study of the oral speech of the Oroqens of China]. Blagoveshchensk : Odeon Press.
- Nadelyayev, V. M. (1980). Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh [Articulatory classification of the vowels]. *Foneticheskiye issledovaniya po sibirskim yazykam* [Phonetic studies in Siberian languages] (pp. 3–91). Novosibirsk.
- Natsional'nyy sostav i vladeniye yazykami, grazhdanstvo: Stat. Sbornik Altaystat. (2013). [National composition and language skills, citizenship: Stat. Collection Altaystat]. Gorno-Altaysk.
- O Edinom perechne korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii [The Unified list of small indigenous peoples of the Russian Federation]. Retrieved August 18, 2020 from <<http://docs.cntd.ru/document/901757631>>.
- Ryzhikova, T. R., Dobrinina, A. A., Urtegeshev, N. S. (2019). Artikulyatornye kharakteristiki realizatsiy zvukov tipa «a» v barabinskom, altayskom i bashkirskom yazykah v sopostavitel'nom aspekte [Articulatory Traits of “a”-Type Sound Realizations in the Barabian, Altai, and Bashkir Languages in the Comparative Aspect]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 18 (9) : Philology, 127–143.
- Sarbasheva, S. B. (2004). *Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altayskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte)* [The Phonological system of tuba-dialect of the Altai language (In comparative aspect)]. Novosibirsk : Sibirskiy khronograf Press.
- Selyutina, I. Ya. (1990). Korrelyatsiya kachestvennykh i kolichestvennykh parametrov glasnykh [Correlation of qualitative and quantitative parameters of vowels]. *Sistemnost' na raznykh urovnyakh yazyka (na materiale yazykov Sibiri)* [Systematicity at different levels of the language (Based on Siberian languages)] (pp. 153–165). Novosibirsk.
- Selyutina, I. Ya. (1998). *Kumandinskiy vokalizm* [The Kumandin vocalism]. – Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Press.
- Selyutina, I. Ya. (2008). *Vvedenie v obshchuyu fonetiku* [Introduction to General phonetics] : A coursebook. Novosibirsk : Novosibirsk State University Press.
- Selyutina, I. Ya., Urtegeshev, N. S., Letyagin, A. Yu., Shevela, A. I., Dobrinina, A. A., Esenbayeva, G. A. (2011). *Artikulyatornyye bazy tyurkskikh etnosov Yuzhnoy Sibiri (po dannym MRT i tsifrovoy rentgenografii)* [Articulatory bases of South Siberian Turkic ethnic groups (The data of magnetic-resonance tomography (MRI) and digital roentgenography)]. Novosibirsk.
- Urtegeshev, N. S. (2007). Opreделение stupeni otstupa glasnogo po rentgenoskheme [Determining a degree of vowel off-glide using a roentgenoscheme]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 4, 10–15.
- Chumakaeva, M. Ch. (1984). Artikulyatornye nastroyki glasnykh tverdogo ryada v altayskom yazyke (po dannym sticheseskogo rentgenografirovaniya) [Articulatory settings of soft vowels in the Altai language (Static radiography data)]. *Issledovaniya zvukovykh sistem yazykov Sibiri* [Studies of sound systems of the languages of Siberia] (pp. 22–27). Novosibirsk.
- Chumakaeva, M. Ch. (1988). Artikulyatornye nastroyki myagkoryadnykh glasnykh altayskogo yazyka (po dannym sticheseskogo rentgenografirovaniya) [Articulatory settings of soft vowels of the Altai language (according to static radiography)]. *Voprosy altayskogo yazykoznaneya* [Topics in the study of Altai languages] (pp. 29–35). Gorno-Altaysk.
- Shaldanova, A. A. (2007). *Vokalizm dialekta altay-kizhi v sopostavitel'nom aspekte* [Vocalism of the Altai-Kizhi dialect in comparative aspect]. Novosibirsk.

Жиркова Евгения Егоровна
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
г. Якутск, Россия
jenyasyr@mail.ru

Структурные особенности образной и оноματοпоэтической лексики якутского и японского языков

Аннотация

В статье в сравнительно-сопоставительном плане рассматриваются образная и оноματοпоэтическая лексика якутского и японского языков, которая в обоих языках представлена богато и отражает национальное своеобразие языков. Такое изучение может способствовать выявлению межъязыковых универсалий и национальной специфики в данном пласте лексики языка. Целью статьи является определение особенностей структуры указанной лексики рассматриваемых языков. Для этого анализируется фонетическая структура слов с опорой на исследования Л. Н. Харитоновой и Е. Д. Поливанова. Также были рассмотрены морфологическая структура образных глаголов и влияние структурной формы на семантику слова.

Сравнительный анализ структур выявил сходства как во внешнем оформлении образной и оноματοпоэтической лексики, так и в функционировании в предложении. Установлено, что основную часть образной лексики в якутском языке занимают образные глаголы, подробно описанные Л. Н. Харитоновым, который выделил 2 элемента образного глагола: корневой и аффиксальный. В японском языке, напротив, собственно оноματοпоэтические глаголы являются редкостью: в основном употребляется вербализатор *-suru* 'делать', который прикрепляется к оноματοпоэтическим словам. В ходе исследования также выявлено, что на семантическое разнообразие якутских образных глаголов влияют аффиксальные элементы видовых форм глагола, а также звуковой состав слова (идеофонемы, по Л. А. Афанасьеву). Разнообразие японских оноματοпоэтических слов возникает за счёт структурных элементов (удвоение согласного в середине слова, назальный N, суффикс *-ri*, удлинение, редупликация) и фонем в составе слога.

Ключевые слова: образная лексика, оноματοпоэтическая лексика, якутский язык, японский язык, структура, семантика.

© Жиркова Е. Е. 2020

1. Введение [Introduction]

Образная лексика представляет национальную специфику того или иного языка. В большинстве случаев образные слова тесно связаны с звукоподражательными словами. Во многих языках нет чёткого разграничения между образными и звукоподражательными словами. В языкознании существует целый ряд терминов, обозначающих данный пласт лексики языков: звукоименные, звукоизобразительные, подражательные, картинные слова, идеофоны, мимемы и т. д. Для якутского языкознания принят термин «образные слова», в японском – «оноματοпоэтическая лексика», «оноματοпоэтики».

Ц е л ь ю предлагаемой статьи является определение особенностей структурной организации образной и оноματοпоэтической лексики якутского и японского языков в сравнительно-сопоставительном плане.

Выявление универсалий и типологических закономерностей путём сравнительного изучения языков на разных их уровнях вызывает интерес лингвистов не одно столетие и остаётся актуальным по сей день. Как известно, образная лексика как особый пласт языка является результатом образного мышления человека. Её воплощение в

звуковую оболочку и передача через вербальные средства языка представляют несомненный интерес, особенно в сравнительном плане для выявления межъязыковых универсалий и национальной специфики данного пласта языка.

Выбор языков объясняется тем, что, во-первых, оба языка, по мнению многих исследователей, входят в алтайскую языковую семью и, во-вторых, их отличает от других языков семьи именно наличие богатой образной лексики.

Фонетическая и морфологическая структура образных слов якутского языка была рассмотрена в трудах Л. Н. Харитоновой [Харитонов, 1943, 1954, 1960], где автор представил наиболее полную структурную характеристику образных слов. Интересный подход в исследовании влияния идеофона на содержательную сторону образного слова был применён в [Афанасьев, 1992]; в рамках изучения средств выражения экспрессивности в якутском языке была также рассмотрена экспрессивность образной лексики в [Николаева, 2014]. Ономатопоэтической лексике японского языка были посвящены труды отечественных учёных [Поливанов, 1968 ; Чиронов, 2004 ; Румак, 2007], а среди японских исследователей можно выделить работы [Кобаяси, 1933 ; Киндайти, 1978 и др.].

На материале якутского языка в сравнении с материалом других представителей алтайской семьи языков образная лексика стала предметом монографического исследования по семантике образных прилагательных с привлечением материала бурятского и киргизского языков в [Егинова, 2014], а также в статьях о лексических средствах выражения категории образности в якутском и монгольском языках [Монастырев, Ефремов, 2019] и об образных глаголах якутского и монгольского языков, характеризующих части тела человека [Шамаева, Прокопьева, 2019].

2. Фонетическая структура образных и ономатопоэтических слов [Phonetic Structure of figurative and onomatopoeic words]

И образная, и ономатопоэтическая лексика якутского и японского языков входят в единую изобразительную систему языка наряду с звукоподражательными словами, но рассматриваются как самостоятельный разряд слов. Главным различием является то, что образные и ономатопоэтические слова обладают смысловым содержанием, в то время как звукоподражательные слова лишь приблизительно воспроизводят копию звуков окружающей среды. В якутском языке образные слова определяются, как «неизменяемые слова, выражающие чувственные представления о движении, о признаках предмета и о внутреннем состоянии организма» [Харитонов и др., 1982, с. 375]. В японском языке используется термин «гитайго», который буквально переводится как «слово, подражающее поведению, состоянию или ситуации» [Подшибякина, 2003, с. 10].

По внешней форме среди образных слов якутского языка выделяются две основные группы: 1) первичные основы, не сводимые ни к какому другому типу слов, 2) слова соотносительные с глаголами. К первой группе относятся слова типа *ах гын* 'вдруг перестать, прекратиться внезапно'. Слова этой группы обычно бывают односложные и двусложные. Некоторые из них по значению совпадают с звукоподражательными словами, т. е. служат для обозначения не только зрительно-моторных, но и слуховых впечатлений. Например, *сын гын* означает: 1) подражание свисту от короткого взмаха кнутом или прутком; 2) быстро промелькнуть, прошмыгнуть, юркнуть [Харитонов, 1943, с. 63]. Слов, относящихся к этой группе, немного. Их значение характеризуется как сравнительно простое, не обременённое сложным комплексом значений, присущим образным глаголам.

Гораздо более многочисленной и разнообразной является группа образных слов, соотносительных с глаголами. Именно среди этой группы обнаруживаются наиболее сложные по значению слова, символизирующие нередко целые картины и комплексы представлений.

В якутском языке ранее выделены следующие наиболее распространённые структурные типы корней.

Тип СГС (*дык гын-*). Почти все односложные корни состоят из первичных замкнутых корней: *был (курдук)* 'чрезмерно мягкий, вязкий'. Из числа активно употребляющихся односложных корней только два имеют структуру ГС: *ил (гын-)* 'внезапно обдать теплом, тёплым или прохладным воздухом', *ах (гын-)* 'внезапно прекратиться, перестать'.

Тип СГСГС (*күлүм гын-*). К двусложным корням этого типа относятся: *мөбүл (гын-)* – 'вдруг дрогнуть от страха, предчувствия беды (о сердце)'. Редко встречаются корни типа ГГСГС: *ибир (гын-)* 'судорожно дёрнуться'.

Тип СГСГСГС (*күлүкүс гын-*). К этому типу относится небольшое количество трёхсложных слов: *мунньарах (гын-)* 'состроить гримасу, исказить лицо, образуя толстые складки'. Редко встречается тип ГГСГСГС: *элэкис (гын-)* 'мелькнуть смутной тенью'.

В двусложных и трёхсложных основах можно выделить несколько структурных элементов: *-ыр (ибир, силир, такыр)*, *-ыгыр (лиһигир)*, а также с аффиксом –с для обозначения однократного и мгновенного вида (*хоной* – быть вытянутым, *хонос (гын-)* – внезапно вытянуться) [Харитонов и др., 1982, с. 381–382].

В якутском языке довольно многочисленными являются сложные по своей структуре образные слова. Они имеют удвоенную и парную формы (*тырах-тырах*). Удвоенные образные слова показывают повторяемость, многократность проявления одного и того же образа: *ибир-ибир* 'испытывать лёгкое сотрясение, трястись', *тырах-тырах* 'помаленьку, понемногу (капать)'.

В японском языке выделяется 3 основных вида образования ономапоэтических слов. Самый распространённый из них представляет собой удвоенное двусложное сочетание согласного и гласного. Например, *tadotado* СГСГСГСГ 'о неровной походке'. Нередко встречается сочетание СГССГС (*ponpon* 'легко прыгать и скакать'), в котором закрывающий слог носовой согласный *n* воспринимается носителями языка как дифтонг. *n* является единственным одиночным согласным, так как японская азбука является силлабической (СГ – одна буква, например, ТА). Поэтому, с точки зрения носителя японского языка, *tadotado* и *ponpon* имеют одинаковую слоговую форму.

Второй формальный вид ономапоэтических слов представляет собой двусложную основу СГСГ с суффиксом *-ri* (*kyorori* 'оглядеть быстро вокруг'). При этом, если второй согласный является глухим, то он удваивается. Например, *shakkiri* СГССГг 'держаться прямо, стоять прямо'. Второй вид ономапоэтических слов также может встречаться в удвоенной форме: *pakuripakuri* СГСГггСГСГгг 'курить долго; есть, широко открывая рот'.

Третий формальный вид является самым коротким и представляет собой двусложный комплекс с удвоенным вторым согласным (*nukku* СГССГ 'стоять решительно, подняв голову'). Вариантом третьего вида выступает односложная форма, тесно сросшаяся с суффиксом *-to* (который возможен и после всех видов, в том числе и после оканчивающихся на *-ri*). К ним принадлежат: *sutto* СГСto 'подняться легко' [Поливанов, 1968, с. 300–303].

Одна и та же основа может образовать сразу несколько формальных видов ономапоэтических слов: *kosokoso*, *kosori*, *kossori*, *kosotto*. При этом все имеют примерно одинаковое значение «шёпотом, втихомолку, украдкой, незаметно».

В якутском языке собственно образные слова, которые относятся к неизменяемым, по фонетической структуре и функционированию в предложении соотносятся с ономапоэтическими словами японского языка. Но, как уже упоминалось выше, собственно образных слов в системе образной лексики якутского языка относительно мало – основную часть занимают производные образные глаголы и образующиеся от них

наречия (с помощью суффикса *-ччы*) и прилагательные (с помощью суффикса *-бар*). В японском языке наблюдается противоположная картина: основной формой ономатопоэтических слов является неизменяемое слово, соотносимое с наречием. Ономатопоэтических глаголов в японском языке немного.

3. Образные и ономатопоэтические глаголы [Figurative and onomatopoeic verbs]

Образные глаголы, которые определяются как «группа глаголов, в значении которых главную роль играют чувственное восприятие и движение, причём в подавляющем большинстве случаев выступает зрительный образ» [Харитонов, 1954, с. 203], занимают значительное место в образной лексике якутского языка. С точки зрения морфологии в образных глаголах выделяются 2 элемента: корневой и аффиксальный. При этом различаются четыре типа корней образных глаголов [Харитонов, 1954, с. 213]:

1. Корни звукоподражательного происхождения. Такой тип корней встречается в значительном количестве основ образных глаголов. Например, корень *был* (*былк*) несёт звукоподражательное значение и связан с представлением о полужидкой или жидкой консистенции (грязь, вода, мягкий и влажный язык). Данный корень присутствует в следующих образных глаголах: *быллай* 'сильно вытягиваться, отвисать' [БТСЯЯ, Т. 2, 2005, с. 708], *былчай* (*былчай*) 'выпучиваться; выпирать через край (о глазах, о воде)' [Харитонов, 1954, с. 287].

2. Корни звуко-мимического происхождения. Сюда относятся образные глаголы, характеризующие главным образом мимику или мину лица, преимущественно обусловленную различным положением губ и связываемую с определённым звукопроизношением. К числу образных глаголов, образованных от звуко-мимических корней, относятся следующие: *морбой* 'быть, казаться узким, удлинённым, с торчащими вперёд губами (о лице)' [БТСЯЯ, Т. 6, 2009, с. 292], *дьонпой* 'вдыхать и выдыхать, надувая и вытягивая губы' [БТСЯЯ, Т. 3, 2006, с. 408].

3. Омертвелые корни. Данный тип корня образных глаголов широко распространён и преобладает по своему количеству. Особенностью этих корней является то, что большинство из них обнаруживается не только в образных глаголах, но и в словах из общего словарного фонда якутского языка. Например, *намылдьый* 'склонившись, слегка, спокойно покачиваться (о густой, тяжёлой ветке)' [БТСЯЯ, Т. 6, 2009, с. 452] и *намтаа* 'снижаться, опускаться, садиться, заходить на посадку' [БТСЯЯ, Т. 6, 2009, с. 448].

4. Живые корни. Глаголов, относящихся к этому типу, немного. Живые корни являются неизменяемыми образными словами, чаще всего входящими в состав аналитических форм. Например, от *дьик гын* 'вздрыгнуть (от неожиданности, испуга)' [БТСЯЯ, Т. 3, 2006, с. 339] образуется *дьигиһий* 'испытывать дрожь, дрожать (напр., от холода, нервного напряжения)' [БТСЯЯ, Т. 3, 2006, с. 333].

Для аффиксального типа характерен общий для всех образных глаголов конечный аффикс *-й*, который не выступает в качестве самостоятельной морфемы, а вводится вместе с гласными, например, *тар+-ай*, *ным+-ий*. Часто встречаются также аффиксы и с гласным, и с согласным, образуя закрытый слог, например, *был+-тай*, *ар+-сай*. По способу и месту образования начального согласного (губные, заднеязычные, переднеязычные, среднеязычные) аффиксальные элементы двусложных образных глаголов делятся на несколько групп форм: *-бай* (*-бий*) с вариантами; *-бай* (*-гий*) с вариантами; *-дай* (*-дый*) с вариантами; *-лай* (*-най*, *-най*) с вариантами; *-чай* (*-чий*), *-сай* (*-сий*) с вариантами.

Аффиксальные элементы трёхсложных основ сводятся к следующим типам: 1) *-лый* (*-ылый*), 2) *-рый* (*-ырый*), 3) *-аар* (*ый*), 4) *-кый* (*ыкый*), 5) *-ный* (*ыный*) [Харитонов, 1954, с. 232–233].

В японском языке переход оноματοпоэтических слов в разряд глаголов происходит несколькими путями. Значительная часть данных слов сочетается с вербализатором *-suru* (делать): *hotto suru* 'облегчённо выдохнуть'. Существует малочисленная группа оноματοпоэтических глаголов, образованных при помощи суффиксов *-meku*, *-tsuku*, *-keru*, *-ru* [Румак, 2003, с. 50]. Наиболее продуктивным из них является *-tsuku*, употребляющийся исключительно с оноματοпоэтическими корнями. И *-tsuku*, и *-meku* передают статичное состояние, постоянное движение. При этом *-meku* передаёт оттенок менее сильного или более эстетичного проявления черты, а *-tsuku* – более грубую, прямую характеристику признака. Например, *hoshi ga kirameku* 'сияют звёзды', но *yasui akusesori: ga kiratsuku* 'сверкают дешёвые украшения' [Чиронов, 2004, с. 24].

Также в японском языке существуют так называемые фразеологические комплексы, образованные по формуле «оноματοпоэтическое наречие + глагол» устойчивые словосочетания. Имеется множество оноματοпоэтических наречий, которые употребляются только с теми или иными глаголами. Так, только с глаголом *warau* 'смеяться' фразеологический комплекс образуют следующие оноματοпоэтические слова, означающие оттенки смеха: *nikoniko warau* 'улыбаться', *niyaniya warau* 'ухмыльнуться', *kusukusu warau* 'хихикать', *geragera warau* 'хохотать'. Точно так же с глаголом *naku* 'плакать' употребляются следующие слова: *enen naku* 'плач ребёнка', *oioi naku* 'горько плакать', *shikushiku naku* 'всхлипывать, хныкать (о девушках)', *mesomeso naku* 'всхлипывать'.

Из изложенного выше следует, что образные глаголы якутского языка представлены намного шире и составляют основную часть образной лексики, тогда как в японском языке оноματοпоэтические глаголы представляют собой достаточно редкое явление. Гораздо чаще можно встретить так называемые фразеологические комплексы – устойчивые словосочетания, образованные по формуле «оноματοпоэтическое наречие + глагол».

4. Влияние структурной формы на семантику образного и оноματοпоэтического слова [Structural form influence on figurative and onomatopoeic word]

Значение отдельных звуков в составе образных слов на материале якутского языка было рассмотрено Л. А. Афанасьевым [Афанасьев, 1992]. По мнению автора, каждый звук в образном слове содержит определённое значение, и поэтому их следует называть идеофонемами. В составе основы образного слова идеофонемы проявляют своё образное содержание. Состав согласных идеофонем, содержащихся в основе образных слов и носящих основное значение, называется моделью. Модель в речи актуализируется посредством огласовки. В зависимости от того, какие гласные вошли в состав модели, образ, заключённый в модели, получает соответствующее пространственное содержание. Слова, образованные путём огласовки модели, называются вариантами. Например, слова *баллай-*, *боллой-*, *бэллэй-*, *бөллөй-* являются вариантами модели б-лл-й-. Все они выражают общее представление об округлых, раздутых губах или лице, но в зависимости от гласной идеофонемы меняют оттенок значения.

Представление о том, что семантическое разнообразие образным глаголам придают видовые формы мы находим [Харитонов, 1954, с. 242]. Он выделял основу образного глагола, которая является исходной формой. Путём присоединения к данной «чистой» основе видовых аффиксов появляются дополнительные оттенки глагольного значения. Практически все образные глаголы с двусложными основами могут принимать эти формы. Например, видовая форма подвижности образного глагола *бөкөй-* 'сутулиться, сгибаться' будет *бөкөрүй-*, что уже означает 'быстро ходить, двигаться ссутулившись, согнувшись'. Данная форма призвана превращать образные глаголы со статичным значением в динамичные. Ранее было рассмотрено влияние видовой формы

на семантическое значение на примере образных глаголов, описывающих походку человека [Жиркова, 2017]. Рассмотрим несколько примеров, на которых можно продемонстрировать изменения в оттенках семантических значений образных глаголов в зависимости от грамматической семантики видовой формы:

– форма мгновенности и однократности: *хоной-* 'напряженно вытягивать шею и высоко поднимать голову (о человеке)'¹ [Харитонов, 1954, с. 301] – *хонос гын* 'внезапно вытянуться, напряженно выпрямляя шею' [Харитонов, 1954, с. 245];

– форма равномерной кратности: *кынтай-* 'быть стройным, с высоко, горделиво поднятой головой' [БТСЯЯ, Т. 5, 2008, с. 272] – *кынтагнаа-* 'быть в движении, надменно закидывая, задирая голову рывками' [Харитонов, 1954, с. 248];

– форма раздельной кратности: *дырай-* 'быть чересчур длинноногим; ходить, бегать на длинных ногах' [БТСЯЯ, Т. 3, 2006, с. 215] – *дыралдьый-* 'ходить, двигаться, бросаясь в глаза своими длинными ногами и высокой и тонкой фигурой' [Харитонов, 1954, с. 251];

– форма учащённой кратности: *дыабай-* 'быть, казаться приподнятым на широко расставленных длинных ногах' [БТСЯЯ, Т. 3, 2006, с. 206] – *дыабахаччый-* или *дыабабалдьый-* 'производить резкие торопливые движения, имея чрезмерно длинные по отношению к туловищу ноги' [Харитонов, 1954, с. 252];

– форма замедленности: *чолой-* 'задирать голову кверху, выставляя вперёд подбородок' [Харитонов, 1954, с. 302] – *чолооруй-* 'медленно поднимать лицо кверху, медленно двигаться, задирая голову' [Харитонов, 1954, с. 254].

Как видно из примеров, благодаря аффиксам видовых форм, образуются новые образные глаголы с разнообразными смысловыми оттенками, и расширяется в целом вся образная лексика якутского языка.

В японском языке звуковое оформление тоже может влиять на смысловое содержание ономастопозитических слов. Особенность фоносемантического исследования ономастопозитиков японского языка заключается в том, что звуки рассматриваются в зависимости от строения основы: односложная или двусложная. В односложных основах гласные могут передавать форму, размер, направление и степень концентрированности явления. Например, [o] означает лёгкость (*ропроп* 'легко прыгать и скакать'), [u] – внезапность, резкость (*зунзун* 'идти быстрыми шагами неуклонно вперёд') [Сыромятникова, 2011, с. 34].

На значение ономастопозитических слов могут также влиять структурные элементы слова. Выше о них мы писали, это – удвоение согласного в середине слова (геминация), назальный N, суффикс *-ri*, удлинение, редупликация. Эти свойства элементов подробно описаны в [Чиронов, 2004].

Удвоение согласного (геминация) в ономастопозитических словах может быть не только в середине слова, но и в конце слова, внутри редупликации. В зависимости от позиции удвоения меняется смысловая нагрузка слова. Так, удвоение согласного в середине может выражать «сдерживаемый динамизм», «застопоренное действие» (*botteri* 'быть тяжеловесным'). Удвоение в конце слова может означать «начало действия» (*gaba(tto)* 'резко встать на ноги'), «быстроту и стремительность действия» (*gabu(tto)* 'широко открыв рот, разом откусить или проглотить большое количество еды'), «резкое завершение действия» (*kote(tto)* 'вдруг упасть без сил') и «резкое мгновенное протекание действия» (*muka(tto)* 'вдруг почувствовать тошноту'). В редупликационных словах удвоение может также указывать на «медлительность действия» (*kokkurikokkuri* 'двигать взад-вперёд головой, телом в полусонном состоянии') [Чиронов, 2004, с. 68–69, 82].

Назальный N часто употребляется для изображения резонирующего, не сразу заканчивающегося действия. Действие, описываемое с помощью этой вставки, не прекра-

шается внезапно, имеет эффект, который длится после его окончания [Чиринов, 2004, с. 69]. Например, *burunburun* 'дрожать всем телом'. Здесь предполагается, что дрожание продолжается некоторое время, а не резко начинается и заканчивается.

Суффикс *-ri*, по утверждению В. С. Чиринова, не имеет ярко выраженной символической функции, скорее является показателем высокой степени лексикализации ономастического слова [Чиринов, 2004, с. 72]. В отличие от геминаты и назальной N, суффикс *-ri* передаёт оттенок менее динамичного, плавного действия, ослабляет интенсивность значения. Например, *giro(tto)* 'резко двигать глазами, сильно смотреть' – *gigori* 'бросить грозный, угрожающий взгляд'. В редупликационных словах *-ri* выполняет функцию показателя множественного действия, а также замедленности действия (*musharimushari* 'безостановочно есть, широко открывая рот').

Удлинение гласного в ономастических словах символически передаёт «длительность явления», «его больший пространственный охват (площадь, длину, ширину или глубину)» и «силу признака» [Чиринов, 2004, с. 74]. Например, *zo(tto)* 'резко задрожать всем телом от страха или холода' – *zo:(tto)* 'дрожать от холода или страха'.

Редупликационные ономастические слова передают значение динамически развивающегося действия, придают оттенок обычно совершающегося (постоянного или многократного) действия. Например, *pikuri, pikun* 'еле двигаться из-за того, что свело тело или часть тела' – *pikuriku* 'мелко дрожать, как от судорог'.

5. Заключение [Conclusion]

Рассмотрев фонетико-морфологическую структуру образных и ономастических слов якутского и японского языков, мы пришли к следующим выводам.

1. Собственно образные слова (гитайго) якутского языка самостоятельно не употребляются и являются неизменяемыми словами. Их в якутском языке немного. Именно собственно образные слова по внешней форме и функционированию близки к ономастическим словам японского языка.

2. Большую часть образной лексики якутского языка занимают образные глаголы. Существует целая система аффиксов, с помощью которых образуются образные глаголы и их видовые формы. В японском языке, наоборот, ономастических глаголов немного. Есть определённая группа ономастических слов, употребляющаяся только с отдельными смысловыми глаголами, образуя так называемые фразеологические комплексы.

3. На содержательную сторону образной лексики якутского языка могут влиять отдельные звуки – идеофонемы и видовые формы образных глаголов; в японском языке – звуковой состав слова и структурные элементы ономастического слова (удвоение согласного в середине слова (гемината), назальный N, суффикс *-ri*, удлинение, редупликация).

Предпринятое исследование выполнено в рамках подготовки диссертационной работы. Перспективы дальнейшего исследования видятся в сравнительном изучении лексико-семантических особенностей образной и ономастической лексики якутского и японского языков.

Список литературы

- Афанасьев, 1993 – Афанасьев Л. А. Фоносемантика образных слов якутского языка : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.06 / Афанасьев Лазарь Андреевич ; Якутский ин-т языка, литературы и истории. Якутск, 1993. 21 с.
- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка. 1–15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск : Наука, 2004–2018.

- Харитонов и др., 1982 – Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1 : Фонетика. Морфология / Л. Н. Харитонов, Е. И. Коркина, Н. Д. Дьячковский, С. А. Иванов, П. А. Слепцов, Н. Е. Петров. М. : Наука, 1982. 495 с.
- Егинова, 2014 – Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка. Новосибирск : Наука, 2014. 231 с.
- Жиркова, 2017 – Жиркова Е. Е. Особенности образных глаголов, выражающих походку человека, в якутском языке (с привлечением материала японского языка) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 118–124.
- Монастырев, Ефремов, 2019 – Монастырев В. Д., Ефремов Н. Н. Лексические средства выражения категории образности в якутском и монгольском языках (на материале образных глаголов визуального действия, характеризующих движение) // Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками). Якутск : Издательский дом СВФУ, 2019. С. 163–174.
- Николаева, 2014 – Николаева А. М. Средства выражения экспрессивности в якутском языке. Новосибирск : Наука, 2014. 128 с.
- Подшибякина, 2003 – Подшибякина А. А. Оноματοпоэтическая лексика в японском языке. М. : Муравей, 2003. 33 с.
- Поливанов, 1968 – Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию: Избранные работы. М. : Наука, 1968. 376 с.
- Румак, 2007 – Румак Н. Г. Теоретические и практические проблемы межъязыковых соответствий (на примере оноματοпоэтической лексики японского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Румак Наталья Георгиевна ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2007. 155 с.
- Сыромятникова, 2011 – Сыромятникова Е. Е. Фоносемантика образных слов якутского и японского языков // Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых. Вып. 2 / отв. ред. С. И. Боякова. Якутск : Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2011. С. 32–35.
- Харитонов, 1943 – Харитонов Л. Н. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск : Гос. изд-во ЯАССР, 1943. 84 с.
- Харионов, 1954 – Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1954. 312 с.
- Харитонов, 1960 – Харитонов Л. Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.-Л. : Наука, 1960. 179 с.
- Чиронов, 2004 – Чиронов С. В. Оноματοпоэтические слова в современном японском языке (проблемы функционирования) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Чиронов Сергей Владимирович ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2004. 221 с.
- Шамаева, Прокопьева, 2019 – Шамаева А. Е., Прокопьева С. М. Образные глаголы якутского языка, характеризующие части тела человека в сопоставлении с монгольским языком // Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками). Якутск : Издательский дом СВФУ, 2019. С. 147–162.
- Киндайти, 1978 – Kindaichi H. Giongo-gitaigo gaisetsu [Основные черты оноματοпоэтических слов] // Giongo-gitaigo Jiten [Словарь оноματοпоэтических слов]. Tokyo : Kadokawashoten, 1978. P. 3–25. (На япон. яз.)
- Кобаяси, 1935 – Kobayashi H. Kokugo sho:cho:on-no kenkyu [Исследование звуко-символизмов японского языка] // Gengogaku houhou tankou [Методы в лингвистике]. Tokyo : Sanseido, 1935. P. 1313–1359. (На япон. яз.)

Eugenia E. Zhirkova
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia
jenyasyr@mail.ru

Structural features of figurative and onomatopoeic vocabulary of the Yakut and Japanese languages

Abstract

The article aims at comparative analysis of the figurative and onomatopoeic vocabulary of the Yakut and Japanese languages, which is richly presented in both languages and reflects their national identity. This study contributes into identifying interlanguage universals and national specifics in this layer of the language vocabulary. The focus is made on determining the features of the structure of the vocabulary of the languages under consideration. For this, the phonetic structure of such words is analyzed, based on the research of L. N. Kharitonov and E. D. Polivanov. The morphological structure of figurative verbs was also investigated, as well as the influence of the structural form on the semantics of the word.

A comparative analysis of the structures revealed similarities both in the word-building patterns of the vocabulary units and in their functioning in the sentence. It was found that the main part of the figurative vocabulary in the Yakut language is represented by figurative verbs described in detail by L. N. Kharitonov who singled out 2 elements of the figurative verb: root and affix. In Japanese, on the contrary, pure onomatopoeic verbs are rare: the verbalizer *-suru* 'to do' is mainly used being attached to onomatopoeic words. The study also found that the semantic diversity of figurative verbs in Yakut is influenced by the affix elements of the specific verb forms, as well as the sound composition of the word (ideophonemes, according to L. A. Afanasyev). In Japanese, structural elements (doubling of the consonant word internally, nasal N, suffix *-ri*, lengthening, reduplication) and phonemes in the syllable contribute into such verbs diversity.

Keywords: figurative vocabulary, onomatopoeic vocabulary, the Yakut language, the Japanese language, structure, semantics.

© Zhirkova E. E. 2020

References

- Afanas'ev, L. A. (1993). *Fonosemantika obraznykh slov yakutskogo yazyka* [Phonosemantics of figurative words of the Yakut language]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Yakutsk : Yakut Institute of Language, Literature and History.
- Sleptsov, P. A. (Ed.). (2004–2018). *Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Large explanatory dictionary of Yakut language] (GSYaLYa). Vol. 1–15. Novosibirsk : Nauka Press.
- Kharitonov, L. N., Korkina, E. I., D'yachkovskiy, N. D., Ivanov, S. A., Sleptsov, P. A., Petrov, N. E. (1982). *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Fonetika. Morfologiya* [Grammar of the modern Yakut literary language. Phonetics. Morphology]. Moscow : Nauka Press.
- Eginova, S. D. (2014). *Obraznye prilagatel'nye yakutskogo yazyka* [Figurative adjectives of Yakut language]. Novosibirsk : Nauka Press.
- Zhirkova, E. E. (2017). *Osobennosti obraznykh glagolov, vyrazhayushchikh pokhodku cheloveka, v yakutskom yazyke (s privilecheniem materiala yaponskogo yazyka)* [Features of figurative verbs expressing a person's gait in the Yakut language (using material from the Japanese language)]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern humanitarian bulletin], 3 (20), 118–124.

- Monastyrev, V. D., Efmov, N. N. (2019). Leksicheskie sredstva vyrazheniya kategorii obraznosti v yakutskom i mongol'skom yazykakh (na materiale obraznykh glagolov vizual'nogo deystviya, kharakterizuyushchikh dvizhenie) [Lexical means of expressing the category of figurativeness in the Yakut and Mongolian languages (based on figurative verbs of visual action that characterize movement)]. *Kategoriya obraznosti v yazyke (na materiale sopostavleniya yakutskogo yazyka s kazakhskim, kirgizskim, altayskim i mongol'skim yazykami)* [Category of figurativeness in the language (based on the comparison of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages)] (pp. 163–174). Yakutsk : Publishing house of NEFU.
- Nikolaeva, A. M. (2014). *Sredstva vyrazheniya ekspressivnosti v yakutskom yazyke* [Means of expression in the Yakut language]. Novosibirsk : Nauka Press.
- Podshibyakina, A. A. (2003). *Onomatopoeicheskaya leksika v yaponskom yazyke* [Onomatopoeitic vocabulary in Japanese language]. Moscow : Muravey Press.
- Polivanov, E. D. (1968). *Stat'i po obshchemu yazykoznaniiu: Izbrannye raboty* [Articles on general linguistics: Selected works]. Moscow : Nauka Press.
- Rumak, N. G. (2007). *Teoreticheskie i prakticheskie problemy mezh'yazykovykh sootvetstviy (na primere onomatopoeicheskoy leksiki yaponskogo yazyka)* [Theoretical and practical issues of interlingual correspondences (The example of the onomatopoeitic vocabulary of the Japanese language)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow.
- Syromyatnikova, E. E. (2011). Fonosemantika obraznykh slov yakutskogo i yaponskogo yazykov [Phonosemantics of onomatopoeitic vocabulary in Yakut and Japanese languages]. *Gumanitarnye nauki v Yakutii: issledovaniya molodykh uchenykh* [Humanities in Yakutia: The researches of young scholars]. Press 2. (pp. 32–35): Yakutsk : Publ. IHIPN SB RAS Press.
- Kharitonov, L. N. (1943). *Neizmenyaemye slova v yakutskom yazyke* [Immutable words in the Yakut language]. Yakutsk : State Publ. of Yakut ASSR.
- Kharitonov, L. N. (1954). *Tipy glagol'noy osnovy v yakutskom yazyke* [Types of verb stem in Yakut]. Moscow, Leningrad : Publ. AS USSR.
- Kharitonov, L. N. (1960). *Formy glagol'nogo vida v yakutskom yazyke* [Forms of verb mode in Yakut language]. Moscow, Leningrad : Nauka Press.
- Chironov, S. V. (2004). *Onomatopoeicheskie slova v sovremennom yaponskom yazyke (problemy funktsionirovaniya)* [Onomatopoeitic words in modern Japanese language (Problems of functioning)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Lomonosov Moscow State University.
- Shamaeva, A. E., Prokop'eva, S. M. (2019). *Obraznye glagoly yakutskogo yazyka, kharakterizuyushchie chasti tela cheloveka v sopostavlenii s mongol'skim yazykom* [Figurative verbs of Yakut language characterizing human body parts in comparison with Mongol language]. In: *Kategoriya obraznosti v yazyke (na materiale sopostavleniya yakutskogo yazyka s kazakhskim, kirgizskim, altayskim i mongol'skim yazykami)* [Category of figurativeness in the language (based on the comparison of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages)] (pp. 147–162). Yakutsk : NEFU Press.
- Kindaichi, H. (1978). *Giongo-gitaigo gaisetsu* [Main features of onomatopoeitic words]. *Giongo-gitaigo Jiten* [Dictionary of onomatopoeitic words] (pp. 3–25.). Tokyo : Kadokawashoten. (In Japanese).
- Kobayashi, H. (1935). *Kokugo sho:cho:on-no kenkyu* [Study of Japanese Sound Symbols]. *Gengogaku houhou tankou* [Linguistic methods] (pp. 1313–1359). Tokyo : Sanseido. (In Japanese).

Иванцова Юлия Александровна
Институт общественных наук и международных отношений
Севастопольский государственный университет
г. Севастополь, Российская Федерация
julsan84@mail.ru

Эволюция социальной составляющей лингвокультурного мегаконцепта «HUMAN BEING» в англоязычных версиях Библии

Аннотация

В данной статье рассматривается специфика эволюции социальной составляющей лингвокультурного мегаконцепта HUMAN BEING, который реализуется в англоязычном библейском дискурсе. Анализируется корреляция между корпусом языковых средств вербализации концептуальных структур и особенностями историко-социокультурных условий создания исследуемых версий Святого Писания. Согласно гипотезе исследования, разные временные периоды по-разному стимулируют эволюцию библейского дискурса, что выступает средой существования мегаконцепта, который не остаётся неизменным. Особое внимание в данном случае уделяется макроконцепту SOCIAL POSITION, представленному составляющими WEALTH и POVERTY, что раскрывают образы материально обеспеченных и нуждающихся людей, и катаконцептом OCCUPATION (с составляющими ADMINISTRATION, ARMY, PRIESTHOOD, CRAFTSMANSHIP, SERVITUDE), который актуализирует номинации представителей различных видов профессиональной занятости. По результатам проведённого исследования можно сделать вывод, что комплекс вербализаторов макроконцепта включает как универсальные единицы, воплощающие константу концептуальной структуры, так и субституции объективаторов. Лексико-семантические вариации позволяют раскрыть национально-культурные особенности анализируемого макроконцепта SOCIAL POSITION с учётом лингвальных и экстралингвальных факторов, таких как изменение особенностей историко-социокультурного контекста, демократизация библейских текстов в соответствии с требованиями политической корректности, нивелирование «андроцентричности», десакрализация дискурса Библии, а также деактуализация языковых явлений. Таким образом, проведённое исследование свидетельствует, что изменение знаковой модели мегаконцепта HUMAN BEING представляет собой результат трансформации и модификации канонического дискурса и модернизации дискурса современной версии, что объясняет многочисленные сдвиги в лексическом составе Библии.

Ключевые слова: эволюция; лингвокультурология; концепт; дискурс; англоязычный текст Библии; лингвальный и экстралингвальный факторы.

© Иванцова Ю. А. 2020

1. Введение [Introduction]

Приобщаясь к культуре народа, в сознании человека структурируются знания об основных социокультурных ценностях общества. Взаимодействуя с социальным пространством, человек постоянно осваивает его фрагменты, приспосабливается к нему, становится его элементом, включает в сферу своей деятельности, и таким образом делает эту социальную реальность частью своего мышления, своей культурно-национальной ментальности.

Средством же формирования культурно-национальной ментальности индивида служит лингвокультурный концепт – культурно маркированная единица сознания. Концепты, которые представляют сложную концептуальную систему, взаимосвязаны, и лю-

бые изменения в культурной, исторической, социальной, национальной, духовной картине мира проектируют субституции их средств актуализации. Человеческое сознание постоянно «переосмысливает» эту систему, подстраивая её под своё собственное, индивидуальное восприятие, что в результате приводит к трансформации коррелирующих концептов на всех уровнях концептосферы [Сабадаш, 2016]. Такая модификация позволяет говорить об общей эволюции концептов, которые наполняют также и исследуемый нами мегаконцепт HUMAN BEING в дискурсе Святого Письма.

Изучая различные аспекты жизнедеятельности библейского человека, важно отметить, что его существование напрямую связано с социумом, таким образом, опустить этот момент при анализе векторов эволюции лингвокультурного мегаконцепта HUMAN BEING не представляется логичным.

Кроме того, концептуальное моделирование языкового образа человека находится в рамках исследования актуальной сегодня антропоцентрической парадигмы; проблематикой её изучения занимаются многие учёные [Бондаренко, 2008; Кагановская, 2002; Сабадаш, 2014; Фещенко, 2007; Яковенко, 2009; Magyari, 2013; Picht, 2004; Salzmann, 2011 и др.], которые анализируют антропомаркированные концепты через призму объективирующих их языковых, культурно ценностных знаков. В современном научном пространстве большое количество работ посвящены также исследованию ценностных приоритетов социальной (профессиональной) активности человека [Апресян, 1995; Бондарчук, 2009; Волковинська, 2014; Гайдученко, 2009; Голованова, 2004 и др.]. Однако специфика эволюции этой категории, что отражает процесс социализации индивида, в англоязычном библейском дискурсе требует большего внимания, поскольку уровень исследования эволюции антропоцентрических концептов и вариации средств их вербализации, остаётся недостаточным, что в результате и обуславливает актуальность данного исследования.

Цель данной статьи состоит в определении особенностей влияния экстралингвальных и лингвальных процессов эволюции дискурса Библии, который трансформируется в зависимости от эпохальных условий его существования, на языковую репрезентацию лингвокультурного мегаконцепта HUMAN BEING в рамках его социальной составляющей. Модель изучаемого мегаконцепта HUMAN BEING (общая структура которого предлагается в более ранних исследованиях (напр., [Иванцова, 2019, с. 42]) представлена бинарными мезоконцептами MATERIAL HUMAN BEING и SPIRITUAL HUMAN BEING, что позволяют раскрыть двойственную природу человека, воплощённую балансом материального и духовного начал. Социальный контент рассматриваемой концептуальной структуры представлен макроконцептом SOCIAL POSITION, который раскрывает основные аспекты внешнего или физического (материального) бытия индивида.

Опираясь на предварительный анализ разновременных текстов Святого Писания, представляется необходимым выдвинуть гипотезу о том, что векторы эволюции внеязыковой и языковой среды влияют на библейский дискурс и вызывают трансформацию макроконцепта SOCIAL POSITION универсального мегаконцепта HUMAN BEING. Для проверки гипотезы следует рассмотреть указанный макроконцепт в Библии более детально.

2. Объективация макроконцепта SOCIAL POSITION [Objectification of macroconcept SOCIAL POSITION]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом исследования послужили тексты Ветхого и Нового Заветов англоязычных версий Священного Писания: King James Version (далее – KJV, 1611 г.),

American Standard Version (ASV, 1901 г.), English Standard Version (ESV, 2001 г.), New International Version (NIV, 2011 г.).

Объектом исследования выступает лингвокультурологическая и лингвосоциальная специфика вербализации макроконцепта SOCIAL POSITION в англоязычных текстах Библии. К предмету исследования относятся языковые средства репрезентации макроконцепта SOCIAL POSITION в различных версиях Писания, субституции которых вызваны эволюцией как библейского дискурса, так и внеязыковой среды.

Настоящее исследование носит лингвокультурологический характер. Важность данного подхода сложно переоценить, поскольку исследование языка невозможно без обращения к внеязыковой реальности, которая охватывает когнитивные, культурные и социальные факторы [Кибрик, 1994, с. 128], особенно учитывая то, что материалом нашего исследования стали издания Библии, охватывающие четыре века (1611–2011 гг.), при которых язык, культура и личность постоянно эволюционировали в условиях бурного технического, научного, социального развития. Именно по этой причине Королевская версия и Американская стандартная версия характеризуются догматическим восприятием мира, что кардинально меняется в изданиях XXI века.

Библейский дискурс, существующий в лингвосоциокультурном пространстве, не может оставаться постоянным, он эволюционирует, меняя свои проявления, что даёт возможность определить канонический и современный дискурс англоязычных версий Библии, которые отличаются в зависимости от лингвальных, социальных, культурных, исторических приоритетов языкового пространства в определённый период развития общества.

Поскольку взаимодействие языка и культуры происходит в сознании человека, любые лингвокультурологические исследования соответственно обусловлены когнитивными, исходя из этого привлечение лингвокогнитивного подхода в исследовании эволюции лингвокультурного концепта также является рациональным.

Основные методы исследования, использованные в научной работе, связаны с традиционными общенаучными методами научных исследований (наблюдение, анализ, синтез, сравнение, гипотетико-дедуктивный метод, метод сплошной выборки). В рамках исследования освоен диахронический метод, который способствует определению специфики эволюции дискурса и языковых единиц, которые в нём функционируют. Метод дискурс-анализа позволяет определить векторы эволюции библейского дискурса, сравнительно-стилистический анализ помогает проследить его стилевое разнообразие, социолингвальный анализ выявляет закономерности эволюции языка. Семантический и этимологический виды анализа позволяют определить содержание единиц, и проследить направления их эволюции.

2.2. Вербализация катаконцепта MATERIAL POSITION [Verbalization of cataconcept MATERIAL POSITION]

Исследование макроконцепта SOCIAL POSITION предполагает раскрытие общих компонентов, реализующих статус человека: материальное положение и профессиональную деятельность. Макроконцепт SOCIAL POSITION инкорпорирует катаконцепты MATERIAL POSITION и OCCUPATION. В рамках первого реализуется бинарная оппозиция составляющих WEALTH / POVERTY.

Элементы, представляющие составляющую WEALTH, раскрывают образ материально обеспеченного человека, чаще всего привлекая для этого единицу *rich*, которая в большинстве случаев является универсальной. Например: *The rich shall not give more* (KJV, ASV, ESV, NIV) [Exod. 30: 15]. Также знак *rich* часто входит в предикативных конструкций *made Abram rich* (KJV, ASV, ESV, NIV) [Gen. 14: 23] и используется как

определение в предложении: *stranger wax **rich** by thee* (KJV, ASV) → *sojourner with you becomes **rich*** (ESV) → *If a foreigner residing among you becomes **rich*** (NIV) [Levit. 25: 47].

Лексема *rich*, которую пытаются избегать в современном толерантном общении, иногда субституируется атрибутивными единицами *wealthy*, *great* и номинативами *abundance*, *glory*, что выступают в качестве основных вербализаторов обеспеченного материального положения человека, определяя синонимические субституции: *Abram was very **rich** in cattle* (KJV, ASV) → *Abram was very **rich** in livestock* (ESV) → *Abram had become very **wealthy** in livestock* (NIV) [Gen. 13: 2]; *the **riches** that he hath gotten are perished* (KJV) → *the **abundance** that he hath gotten is perished* (ASV) → *the **riches** they gained have perished* (ESV) → *The **wealth** they acquired is gone* (NIV) [Jerem. 48: 36] и т. д.

Ротации единиц *exceedingly* → *greatly* → *exceedingly prosperous*, *great forward* → *great*, *more and more* также демонстрируют эволюционные процессы развития рассматриваемого катаконцепта. Внедрение этих субституций помогает почувствовать постепенное увеличение значимости состояния, демонстрирующего материальное положение библейского человека, его стремление обогатиться и интенсивно накопить состояние. Например: *the man increased **exceedingly*** (KJV, ASV) → *the man increased **greatly*** (ESV) → *the man grew **exceedingly prosperous*** (NIV) [Gen. 30: 43]; *the man waxed **great**, and went forward, and grew until he became very **great*** (KJV) → *the man waxed **great**, and grew **more and more** until he became very **great*** (ASV) → *the man became **rich**, and gained **more and more** until he became very **wealthy*** (ESV) → *man became **rich**, and his **wealth** continued to grow until he became very **wealthy*** (NIV) [Gen. 26: 13].

Таким образом, составляющая WEALTH, к ключевым признакам которой относятся «материальные ценности, деньги, имущество», в библейском каноническом дискурсе в основном приобретает негативную коннотацию. В дискурсе современной Библии наблюдается тенденция к исправлению «негативного обрамления» образа богатого человека, который представляется не жадной и сладострастной личностью, а прагматичным, рациональным и экономичным индивидом.

Составляющая POVERTY катаконцепта MATERIAL POSITION представлена единицами, вербализирующими недостаточно высокое социально-экономическое положение человека в обществе, когда он сам не может обеспечить себя необходимыми благами, а именно: *poor*, *needy*, *to be impoverished*, *to lack*. В большинстве случаев наблюдается стабильность использования лексем *poor* и *needy*, что свидетельствует об их универсальности в контексте Библии. Например: *a **poor** man* (KJV, ASV, ESV) → *a **poor** person* (NIV) [Exod. 23: 3]; *who crush **the needy*** (KJV, ASV, ESV, NIV) [Amos 4: 1]; *servant that is **poor and needy*** (KJV, ASV) → *worker who is **poor and needy*** (ESV, NIV) [Deut. 24: 14] и т. д.

Проработка фактического материала выявила высокую рекуррентность субституций синонимического плана, где единицы *poor*, *needy*, *to be impoverished*, *to lack*, *to bring low* взаимно ротируются, сохраняя денотативное значение самого понятия. *People that is **poor** by thee* (KJV, ASV, ESV) → *my people among you who is **needy*** (NIV) [Exod. 22: 25]; *Israel was **greatly impoverished*** (KJV) → *Israel was **brought very low*** (ASV, ESV) → *Midian so **impoverished** the Israelites* (NIV) [Judges 6: 6]; *that **lacketh** bread* (KJV, ASV) → *who **lacks** bread!* (ESV) → *who **lacks** food* (NIV) [2 Sam. 3: 29].

Единицы, реализующие составляющую POVERTY, которая находится в дихотомической связи с составляющей WEALTH катаконцепта MATERIAL POSITION, представлены узким рядом лексических единиц, которые в основном не изменяются, что подчёркивает их универсальность. В то же время наблюдаются субституции в пределах вектора политкорректности библейского дискурса (*poor* → *needy*), что отражает незначительные изменения даже в пределах относительно устойчивых концептуальных структур.

2.2. Вербализация катаконцепта OCCUPATION [Verbalization of cataconcept OCCUPATION]

Катаконцепт OCCUPATION макроконцепта SOCIAL POSITION объективируется единицами, раскрывающими основные виды трудовой деятельности человека, который обладает как теоретическими знаниями, так и практическими навыками. Структура этого катаконцепта представлена составляющими ADMINISTRATION, ARMY, PRIESTHOOD, CRAFTSMANSHIP, SERVITUDE, которые вербализируются единицами, раскрывающими обозначения представителей разных профессий и ремёсел, типичных для времён и событий Библии.

Анализ средств вербализации катаконцепта OCCUPATION предлагаем начать с составляющей ADMINISTRATION, которая в библейском дискурсе представлена широким рядом единиц: *king, queen, ruler, prince, princess, mistress, lady, king's daughter, governor, deputy, magistrate, prefect, satrap, president, proconsul, officer, duke, chief, leader, head, taskmaster, administration, official*, что в большей степени маскулинно эксплицитно или имплицитно маркированы. Представленные актуализаторы воплощают человека или группу людей, имеющих власть и выполняющих возложенные на них профессиональные обязанности. В рамках исследуемых дискурсов Писания лексемы *king, king's daughter, queen, princess* остаются историческими универсалиями. Номены *prince, ruler* в основном являются постоянными, однако в отдельных случаях наблюдается взаимная ротация, что свидетельствует об их синонимичности: *princes* (KJV, ASV, ESV) → *rulers* (NIV) [Gen. 25: 16].

В библейском дискурсе разных эпох обнаружены такие случаи субституций:

- в сторону сужения понятия: *deputy* (KJV, ASV, ESV) → *provincial governor* (NIV) [1 Kings 22: 47]; *officers* (KJV, ASV, ESV) → *district governors* (NIV) [1 Kings 4: 27], где уточняющие элементы высказывания *provincial, district*, указывают на территорию распространения власти человека;

- в сторону расширения понятия: *magistrates* (KJV) → *rulers* (ASV, ESV, NIV) [Luke 12: 11], где в дискурсе традиционных версий знак *magistrate* имеет значение '*civil officer in charge of administering laws*' [Harper, Online Etymology Dictionary], что подчёркивает должность человека в сфере правосудия, но в дискурсе поздних версий Писания во избежание наложения двух значений (религиозного и бытового) привлекают лексику *ruler*, значение которой носит обобщающий характер – '*one who rules*', то есть 'тот, кто имеет власть', что «профанирует» библейский контекст по сравнению с изданием XVII в.

В дискурсе поздних версий знак *governor* (KJV) часто субституруется единицей *ruler* (ASV, ESV, NIV), что объясняется её современным толкованием – 'правитель, руководитель'. Стоит отметить наличие ротаций, где единица *governor*, имея также значение 'надзиратель' (גִּבּוֹרָא с др.-евр. 'управляющий', 'чиновник, приставленный для наблюдения за теми, кто работает на принудительных работах' [Подстрочный перевод...; Ринкер, 1999]), используется в дискурсе современных версий, чтобы подчеркнуть должность человека. Например: *officers* (KJV, ASV) → *overseers* (ESV) → *governor* (NIV) [Isaiah 60: 17].

Следует принимать во внимание тот факт, что в давние времена – времена постоянных войн, правитель, будучи главнокомандующим своих воинов, как правило, участвовал в сражениях. В сакральном дискурсе, представляя правителя, очень часто употребляют единицы *proconsul, commander, officer*, подчёркивая его военные обязанности: *deputy* (KJV) → *proconsul* (ASV, ESV, NIV) [Acts 13: 7]; *governors* (KJV, ASV) → *commanders* (ESV) → *princes* (NIV) [Judges 5: 9]. Языковые единицы *commander, officer*; кроме того, привлекаются для наименования невоенного лица, обязанности которого имеют только управленческий, административный характер, например, *governor of the*

house (KJV) → *ruler of the house* (ASV) → *commander of the palace* (ESV) → *officer in charge of the palace* (NIV) [2 Chron. 28: 7].

Частичный историзм *satrap* используется в дискурсе всех версий, кроме KJV, где он представлен единицами *lieutenant* [Esther 3: 12; 8; Ezra 8: 36] и *prince* [Daniel 6: 1–7], что в контексте данных стихов обозначают 'правителя / наместника провинции в Древней Персии', который несёт гражданские и военные обязательства. Будучи культурно маркированным, знак "*satrap*" имплицитно уточняет локус правителя – Персия: *the king's lieutenants* (KJV) → *the king's satraps* (ASV, ESV) → *the royal satraps* (NIV) [Ezra 8: 36]. Обращение к историзму в дискурсе поздних версий объясняется стремлением исторической стилизации и корректности дискурса Писания.

Частичный архаизм *president(s)* (KJV, ASV), архаичное значение которого 'назначенный губернатор провинции; руководитель, выбранный группой людей' [Harper, Online Etymology Dictionary], субституируется единицами *high officials* (ESV) → *administrators* (NIV) [Dan. 6: 2–4; 6, 7], что вызвано изменением внутренней формы единицы *president*, современное значение которой 'президент, председатель правления', 'лицо, избранное голосованием'. Лексема *duke* (KJV) отсутствует в библейском дискурсе поздних версий через её современное значение 'герцог, князь', которое сузилось со времён издания версии 1611 г., когда эта единица с лат. *dux* обозначала *leader, commander* 'руководитель, командир', а с др.-лат. *Governor of a province* 'правитель провинции' [Harper, Online Etymology Dictionary]. Оба значения этой языковой единицы имеются в лексеме-субституте *chief* 'голова, руководитель, лидер, начальник' (ASV, ESV, NIV).

Таким образом, наблюдается постепенное отклонение от догм библейского языка через снижение уровня архаичности и внедрение нейтрально маркированных вербализаторов (*the duke* → *the chiefs, magistrate / governor* → *ruler*) составляющей ADMINISTRATION. «Историческая корректность» дискурса современных версий Библии иногда требует частого привлечения историзмов, что мы и наблюдаем на примере ротации *lieutenant* → *satrap*.

В библейском дискурсе составляющая ARMY представлена как рядом ранее рассмотренных вербализаторов, обозначающих представителей государственной власти *governor, proconsul, commander, officer*, которые имеют непосредственное отношение к военным обязанностям, так и единицами *soldier, fighter, fighting men, warrior, archer, horseman, charioteer, executioner, armor-bearer, footmen, chief captain, centurion*, которые также обозначают людей, чья профессиональная жизнь связана с военным делом.

Проведённый анализ дискурса англоязычных библейских версий выявил субституции стилистически коннотированных единиц для обозначения «воина», а именно словосочетаний *men of war* (KJV, ASV) и *men in the army* (ESV), и нейтральных лексем *people, men*, что в дискурсе современных вариантов заменяются языковой единицей *soldiers* (ESV, NIV) [Ezekiel 27: 27; Num. 31: 21, 27; Joshua 8: 13; Jud. 20: 16], которая конкретизирует понятие «воин». Эти ротации (*men of war / people / men* → *soldiers*) объясняются тем, что во времена, описанные в Библии, все мужчины входили в состав народной армии и были военнообязанными. Имплицитно семантика 'воины', имеющаяся в единицах *people, men*, эксплицитно раскрывается привлечением лексемы *soldiers* в дискурсе новейших версий, поскольку в современном употреблении единицы *people, men* означают 'гражданских лиц, которые не имеют военных обязательств'. Таким образом, раскрывается важный эволюционный аспект исследуемого мегаконцепта HUMAN BEING: «человек» теряет понятие «воин» и приобретает понятие «гражданский».

В дискурсе качества мужского характера объективируются в дескриптивных номинациях (*valour / valor / valiant, mighty, brave*), стимулирующие формирование концептуальной модели библейского воина как сильного и храброго человека. Например: *men*

of valour (KJV) → *men of valor* (ASV, ESV) → *valiant fighters* (NIV) [Judg. 20: 44]; *mighty men of valour* (KJV, ASV) → *mighty warriors* (ESV) → *brave warriors* (NIV) [1 Chron. 8: 40].

Архаизированные лексемы, раскрывающие принадлежность человеку к роду войск, имеют в большинстве примеров устойчивый характер, например, *archer*; *horsemen* (*horsemen chariots*) *armor-bearer*; *centurion*, что свидетельствует о важности исторической стилизации текста. В сакральном дискурсе в контексте понятия «охранник» обращаются к использованию знака *footmen*, значение которого в конце XIV в. *one who goes on foot* 'тот, кто идет пешком' было синонимичным понятию «личный помощник, слуга, который следует за экипажем хозяина». В современном дискурсе эта единица ротируется лексемами *guard* или *bodyguard* 'личный охранник' – *footmen* (KJV) → *guard* (ASV, ESV) → *guards* (NIV) [1 Sam. 22: 17]. Лексема *executioner*, одно из значений которой 'палач', представляет воина, обязанностями которого является охрана хозяина и исполнения приговоров. В дискурсе ASV она иногда заменяется лояльным словосочетанием *a soldier of his guard*, но в основном остаётся неизменной – *executioner* (KJV, ESV, NIV) → *soldier of his guard* (ASV).

Таким образом, моделирование составляющей ARMY происходит благодаря привлечению в разновременных версиях Библии широкого спектра языковых единиц, раскрывающих исключительно мужские профессии. По этой причине здесь представлена кардинальная гендерная асимметрия, что объясняется стереотипным представлением о мужчине, социально-ролевой статус которого связан с защитой страны, семьи и своего господина, а также переходом от военной к гражданской формации общества.

Составляющая PRIESTHOOD наполняется единицами, которые представляют служителей религиозного культа, выполняющих церковные службы и обязанности. В дискурсе Священного Писания эти лица представлены как универсальными номинативами *priest*, *chief* / *high* / *great priest* (в значении 'первосвященник'), *prophet*, *evangelist*, *deacon*, так и замещаемыми знаками *minister*; *elders*, *bishop*, *pastor*; *shepherd*, *teacher*. Кроме того, вербализаторам этой составляющей присущи многочисленные субституции типа *brethren* (KJV, ASV) → *brothers* (ESV) → *brothers and sisters* (NIV) [Acts 6: 3], что является ярким примером эволюции сознания человека через формирование толерантного мышления, путём нивелиации признаков шовинизма и выравнивание женщин в социальных и духовных правах.

Анализ дискурса разновременных библейских версий выявил векторы эволюции указанного компонента благодаря таким субституциям:

– замена слова и понятия в сторону уточнения денотата: *bishop* (KJV, ASV) → *overseer* (ESV, NIV) [1 Tim. 3: 2], где лексема *bishop* с греч. ἐπίσκοπος обозначала не 'епископ', а 'смотритель' [Harper, Online Etymology Dictionary], поэтому эквивалентная единица *overseer*, которая точнее раскрывает суть функциональных обязанностей человека, а именно: наблюдение за христианами конкретного города или провинции;

– в сторону сужения денотата: *brethren* (KJV, ASV) → *brothers* (ESV) → *fellow Levites* (NIV) [Ezra 8: 17], где понятие «братья» в дискурсе версии NIV представляется благодаря привлечению лексемы *Levites*, которая обозначает потомка из колена Левия – у древних евреев был священнослужителем низшего церковного сана;

– в сторону расширения денотата: *pastors* (KJV) → *rulers* (ASV) → *shepherds* (ESV) → *leaders* (NIV) [Jerem. 2: 8], *pastors* (KJV, ASV) → *shepherds* (ESV, NIV) [Jerem. 3: 15], где номинатив *pastor* (с лат. Pastorem) и *shepherd* (с д. англ. Sceaphierde) имеют идентичное значение 'пастух овец', что фигурально обозначает священнослужителя или правителя (*rulers* (ASV) → *leaders* (NIV)), передавая аналогию бережного отношения пастуха до своего стада, и правителя к своему народу или священника к своим прихожанам.

Таким образом, составляющая PRIESTHOOD объективируется единицами, которые номинируют различные духовные должности, занимаемые лицами мужского пола. «Гендерный дисбаланс» в дискурсе различных версий Писания подтверждает эталонное представление о социальной автономности мужчин в иерархии институциональных христианских структур.

Составляющая CRAFTSMANSHIP в дискурсе Библии представлена широким рядом профессий, прежде всего, номинативами-универсалиями, например *embroiderer; weaver; carpenter; tentmaker; mason; hunter; cook; singer; baker; builder; captain of the guard; guard; judge; creditor; debtor* и т. д.

Субституция элементов, вербализирующих основные профессии и ремесла, происходит путём привлечения синонимов, включая такие единицы, как *fishers* (KJV, ASV, ESV) → *fishermen* (NIV) [Jerem. 16: 16], *labourers* (KJV) → *laborers* (ASV, ESV) → *workers* (NIV) [Matth. 20: 8], *mariners* (KJV, ASV, ESV) → *sailors* (NIV) [Jonah 1: 5], *shipmaster* (KJV, ASV) → *captain* (ESV, NIV) [Jonah 1: 6], *chapmen* (KJV) → *traders* (ASV) → *explorers* (ESV) → *merchants* (NIV) [2 Chron. 9: 14], *merchants* (KJV, ASV, ESV) → *traders* (NIV) [Ezekiel 17: 4], *smith* (KJV, ASV) → *blacksmith* (ESV, NIV) [1 Sam. 13: 19], *porter* (KJV, ASV) → *gatekeepers* (ESV, NIV) [2 Kings 7: 10], *publicans* (KJV, ASV) → *tax collectors* (ESV, NIV) [Mark 2: 16], *mason* (KJV, ASV) → *stonecutter* (ESV, NIV) [1 Chron. 22: 2], *vinedresser* (KJV, ASV, ESV) → *vine grower* (NIV) [Joel 1: 11] и т. д. В приведённых ротациях прослеживается синонимичная замена темпорально актуальными единицами с сохранением денотативного значения, что свидетельствует о том, что общие виды занятости библейской человека являются базовыми для любого временного периода, однако могут варьироваться в связи с изменениями в лингвальной системе, что стимулирует таким образом эволюцию контента рассматриваемой нами концептуальной составляющей.

В отдельных примерах наблюдаются субституции в сторону сужения понятия: *masters* (KJV) → *teachers* (ASV, ESV, NIV) [James 3: 1], где лексема *master* (с д. англ *mægester* 'тот, кто имеет власть') [Harper, Online Etymology Dictionary], в сакральном дискурсе отражает образ духовного наставника, лидера в лице Иисуса Христа или святого, которые вели народ израильский к «новой жизни». В современном дискурсе знак *master* субституруется единицей *teacher*, словарное толкование которой имеет более узкое значение 'тот, кто учит'.

Исследование особенностей реализации составляющей CRAFTSMANSHIP включает также субституции в сторону расширения понятия: *husbandman, plowman, planter; sower* (KJV, ASV) → *farmer* (ESV, NIV), *husbandman* (KJV) → *tiller of the ground* (ASV) → *worker of the soil* (ESV) → *farmer* (NIV), *hired servant* (KJV, ASV) → *hired worker* (ESV, NIV), *worker in brass* (KJV, ASV) → *worker in bronze* (ESV) → *craftsman* (NIV), *craftsman* (KJV, ASV, ESV) → *worker* (ESV, NIV), *builder* (KJV, ASV) → *worker* (ESV, NIV), где в дискурсе современных версий обращаются к лексемам (*worker; farmer; craftsman*), семантический контент которых представляет различные виды трудовой деятельности. Наблюдается сужение профессионального разнообразия, что объясняется переходом от аграрной к индустриальной и постиндустриальной формациям общественного строя.

Встречаются примеры замещения единиц, обозначающих людей, которые обладают навыками общения с духами: *enchanters* (KJV) → *soothsayers* (ASV) → *fortune-tellers* (ESV) → *mediums* (NIV) [Jerem. 27: 9]. В версии 1611 г. такие лица называют «волшебниками», подчёркивая чрезвычайное благоговейное отношение к людям с «особым вземным даром». Кроме того, в разных версиях Библии представлены маскулинно маркированные (*wizard, sorcerer, necromancer, magician, enchanter, diviner, prophet*),

феминно маркированные (*witch, sorceress, prophetess*) и нейтральные единицы (*charmer, consulter with familiar spirits, spiritist, chaldean, astrologer, fortune-teller, soothsayer*). В дискурсе поздних вариантов Писания высоко рекуррентной является современная единица *medium* 'медиум', значение которой 'person who conveys spiritual messages' – 'человек, который интерпретирует духовные послания' [Harper, Online Etymology Dictionary], раскрывает все навыки, которыми может обладать предсказатель.

Таким образом, диахроническое исследование средств репрезентации составляющей CRAFTSMANSHIP в библейском дискурсе охватывает лексемы для обозначения различных профессий, уменьшение многообразия которых подтверждает непрерывный процесс эволюции профессиональной картины мира, переход к новой постаграрной формации, что соответственно отображается и на лингвальном уровне.

Предлагаем перейти к анализу следующей составляющей SERVITUDE, которая актуализируется единицами: *slave, servant, servitor, attendant, handmaid (en), minister, aide, helper, bondmaid, bondman*.

Рекуррентными лексемами-вербализаторами определяются лексемы *slave, servant*, что в первоисточнике представлены словом עֶבֶד *Eved* [Подстрочный перевод...; Ринкер, 1999], однако в сегодняшнем толковании эти понятия имеют кардинальные отличия. В современном дискурсе понятие *slave* 'раб' имеет унижительный оттенок, в то время как *servant* 'слуга' не всегда характеризуется наличием дерогативной коннотации. Наличие двух вроде энантиосемичных значений в одной единице объясняется тем, что прислужгой у израильтян, как и у всех древних народов, были рабы, которые являлись собственностью хозяев, что отражается в дискурсе Писания, где чаще всего понятия «раб» и «слуга» представляются достаточно универсальной лексемой *servant*. Иногда наблюдается ротация синонимами: *servitor* (KJV, ASV) → *servant* (ESV, NIV) [2 Kings 4: 43], *servant* (KJV, ASV) → *attendant* (ESV, NIV) [Matt. 22: 13], *handmaiden* (KJV, ASV) → *servant* (ESV, NIV) [Luke 1: 48].

Многозначная лексема *minister* является семантическим архаизмом с устаревшим значением 'слуга'. Учитывая современные центральные значения единицы *minister* – 'министр, священник, советник', этот знак в дискурсе новейших версий чаще заменяется единицами *servant, attendant, assistant, aide, helper*, например, *minister* (KJV, ASV) → *servant* (ESV, NIV) [Mark 10: 43]; *minister* (KJV) → *assistant* (ASV) → *attendant* (ESV) → *helper* (NIV) [Acts 13: 5]. Указанные лексические ротации реализуют изменения на лингвальном уровне, представляя одновременно и векторы трансформации концепта, демонстрируя определённую тенденцию к снижению степени сакральности дискурса Библии.

Касательно средств вербализации понятия «раб», в дискурсе современных версий чётко прослеживается тенденция частого использования знака *slave*, например, *servant of servants* (KJV, ASV) → *lowest of slaves* (ESV, NIV) [Gen. 9: 25]; *handmaid* (KJV, ASV) → *servant* (ESV) → *slave* (NIV) [Gen. 16: 1]; *servant* (KJV) → *bondservant* (ASV) → *slave* (ESV, NIV) [John 8: 35], *bondmen* (KJV, ASV) → *servants* (ESV) → *slaves* (KJV) [Gen. 43: 18], поскольку лексема *slave* в значении 'человек, который является собственностью другого человека' появилась в XIII в. [Harper, Online Etymology Dictionary] и ещё, вероятно, не была распространённой для использования в ранних текстах Писания. Однако из приведённых примеров очевидно, что значения 'раб' и 'слуга' коррелируют. В дискурсе новейших вариантов прослеживается стремление достичь конкретики повествования, пренебрегая иногда сакральностью; к тому же привлечение единицы *slave* добавляет исторической стилизации, учитывая то, что времена рабства ушли в небытие.

3. Заключение [Conclusion]

Можно сделать вывод, что трансформация социокультурного содержания макроконцепта SOCIAL POSITION раскрывается в особенностях его объективации в разных версиях Святого Писания. Значительное количество вербализаторов остаются постоянными в пределах анализируемых дискурсов Писания (*rich, poor, ruler, prince, governor, officer, priest, tentmaker*), поскольку в основном являются универсальными или гендерно нейтральными и представляют константу макроконцепта. Языковая репрезентация эволюции концептуальных структур происходит благодаря изъятию архаизированных понятий и их ротации современными реалиями. Такие субституции вызваны изменением социальной формации (*minister* → *servant, plowmen* → *farmers*), переходом от военного к гражданскому обществу (нивелиция понятия «воин», приобретение понятия «гражданский»), распространением и повсеместным влиянием политической корректности (*poor* → *needy*), а также усилением феминизации общества (*female slaves / servants* → *brothers and sisters*), исчезновением большого количества профессий и ремёсел и историзацией их номинаций (*sower* → *farmer*). «Гендерный дисбаланс» в дискурсе различных версий подтверждает стереотипное представление о доминирующем социально-ролевом статусе мужчин, которые имеют более широкую профессиональную занятость во всех сферах бытия, хотя в последних версиях прослеживается тенденция нейтрализации гендера при номинации должностей, профессий и ремёсел.

Проведённое исследование ни в коем случае не претендует на исчерпывающий характер. Вместе с тем, оно раскрывает широкие перспективы дальнейших исследований эволюции языка Библии под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов.

Список литературы

- Апресян, 1995 – Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 45–53.
- Бондаренко, 2008 – Бондаренко О. С. «І назвав чоловік ім'я своїй жінці: Єва...»: ЧОЛОВІК і ЖІНКА у дзеркалі мовних культур. Кіровоград : ТОВ «Імекс-ЛТД», 2008. 160 с.
- Бондарчук, 2009 – Бондарчук М. Н., Колчанова А. В. Концепт «профессия» и способы его презентации в языке (на базе лексики авиационной сферы деятельности) // Вісник Дніпропетровського ун-ту. Сер. : Мовознавство. 2009. Т. 17, вип. 15 (1). С. 39–43.
- Волковинська, 2014 – Волковинська В. О. Концепт «суспільство споживання» у перспективі досліджень соціальності // Філософсько-гуманітарні читання : зб. наук. праць / відп. ред. О. В. Добридень. Дніпропетровськ, 2014. С. 138–143.
- Гайдученко, 2009 – Гайдученко Л. В. Концепт ВЛАДА в сучасній німецькій лінгвокультурі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / Лідія Василівна Гайдученко ; Київський нац. універ. ім. Т. Шевченка. Київ, 2009. 20 с.
- Голованова, 2004 – Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2004. 314 с.
- Иванцова, 2019 – Иванцова Ю. А. Моделирование лингвокультурного мажорконцепта HUMAN BEING в дискурсе англоязычных версий Библии // Современный дискурс-анализ. 2019. Вып. 1 (22). С. 39–44. URL : <http://www.discourseanalysis.org>. (дата обращения : 10.11.2019).
- Кагановська, 2002 – Кагановська О. М. Текстові концепти художньої прози (на матеріалі французької романістики середини ХХ сторіччя). Київ : Вид. центр КНЛУ, 2002. 292 с.
- Кибрик, 1994 – Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
- Подстрочный перевод..., 2019 – Подстрочный перевод Ветхого и Нового Заветов. URL : <https://manuscript-bible.ru/> (дата обращения: 01.12.2019).

- Ринекер, Майер, 1999 – Ринекер Ф. Майер Г. Библиейская энциклопедия Брокгауза ; [пер. с нем. В. М. Ивановой, А. А. Карельского, Д. В. Щедровицкого]. Кременчуг : Християнска зоря, 1999. 1226 с. URL : <http://logosenc.org/brokgauz>.
- Сабадаш, 2014 – Сабадаш Ю. О. Особливості вербалізації концепту ЛЮДИНА в англомовних версіях Біблії в аспекті політичної коректності // Наукові записки. Серія : Філологічні науки (мовознавство). Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. № 127. С. 108–113.
- Сабадаш, 2016 – Сабадаш Ю. О. Синергетичні особливості англомовного біблійного дискурсу // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal)*. Warszawa, Polsk, 2016. № 9. Ч. 2. С. 99–102.
- Фещенко, 2007 – Фещенко Ю. І. Ідіоматичний простір "homo socialis" у сучасній англійській мові: лінгвокогнітивний та комунікативно-функціональний аспекти : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. Наук : 10.02.04 «Германські мови» / Юлія Іванівна Фещенко. Київ, 2007. 20 с.
- Яковенко, 2009 – Яковенко Е. Б. Моделирование антропоцентрических концептов по данным первоисточников и переводов Библии // XVIII ежегодная богословская конференция ПСТГУ : материалы. Т. 2. М., 2009. С. 92–94.
- Harper, 2019 – Harper D. Online Etymology Dictionary. URL : <http://www.etymonline.com>. (дата об'раження: 01.12.2019).
- Magyari, 2013 – Magyari S. The Linguistic Image of Man in the Hungarian and Romanian Languages // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. 2013. Vol. 5., Iss. 2. P. 137–148.
- NIV, 2019 – New International Version (NIV). URL : <https://www.biblegateway.com/versions/New-International-Version-NIV-Bible/#booklist>.
- Picht, 2004 – Picht H. Object – idea – concept // *Language and culture: establishing foundations for anthropological linguistics* / ed. by S. Grinev-Griniewicz, S. M. Raub, P. Thomas. Białystok, 2004. Vol. 1. P. 113–123.
- Salzmann, 2011 – Salzmann Z. *Language, culture & society: An introduction to linguistic anthropology*. San Francisco ; Oxford : Westview Press, 2011. 448 p.
- ASV, 2019 – The American Standard Version (ASV). URL : <https://www.biblegateway.com/versions/American-Standard-Version-ASV-Bible/#booklist>.
- ESV, 2019 – The English Standard Version (ESV). URL : <https://www.biblegateway.com/versions/English-Standard-Version-ESV-Bible/#booklist>.
- KJV, 2019 – The King James Version Bible (KJV). URL : <https://www.biblegateway.com/versions/King-James-Version-KJV-Bible>.

UDC 811.111'42:22(043.3)

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_61_73

Yuliya A. Ivantsova
Institute of Social Sciences and International Relations
Sevastopol State University
Sevastopol, the Russian Federation
julsan84@mail.ru

Evolution of the social content of the linguocultural megaconcept “HUMAN BEING” in the English Bible texts

Abstract

The paper dwells on the specificity of the evolutionary features of the linguocultural megaconcept HUMAN BEING within its social component in the English Biblical discourse. The present study analyzes the correlation between the lexical means of verbalization of the concept and the peculiarities of historical and sociocultural conditions of creating the studied Holy Scripture versions. It is hypothesised that different time periods stimulate the evolution of the Biblical discourse which is viewed as the milieu for the conceptual structure under

consideration. The linguocultural concept does not stay the same being modified under the terms of the Biblical discourse transformation. Particular attention is paid to the macroconcept SOCIAL POSITION represented by the components WEALTH and POVERTY – they reveal the images of wealthy and needy people, and the kataconcept OCCUPATION (its components ADMINISTRATION, ARMY, PRIESTHOOD, CRAFTSMANSHIP, SERVITUDE), which involves various types of professionals. Based on the research findings it can be concluded that the verbalizers of the linguocultural macroconcept include both universal units which are constant and substitutable units. Lexical and semantic substitutions permit revealing national and cultural specificity of the analyzed macroconcept SOCIAL POSITION considering both linguistic and extralinguistic factors such as significant change of historical and sociocultural context, democratization of Biblical texts according to the political correctness requirements, leveling of “androcentricity”, profanation of the Biblical discourse, as well as deactualization of linguistic phenomena. Thus, the research features that the conceptual formation HUMAN BEING is an evolutionary product adjusted to the canonical discourse transformation and modification processes and modernization of the latest version discourse; it explains therefrom the reasons for the many changes in the lexical composition of the Bible.

Keywords: evolution, cultural linguistics, discourse, concept, English Bible text, lingual and extralingual factors.

© Ivantsova Yu. A. 2020

References

- Apresyan, Ju. D. (1995). Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya [The image of man: An experiment in systemic description based on linguistic data]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 1, 45–53.
- Bondarenko, O. S. (2008). “*I nazvav cholovik im 'ya svoiy zhintsi: Eva...*”: *cholovik i zhinka u dzerkali movnikh kul'tur* [“Then the man called his wife's name Eve...”: Man and woman at the mirror of modern cultures]. Kirovograd : TOB «Imeks-LTD».
- Bondarchuk, M. N. (2009). Kontsept «professiya» i sposoby ego prezentatsii v yazyke (na baze leksiki aviatsionnoy sfery deyatelnosti) [The concept “profession” and methods of its presentation in the language (based on vocabulary of the aviation sphere)]. *Visnik Dnipropetrovs'kogo universiteta. Seriya yazykoznanie* [Dnipropetrovsk University Bulletin. Linguistics], 15 (1), 39–43.
- Volkovins'ka, V. O. (2014). Kontsept «suspil'stvo spozhivannya» u perspektivi doslidzhen' sotsial'nosti [The concept "society of consumption" in social studies]. In O. V. Dobriden' (Ed.), *Filosofs'ko-gumanitarni chitannya* [Readings in Philosophy and Humanities] (pp. 138–143). Dnipropetrovsk.
- Gayduchenko, L. V. (2009). Kontsept VLADA v suchasny nimets'kiy lingvokul'turi [The concept POWER in modern German linguoculture]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Kiev : Taras Shevchenko National University of Kyiv.
- Golovanova, E. I. (2004). *Kategoriya professional'nogo deyatelya: Formirovanie. Razvitie. Status v yazyke* [The category of professional figure: Formation. Development. Status in the language]. Chelyabinsk : Chelyabinsk State University Press.
- Ivantsova, Yu. A. (2019). Modelirovanie lingvokul'turnogo magakontsepta HUMAN BEING v diskurse angloyazychnykh versiy Biblii [Modeling of the linguocultural megaconcept HUMAN BEING in the English Bible discourse]. *Sovremennyy diskurs-analiz* [Modern Discourse-Analysis], 1 (22), 39–44.
- Kaganovs'ka, O. M. (2002). *Tekstovi kontsepti khudozhn'oi prozi (na materialy frantsuz'koi romanistiki seredini XX storichchya)* [Textual concepts of fiction (Based on French novels of mid. XX century)]. Kiev.
- Kibrik, A. A. (1994). Kognitivnye issledovaniya po diskursu [Cognitive studies of discourse]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 5, 126–139.
- Podstrochnyy perevod Vetkhogo i Novogo Zavetov* [Inferior translation of the Old and New Testaments]. Retrieved Retrieved December 1, 2019 from <<https://manuscript-bible.ru/>>.

- Rineker, F. (1999). *Bibleyskaya entsiklopediya Brokgauza* [Bible Encyclopedia Brockhaus]. Translated from German by V. M. Ivanova, A. A. Karel'skiy, D. V. Shchedrovitskiy. Kremenchug. Retrieved from <<http://logosenc.org/brokgauz>>.
- Sabadash, Yu. O. (2014). Osoblivosti verbalizatsii kontseptu LYUDINA v anglomovnikh versiyakh Biblii v aspekti politichnoï korektnosti [Linguocultural peculiarities of the concept HUMAN-BEING in the English Bible]. *Naukovi zapiski. Ser.: Filologichni nauki (movoznavstvo)* [Scientific notes. Linguistics], 127, 108–113.
- Sabadash, Yu. O. (2016). Sinergetichni osoblivosti anglomovnogo bibliynogo diskursu [Synergistic features of English-speaking Biblical discourse]. *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe* [Warsaw Scientific Journal (East European Scientific Journal)]. N 9 (2), 99–102.
- Feshchenko, Yy. I. (2007). Idiomaticnyi prostir “homo socialis” u suchasniy angliys'kiy movi: lingvokognitivniy ta komunikativno-funktsional'niy aspekti [The idiomatic space of “homo socialis” in modern English: Linguocognitive and communicative-functional aspects]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Kiev : Kiev State Linguistic University.
- Yakovenko, E. B. (2009). Modelirovanie antropotsentricheskikh kontseptov po dannym pervoistochnikov i perevodov Biblii [Modeling anthropocentric concepts based on Bible sources and translations]. Proc. of the XVIII annual Conf. (pp. 92–94). Moscow : Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities.
- Harper, D. (2019). *Online Etymology Dictionary*. Retrieved December 1, 2019 from <<http://www.etymonline.com>>.
- Magyari, S. (2013). The Linguistic Image of Man in the Hungarian and Romanian Languages. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 5 (2), 137–148.
- New International Version. Retrieved December 1, 2019 from <<https://www.biblegateway.com/versions/New-International-Version-NIV-Bible/#booklist>>.
- Picht, H. (2004). Object – idea – concept. In S. Grinev-Griniewicz, S. M. Raub, P. Thomas (Eds.), *Language and culture: establishing foundations for anthropological linguistics* (pp. 113–123). Bialystok.
- Salzmann, Z. (2011). *Language, Culture & Society: An Introduction to Linguistic Anthropology*. San Francisco ; Oxford : Westview Press.
- The American Standard Version (ASV). Retrieved December 1, 2019 from <<https://www.biblegateway.com/versions/American-Standard-Version-ASV-Bible/#booklist>>.
- The English Standard Version (ESV). Retrieved December 1, 2019 from <<https://www.biblegateway.com/versions/English-Standard-Version-ESV-Bible/#booklist>>.
- The King James Version Bible (KJV). Retrieved December 1, 2019 from <<https://www.biblegateway.com/versions/King-James-Version-KJV-Bible>>.

Ищенко Ирина Геннадьевна, Филонова Ольга Сергеевна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

iirinagen@mail.ru, filonova_os@mail.ru

Семантический аспект английских неологизмов с гендерным компонентом значения

Аннотация

В статье представлены результаты семантического анализа английских неологизмов с гендерным компонентом значения, которые были зафиксированы в лексикографических источниках в XXI веке (100 единиц). В результате исследования были выделены тематические группы новой лексики, характеризующие мужчин и женщин по различным параметрам: внешность, семейные отношения, профессиональная деятельность, сферы интересов и другие. На основании полученных данных делается вывод о том, что в результате изменений общественного сознания и мировоззрения появляются новые лексические единицы, отражающие меняющиеся характеристики современных мужчин и женщин, а также их отношение к действительности. Компонентный анализ лексического значения новообразований выявил наличие оценочной коннотации у некоторых единиц, преобладающая часть которых представляет отрицательную характеристику лиц мужского пола. В статье также приводится результат анализа функционирования гендерно маркированных неологизмов (2427 реализаций) в электронных СМИ (450 статей), который свидетельствует об активном использовании данной лексики в статьях различной тематической направленности. Появление и употребление гендерно-маркированных неологизмов свидетельствуют об изменении представлений о гендерных характеристиках в обществе и, соответственно, в современной языковой картине мира.

Ключевые слова: неологизм, гендерно маркированная лексика, андроцентризм, коннотация, гендерный компонент, тематические группы.

© Ищенко И. Г., Филонова О. С. 2020

1. Введение [Introduction]

Развитие словарного состава любого языка и обогащение его новыми единицами – закономерный и естественный процесс. В современный период отмечается особенно активный прирост новой лексики. Онлайн словари и глоссарии регулярно фиксируют факты образования новых единиц и их использования в различных типах дискурса. Необходимость научного изучения данного динамичного процесса обновления и пополнения словарного состава способствовала возникновению неологии – науки, которая занимается исследованием различных аспектов новообразований.

Процесс образования новых единиц в языке может быть обусловлен различными факторами. По мнению Л. П. Крысина, «... необходимо обязательно принимать во внимание действие как внутренних, в частности, собственно языковых факторов, так и внешних, а именно, социальных, факторов; поскольку во взаимодействии этих факторов и кроются подлинные причины языковой эволюции» [Крысин, 1972, с. 75]. Внешние, или экстралингвистические факторы играют первостепенную роль в процессе появления новых слов в условиях современного бурно развивающегося мира. «Вполне естественно, что экстралингвистические факторы в первую очередь дают рождение тому или иному слову. И данные факторы влияют не только на сам процесс появления слова, но, в целом, и на выбор способа обозначения денотата: словообразования, изменения значения имеющегося в языке слова, различного вида заимствования...» [Степанова, 1972, с. 12].

За последние десятилетия в английском языке появилось большое количество лексических единиц, сферы употребления которых охватывают все области жизни современного человека. Общественная жизнь, идеология, мировоззрение человека претерпевают изменения наряду с развитием и совершенствованием науки, техники, производства и других процессов, сфер общества. Формирование и развитие различных общественных движений в современном мире в огромной степени способствует возникновению новых идей, реалий и явлений, что в свою очередь порождает потребность в их наименовании, а также в изменении языковой политики, в создании языковых форм, лишённых любого вида дискриминационной маркированности (расовой, половой, возрастной и т. д.). Так, феминистское движение, которое приобрело особую активность и силу в конце XX века, вызвало многочисленные изменения не только в различных сферах общественной жизни, но и в области языка. Неоднократно поднимался вопрос сексизма в языке, гендерной асимметрии (напр., во французском и английском [Tarif, 2015]), обсуждалась гендерная реформа в немецком, английском, французском и испанском языках [Tesso, 2010]. Движение, разумеется, не ограничено Европой и Северной Америкой (см. о схожих процессах, напр., в Малайзии, Индонезии [Ali, Krish, 2016 ; Bram, Pasaribu, 2020]). В результате планомерного воздействия общественных движений на языковую политику в английском языке со временем увеличилось количество гендерно-нейтральных наименований, не содержащих формальных указателей на пол лица [Тамерьян, 2015, с. 61]. Однако за последнее десятилетие наметилась тенденция к более интенсивному образованию гендерно-окрашенных неологизмов. Помимо новой лексики с женским компонентом в семантике слова, многочисленные неологизмы с компонентами, характеризующими мужской пол, также активно входят в английский язык под влиянием изменений в социуме и общественном сознании. Отметим, что популярность и влияние многолетней политики феминизма, направленной на уравнивание полов и искоренение пережитков патриархата, привела к более критическому восприятию мужского поведения обществом, в особенности по отношению к женщинам, следствием чего стало появление маскулинно-маркированных единиц с негативной и уничижительной коннотацией.

Причиной роста гендерно-маркированной лексики за последние два десятилетия также является возникновение новых реалий и отсутствие в языке единиц, называющих эти реалии, свойства, сущности, явления. Таким образом, вопросы функционирования гендерно-окрашенных единиц и конструирования гендера являются актуальными и представляют интерес для современной лингвистики.

Целью статьи является семантический анализ гендерно-маркированных неологизмов, появившихся в английском языке в начале XXI века. В статье выявляются, какие характеристики современных мужчин и женщин фиксируются в новообразованиях английского языка, какие тематические сферы языковой картины мира они отражают, какой прагматической оценкой они характеризуются. Теоретическую основу исследования составили работы в области изучения неологизмов [Заботкина, 1989 ; Елисеева, 2015 ; Котелова, 1983 ; Лопатин, 1973 ; Лыков, 1976 ; Попова ; 2005] и др., а также в сфере гендерных исследований в языке [Горошко, 2001 ; Зыкова, 2003 ; Кирилина, 1999 ; Lakoff, 1973] и др.

2. Семантический анализ неологизмов с гендерным компонентом значения [Semantic analysis of neologisms with gender component in meaning]

Анализ гендерно маркированных неологизмов направлен на выявление тех характеристик, явлений, аспектов жизни и мировоззрения современных мужчин и женщин, которые отражены в семантике этих новообразований и характеризуют данный фрагмент современной языковой картины мира.

Материалом для данной части исследования послужили 100 неологизмов, отобранных из англоязычных электронных лексикографических источников Word Spy, Cambridge Dictionary и Macmillan Dictionary (см. об аналогичной методике в [Foubert, Lemmens, 2018]). Критерием отбора корпуса примеров являлось наличие структурной или содержательной гендерной маркированности, т. е. либо план выражения слова эксплицитно указывает на гендерный признак, или соответствующие семы (*man, woman, female, male, dad, mum, gender, guy, girl* и т. д.) выявляются в результате компонентного анализа лексического значения.

Семантический анализ отобранных новых слов позволил выделить 3 основные тематические группы согласно выражаемой ими гендерной характеристики. В результате выяснилось, что группа неологизмов, характеризующих женщин, и группа неологизмов, характеризующая мужчин, имеют одинаковый количественный показатель, обе группы содержат равное количество единиц – по 46 слов. Третью группу составили термины гендерной нейтральности (8 единиц).

Рассмотрим подробнее выявленные тематические группы. Поскольку новые слова, появившиеся в английском языке в XXI веке, описывают различные признаки и характеристики современных мужчин и женщин, то целесообразно выделить в них ряд тематических подгрупп.

2.1. Неологизмы, характеризующие женщин [Neologisms characterizing women]

В первой группе неологизмов, характеризующих женщин, больше всего новообразований относятся к сфере «семья и родительство», т. е. это слова, семантика которых отражает отношение женщин к браку и детям, семейному быту, отношениям в семье. В некоторых лексемах закреплено нежелание женщины иметь семью и детей в силу различных мировоззренческих или личных установок. Примеры неологизмов данной подгруппы:

leather spinster – a heterosexual or asexual woman who is happily unmarried and has no desire to seek a mate [Word Spy];

HEN – a happy empty nester: a mother who is enjoying the freedom of having had children leave home [Cambridge Dictionary];

birth striker – a woman who chooses not to have children because she is concerned about the world's population being too big [Cambridge Dictionary];

motherism – prejudice or lack of respect towards women who stay at home to look after their children and do not go out to work [Macmillan Dictionary].

Неологизмы подгруппы «д и с к р и м и н а ц и я ж е н щ и н» выражают идею притеснения и ограничения женщин в обществе, в основном в профессиональной сфере и возможности карьерного роста. Женщины систематически сталкиваются с ограничениями по половому признаку, мешающими им в профессиональном развитии. Примерами единиц, передающих данную идею, являются следующие неологизмы:

Matilda effect – the systematic under-recognition of the contribution of women in science, particularly in favor of their male colleagues [Word Spy];

glass cliff – the tendency for women to be selected for posts where failure is a strong likelihood [Word Spy].

Слова подгруппы «с т р е м л е н и е к с а м о р е а л и з а ц и и и л и д е р с т в у» объединяет идея о том, что женщина может быть успешной в различных сферах деятельности, а также может обладать такими качествами, как самостоятельность, независимость, стремление усердно работать, добиваться успеха и быть лидером:

alpha earner – a wife who earns all or most of her household's income [Word Spy];

do-it-herself – a woman who performs some or all of her home's repair, maintenance, and construction jobs [Word Spy];

womenomics – the theory that women play a primary role in economic growth [Word Spy].

Подгруппа «внешность» является самой малочисленной (5 единиц) и разрушает стереотип о стремлении к внешней привлекательности как приоритетной характеристики женского пола. Слова этой подгруппы описывают безразличное и даже пренебрежительное отношение современной женщины к традиционным представлениям о женской красоте и привлекательности, отдавая предпочтение удобству и функциональности в одежде, причёске и т. д.:

mom-jeans – a style of loose-fitting jeans with a high waist, often considered unfashionable [Macmillan Dictionary];

VSCO girl – a young woman who dresses in a casual, relaxed style and avidly shares this appearance with the world on social media [Macmillan Dictionary];

pit bush – a deliberate cultivation of hair in the female armpit [Cambridge Dictionary].

Таким образом, анализ феминно-маркированных неологизмов показал, что тематическая сфера «семья и родительство» является на данный момент наиболее активно пополняемой группой лексики с гендерным компонентом значения. Это обуславливается высокой потребностью в наименовании новых явлений и идей, непосредственно связанных с концептом семьи и взаимоотношений между её членами. Кроме того, необходимо отметить, что большая часть неологизмов данной подгруппы отображают идею добровольного нежелания заводить детей и создавать семейные отношения. Это может свидетельствовать об установившейся тенденции к отказу от традиционного семейного образа жизни, а также о росте самосознания женщин за последние десятилетия. Феминизм сыграл важную роль в становлении и популяризации данной идеи. Представители этого движения активно борются с гендерными стереотипами, давно закрепившимися в обществе, одним из которых является обязательная реализация женщины через семью и материнство. На сегодняшний день идея о свободе выбора и самореализации вне семьи популярна среди женского населения, что можно наблюдать в новых словах. Неологизмы подгруппы «дискриминация женщин» показывают, что, несмотря на широкое распространение идей феминизма, в современном мире до сих пор имеет место факт существования дискриминации женщин, в особенности в профессиональной сфере. Единицы подгруппы «стремление к самореализации и лидерству» отражают тенденцию к лидерству, личностному росту, успешности среди женщин наравне с мужчинами, несмотря на различные обстоятельства и существующий патриархальный строй.

2.2. Неологизмы, характеризующие мужчин [Neologisms characterizing men]

Вторая тематическая группа объединяет неологизмы, характеризующие мужчин. Здесь самой многочисленной оказалась подгруппа «негативные мужские характеристики»:

toxic bachelor – an unmarried man who is selfish, insensitive, and afraid of commitment [Word Spy];

himbo – a man who is good-looking, but unintelligent or superficial [Word Spy];

manfant – a young male who behaves like a young child [Cambridge Dictionary].

Подгруппа «внешность» включает больше единиц, чем соответствующая подгруппа, характеризующая женский пол. Эти неологизмы обозначают физические характеристики внешнего облика мужчины, а также предметы и аксессуары, связанные с изменением внешности. Примерами являются следующие единицы:

guyliner – eyeliner designed for and used by men [Word Spy];
manscaping – the artful shaving and trimming of a man’s body hair [Word Spy];
dadbody – a male physique characterized by a slight flabbiness, undefined musculature, and a noticeable beer belly; a man who has such a physique [Word Spy];
gammon – an insulting name for a certain type of middle-aged right-wing white male, after the fact that they have pink complexions that become even pinker when they are angry, as frequently happens [Macmillan Dictionary].

Подгруппа «с ф е р ы м у ж с к о г о и н т е р е с а» включает неологизмы, обозначающие объекты и виды деятельности, касающиеся непосредственно мужчин, и представляющие интерес для мужского пола. Например:

lad mag – a magazine that focuses on sport, sex and other topics of interest to young men [Word Spy];

blokebuster – a book, usually one that sells a large number of copies, aimed particularly at men [Cambridge Dictionary];

menosphere – a loose network or website, blogs and online forums on issues related to men and masculinity, normally with anti-feminist perspective [Cambridge Dictionary].

Подгруппа «с е м ь я и р о д и т е л ь с т в о» отражена и в маскулинно-ориентированных неологизмах, но представлена лишь небольшим количеством единиц в сравнении с соответствующей феминно-ориентированной подгруппой:

manny – a male nanny [Word Spy];

dadding – carrying out the duties of a father [Word Spy];

wasband – a woman’s ex-husband [Word Spy].

Данная тематическая классификация выявляет складывающуюся тенденцию к смене традиционных стереотипов о гендерных ролях, проявляющуюся в создании слов, означающих вовлечённость мужчин в процесс воспитания детей и выполнение других семейных обязанностей. Также в семантике слов проявляется и ещё одна новая характеристика современного мужчины – значимость внешнего вида и привлекательности.

2.3. Термины гендерной нейтральности [Gender-neutral terms]

Третья тематическая группа – «т е р м и н ы г е н д е р н о й н е й т р а л ь н о с т и» (8 единиц). Слова данной группы обозначают новые для общества виды гендерной идентичности, а также термины гендерно-нейтрального обращения к людям:

third-gender – refers to a person who identifies as neither male nor female [Cambridge Dictionary];

theyby – a baby who has been brought up in a gender-neutral way and not outwardly identified by its parents as either a boy or a girl [Macmillan Dictionary];

Mx – a title used before a man or woman's name as a gender-neutral (= not male or female) alternative to Mr, Ms, etc. [Macmillan Dictionary].

Эти единицы закрепляют новые факты современной реальности, так как любой актуальный концепт требует вербализации в языковой форме.

2.4. Результаты компонентного анализа [Results of component analysis]

Компонентный анализ лексического значения неологизмов с гендерным компонентом показал, что преобладающее количество единиц (66%) являются коннотативно-нейтральными. Языковые единицы эксплицирует новые сущности, характеристики, явления, концепты, которые обладают определёнными объективными признаками и лишены эмотивно-оценочной коннотации. Например: *groomsmaid* – a female friend of a man who is getting married who has special duties at the wedding; *mommune* – a group of

mothers who live together with their children, sharing possessions and responsibilities; *mancation* – a vacation in which the participants are all males; *man tax* – a tax that has to be paid only by men 40.

Те же неологизмы, которые обладают коннотативной маркированностью, имеют чаще всего пейоративную оценку, которой сопутствует иронично-шутливое отношение. Это главным образом свойственно единицам, выражающим представления о различных человеческих недостатках и слабостях, чаще всего мужских. В следующих примерах ироничная критика некоторых черт поведения мужчин очевидна:

mansplaining – explaining in a patronizing way, particularly when done by a man who combines arrogance with ignorance of the topic [Cambridge];

male answer syndrome – the tendency for some men to answer a question even when they don't know the answer [Word Spy];

groomzilla – a man who is neurotically obsessed with planning his wedding [Cambridge].

Сравнительно небольшое число неологизмов с женским компонентом характеризуются отрицательной оценочностью: *bridezilla* – a bride-to-be, while planning her wedding, becomes exceptionally selfish, greedy, and obnoxious [Word Spy]; *one-upwomanship* – the practice of one woman trying to prove herself superior to another woman [Word Spy].

Таким образом, отличительной чертой новой лексики с гендерным компонентом значения является относительно равное в количественном отношении образование единиц, характеризующих мужской и женский пол. Содержательный аспект новообразований выявляет изменения традиционного восприятия гендерных ролей в обществе. Так, среди феминно-маркированных неологизмов значительное количество единиц характеризуют современную женщину как социально активную, стремящуюся быть успешной в различных сферах и видах деятельности, в том числе и считавшихся исторически мужскими. При этом новая лексика отражает как стремление женщины быть лидером в семье, так и право быть свободной от семейных отношений и материнства. Маскулинно-маркированные неологизмы расширяют диапазон лексических средств характеристики мужчин лексемами, описывающими социальное поведение, внешность, сферу интересов мужчин, значительная часть из которых имеет отрицательную коннотацию. Отмечается рост слов, фиксирующих роль мужчины в семье и воспитании детей. Следовательно, проявляется тенденция к равновесию социальных ролей мужчины и женщины в современной англоязычной картине мира.

3. Функционирование неологизмов с гендерным компонентом в медиа-пространстве (на примере онлайн версии газеты «The Telegraph») [Neologisms with gender component in the media (Based on the online version of "The Telegraph")]

В цифровую эпоху медиа-среда является неотъемлемой частью жизни современного человека. Она же представляет собой важный источник распространения неологизмов. Средства массовой информации играют немаловажную роль в процессе популяризации новых лексических единиц. Соответственно, с каждым годом тенденция к использованию неологизмов в языке газетно-публицистических текстов увеличивается.

М а т е р и а л о м для данной части исследования послужили статьи онлайн-версии британской газеты «The Telegraph». Был проведён анализ особенностей функционирования неологизмов с гендерным компонентом значения в современном медиа-пространстве. Отобранные из лексикографических источников и проанализированные выше новообразования были выявлены в текстах статей данного издания за период 2020 (450 статей) с целью определения их востребованности в современной коммуника-

ции и потенциальной перспективы закрепления в основном словарном составе английского языка. Выбор данного онлайн ресурса обусловлен его популярностью среди широкой аудитории, а также тематическим разнообразием материала данной газеты. Статьи «The Telegraph» охватывают широкий круг сфер, таких как политика, спорт, бизнес, жизнь звезд, культура и т. д., что может способствовать большой вероятности употребления неологизмов в текстах данного издания.

Всего в материале было найдено 2427 случаев употребления неологизмов с гендерным компонентом значения. Анализ их функционирования показал, что в новостных статьях онлайн-версии газеты «The Telegraph» самыми рекуррентными являются новообразования тематической подгруппы «негативные мужские характеристики». Было отмечено 502 случая употребления неологизмов этой группы, представляющих образ современного мужчины в осуждающей, критической тональности. Зафиксировано 330 примеров использования неологизмов из группы «внешность» (в отношении мужчин). Примеры: «*Man flu is not a myth as men suffer more from a high temperature than women when they are ill, a neuroscientist said*»; «*Shaving a laugh: what happens when manscaping goes extreme...*»; «*MOODY male teenagers and irascible husbands now have their own medical condition on which scientists said yesterday they could blame bad-tempered behavior: irritable male syndrome*». Такое активное использование единиц данных тематических групп, вероятно, отражает обеспокоенность общества утратой современными мужчинами традиционно-мужских качеств: мужество, ответственность, готовность защитить себя и близких, и т. д.

Актуальными и частотными оказались новообразования группы «термины гендерной нейтральности» – 390 случаев употребления («*Sam Smith asks to be called 'they/them' after coming out as non-binary*»; «*Half a century ago, the word "Ms" made us question why a woman's title should signal her marital status. Today, a growing number of people are asking why honorifics should reflect gender at all. So, what's it like to be known as Mx?*»)

Что касается других тематических групп, были зафиксированы следующие результаты: «семья и родительство» (в отношении женщин) – 293 случая, «сферы женского интереса» – также 293 случая, «дискриминация женщин» – 148 случаев, «внешность» (в отношении женщин) – 104 случая. Неологизмы подгруппы «семья» (в отношении мужчин) встречались в статьях газеты наименьшее количество раз – зафиксировано лишь 11 случаев употребления.

Помимо этого, было выявлено, что количество случаев употребления неологизмов с компонентами значения, указывающими на женский пол (1033 случая) несколько превышает количество случаев употребления единиц с компонентами, указывающими на принадлежность к мужскому полу (976 случаев). Однако разница статистически не значима, следовательно, можно говорить о тенденции равного соотношения в употреблении лексики с гендерными компонентами, указывающими на принадлежность к мужскому или женскому полу.

Таким образом, проведённый анализ функционирования неологизмов в англоязычном медиа-тексте на примере онлайн версии газеты «The Telegraph» показал, что новая лексика с гендерным компонентом значения активно функционирует в новостных статьях. Особенно часто используются неологизмы, описывающие негативные мужские характеристики и мужскую внешность, а также термины гендерной нейтральности.

4. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ семантики гендерно маркированных неологизмов различных тематических сфер позволяет сформировать представление о современном состоянии данного сегмента языковой картины мира. Выявленные семантические признаки

новообразований этой группы свидетельствуют об изменении представления женского и мужского образов, о меняющейся системе ценностей языкового сообщества. Исследование показало, что под влиянием экстралингвистических факторов меняется восприятие и интерпретация представлений о гендерных ролях и присущих им характеристиках. Количественное соотношение феминно-маркированной и маскулинно-маркированной групп новой лексики начала XXI века, их содержательное наполнение свидетельствуют о тенденции к нивелированию гендерной асимметрии в английском языке, в котором фиксируется равномерное появление наименований, характеризующих мужчин и женщин. Более того, значительное количество пейоративно оценочных маскулинно-маркированных лексических единиц ослабляет позиции принципа андроцентричности языка. Напротив, проанализированный языковой материал позволяет сделать предположение о доминировании женской точки зрения в формировании современной языковой картины мира, создании слов от женского субъекта. Меняются и традиционные гендерные характеристики, и ценностные ориентиры, закреплённые в семантике новообразований. Актуальность и потребность образования неологизмов данной группы для наименования новых концептуальных явлений, объектов и признаков подтверждается их широким употреблением в современных средствах массовой информации.

Список литературы

- Горошко, 2001 – Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования : учеб. пособие : в 2-х ч. / под. ред. И. А. Жеребкиной. СПб. : Алетей, 2001. Ч. 1. С. 508–542.
- Елисеева, 2015 – Елисеева В. В. Английские неологизмы в XXI в.: некоторые тенденции словообразования и функционирования // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9 : Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. Вып. 1. С. 75–82.
- Заботкина, 1989 – Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М. : Высшая школа, 1989. 124 с.
- Зыкова, 2003 – Зыкова И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 232 с.
- Кирилина, 1999 – Кирилина А. В. Гендер: Лингвистические аспекты. М. : Институт социологии РАН, 1999. 189 с.
- Котелова, 1983 – Котелова Н. З. Новые слова и словари новых слов. М. : Наука, 1983. 223 с.
- Крысин, 1972 – Крысин Л. П. О внутренних и внешних стимулах языка // Русский язык в школе. М. : 1972. № 3. С. 69–75.
- Лопатин, 1973 – Лопатин В. В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования. М. : Наука, 1973. 152 с.
- Лыков, 1976 – Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М. : Высшая школа, 1976. 119 с.
- Попова, 2005 – Попова Т. В. Русская неология и неография : учеб. пособие. Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2005. 96 с. URL : file:///tmp/mozilla_sveta0/Popova.pdf.
- Степанова, 1972 – Степанова М. Д. Аспекты синхронного словообразования // Иностранные языки в школе. М. : 1972. № 3. С. 3–13.
- Тамерьян, 2015 – Тамерьян Т. Ю. Феминистические тенденции языкового развития // Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2015. № 11. С. 60–66.
- Ali, 2016 – Ali S. M., Krish P. Gender-Specific English Language Use of Malaysian Blog Authors // GEMA Online Journal of Language Studies. 2016. Vol. 16, N 3. P. 21–35. doi : <http://doi.org/10.17576/gema-2016-1603-02>
- Bram, 2020 – Bram B., Pasaribu T. A. Indonesian gender-specific neologisms // Linguistik Indonesia. 2020. Vol. ke-38, N. 2. P. 105–121.
- Foubert, Lemmens, 2018 – Foubert O., Lemmens M. Gender-biased neologisms: the case of man-X // Lexis. 2018. N. 12. URL : <http://journals.openedition.org/lexis/2453> (дата обращения : 02.02.2019).

- Lakoff, 1973 – Lakoff R. Language and Woman's Place // Language in Society. 1973. Vol. 2 (1). P. 45– 80.
- Tarif, 2015 – Tarif J. “Hey Guys, Once Upon a Time was Sexist Language ...” // TranscUlturAl. 2015. Vol. 7.1. P. 35–62.
- Tesso, 2010 – Tesso E. A comparative study of gender-based linguistic reform across four European countries : Doctor of Philosophy thesis ; Liverpool John Moores University. 2010. 274 p.
- Cambridge Dictionary, 2019 – Cambridge Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения : 02.02.2019).
- Macmillan Dictionary, 2019 – Macmillan Dictionary. URL : <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения : 02.02.2019).
- Word Spy, 2020 – Word Spy. URL : <https://www.wordspy.com> (дата обращения 02.02.2019)).
- The Daily Telegraph, 2019 – The Daily Telegraph. URL : <https://www.telegraph.co.uk/> (дата обращения : 02.02.2019).

UDC 81'373

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_74_83

Irina G. Ishchenko, Olga S. Filonova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
 iirinagen@mail.ru, filonova_os@mail.ru

Semantic aspect of English neologisms with gender component in meaning

Abstract

The article presents the results of semantic analysis of English neologisms with the gender component in their meaning which were registered in lexicographic resources during the XXI century (100 units). The research resulted in distinguishing several thematic groups of new words that characterize men and women according to various parameters: appearance, family relations, professional activity, spheres of interests and others. The obtained results enabled to come to conclusion that social conscience and public worldview affected the process of formation of new lexical items that reflect the changing male and female features and their attitude to the reality. Componential analysis revealed evaluative component in the meaning of some new words, most of which present the negative characteristics of men. This paper also examines gender marked neologisms functioning (2427 tokens) in electronic mass media (450 articles) and demonstrates their wide circulation in various articles. Emerging of gender-marked neologisms and their use can be the evidence of the changes in the perception of gender roles in the society and, correspondingly, in the linguistic picture of the world.

Keywords: neologism, gender marked vocabulary, androcentrism, connotation, gender component, thematic groups.

© Ishchenko I. G., Filonova O. S. 2020

References

- Goroshko, E. I. (2001). Gendernaya problematika v yazykoznanii [Gender issues in linguistics]. *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies]: A coursebook. Part 1. St Petersburg : Aleteya Press.
- Eliseeva, V. V. (2015). Angliyskie neologizmi v XXI v.: nekotorie tendentsii slovoobrazovaniya i funktsionirovaniya [New coinages in English of the 21 st century: Some tendencies in word-formation and functioning]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint-Petersburg University]. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism, 1, 75–82.

- Zabotkina, V. I. (1989). *Novaya leksika sovremennogo angliyskogo yazika* [New vocabulary of modern English]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
- Zikova, I. V. (2003). *Sposobi konstruirovaniya gendera v angliyskoy frazeologii* [Ways of gender construction in English phraseology]. Moscow : Editorial URSS.
- Kirilina, A. V. (1999). *Gender: lingvisticheskiye aspekty* [Gender: Linguistic aspects]. Moscow : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Press.
- Kotelova, N. Z. (1983). *Noviye slova i slovari novih slov* [New Words and Dictionaries of New Words]. Moscow : Nauka Press.
- Krysin, L. P. (1972). O vnutrennikh i vneshnikh stimulakh yazika [About Internal and External Stimuli of the Language]. *Russkiy yazik v shkole* [Russian Language at School], 3, 69–75.
- Lopatin, V. V. (1973). *Rozdeniye slova: neologizmi i okkazionalniye obrazovaniya* [Birth of the Word: Neologisms and Nonce Words]. Moscow : Nauka Press.
- Lykov, A. G. (1976). *Sovremennaya russkaya leksikologiya (russkoye okkazionalnoye slovo)* [Modern Russian Lexicology (Russian Nonce Word)]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
- Popova, T. V. (2005). *Russkaya neologiya i neografiya* [Russian Neology and Neography]. Ekaterinburg : Ural State Technical University Press.
- Stepanova M. D. (1972). Aspekty sinhronnogo slovoobrazovaniya [Aspects of synchronic word formation]. *Inostrannyje yazyki v shkole* [Foreign Languages for Schools], 3, 3–13.
- Tameryan, T. Yu. (2015). Feministicheskie tendentsii yazikovogo razvitiya [Feminist tendencies of language development]. *Vestnik Samarskogo Universiteta. Istoriya, Pedagogika, Filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], 11, 60–66.
- Ali S. M., Krish P. (2016). Gender-Specific English Language Use of Malaysian Blog Authors. *GEMA Online Journal of Language Studies*, 16 (3), 21–35. doi : <http://doi.org/10.17576/gema-2016-1603-02>
- Bram B., Pasaribu T. A. (2020). Indonesian gender-specific neologisms. *Linguistik Indonesia*, ke-38 (2), 105–121.
- Foubert, O., Lemmens, M. (2018). Gender-biased neologisms: the case of man-X. Lexis [Online], 12. Retrieved February 2, 2019 from <<http://journals.openedition.org/lexis/2453>>.
- Lakoff, R. (1973). Language and Woman's Place. *Language in Society*, 2 (1), 45– 80.
- Tarif, J. (2015). "Hey Guys, Once Upon a Time was Sexist Language ...". *Transcultural*, 7.1, 35–62.
- Tesso, E. (2010). *A comparative study of gender-based linguistic reform across four European countries* : Doctor of Philosophy thesis ; Liverpool John Moores University.
- Cambridge Dictionary (2020). Retrieved February 2, 2019 from <<https://dictionary.cambridge.org>>.
- Macmillan Dictionary(2020). Retrieved February 2, 2019 from <<https://www.macmillandictionary.com>>.
- Word Spy (2020). Retrieved February 2, 2019 from <<https://www.wordspy.com>>.
- The Daily Telegraph (2020). Retrieved February 2, 2019 from <<https://www.telegraph.co.uk/>>.

Каксин Андрей Данилович
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
adkaksin@yandex.ru

Обозначение борьбы в хакасском и тувинском языках (о происхождении слова *күрес / хүреш*)

Аннотация

В статье анализируются возможности варьирования слова при развитии семантической (лексической) системы языка. Актуальность статьи определяется тем, что в хакасском и тувинском языкознании ещё недостаточно работ, посвящённых схемам развития категориальной семантики слова. В статье определяется, как значение слов, фиксируемых ещё в праязыках, развёртывается в дальнейшем, на следующих этапах языкового развития. В результате исследования выявлено, что первоначальные слова с искомой семантикой бытовали уже в пратюркскую эпоху. Их семантическое развитие характеризуется собственной логикой: вектор задаётся внутренней формой древнего корня (*күш*, *күс*); при аффиксации (*күрес*, *хүреш*) наблюдается выбор мотивирующего корня. Подтверждается предположение о том, что для разных тюркских языков вектор может быть как “одинаковым”, так и различающимся. Во втором случае различительные линии, хотя и ощутимы, проходят в известных пределах: даже при достаточно сильном отклонении от заданной линии вариации они сохраняют глубинную связь с семантикой первоначального корня. Результаты анализа этих слов как представителей определённого семантического поля важны для лингвистов – специалистов в области лексической типологии. В статье показаны пути семантического развития от двух древних корней тюркского праязыка. На примере слов со значениями ‘сила’, ‘дерзкий’, ‘борьба’ показаны способы семантической репрезентации исходного древнего корня. Выводы о семантических изменениях основываются на положениях о формально-смысловом варьировании древних тюркских языков, на знании о том, что изначальный древний корень варьирует в соответствии с фонетическими законами, приводящими к возникновению отдельных, самостоятельных языков, а семантическое развитие может быть как схожим, так и различающимся.

Ключевые слова: слово, внутренняя форма, лексическая производность, фонетические законы, хакасский язык, тувинский язык, тюркские языки.

© Каксин А. Д. 2020

1. Введение [Introduction]

При объяснении логики семантического развития (движения) от древнетюркских слов *küç* ‘сила’, *kür* ‘смелый’ [ДТС, 1969, с. 322, 328] к словам современных тюркских языков (напр., тув. *күш* ‘сила’, *хүреш* ‘борьба’, хак. *күс* ‘сила’, *күрес* ‘борьба’) представляется целесообразным указать на первоначальные (потенциальные) возможности семантического развития, заложенные во внутренней форме древних корней, показать способы дальнейшей семантической репрезентации исходного древнего корня. Это позволит дополнить указанную методологию выявлением внутренней формы слова и определением стратегии его семантического развития.

Известно, что силовое противоборство, или борьба (как вид спорта), в современных тюркских языках обозначается словом *küräş*. Приведём словарный материал, показывающий, что это слово, получив широкое распространение, содержится в тюркских языках разных территориально-генетических групп – огузского, карлукского, уйгурско-го, кыпчакского, сибирского типа [Широбокова, 2005, с. 30–31].

В древних тюркских языках слово это было синкретично: обозначало и имя действия, и само действие:

1 *күрәш* ... борьба – *der Ringkampf, das Ringen*¹.

2 *күрәш* (v) ... бороться, сражаться – *kämpfen, ringen; калы ўснәзә кутка каткун күрәш!* ... если ты противишься счастью, тогда борись сь заботами! – *wenn du dem Glücke dich widersetzest, so kämpfe mit den Sorgen!* ... *јараику јарабы пар әрзә јараиш – јок әрзә јарыклан јәл әлзін күрәш!* ... если есть средство для примирения, примиришь, а если нть, соберись сь силами и борись хладнокровно! – *giebt es die Möglichkeit Frieden zu schliessen, so schliesse ihn, ist sie aber nicht da, so nimm dich zusammen und kämpfe kaltblütig!* ... [Радлов, 1899, с. 1453].

Краткий, но вполне определённый, репрезентативный материал дают составители двуязычных словарей (в частности, татарско-русского, башкирско-русского, хакасско-русского):

көрәш сущ. 1. в разн. знач. борьба: *тынычлык өчен көрәш* борьба за мир; *ирекле көрәш* спорт. вольная борьба. 2. разг. сражение, битва, борьба [ТРС, 1988, с. 192].

көрәш в разн. знач. борьба, схватка; *кишкен көрәш* решительная схватка; *классик көрәш* классическая борьба; *қоролоққа қаршы көрәш* борьба с засухой; *милли көрәш* национальная борьба; *политик көрәш* политическая борьба; *синфи көрәш* классовая борьба; *һүҙ көрәше* словесная схватка; *тыныслық өсөн көрәш* борьба за мир; *көрәшкә сығыу* вступить в борьбу, принять бой, бороться; *көрәш тотоу* вести борьбу, бороться [БРС, 1996, с. 302].

КҮРЕС спорт. борьба; *күреске чөрерге* ходить и ездить на соревнования (по борьбе); *күрес иртірерге* проводить соревнования по борьбе [ХРС, 2006, с. 218].

И, наконец, тем же словом называется состязание, силовое противоборство дерзких, смелых людей (мужчин) в тувинском языке (в котором, ожидаемо, /χüreš/):

борьба ... 2. спорт. *хүреш* ... вольная борьба *хостуг хүреш* [КРТС, 1994, с. 28].

Различие фонетических вариантов объясняется длительной, сложной историей развития тюркской языковой семьи. Семантическое развитие идет по-разному, но в основной, ядерной части – вполне сопоставимо: историческим словом обозначаются явления (действия), предполагающие столкновение и последующее противоборство разных общественных групп, каждая из которых отстаивает свою точку зрения. Важно, однако, что борьба в ‘спортивном’ смысле предполагает противостояние, как правило, только двух участников. В семантической структуре слова, как известно, сочетаются компоненты разных мотивирующих «установок» – экстралингвистической, логико-семантической, логико-грамматической [Черемисина, 1998, с. 13–16; Бавуу-Сюрюн, 2015; Ооржак, 2016; Чертыкова, 2017; Шамина, 2019].

2. *Küres / hyreš*: этимология и семантика [*Küres / hyreš*: Etymology and semantics]

2.1. Этимология: *kür, küč* и производные от данных слов [Etymology: *kür, küč* and their derivatives]

По всей видимости, первоосновой (древним корнем, мотивировавшим хак. /kür/ и тув. /käŋ-ži/), следует считать древнетюркское слово *kür*:

KÜR смелый, отважный: *kür er* смелый мужчина ...; *kim kür bolsa küväs bolur* кто смел, тот горд ...; *kür küväs erdi qılqı köni* был он смелый, гордый, правдивый ... [ДТС, 1969, с. 328] (см. также EDAL, 2003, p. 19).

В древних тюркских языках такое, именное по характеру, слово не зафиксировано, но сам глагол, безусловно, функционировал уже в этот период:

1. В словаре Радлова, помимо русского перевода, дан немецкий. Желая сохранить оригинальный замысел создателя словаря, в статье приводим оба перевода.

KÜRÄŞ- бороться, сражаться *qiz birlä küräşmä qisraq birlä jarişma* с девицей не борись, с кобылицей не состязайся ... [ДТС, 1969, с. 328] (см. также [EDAL, 2003, p. 671]).

В нашем случае, очевидно, нужно констатировать следующее: в тюркском языке должно было быть слово для обозначения наблюдаемого физического свойства человека – силы мышц, благодаря чему он мог поднимать, сдвигать с места и переносить тяжести, мог одолеть другого человека в рукопашной. Действительно, в древнетюркском словаре содержится указание на наличие в древних тюркских языках единицы **KÜÇ I**, имеющей два значения:

KÜÇ I 1. сила: *täñri küç bertük üčün* так как бог даровал [ему] силу...; *er küçi kevidi* силы мужчины ослабли...; *señinä bar ərkan jigitlik küçi* у тебя ещё есть, оказывается, молодецкая сила...; *bu ot küçi* сила этого лекарства...; 2. сила, насилие: *küç eldin kirsä törü tünluktin çiqar* если сила входит через дверь, то законность выходит через дымовое отверстие...; *säbäb señ señ emdi qamuy ergusä / küçüg tiryuqa häm törü bergükä* ты стал теперь причиной всего хорошего, [причиной] препятствия насилию и установления законности... [ДТС, 1969, с. 322] (см. также [EDAL, 2003, p. 19]).

Как видим, словарь фиксирует и достаточно абстрактные понятия ('сила лекарства'), но, видимо, это объясняется хронологией текстов, из которых взяты примеры. Эти тексты трудно назвать древними: памятник Кюль-Тегину датируется VIII веком, словарь Махмуда Кашгарского – XI веком, медицинские сочинения (уйгурским письмом) – VIII–XIII веками [Закиров, 1990].

Ещё более показательное употребление искомого слова в связанных сочетаниях и идиомах, в контексте которых оно приобретает оттенки 'поддержка', 'силы (для службы)', 'мощь; могущество':

küç basut парн. помощь, поддержка: *jetili iki jegirmili ərklig küçlüglärdän küç basut kelriün* пусть будет поддержка от семи и двенадцати повелителей...; **küç ber-** отдавать силы, служить: *aqa inilärimiz birlä bayni ędläp özgä alban jasaq turmajin [qan]larimirqä küç berip joridimür erti* мы вместе с нашими братьями обрабатывали сад и, не неся других повинностей, жили служа ханам...; **küç küsün** парн. сила, мощь: *sirlärkä bu baliqqa kirkülig küç küsün kim berdi* кто дал вам силы, чтобы вступить в этот город? ...; **küç qil-** совершать насилие: *munuñrin baraqi bu küç qilyan ol* следующие за этим те, кто совершает насилие...; *añar küç qilip özkä alma tamuy* совершая насилие над ними, не готовь (букв. не бери) себе ад...; **küç tut-** использовать силу, опираться на кого-л.: *ərklig beğ işiniñ küçin tutup* опираясь на силу могущественного бека и его жены... [ДТС, 1969, с. 322–323].

2.2. Семантика *kür, küç* и их производных в хакасском и тувинском языках [Semantics of *kür, küç* and their derivatives in Khakas and Tuvin]

Далее рассмотрим функционирование данного слова в хакасском и тувинском языках. Как известно, хакасы (минусинские татары) и тувинцы (урянхайцы) явились перед исследователями-лингвистами как самобытные, самостоятельные народности в середине XIX века. К тому времени каждый из этих этносов уже представлял единство в антропологическом, культурно-хозяйственном и языковом отношении. Поэтому можно сказать, что те лексические единицы, о которых далее пойдет речь, были в хакасском и тувинском языках уже в начальный период их отдельного бытия. Но зародились они еще в период существования пратюркского языка. Логика подсказывает, что первоначальными должны быть слова со значениями 'сила' и 'проявлять силу'. Далее, можно постулировать наличие в пратюркскую эпоху и других, однокоренных, слов, входящих в этот семантический ряд. Такое предположение также исходит из наших знаний о внутренней логике языка. Часто в отдельных фрагментах языка (к примеру, в том же ряду однокоренных слов) сближаются онтологические (сущностные) и аксиологические (ценностные, или по-

тенциальные, или идеальные) понятия. И отношения между ними могут рассматриваться не обязательно в рамках ‘род – вид’, они могут укладываться в схему перехода от общего к частному, от абстрактного – к конкретному. С логической точки зрения, названный переход «происходит по принципу индивидуализации общей схемы. Взаимосвязи общего и частного в актах индивидуализации гораздо тоньше и обширнее родо-видовых типов связи между понятиями... Родо-видовые отношения представляют собой как бы срез одной плоскости, если иметь в виду положение, согласно которому признак рода должен переходить на признак вида. Идея о сущности или идеал не обязательно реализуется в эмпирическом мире, с одной стороны, а с другой, может быть реализован с различной степенью, различными способами и в многообразии форм» [Герасимова, 2000, с. 14–15].

Применительно к обсуждаемой семантике данная дихотомия формулируется, видимо, следующим образом: что позволяет человеку вступить в противоборство с другим человеком – ‘сила физическая, мышечная’ или ‘смелость, решительность, дерзость’ (сила духа)? Да, наверное, и то, и другое, но основой словопроизводства в каждом отдельном случае может быть только один корень.

Для определения круга лексических единиц современных тюркских языков обратимся к соответствующим словарям. В большом толковом словаре хакасского языка находим следующий ряд слов, входящих в ядро лексико-семантического поля ‘сила ~ борьба’: *күс, күр, күрезерге, күрес*.

КҮС 1) сила... **күс алынарға** набираться сил... **күс саларға** приложить усилия, напрячь силы... 2) сила, войска; **тиріліг күстер** вооруженные силы; 3) усилие, напряжение; труд... **пар-чох күзінең** изо всех сил [ХРС, 2006, с. 219].

Күстерін пиктеп тамырында,

Олар чилегее ханнарын пир парча. ...

– Ағын суғ чілі тулғорларда,

Күзін чідіріп, аас-тіл хызырылза,

Тыныңар чілі хайраллирға

Чилегелеңер, – Чир-іңе чайытча [ТЧ, 2010, с. 51].

Силы свои укрепляя,

Отдают они кровь корням. ...

– Если, как быстрая река перед плотиной,

Теряя **силы свои**, ваш язык начнет исчезать,

Укрепляйте свои корни,

Чтобы жизнь убережет свою, – Мать-земля поддержит [перевод автора статьи].

Здесь искомое слово употреблено в физическом значении: ‘силы (природные); мощь; мощность’.

Махачы даа кирі тудынза,

Хатыг күресте чиндірче [ТЧ, 2010, с. 79].

Хоть и храбрится старый,

Но уступает **в жесткой борьбе** [перевод автора статьи].

В этом случае, возможно, имеется в виду не собственно схватка (поединок), а вообще борьба (борьба с соперниками, но не обязательно на борцовском ковре). Осмысленное как определение, слово *күс* в хакасском языке приобретает значение ‘сильный’:

Уйғудағыларны усхура,

Чадындағыларны турғыза, мин парчам.

Андағ **күстігізім** мин! [ТЧ, 2010, с. 127].

Пробуждая спящих,

Поднимая лежащих, я иду.

Такой я **сильный!** [перевод автора статьи]

Обратим внимание на то, что в контексте разговора о борьбе как спорте наиболее употребительны две коннотации данной лексемы: собственно *сила* (как качество человеческого тела) и *усилие, напряжение* как отдельные составляющие физической силы.

КҮР дерзкий, заносчивый, задиристый, драчливый; **күр кізі** задира, забияка, драчун [ХРС, 2006, с. 217].

Таким образом, историко-этимологический анализ показывает разную семантику слов-корней *кус* и *кур*. Далее, в данной работе хотелось бы проанализировать формальные и семантические особенности производных слов (современных тюркских языков), причастных к репрезентации понятия ‘силовое единоборство’.

Слово *күр* – многозначное (в словаре приводится пять значений), но именно первое, указанное выше, является мотивирующим при образовании глагола со значением ‘бороться, состязаться’ и именного слова, обозначающего борьбу как единоборство, вид спорта:

КҮРЕЗЕРГЕ /күрес-/ ... бороться, состязаться; **күресчилер күресчелер** борцы состязаются (в единоборстве) [ХРС, 2006, с. 218].

В процессе дальнейшего развития глагольная основа становится отдельным, самостоятельным словом именного характера. (Во многих грамматиках, в частности, грамматике русского языка, такой способ словообразования называется безсуффиксальным).

КҮРЕС спорт. борьба; **күреске чөрерге** ходить и ездить на соревнования (по борьбе); **күрес иртірерге** проводить соревнования по борьбе [ХРС, 2006, с. 218].

В тувинском языке представлен тот же набор лексических единиц, и во всех случаях прослеживается родство тюркских языков (производство от одного и того же древнего корня). Яркой особенностью тувинского языка является то, что для обозначения ‘силы’ в нем представлены сразу несколько слов. Одно из них непосредственно соотносится с рассмотренным выше хакасским вариантом:

сила 1. күш, шыдал; **обладать большой силой** улуг күштүг болур ... 3. (*интенсивность, напряженность*) күш ... **сила ветра** хаттыг күжү [КРТС, 1994, с. 342].

Разумеется, в тувинском языке есть и слово *күреш* ‘борьба’. Произведено оно от именной основы *карыш* ‘безжалостный; злой’, которое в смысловом отношении пересекается с общетюркским глаголом *карыш-* ‘противостоять, противиться’ [Татаринцев, 2004, с. 113–114].

Другими словами, *күреш* – это процесс, действие, для успешного производства которого необходима способность к противостоянию (сопротивлению). В определенном контексте это слово приобретало значения ‘турнир борцов’, ‘соревнования по борьбе’:

Хүрээлерим хүрээм салса,

Күжүдүм туьтчуур мен.

Чаңгыларым чарыш салса,

Чараш оюмны салыр мен.

Будет хуреш народ проводить,

Выйду помериться силой своей.

Будет скачки народ проводить,

Выставлю я своего Чараш ой [Образцы фольклора... 2003, с. 71].

Как видим, семантическое сходство (точнее, единство) – совершенно явное. О формальном варьировании также можно сказать кратко: данный пример ярко иллюстрирует переход древнетюркского конечного [ç] в языках-потомках (в тувинском, в частности, в [š], в хакасском, как и в якутском, – в [s]) [Убрятова, 1961, с. 116].

Итак, выше мы указали на одну из этимологических версий, согласно которой слово со значением ‘борьба’ в тюркских языках произошло от именной основы. Однако, при всей логичности, она представляется не до конца убедительной. Далее обратимся к

другой версии, “глагольной”, которая представлена в двух этимологических словарях, изданных в традициях европейской лингвистической школы.

Слово со значением ‘борьба’ М. Рясänen (M. Räsänen) возводит к глаголу *küräš-* ‘бороться’, образованному, в свою очередь, от глагола *kürä-* ‘разбивать, раздроблять, рыть, копать’. И только далее следует допущение, что *kürä-* произошло от *kür* ‘храбрый, отважный’ [Räsänen 1969, S. 310].

Как видим, исходным в данной цепи значится слово, обозначающее натуру человека (*отважный*), далее семантический ряд продолжает глагол, обозначающий результат действия отважного человека (*разбивать*), и логически завершает данный семантический ряд слово со значением процесса (*бороться*): очевидно, что в процессе борьбы добиваться нужного результата может только человек определённого склада. Принимая такой ход словообразования в искомом фрагменте языка, сравним выводы М. Рясänen с данными другого авторитетного источника – словаря Дж. Клосона. Этимология слова *küreš-* ‘бороться’ представлена в нём следующим образом:

Co-op. f. of **küri-** (sic, q. v.); ‘to shovel together’. In this sense, noted only in Kaš., it must, like **küri-**, always have had an initial **k-**. But in the sense of ‘to wrestle’, in which it s.i.a.m.l.g., there are NW and SW \\\ forms with initial **g-**, NW Kk. *güreš-*: SW Osm. *güreš-*; Tkm. *göreš-*. In this sense, therefore, it seems to be the Recip. f. of (2) **küre-* (g-). Hak. x1 ol mağa: ka:r kürešdi: ‘he helped me to shovel (fi carf) the snow’ (etc.); also used for ‘to compete’ Kaš. // g9 (*kürešü:r*, *kürešme:k*); o.o., k1:z birle: *kürešme:* ‘do not wrestle with a virgin’ (la tušeri’i’1-adre; she will be stronger than you and will beat you) I 474, 6; čerig tutup kürešti: hayuacn kull tvehid minhume harb tea fagetii/e ‘they both stirred up war and fought one another’ II 97, 15 : KB (if you rebel against fortune) kadğun küreš ‘(prepare to) wrestle with adversity’ 681; o.o. 2249, 2360: Čağ. xv ff. *güreš-* (spelt, ‘with g-’) kušti giriftari ‘to wrestle’ San. 304V. 20: Xwar. xiv *küreš-* ditto Qutb 108: Kip. xiii šera’a *küreš-* Hou. 41, 13: xv ditto Id. 80; Bui. 55V.: xv ditto Tuh. 22b. 12 [Clauson, 1972, c. 748].

Как видим, в словарях М. Рясänen и Дж. Клосона семантика лексической единицы *küräš-* / *küreš-* ‘бороться’ объясняется её происхождением от глагольных слов, применимых для обозначения следующих типовых ситуаций: *противодействовать стихии, совладать с девственницей, сражаться с противником (на войне), восстать против фортуны (судьбы), преодолеть невзгоды*. Объединяет все эти ситуации одно: для их разрешения (в свою пользу) необходима не столько физическая, мышечная сила, сколько решительность, сила духа и крепость характера.

Итак, применительно к обсуждаемой семантике, на определённом этапе развития тюркских языков возникла дилемма: как образовать слово со значением ‘борьба, противоборство’? От какого корня должно пойти новое словопроизводство? Вопрос разрешился в пользу слова со значением ‘противодействовать, разбивать’: для того, чтобы вступить в силовое противоборство, прежде собственно силы, необходимо такое качество, как решимость идти до конца (стремление одолеть, разбить противника).

«Стимулом к активному функционированию человека являются желания. Человек реализует их с помощью силы, которая называется *волей*; воля, собственно, и есть способность приводить в исполнение свои желания» [Апресян, 1995, с. 40].

Делая отсылку к приведенным выше данным хакасского языка, можно сказать, что человек, вызывающий соперника на борьбу, должен быть заносчивым, задиристым, драчливым. И, хотя в тувинском языке имеется много слов, обозначающих такого человека (*адыыргак*, *сыузыг*, *ёзуургак* ‘заносчивый’, *содаачы* ‘драчун’), тувинцы о человеке, увлеченном спортивной борьбой, как и хакасы, прежде скажут, что он – дерзкий:

дерзкий прил. каржы, бардам; **дерзкий ответ** каржы харыы; **дерзкий поступок** каржы үүлгедиг [КРТС, 1994, с. 75].

Вернёмся к слову со значением ‘бороться’ в древних тюркских языках.

KÜRÄŞ- бороться, сражаться *qiz birlä küräşmä qisraq birlä jarişma* с девичей не борись, с кобылицей не состязайся ... [ДТС, 1969, с. 328].

Как видим, и пословица, приводимая в качестве примера, подтверждает употребление данного глагола в контексте рассказа о состязательной сфере (упоминаются конные скачки); при этом в семантику глагола входит и тот смысл, что состязаются, противоборствуют отдельные люди, а не войсковые объединения (тумены). Для обозначения борьбы войск (т. е. больших групп людей) в тюркских языках вырабатываются другие слова: к примеру, в хакасском языке – *чаалазарга*, в тувинском – *чаалажыр, дайылдажыр*. Если взять материал других тюркских языков, картина будет еще сложнее, еще замысловатее. Все это «свидетельствует о МНОГООБРАЗИИ тех возможностей, которыми располагают человеческие языки для своего развития и совершенствования, а тем самым и для расподобления» [Черемисина, 1992, с. 77].

3. Заключение [Conclusion]

Таким образом, разобранный материал тюркских языков показывает, что изначальный древний корень варьируется в соответствии с фонетическими законами, приводящими к возникновению отдельных, самостоятельных языков, а семантическое развитие может быть как “одинаковым”, так и различающимся. Во втором случае различительные линии, хотя и ощутимы, проходят в известных пределах: даже при достаточно сильном отклонении от заданной линии вариации сохраняют глубинную связь с семантикой первоначального корня. В своем исследовании мы стремились проследить путь семантического развития (в естественных языках): от слова со значением ‘дерзкий’ к слову со значением ‘борьба (вид спорта)’, от понятия *решительный (человек)* к понятию *спортивное единоборство*. В тюркских языках этот путь – очень короткий. Как показывает рассмотренный материал, со всей определенностью в развитии тюркских языков можно констатировать единую (она возникла уже в пратюркском языке) схему появления слова *күрес / хүреш* ‘борьба (спорт)’. Выясняется, что изначальным мотивирующим был корень со значением ‘дерзкий’: древним тюркам было ясно, что возможность войти в противоборство с соперником predetermined не столько физической силой, сколько волевыми чертами характера – дерзостью, заносчивостью, бесстрашием, способностью бросить (и принять) вызов.

Перспектива дальнейшего исследования связана с возможностью расширения круга слов, этимология которых скрыта и неясна для современных носителей языка. Было бы полезно выявить происхождение и пути семантического развития слов, обозначающих волевые черты характера человека: *целеустремленность, решимость, задор, риск, инициатива, азарт*. Именно они мотивируют человека на решительные, энергичные действия и, самое главное, на достижение конкретного, определённого результата. Слов и оборотов, связанных с обозначением волевой составляющей психической деятельности, достаточно много в каждом языке. Этот специфический лексико-семантический фрагмент нуждается в тщательном исследовании методами современной когнитивистики, семантики и лексической типологии.

Список литературы

- Апресян, 1995 – Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.
- Бавуу-Сюрюн, 2015 – Бавуу-Сюрюн М. В. Современные словообразовательные процессы, обусловленные языковыми контактами (на материале тувинского языка) // Сибирский филологический журнал. 2015. №2. С. 114–123.

- БРС, 1996 – Башкирско-русский словарь. 32000 слов / отв. ред. З. Г. Ураксин. М. : Изд-во “Дигора”, “Русский язык”, 1996. 884 с.
- Герасимова, 2000 – Герасимова И. А. Деонтическая логика и когнитивные установки // Логический анализ языка. Языки этики / отв. редакторы Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 7–16.
- ДТС, 1969 – Древнетюркский словарь / Редакторы: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л. : Наука, 1969. 676 с.
- Закиров, 1990 – Закиров Р. У. Уйгурское письмо // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 533.
- ТЧ, 2010 – Казачинова Г. Г. Төлібіс чулазы (Древо жизни): стихи и переводы. На хакасском языке. Абакан : Диалог–Сибирь, 2010. 140 с.
- КРТС, 1994 – Краткий русско-тувинский словарь / отв. ред. Д. А. Монгуш. Кызыл : Новости Тувы, 1994. 432 с.
- Образцы фольклора, 2003 – Образцы фольклора и речи кобдосских тувинцев / Цэцэгдарь Уламсурэнгийн / Научный редактор М. В. Бавуу-Сюрюн. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 2003. 192 с.
- Ооржак, 2016 – Ооржак Б. Ч. Реальность настоящего и его отражение в тувинском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 150–157.
- Радлов, 1899 – Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Ч. 2. СПб. : тип. Имп. акад. наук, 1899. С. 1053–1814.
- Татаринцев, 2004 – Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. III : К, Л. Новосибирск : Наука, 2004. 440 с.
- ТРС, 1988 – Татарско-русский словарь. Около 25000 слов / под ред. проф. Ф. А. Ганиева. Казань : Татарское книжное издательство, 1988. 462 с.
- Убрятова, 1961 – Убрятова Е. И. Вопросы исторического изучения тюркских языков и происхождение якутского языка // Вопросы методов изучения истории тюркских языков : стенограмма координационного совещания по вопросам методов изучения истории тюркских языков, состоявшегося в Ашхабаде 19-22 октября 1959 г. / под ред. Ф. Д. Ашнина. Ашхабад : Изд-во АН Туркменской ССР, 1961. С. 113–118.
- ХРС, 2006 – Хакасско-русский словарь / сост. А. С. Кызласов, П. Е. Белоглазов. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
- Черемисина, 1992 – Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири : учеб. пособие. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т., 1992. 92 с.
- Черемисина, 1998 – Черемисина М. И. Язык как явление действительности и объект лингвистики : учеб. пособие. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т., 1998. 128 с.
- Чертыкова, 2017 – Чертыкова М. Д. Концептуальное пространство уйат “стыд, стыдиться” в хакасской языковой картине мира // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 1 (15). С. 44–51.
- Шамина, 2019 – Шамина Л. А. Лексема шаг ‘время’ и вопросы грамматикализации в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2019. № 2. С. 182–192.
- Широбокова, 2005 – Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск : Наука, 2005. 269 с.
- Clauson, 1972 – Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford at the Clarendon Press, 1972. 1035 p. URL : [http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/ClausonEDT/Clauson_EDTp701-800\(747-846\).htm](http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/ClausonEDT/Clauson_EDTp701-800(747-846).htm) (дата обращения: 26.05.2017).
- EDAL, 2003 – Starostin, S., Dybo, A., Mudrak, O. Etymological dictionary of the Altaic languages : [part 3: indices]. Leiden; Boston : Brill, 2003. 2096 p.
- Räsänen, 1969 – Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs des Türksprachen. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1969. 533 S.

Andrey D. Kaksin
Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation
 adkaksin@yandex.ru

Words denoting wrestling in Khakas and Tuvин languages (on the origin of the word *küres* / *hyreš*)

Abstract

The article analyzes the possibilities of word variation in the development of the semantic (lexical) system of language. The necessity of this study is determined by the fact that in Khakass and Tuva linguistics there are not enough works devoted to development patterns of categorical semantics of the word. The article defines how the meaning of words found in proto-languages is advanced at further stages of language development. The obtained results demonstrate that the original words with the semantics in question already existed in the Old-Turkic era. Their semantic development is characterized by its own logic: the vector is set by the inner form of an ancient root (*kyš*, *küs*); during affixation (*küres*, *hyreš*), the choice of the motivating root is observed. The hypothesis is proven that for different Turkic languages, the vector can be either “the same” or different. In the second case, the distinctive lines, although visible enough, extend within certain limits: even with a sufficiently strong deviation from a given line of variation, they maintain a deep bond with the semantics of the original root. The results of the analysis of these words, as representatives of a certain semantic field, are important for linguists who specialize in the field of lexical typology. This study shows the paths of semantic development from the two ancient roots of the Turkic proto-language. The example of words with the meanings ‘force’, ‘daring’, ‘wrestling’, shows the ways of semantic representation of the original ancient root. Conclusions about semantic changes are based on the framework of the form-meaning variation of ancient Turkic languages, as well as on the knowledge that the original ancient root varies according to phonetic laws leading to the emergence of separate, independent languages, and therefore, semantic development can be either similar or different.

Keywords: word, inner form, lexical derivative, phonetic laws, Khakas language, Tuvин language, Turkic languages.

© Kaksin A. D. 2020

References

- Apresyan Yu. D. (1995). *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The image of man: An experiment in systematic description based on linguistic data]. *Voprosy yazykoznanija* [Voprosy Jazykoznanja]. 1, 37–67.
- Bavuu-Syuryun M. V. (2015). *Sovremennye slovoobrazovatel'nye protsessy, obuslovlennye yazykovymi kontaktami (na materiale tuvinskogo yazyka)* [The modern word-formative processes conditioned by language contacts (based on the Tuvинian language)]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2, 114–123.
- Uraksin, Z. G. (Ed.). (1996). *Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian Dictionary]. 32000 words. Moscow : Digora Press, Russkiy yazyk.
- Gerasimova I. A. (2000). *Deonticheskaya logika i kognitivnye ustanovki* [Deontic logic and cognitive attitudes]. In N. D. Arutyunova, T. E. Yanko, N. K. Ryabtseva (Eds.), *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki etiki*. [Logical analysis of the language. Languages of ethics] (pp. 7–16). M.: Yazyki russkoy kul'tury.
- Nadelyaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., Shcherbak, A. M. (Eds.). (1969). *Drevneturkskiy slovar'* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad : Nauka Press.

- Zakirov, R. U. (1990). Uygurskoe pis'mo [Uyghur writing]. In V. N. Yartseva (Ed), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (p. 533). Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press.
- Kazachinova, G. G. (2010). *Tölibis chulazy* [The tree of Life: poems and translations]. Abakan : Dialog – Sibir' Press. (TCH). (in Khakas).
- Mongush, D. A. (Ed.). (1994). *Kratkiy russko-tuvinskiy slovar'* [Brief Russian-Tuvan dictionary]. Kyzyl : Novosti Tuvy Press.
- Bavuu-Syuryun, M. V. (Ed.). (2003). *Obraztsy fol'klora i rechi kobdoskikh tuvintsev* [Samples of folklore and speech of Kobdo Tuvans]. In M. V. Bavuu-Syuryun (Ed.). Kyzyl : Tuvinskoe Press.
- Oorzhak, B. Ch. (2016). Real'nost' nastoyashchego i ego otrazhenie v tuvinskom yazyke [The reality of the present and its reflection in the Tuvan Languages]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2 (47), 150–157.
- Radlov, V. V. (1899). *Opyt slovarya tyurkskikh narechiy* [Experience of the dictionary of Turkic dialects]. Vol. II, Part 2 (pp. 1053–1814). Saint-Petersburgh : Imperial Academy of Sciences Publishing House..
- Tatarintsev, B. I. (2004). *Etimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Vol. 3 : K, L. Novosibirsk : Nauka Press.
- Ganieva, F. A. (Ed.). (1988). *Tatarsko-russkiy slovar'* [Tatar-Russian dictionary]. About 25000 words. Kazan : Tatarskoe Press.
- Ubryatova, E. I. (1961). *Voprosy istoricheskogo izucheniya tyurkskikh yazykov i proiskhozhdenie yakutskogo yazyka* [Issues of historical study of the Turkic languages and the origin of the Yakut language]. In F. D. Ashnin (Ed.), *Voprosy metodov izucheniya istorii tyurkskikh yazykov: stenogramma koordinatsionnogo soveshchaniya po voprosam metodov izucheniya istorii tyurkskikh yazykov, sostoyavshegosya v Ashkhabade 19–22 oktyabrya 1959 g.* [The Issues of the methods of studying the history of Turkic languages: Transcript of the coordination meeting on methods of studying the history of Turkic languages, held in Ashgabat on October 19–22, 1959] (pp. 113–118); Institute of linguistics (Academy of Sciences of the Turkmen SSR). Ashkhabad : AN Turkmenskoy SSR Press.
- Kyzlasov, A. S., P. E. Beloglazov (Eds.). (2006). *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. Novosibirsk : Nauka Press.
- Cheremisina, M. I. (1992). *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia] : Coursebook. Novosibirsk : Novosibirsk State University Press.
- Cheremisina, M. I. (1998). *Yazyk kak yavlenie deystvitel'nosti i ob"ekt lingvistiki* [Language as a phenomenon of reality and object of linguistics] : Coursebook. Novosibirsk : Novosibirsk State University Press.
- Chertykova, M. D. (2017). Kontseptual'noe prostranstvo uyat “styd, stydit'sya” v khakasskoy yazykovoy kartine mira [Conceptual space уяг “shame to be ashamed” in the khakass language picture of the world]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 1 (15), 44–51.
- Shamina, L. A. (2019). Leksema shag ‘vremya’ i voprosy grammatikalizatsii v tuvinskom yazyke [The lexeme shag “time” and the issues of grammatization in Tuvan language]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 2, 182–192.
- Shirobokova, N. N. (2005). *Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Yuzhnoy Sibiri* [Relation of the Yakut language to the Turkic languages of southern Siberia]. Novosibirsk : Nauka Press.
- Clauson, G. (1972). *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford at the Clarendon Press. Retrieved April 16, 2020 from <[http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/ClausonEDT/Clauson_EDTp701-800\(747-846\).htm](http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/ClausonEDT/Clauson_EDTp701-800(747-846).htm)>.
- Starostin, S., Dybo, A., Mudrak, O. (2003). *Etymological dictionary of the Altaic languages: [part 3 : indices]*. Leiden ; Boston : Brill, 2003. (EDAL).
- Räsänen, M. (1969). *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs des Türksprachen*. Helsinki :Suomalais-ugrilainen seura.

**Ма Татьяна Юрьевна, Бобров Сергей Владимирович,
Залесова Наталья Михайловна**
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
tdovnar@mail.ru

Библейские фразеологические единицы в материалах сайта CNN

Аннотация

В статье представлены результаты исследования библейских фразеологических единиц (БФЕ), проведённого на материале публикаций сайта CNN, датируемых 2015–2019 годами (всего 1643 статьи). На первой стадии эксперимента анализ 156 БФЕ, употреблённых в статьях, показал разное распределение количества их вхождений в рубрики CNN. Было выявлено, что БФЕ в рубриках «Политика» и «Развлечения» характеризовались значительно большей частотностью по сравнению с рубриками «Мода» и «Спорт». На второй стадии исследования с помощью метода анкетирования информантов – носителей американского варианта английского языка была предпринята попытка определить условные границы восприятия библейской лексики. В ходе исследования установлена обратная зависимость между ассоциативно-образной связью библеизмов с текстом-источником в сознании носителей языка и частотностью их использования в материалах сайта: чем очевиднее такая связь, тем реже частота их встречаемости. Полученные результаты позволяют предположить, что библейские фразеологические единицы не всегда опознаются читателем, поскольку связь некоторых из них с текстом источником со временем ослабевает, утрачивается сакральный смысл. Однако такие единицы часто используются авторами текстов СМИ как средство воздействия благодаря их яркой образности и оценочности.

Ключевые слова: библеизм, фразеологическая единица, сакральная коннотация, частотность употребления, СМИ.

© Ма Т. Ю., Бобров С. В., Залесова Н. М. 2020

1. Введение [Introduction]

Носители американского варианта английского языка хорошо владеют культурным кодом библейского текста, знают и часто обращаются в своей коммуникативной практике к Книге Книг, хорошо ориентируются в её содержании. Поэтому, чтобы взаимодействие с англоговорящим партнёром в разных сферах жизни было успешным, важно уметь идентифицировать и правильно интерпретировать информацию, относящуюся к Священному Писанию, знать наиболее употребительные библейские крылатые слова и выражения. Данным фактом объясняется необходимость изучения и описания особенностей использования библейских фразеологизмов в таком виде дискурса, как масс-медиа, который отражает социальные, экономические, политические процессы, происходящие в обществе.

В отличие от западной науки, где библейская фразеология не выступает в качестве единичного научного объекта, в отечественной лингвистике существует большое количество публикаций, посвящённых анализу библеизмов как отдельного раздела фразеологии (см., напр., [Корнеева, 2008]). Исследования данных языковых единиц проводятся давно и плодотворно на материале разных языков, в том числе в сопоставительном аспекте, но основываются преимущественно либо на самой Библии и её переводах (см., напр., [Реунова, 2014]), либо на произведениях художественной ли-

тературы, а также словарях (см., напр., [Головкина, 2014 ; Сергеева, 2019]). В последние несколько лет также наметилась тенденция обращения авторов к изучению библеизмов в дискурсе СМИ [Редкозубова, 2016 ; Катермина, Соловьева, 2019 ; Ма, Хлопова, 2019], что объясняется большим количеством текстов масс-медиа, их общедоступностью и тематическим разнообразием. Имеются и корпусные исследования английских библеизмов и особенностей их перевода (напр., [Брежнева, 2017]).

В данной статье впервые анализируются особенности использования библейских фразеологических единиц в статьях сайта CNN с учётом результатов, полученных в ходе анкетирования носителей американского варианта английского языка. Анкетирование было проведено с целью определения того, всегда ли читатели опознают языковые единицы библейского истока, и существует ли вероятная зависимость между степенью известности фразеологизма и частотностью его использования в текстах СМИ.

2. Библейские фразеологические единицы в материалах сайта CNN [Bible phraseological units in CNN texts]

Материалом исследования, результаты которого являются предметом описания в данной статье, послужили статьи, размещённые в свободном доступе на сайте CNN в 2015–2020 годах, в которых были выявлены фразеологические библейские единицы. Исследование проводилось на материале таких рубрик новостного издания, как «Politics» – политические новости, «Business» – новости из мира бизнеса и финансов, «Sport» – новости спорта, «Entertainment» – новости из мира развлечений, «Health» – статьи о здоровом образе жизни, «Style» – события из области моды. Отбор материала происходил путём ввода библеизмов в строку расширенного поиска страницы издания, с применением фильтров по времени публикации и разделу на сайте.

Библеизмы были отобраны из списка самых популярных фразеологизмов библейского происхождения (далее – БФЕ) английского языка, размещённых на сайте интернет ресурса «The Phrase Finder». Общее количество единиц – 156 БФЕ. Количество статей в поисковой выдаче, которые содержат релевантное употребление данных библеизмов, составляет для разделов: «Politics» – 607 единиц, «Entertainment» – 504 единицы, «Business» – 398 единиц, «Health» – 96 единиц, «Style» – 29 единиц, «Sport» – 9 единиц. Общее число статей – 1643. В ходе исследования было проанализировано 164 статьи (каждая десятая из списка найденных).

Среди исследуемых рубрик наибольшее количество апелляций к Библии отмечено в текстах рубрики «Politics», что, вероятно, обусловлено их особой тематической и высокой прагматической направленностью, желанием авторов привлечь внимание читателя к этой важной для любого человека сфере жизни и оказать на него эмоциональное воздействие.

Одной из наиболее частотных в рубрике «Politics» стала БФЕ *Scapegoat* 'козёл отпущения' – 102 примера употребления данной языковой единицы в статьях CNN. В подавляющем большинстве случаев она была использована авторами с целью оценки:

1) политических деятелей и официальных лиц: *[Tom] Price is a perfect scapegoat in all of this. He was a member of Congress..., ...the former national security adviser is a scapegoat in an attack against President Donald Trump; Waters' lawyer said his client was a "convenient scapegoat" <...>; This president wants to have a scapegoat if the economy goes badly; Will Pence be Trump's scapegoat?*

2) социальных групп (мигранты, беженцы, ЛГБТ-сообщество): *<...> while the political leaders who are implicated in this violence scapegoat "criminal youth" to further fill an overflowing prison industry, As frustration grows, there will be voices urging us <...> to scapegoat fellow citizens who don't look like us <...>, Religious leaders: Don't 'scapegoat' Syrian refugees, "LGBT people are a scapegoat because people don't know much about LGBT <...>;*

3) стран: *Sen. Mushahid Hussain, chairman of the Pakistan Senate Defense Committee, wrote <...> the country is "an abiding and favorite scapegoat for US failures in Afghanistan", "Trump will use China as scapegoat to tell (the) American public that it is not his problem," said Yan;*

4) преступников: *Spencer responded by saying that what happened to Heyer was "unclear" and that the man arrested for her death was being used as a "scapegoat.", "You talk about a classic scapegoat, he is it," Bergstrom said. The prosecutor says the 2012 evidence proved "a pattern and practice of concealment and protection of child-sexual-predator priests by Monsignor Lynn";*

5) объектов и явлений действительности (социальных сетей, СМИ...): *Social media is the easy scapegoat», He views the media as a reliable scapegoat that effectively rallies his base.*

БФЕ *scapegoat* часто используется журналистами как форма оценки политического курса США и, в частности, президента Дональда Трампа. Посредством использования словосочетания *козёл отпущения* описывается жёсткая риторика господина Трампа, направленная против мигрантов, беженцев, ряда конкурирующих стран и самих СМИ, которые его критикуют. Негативная реакция Трампа, по мнению авторов статей, не всегда подкреплена фактами, и является лишь попыткой найти «козла отпущения» для консервативно настроенных американцев.

Образ, заключённый в БФЕ, позволяет оказать влияние на читателя благодаря ярко выраженной негативной оценке, закреплённой за ним. Однако узнаваемость фразеологизма как единицы библейского истока, как показали результаты анкетирования (см. подробнее в п. 3), довольно низкая – 21,4%. Учитывая, что в этом случае сакральные коннотации едва ли актуализируются в текстах СМИ, авторы эксплуатируют образ, не учитывая сокровенные смыслы, а лишь апеллируя к обычным человеческим эмоциям читателей.

В рубрике «Business» количество случаев использования оборота *to go the extra mile* невелико – 18 примеров. Однако данная БФЕ встречается чаще в статьях CNN, чем другие единицы. Авторы употребляют её для положительной оценки приложенных усилий, и в целом она является отражением идеи трудолюбия и преодоления: *So direct managers might consider writing a personal note to each team member recognizing their contributions and expressing good wishes for their family. It can be as simple as "Thank you so much for going the extra mile on the Smith project".*

В рубрике «Entertainment» часто используется БФЕ *broken heart* (161), что, несомненно, обусловлено тематической направленностью этого раздела сайта. Проблемы романтических отношений и душевных переживаний раскрываются в книгах, кино и музыке, что объясняет такую популярность данного выражения: *She added: "I hope this encourages anyone feeling a little low or lost to 'keep on moving.' As my Momby once said, 'take your broken heart and turn it into art' – whatever that art may be for you.*

В рубрике «Health» часто употребляется БФЕ *good Samaritan* (28). Тем не менее, данная языковая единица используется в основном в номинативной функции – это пространственное название медицинских учреждений и законодательных актов, что не представляет сложности в процессе восприятия информации: *The Emerson Act – a 'Good Samaritan' law passed in 1996 – protects donors from liability.* Оборот (*double*) *two-edged sword* (17 примеров) может использоваться для оценки позитивных и негативных последствий различных медицинских практик или состояний пациентов: *Like any emotion, boredom is a double-edged sword, Mann said. Unchanneled, it can lead us to look for stimulation in the wrong places.*

В рубрике «Style» были выявлены БФЕ *broken heart* (7) и *labor of love* (5). Они используются для эмоциональной оценки событий мира моды, индивидуальных дости-

жений или увлечений: *My main tip is to start slow. Gardening isn't instant – it's a labor of love and evolves over time.*

В рубрике «Sport» было выявлено меньше всего библеизмов. Однако в ней встречается оборот *labor of love* (4), позволяющий описать главное и любимое дело жизни спортсменов – спорт: *It was a labor of love. Hutchison quit four times in the two years that it took to restore the vintage car, but finally after thousands of hours of stripping the car, restoring its frame and recycling the parts the team no longer needed, it was finally complete – though not without controversy.*

3. Результаты анкетирования [Survey results]

В ходе исследования была установлена обратная зависимость между ассоциативно-образной связью библеизмов с текстом Священного Писания в сознании носителей языка и частотностью их использования в материалах сайта. То есть, чем очевиднее такая связь, тем реже (в процентном отношении) они встречались в текстах статей. Устойчивость такой связи в сознании носителей английского языка была установлена в ходе исследования методом анкетирования, проведённого среди представителей американского лингвокультурного сообщества.

В анкетировании приняли участие 30 человек в возрасте от 21 года до 70 лет, представители разных штатов и разных социальных групп, которым было предложено ответить на вопрос, является ли выражение заимствованным из Библии. Респондентам – методом частичной выборки – была предложена для опознавания каждая десятая из 156 БФЕ. Результаты анкетирования представлены в таблицах 1–2.

В таблице 1 приведены два показателя: количество случаев опознавания БФЕ респондентами (менее 50%) и количество случаев употребления БФЕ в материалах сайта CNN. Процент опознавания определял степень автономности БФЕ.

Т а б л и ц а 1. **Высокая степень автономности БФЕ от текста-источника**
T a b l e 1. **High degree of phraseological units autonomy from the origin text**

БФЕ	Количество случаев опознавания	% опознавания	Количество БФЕ в материалах сайта CNN
(a) scapegoat	6	21	412
(a) leopard can't / doesn't change its spots	4	14	3
(a) fly in the ointment	4	14	19
(a) drop in the bucket	4	14	239
see eye to eye	3	10	102
go the extra mile	3	10	207
bite the dust	1	4	32
Всего		14	1014

В таблице 2 также представлены два показателя: количество случаев опознавания БФЕ респондентами (более 50%) и количество случаев употребления БФЕ в материалах сайта CNN.

Итак, два показателя – автономность и количество случаев употребления – находятся в обратной зависимости. Количество примеров использования БФЕ, которые обладают высокой степенью автономности от текста источника, более чем в два раза

превышает количество примеров использования БФЕ с низкой степенью автономности, то есть библеизмов, которые в большинстве случаев опознаются респондентами как относящиеся к тексту Библии.

Т а б л и ц а 2. Низкая степень автономности БФЕ от текста-источника
Table 2. Low degree of phraseological units autonomy from the origin text

БФЕ	Количество случаев опознавания	% опознавания	Количество БФЕ в материалах сайта CNN
(the) forbidden fruit	27	96	20
(the) multitude of sins	22	79	2
what God has joined together, let no man put asunder	22	79	1
double-(two-) edged sword	20	71	183
(a) cross to bear	18	64	13
fall from grace	18	64	248
baptism of/by fire	14	50	11
Всего		72	478

Таким образом, в статьях, опубликованных на сайте CNN, встречаются библейские фразеологические единицы, связь которых с текстом-источником неочевидна, а сакральные культурные коннотации в восприятии испытуемых практически отсутствуют. Данные единицы используются как средства образности, оценочности, эффективного приёма воздействия на эмоциональную сферу читателя, которые не затрагивают его религиозные чувства. Вопрос о том, сознательно или случайно авторы текстов СМИ выбирают данные языковые единицы, учитывают ли они наличие скрытых смыслов, остаётся открытым.

В то же время, как показали результаты исследования, есть ряд исключений – библеизмов, которые, благодаря сохранившейся ассоциативной связи со Священным Писанием, соответствующими культурными и сакральными коннотациями, а также ярким образом, заключённым в них, активно используются авторами статей для усиления эмоционального воздействия на читателя статей рубрик «Politics» и «Business». То есть, рубрик, в материалах которых представлена информация о наиболее значимых для представителей американского лингвокультурного сообщества сферах общественной жизни, где влияние СМИ является важным фактором в формировании общественного мнения. К таким БФЕ относятся выражения *double-(two-) edged sword* и *fall from grace*. Они воспроизводят ситуации, которые часто происходят с людьми, поэтому воспринимаются данные библейские выражения скорее как клишированные фразы, а не сакральные языковые единицы.

Наиболее частотными в каждой из рассматриваемых рубрик также оказались примеры использования библеизмов, которые, согласно результатам анкетирования, не имеют устойчивой ассоциативной связи с Библией в когнитивной базе носителей языка.

4. Трансформации библейских фразеологических единиц в текстах CNN [Bible phraseological units transformation in CNN texts]

Художественно-эстетические и стилистические свойства библеизмов, их скрытые смыслы и оценки могут утрачиваться в результате частого употребления данных

единиц, возрастания их клишированности. Для того, чтобы сохранить или усилить эти свойства, а также раскрыть новые эмоционально-оценочные и стилистические коннотации БФЕ, авторы подвергают их разного рода трансформациям.

В материалах сайта CNN были обнаружены примеры структурной и семантической трансформации библеизмов, которые используются с целью создания новых художественно-эстетических оттенков у давно устоявшихся фразеологизмов и, как следствие, усиления эмоционального воздействия на читателя.

4.1. Расширение компонентного состава [Component extension]

"If the question is around gun violence and the results of that, please know that my heart bleeds and is broken for those families that have lost any individual due to gun violence," she said. В данном фрагменте статьи, описывающей дебаты по поводу разрешения ношения оружия на территории школ, приводится цитата Бетси Девос, министра образования США. Госпожа Девос для того, чтобы подчеркнуть скорбь по погибшим в результате случаев стрельбы в школах, использовала в своей речи оборот *broken heart* 'разбитое сердце', добавив к нему усилительный компонент *to bleed* 'кровоточить'.

Al Franken's fall from Democratic party grace, and a perch where he stood among its most popular figures, came abruptly, a confounding plunge <...>. Во вступительном фрагменте статьи о крахе политической карьеры обвинённого в сексуальных домогательствах бывшего сенатора США Аль Франкена автор вводит в структуру библеизма *fall from grace* 'пасть в немилость' определение *Демократическая партия*, чтобы сравнить данную ситуацию с библейским мотивом изгнания падших ангелов из рая. Политик занимал высокие посты, но, провинившись перед партией и общественностью, будет изгнан из политической элиты.

4.2. Замена составного элемента БФЕ [Component substitution]

Originally acting as a government with the narrowly circumscribed powers of a republic composed of states largely sovereign unto and among themselves, the national government began to acquire massive, centralized power, actively intervening in state affairs,"<...>. В исходном выражении *law unto himself* 'сам себе закон' компонент *law* 'закон' заменяется на *sovereign* 'суверенный', что в контексте высказывания о больших полномочиях отдельных штатов позволяет уточнить смысл этого фразеологизма применительно к данной ситуации: независимости некоторых штатов от федеральных властей.

Следующий пример: *He started by rattling off an almost dizzying litany of facts and figures, then turned into sections filled with such a depressing, woe-is-America vision as to create few spaces for obvious applause lines, which seemed to stifle the appreciative crowd.* В данном фрагменте, описывающем инаугурационную речь президента Трампа, для того чтобы сделать акцент на том, что он гиперболизирует проблемы своего государства, желая получить одобрение аудитории, автор статьи модифицирует исходный оборот *woe is me* 'горе мне', добавляя к нему компонент «America» (Америка). Тем самым нейтральный в исходной форме оборот приобретает негативную оценочную коннотацию.

4.3. Буквализация значения (дефразеологизация) [Dephraseologization]

Salt of the Earth: Sicily's Holy Mine. В данном заголовке документального видефрагмента о соляных шахтах обыгрывается буквальное значения библеизма *salt of the Earth* 'соль земли'. Более того, автор дополнительно подчёркивает обыгранную сакральную коннотацию с помощью описания шахты как святой (*holy*). Таким образом, в дан-

ном примере можно говорить о намеренном ослаблении оценочного компонента исходной единицы, её дальнейшей десакрализации и клиширования.

What the Internet looks like: Undersea cables wiring ends of the Earth. Этот заголовок фотоподборки расположения сетевых межконтинентальных кабелей буквализирует образ краёв Земли (*ends of the Earth*) – различных стран и континентов, удалённых друг от друга, для того чтобы сделать акцент на величине расстояний, соединяемых данными кабелями.

4.4. Двойная актуализация значения [Double actualization of the meaning]

It's a sign of The Times. В статье говорится о новых правилах, запрещающих сотрудникам газеты *The New York Times* активно выражать свою позицию по политическим вопросам в социальных сетях, чтобы не навредить репутации издания (из-за нашумевших политически неосторожных «твитов» господина Трампа). Автор использует библеизм а *sign of the times* 'символ времени' (который, согласно словарю *Cambridge English Dictionary*, имеет негативную коннотацию), чтобы обыграть ситуацию и связать две составляющие: название газеты и новые правила, созданные под влиянием негативных тенденций в сфере СМИ.

Apple is the apple of Wall Street's eye again. В данном фрагменте статьи, посвящённой успехам гендиректора корпорации *Apple* Тима Кука, обыгрываются библеизм *to be the apple of one's eye* 'дорожить' и название компании, которое является самым узнаваемым и дорогим брендом в мире. Достичь подобного эффекта автору удаётся через повторение основного компонента образа БФЕ яблоко, что, безусловно, привлекает внимание, заставляет продолжить чтение статьи. Вероятно, основной целью, которую преследовал автор, здесь является экспрессивная оценка объекта и, соответственно, эмоциональное воздействие на читателя.

Born with a broken heart bought taught to be strong. Это интересный пример двойной актуализации – здесь очень тонко соединяются два значения оборота *broken heart* 'разбитое сердце': родиться с разбитым сердцем (хроническое заболевание) и научили быть сильной, [чтобы с этим жить] (состояние несчастья). В тексте заметки рассказана история женщины, которая не только справляется с болезнью, но и с помощью мужа научилась быть счастливой. Очевидно, что использование такого приёма мотивировано желанием усилить эмоциональное воздействие на читателя, заставить его сопереживать главной героине.

4.5. Семантизация в контексте [Semantization within context]

"A leopard cannot change his spots by taking a bath," Cornell Law Professor Stephen Yale-Loehr said. В этом фрагменте расширяется исходное значение оборота *leopard can't change its spots* 'человек не может изменить своей природы' для оценки президента Трампа, который в своей предвыборной кампании использовал антимусульманскую риторику. При вступлении господина Трампа в должность, данная речь была использована Верховным судом для наложения вето на ряд решений администрации президента. К исходному БФЕ добавляется компонент *by taking a bath*, чтобы описать, что нельзя изменить природу человека малыми мерами – 'просто приняв ванну'. Так, автор усиливает исходное выражение, что ведёт к усилению эмоционального воздействия на читателя.

But Kimmel's public image is antithetical to elitism; he presents as entirely down to earth, even salt of the earth – фрагмент, описывающий телеведущего Джимми Киммела, который, несмотря на упреки критиков, обвиняющих его в «голливудской элитарности», пытается поддерживать образ простого честного человека. Здесь сначала исполь-

зуется фразеологизм *down to earth* 'практичный, реалистичный', в образе которого присутствует компонент земля, а затем за ним следует БФЕ с таким же составляющим в образе *salt of the earth* 'люди, обладающие высокими моральными принципами'. Так, автор в своей оценке телеведущего делает акцент на лучших качествах, которые связывают его с аудиторией – простыми американцами.

Семантические и структурные трансформации библеизмов используются для модификации смысла БФЕ, в результате чего может происходить: усиление эмоционального воздействия на читателя, добавление оценочного компонента, не присутствовавшего в исходной единице, привязка БФЕ к контексту статьи.

Самым распространенным типом трансформаций является расширение компонентного состава (примерно 30%), в результате которого происходит и смысловая трансформация БФЕ. Как следствие, усиливается общий воздействующий потенциал такой единицы, а благодаря её введению в текст изменяется и экспрессивность массмедийного сообщения.

4. Выводы [Conclusion]

Проведённое исследование показало, что в материалах сайта CNN авторы часто обращаются к крылатым фразам и выражениям, источником которых служит Библия, с целью оказания эмоционального воздействия на читателя. Яркие образы, запечатлённые в БФЕ, их оценочный потенциал способны вызывать у массовой аудитории СМИ необходимые автору ответные реакции. При этом актуализация сакральных коннотаций данных языковых единиц зависит в первую очередь от того, насколько устойчивой является их связь с текстом-источником.

В большинстве случаев десакрализованные единицы встречались в текстах статей чаще, чем библеизмы, связь которых со Священным Писанием очевидна. Вероятно, это связано с тем, что сакральная культурная коннотация, заключённая в единицах с низким уровнем автономности от текста-источника – Библии, не позволяет использовать их для характеристики явлений и предметов, находящихся вне религиозной сферы. То есть, без транспозиции коннотации на описываемый объект.

Семантические и структурные трансформации библеизмов являются частью процесса создания текста СМИ. Авторы, «играя со словом», облакали БФЕ в различные формы для того, чтобы привлечь внимание читателя к определённой информации, излагаемой в статье, или формируемой изданием оценке события, пытаясь навязать её читателю. Чаще прагматическую функцию выполняет такой вид трансформации, как семантизация, которая позволяет автору оказывать дополнительное воздействие на читателя в процессе фактического изложения материала.

Большинство БФЕ не употребляется и не воспринимается вне христианской культуры, а часть из них – и вне англосаксонской. Читатель, правильно воспринимая и интерпретируя в контексте зашифрованную единицу, значение и коннотации которой не очевидны, как бы образует с автором группу единомышленников, «своих», и отделяет себя от «чужих» – тех, кто не смог воспринять «пароль». Ответ на вопрос о том, сознательно или случайно авторы позволяют читателям вступать в эту игру, остаётся перспективной задачей данного исследования.

Жители США проявляют повышенный интерес к библейской теме, что было установлено в ходе анкетирования. Библейские образы занимают особое место в картине мира американцев, задают определённую систему ценностей и моделей поведения, обуславливая необходимость изучения библейской фразеологии как части межкультурной коммуникативной компетенции представителей других культур.

Список литературы

- Брежнева, 2017 – Брежнева О. В. Особенности функционирования и перевода библеизмов английского языка: корпусное исследование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 91–94.
- Головкина, 2014 – Головкина О. А. История ветхозаветных фразеологизмов в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Головкина Оксана Анатольевна ; Московский пед. гос. ун-т. М., 2014. 29 с.
- Катермина, Соловьева, 2019 – Катермина В. В., Соловьева Н.С. Фразеологические единицы-библеизмы как средство воздействия в англоязычном массмедийном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3. С. 36–41.
- Корнеева, 2008 – Корнеева А. П. Топологический подход к изучению английской фразеологии библейского происхождения // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 67–74.
- Ма, Хлопова, 2019 – Ма Т. Ю., Хлопова Т. В. Прецедентное имя библейского истока «DAVID» в материалах электронной версии журнала «TIME» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5 (2). С. 77–87.
- Ма, Хлопова, 2018 – Ма Т. Ю., Хлопова Т.В. Прецедентные имена «Noah» и «Noah's ark» в материалах электронной версии журнала «TIME» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 7-2. С. 118–121.
- Редкозубова, 2016 – Редкозубова Е. А. Функционирование ветхозаветных библеизмов в светских британских СМИ // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 125–132. doi : 10.18522/2070-1403-2016-58-5-125-132.
- Реунова, 2014 – Реунова Е. В. Особенности употребления безэквивалентных библеизмов в русском и английском языках // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2014. № 4. С. 90–98.
- Сергеева, 2019 – Сергеева Е. В. Библеизмы в поэмах С. Есенина революционного периода // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5 (2). С. 184–196.
- CNN, 2020 – CNN. URL : <https://edition.cnn.com/> – (дата обращения : 31.08.2020)
- The Phrase Finder, 2020 – The Phrase Finder. URL : <https://www.phrases.org.uk/> (дата обращения: 31.08.2020)

UDC 81'373

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_94_103

Tatyana Yu. Ma, Sergey V. Bobrov, Natalya M. Zalesova

Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation

tdovnar@mail.ru

Biblical phraseology in CNN publications**Abstract**

This paper presents the results of the study of biblical phraseological units (BPUs) found in CNN publications during the period of 2015–2019 (the total of 1643 articles). At the first stage of the experiment, the analysis of 156 BPUs used in the articles demonstrated different distribution of the tokens in CNN rubrics. It was discovered that BPUs in the rubrics “Politics” and “Entertainment” were characterized by considerably higher frequency of occurrence than those in “Style” and “Sports”. At the second stage, specifically designed questionnaire was given to 30 American native speakers to determine the perceptual boundaries of the Bible words. The obtained data revealed indirect correlation between phraseological units frequency of occurrence and the American speakers’ awareness degree of their associative connection with the original source – the Bible: the

higher the awareness, the lower the frequency of occurrence. The obtained results enable to assume that the readers do not always identify these units as part of the Holy Scripture, because some BPU lose their sacred connotations over time. However, journalists often use such units as stylistic means due to their imaginative stylistic and evaluation potential.

Keywords: Bible word, phraseological unit, sacred connotation, frequency of occurrence, mass-media.

© Ma T. Yu., Bobrov S. V., Zalesova N. M. 2020

References

- Brezhneva, O. V. (2017). Osobennosti funktsionirovaniya i perevoda bibleizmov angliyskogo yazyka: korpusnoe issledovanie [The peculiarities of functioning and translation of the English language biblical expressions: Corpus research. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 9 (75)-2, 91–94.
- Golovkina, O. A. (2014). *Istoriya vetkhozavetnykh frazeologizmov v russkom i angliyskom yazykakh* [The history of the Old Testament phraseological units in Russian and English]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Pedagogical State University,
- Katermina, V. V. Solovyeva, N. S. (2019). Frazeologicheskiye yedinicy-bibleizmy kak sredstvo vozdeystviya v angloyazychnom massmediynom diskurse [Biblical phraseological units as a means of manipulation in English mass media discourse]. *Voprosy Kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 3, 36–41.
- Korneyeva, A. P. (2008). *Topologicheskii podhod k izucheniyu angliyskoy frazeologii bibleyskogo proishogdeniya* [Topological approach to English phraseological units of biblical origin]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication], 1, 67–74.
- Ma, T. Yu., Khlopova, T. V. (2019). Pretsedentnoye imya bibleyskogo istoka «David» v materialah elektronnoy versii zhurnala «Time» [The biblical proper name «DAVID» in the materials of the electronic journal «Time»], *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (2), 41–57.
- Ma, T. Yu., Khlopova, T. V. (2018). Pretsedentnye imena «Noah» i «Noah's Ark» v materialah elektronnoy versii zhurnala «Time» [Precedent names «Noah» and «Noah's Ark» in the electronic version of «Time» magazine]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern science: actual problems of theory & practice. Series: Humanities], 7-2, 118–121.
- Redkozubova, E. (2016). Funktsionirovanie vetkhozavetnykh bibleizmov v svetskikh britanskikh SMI [Functioning of Old Testament bibleisms in British secular Mass Media]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The Humanities and social sciences], 5, 125–132. doi : 10.18522/2070-1403-2016-58-5-125-132.
- Reunova, E. V. (2014). Osobennosti upotrebleniya bezekvivalentnykh bibleizmov v russkom i angliyskom yazykakh [Characteristics of non-equivalent idioms of biblical origin in Russian and English]. *Vestnik RUDN, seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of People's Friendship University of Russia. Series Theory of language. Semiotics. Semantics], 4, 90–98.
- Sergeeva, E. V. (2019). Bibleizmy v poemakh S. Esenina revolyutsionnogo perioda [The Bible words in Yesenin's poems of the revolutionary period]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (2), 184–196.
- CNN (2020). CNN. Retrieved August 31, 2020 from <<http://edition.cnn.com/>>.
- The Phrase Finder (2020). Retrieved August 31, 2020 from <<http://www.phrases.org.uk/>>.

Федченко Олег Дмитриевич
независимый исследователь
г. Брянск, Российская Федерация
vukby@yandex.ru

Балтская гидронимия центральной России

Аннотация

Статья посвящена лингвистическому анализу гидронимов центральной России. Рассматривается происхождение названий крупных (протяженностью более 100 км) рек Московской, Калужской, Орловской, Ярославской, Ивановской, Владимирской, Рязанской, Костромской, Тверской, Нижегородской, Вологодской областей. Произведена систематизация гидронимов, получивших имя в балтской языковой среде. Согласно полученным результатам, названия рек имеют этимологию, родственную таким понятиям, как река, русло, поток, течение. В основе речных названий лежат глаголы настоящего времени единственного числа 3-го лица; имена озёр происходят от глаголов прошедшего времени единственного числа 3-го лица. Выявлено, что в современных названиях рек очень часто встречаются славянские и финно-угорские огласовки балтийских гидронимов. Такой подход позволяет достаточно точно определить ареал расселения славянских и финно-угорских племён, как в территориальном, так и временном аспекте. В то же время спектр балтийских гидронимов оказался шире, чем ожидали исследователи. Полученные результаты дают возможность уточнить археологические и исторические аспекты жизни и миграций древних людей в центральной России.

Ключевые слова: гидронимы, этимология, Москва, балтизмы, Волга, Ока, Золотое кольцо.

© Федченко О. Д. 2020

1. Введение [Introduction]

Ещё в 1955–1957 годах в своих работах Б. А. Серебренников высказал мнение, что топонимика Волго-Окского междуречья при помощи финно-угорских языков необъяснима... население, оставившее эти названия, по своему языку было близко к балтийскому и территориально примыкало к балтам Верхнего Поднепровья [Откупщиков, 2015, с. 83]. И хотя ученый не привёл никаких примеров, дальнейшие исследования Ю. В. Откупщикова, В. Н. Топорова и других лингвистов расширили историческую географию балтской гидронимии в Поочье.

Вместе с тем, проблемы в этом направлении остались и, в первую очередь, не преодолена бессистемность, выводы исследователей похожи на «лоскутное этимологическое одеяло». Как подчёркивал Ю. В. Откупщиков, «пока не показано как, по какой модели образовано слово, мы не вправе говорить о том, что оно получило этимологическое объяснение» [Откупщиков, 2006, с. 216].

Великий пласт балтских гидронимов присутствует на территории центральной России. Предложенный тезис, что древнее название реки должно соответствовать принципу «река – поток – движение – образ» [Федченко, 2019, с. 85], позволяет выявить этимологию и определённую закономерность в региональной гидронимии. В качестве основы будем рассматривать глаголы инфинитива и настоящего времени. Изучим крупные (протяжённостью более 100 км) реки и гидронимы, оставившие след в древнерусской истории, дав название известным по летописям городам. Территория нашего обзора представлена Московской, Калужской, Орловской, Ярославской, Ивановской, Владимирской, Рязанской, Костромской, Вологодской, Нижегородской и Тверской областями.

2. Результаты исследования [Results and Materials]

Алатырь (чувашское *Улатӑр, эрзя Ратор*) – левый приток Суры. Предлагается две версии происхождения названия: конструкт из марийских слов *ала* 'город' и *тыр* 'сторона, край' или из мордовских *ала* 'вниз' и *тор* 'влечь'. Очевидно, что данные значения не имеют никакого отношения к характеристике реки и указывают лишь на огласовку более древнего гидронима. Между тем, отмечается, что первоначально гидроним упоминается как Аторлей [Аникин, 2007–2016, Т. 1, с. 147]. В таком случае, в основе названия рассматриваемой реки может лежать глагол *turlyti, -ija* 'плескаться, хлестать, омыwać' [LKZ], первый компонент мог быть представлен префиксом *i-*. Гидронимы с корнем *tur-* (в том числе, и семантически аналогичным *turk-*) широко известны в балтийском регионе [Vanagas, 1981, с. 350].

Болва – река в Калужской и Брянской областях, левый приток Десны. Происхождение связано, по мнению В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, с балтской языковой средой [Топоров, Трубачев, 1962, с. 177]. Основой для названия реки стал *baluoti, -uoja* 'стоять в разливе, простираться' [Lyberis, 2005, с. 106], также можно вспомнить базовый глагол *balti* 'бледнеть, угасать' [LKZ]. Гидронимы с корнем *бол-/bal-* достаточно широко представлены и в Поднепровье, и в Прибалтике [Маштаков, 1913, с. 235–236; Vanagas, 1981, с. 56–57].

Брынь – левый приток Жиздры, протекает в Калужской области и напоминает о летописных брынских лесах. Происхождение гидронима можно связать с балтским *brauti, brauna (briauti, briauna)* 'продвигаться, пробиваться, протискиваться' [Derksen, 2015, с. 99]. Дополнительные параллели предлагает В. Н. Топоров – течь, изливать, бурлить [Топоров, 1975–1990, Т. 1, с. 251]. В гидронимии Поднепровья можно отметить несколько рек на *Бран-/Брян-* [Маштаков, 1913, с. 236–237], более многочисленны в Прибалтике с корнем *Brun-* [Топоров, 1989 а, с. 50].

Вад – река протекает в Рязанской области, Пензенской области и Мордовии, левый приток реки Мокши (бассейн Оки). По мнению пензенского краеведа М. С. Полу боярова, гидроним связан с финско-пермским термином *вад* (коми) 'сырое место, водоём', в широком смысле – 'река' [Полубояров, 2010, с. 58]. Ю. В. Откупщиков относит название гидронима к балтским, проводя параллели в литовской гидронимии [Откупщиков, 2015, с. 86]. Происхождение гидронима можно связать с глаголом *vèsti, vèda* и деривативным рядом *vadžióti, vādē*, дающими обобщающее значение 'водный канал, слабеющее течение, распространяющаяся, заливающаяся' [Smoczyński, 2007, с. 735, 768] (дополнительно см. *Уводь*).

Вая – приток Устья. Этимология гидронима связана с балтским глаголом *vūti, vēja (vija)* 'двигаться, виться' (родственны также *vajóti, -ója* и *vijóti, -ója*) [LKZ]. Реки *Vaja, Vej, Vija* и однокоренные встречаются в балтийском регионе [Vanagas, 1981, с. 360, 370, 380]. Сюда же можно отнести и реку *Воя* – левый приток Вятки.

Вёкса – реки протекают в Костромской (притоки рек Костромы и Вочи), Вологодской (приток Вологды) и Ярославской (при слиянии с рекой Устье образует Которосль, другая – впадает в озеро Сомино). Традиционно этимологию названия возводят к финскому термину *vuoksi* – поток [Поспелов, 2002, с. 106]. Также упоминая народный географический термин *векса* в мерянском языке 'протока из озера в озеро; река, вытекающая из озера'. Сопоставляли также с др.-фин. **viks, vikš* 'протока, речка, сток из озера, озёрная река' [Кузнецов, 2010, с. 34]. Впрочем, связь с озерной системой опровергает А. В. Кузнецов, хотя очевидно – значительное большинство рек имеют исток в болоте или озере и объяснять данным признаком характеристику реки лишено смысла. Поэтому мы выбираем термин, определяющий сущность физико-географической особенности гидронима. В данном направлении вновь приходим к балтской языко-

вой среде, предлагающей глагол *viksėti, viksi (viksia)* 'двигаться, крутиться, суетиться, болтаться, покачивать широкими бедрами' [LKZ] (здесь же мы отмечаем и другую степень вокализма *vyksėti, vykxi*, который объясняет название реки *Выкса*, которая протекала по территории ныне затопленной Рыбинским водохранилищем).

Вёрда (Верда) – приток Рановы, протекает в Рязанской области; приток Пары, протекает в Тамбовской области. Этимология названия связана с глаголом *verdýti, vérdó, vérdè*, который соответствует глаголу *verti*, имеющему широкий спектр значений 'бить, хлестать, раскалывать' и т. д. [LKZ]. Гидронимы с корнем *verd-* встречаются на балтийской территории, с корнем *ver-* их множество [Топоров, Трубачев, 1962, с. 253; Vanagas, 1981, с. 372–375].

Вига – правый приток Унжи, протекает в Костромской области. «Словарь гидронимов Вологодской области» предлагает две версии этимологии: от финского *vikea* 'сильный, быстрый' или саамского *veggas* 'поток, сильная стремнина' [Кузнецов, 2010, с. 37]. Однако гидронимы *Viga* и другие однокоренные названия рек встречаем в Литве [Vanagas, 1981, с. 380]. Таким образом, можно предположить, что в основе лежит глагол *vykti* с деривативом *vykėti, vŷki (vŷkia)*, объясняемого известным нам «речным» глаголом *mušti* 'хлестать, бить, напирать, крушить, давить, рубить' и т. д. [Smoczyński, 2007, с. 751–752; LKZ].

Вója – правый приток Оки, протекает в Рязанской области. Одноименные реки встречаются в Вологодской (здесь же и озеро), Ярославской областях. Гидронимы *Вожа, Важа, Važ-, Vež-, Vož-* имеются в Поднепровье и Прибалтике [Топоров, Трубачев, 1962, с. 178–179; Vanagas, 1981, с. 368, 376, 392]. Происхождение этих названий связано с балтским глаголом *vėžti, vėža* 'удобрять (навозная жижа, грязь; ср. *Межа*), продвигать, разрывать' [Smoczyński, 2007, с. 473; LKZ].

Волга – главная река центра России. Происхождение гидронима имеет несколько версий: славянская – *влага, волглый*; финская – *valge* 'белый'; древне-марийская – *йул* 'река' [Никонов, 1966, с. 87]. Однако последние исторические и лингвистические изыскания, расширившие балтский ареал, позволили В. Н. Топорову выдвинуть объяснение из балтийских языков: *ilga* 'длинный, долгий' [Топоров, 1991, с. 51]. Между тем, приведённые значения не несут никакой информации о водном объекте и не проясняют его особенности и характеристики. Поэтому, соглашаясь с В. Н. Топоровым о языковой среде, название *Волга* можно связать с глаголом *valgyti, valgo, valgè* 'поглощать, насыщаться, бить, грызть, промывать' [Derksen, 2015, с. 486; LKZ]. Первичным является индоевропейский корень *uelg-* со значением 'сырой, влажный' [Pokorny, 1959, с. 1145]. Однокоренным гидронимом можно назвать и реку *Вологда*, давшим название городу. Чередование *g-/gd-* прослеживается в дальнейшем развитии – *valgdėnti* и с другой степенью вокализма – *vilgyti, -o; vilgdyti, -o* [Derksen, 2015, с. 486, 503; LKZ] (аналогичное см. *Судогда*). Здесь же отмечаем вариант *valgau* [Smoczyński, 2007, с. 716], который в славянской огласовке оказывается *волхов*, что соответствует названию реки *Волхов*.

Вóлогда – река в Вологодской области, правый приток Сухоны (бассейн Северной Двины). Существующая версия происхождения гидронима связана с древневепсским *valgeda* (совр. *Vauged* 'белый') – река с белой (прозрачной, чистой) водой, хотя нельзя считать название окончательно понятным, возможно и более древнее происхождение [Поспелов, 2002, с. 103]. Действительно, этимология гидронима связана с глаголом *vilgdyti, -o* 'хлестать, мочить, капать' (см. *Волга*).

Воря – приток Угры и приток Клязьмы. Одним из самых популярных корней в гидронимии Поднепровья и Прибалтики можно считать *var-/vor-/ver-* [Маштаков, 1913, с. 238–239, 241; Vanagas, 1981, с. 362, 373]. В основе гидронима лежит глагол *vėrti, vėria, vėrè* 'пронзать, прорываться, бить, вытекать, копать' [Derksen, 2015, с. 498; LKZ].

Здесь же и индоевропейский корень *uer-* с ранее уже встречающимся в объяснении гидронимов значением 'связывать' [Pokorny, 1959, с. 1150–1151].

Выкса (см. Векса).

Выша – приток Цны, протекает в Рязанской и Пензенской областях, Мордовии. Местные краеведы в качестве происхождения названия предлагают мордовский термин *виш* – 'малая' – по отношению к Цне; либо старую бургасскую форму **Вишз > *Вишс* (венгерское) 'вода, река', дополненную позднее известным в Поочье топоформантом *-ша* [Полубояров, 2010, с. 67]. Между тем, название реки связано с глаголом *vyžti, -ě (-o)* 'прорезать, вить, сплетать, продвигаться' [LKZ]. Гидронимы с корнем *vyž-* имеют широкое распространение в Литве [Vanagas, 1981, с. 390].

Гусь – река в Рязанской и Владимирской областях, левый приток Оки. Этимология, как отмечает В. А. Никонов, относится к неизвестному языку [Никонов, 1966, с. 113]. Мы же можем предположить, что происхождение гидронима связано с глаголом *gūžti, -a (-ia)* 'сжиматься, стекаться, продвигаться, оседать, шататься, идти как гусь' (*eiti kaip žąsiai* – образ) [LKZ]. Однокоренные гидронимы встречаются в Прибалтике [Топоров, 1975–1990, Т. 1, с. 176].

Дубна – приток Волги, протекает в Подмосковье. Славянская огласовка отражает балтский элемент *dubnóti, -ója* 'медленно продвигаться, течь' [LKZ], с основным глаголом *dubti* 'выдалбливать' [Derksen, 2015, с. 143]. Названия с корнем *dub-*, в том числе и *dubn-*, довольно часто встречаются в литовской гидронимии [Vanagas, 1981, с. 93–94].

Держа – приток Волги, протекает в Московской области. В основе названия лежит балтский глагол *dergti, dergia, dergé* 'слякоть, угнетать, узкий проход, теснина' [Derksen, 2015, с. 123]. В литовской и поднепровской гидронимии часто встречаются названия рек с корнем *darg- / derg-* [Топоров, 1972, с. 235 ; Vanagas, 1981, с. 80, 84].

Жиздра – левый приток Оки, протекает в Калужской области. Гидроним стал первым исторически признанным балтизмом на русской территории, отмечает В. Н. Топоров и приводит множество однокоренных названий водных объектов в прибалтийских землях [Топоров, 1989 в, с. 47]. Представленный ряд позволяет предположить, что мы сталкиваемся с одним из вариантов огласовки оригинального названия. Первоначальное обозначение гидронима произошло от глагола *žeĩsti, žeĩdžia, žeĩdė* 'разрушать, наносить раны' [LKZ]. Также индоевропейский корень *ghēi-* определяет и *žaizdà* [Pokorny, 1959, с. 424–430] – слово, которое связано с глаголами *бить, вырезать, прорываться* и другие [Buck, 1949, с. 305]. Сразу же отметим в приведенном В. Н. Топоровым списке упоминание прусского *Syxdro / Sysdroy*, который соответствует ещё одному калужскому гидрониму, получившему славянскую огласовку, – *Суходрев*. Таким образом, название данной реки оказывается прямым этимологическим родственником Жиздры.

Зуша – самый крупный приток Оки в Орловской области. Этимология гидронима связана с глаголом *sũsti, sũsa* 'оскудевать, паршиветь, исчезать' [LKZ]. Однокоренные параллели можно встретить в Поднепровье (*суш-*) [Маштаков, 1913, с. 282] и в Литве (*sũs-*) [Vanagas, 1981, с. 321].

Истра (приток Москвы), **Сестра** (приток Дубны) и **Осетр** (приток Оки) можно объединить и в составе выделить префиксы и корень *-сmp-*. Тогда в основе может быть положен глагол *srũti, srũja* (вариант *strũti*) 'течь, рвать'; и далее префикс *ĩ* (*in(to)*) [Derksen, 2015, с. 96] даёт *ĩsrũti*, префикс *su-* (*from, with* [Derksen, 2015, с. 434] – *susrũti* [Derksen, 2015, с. 425 ; LKZ], *o* – элемент славянской огласовки. И, конечно, стоит отметить однокоренной гидроним *Нустру* (*Днестр*) с префиксом *nu-*.

Истья (Истье) – правый приток Оки, протекает в Рязанской области. В Поочье встречается несколько одноимённых гидронимов. Происхождение названия остаётся не выясненным, хотя В. Н. Топоров подмосковные гидронимы с корневой морфемой *ист-*

характеризует как балтийские [ТСРО, 2004, с. 105]. Этимология может быть связана с глаголом *stóti*, *-ja* – двигаться, стопориться; первый элемент представлен префиксом *i-* [LKZ]. В литовской гидронимии встречаем название *Stojai* [Vanagas, 1981, с. 315].

Какша Большая – левый приток Ветлуги. Достаточно распространённый гидронимический корень: реки *Кокша* протекают в Тверской, Рязанской, Кировской, Нижегородской, Омской областях, на Алтае, *Кокшага Большая* – левый приток Волги, *Кокшеньга* – бассейн Северной Двины, *Kàkšis*, *Kàkšinis* – в Литве [Vanagas, 1981, с. 142]. Происхождение рассматриваемого названия можно связать с глаголом *kakšėti*, *kàkši* 'стучать, трещать, разбивать, долбить' (здесь же и *kukšėti*, *kukši*) [LKZ].

Калужка (Колужка, Колуга) – левый приток Оки, протекает в Калужской области. При всем многообразии объяснений топонима *Калуга*, никакое из них не подходит для гидронима, от которого и произошло название города. Предлагались: *калюжа*, *калюжина* 'топь, болото'; *калуга* 'грязное место, топь (болото), трясины'; *калужа* 'стоячая вода, тина, грязь'; *калыга* 'забор, ограда, улица'; *халига* 'глухое место в лесу'; *калыган* 'выступ, возвышение'; *холога* 'сборище или скопище воров' и другие не менее экзотичные варианты. Однако стоит обратить внимание, что к северу от *Калуги* протекает река *Лужа*, которую в древности часто называли *Колужей*. Безусловно, в случае с гидронимом *Калужка* (*Колуга* / *Колужа*) мы имеем балтский конструкт *ко+лужа* / *луга*, в котором первый элемент есть местоименное *ka-* (*ko-*, *ku-*) (см. Которосль), второй – *laužti* (см. *Лужа*).

Кёма – река в Вологодской области, впадает в озеро Белое, принадлежит бассейну Волги. Исследователи объединяют общей этимологией названия *Кама*, *Кемь* и ряд однокоренных гидронимов. Как отмечает Е. М. Поспелов, наличие «местных терминов тув. *хем* «река», фин. *kymi* «поток» позволяет предполагать существование древнего географического термина со значением «река», некогда общего для ряда языков Евразии» [Поспелов, 2002, с. 182]. Сопоставляли также с фин. *Kerni* 'большая река', *kymii* ~ 'течение', *kemi* 'обваливающийся в воду речной берег, кар'. *Kemi* 'сухое песчаное возвышенное место', удм. *Кам* 'река, течение' [Кузнецов, 2010, с. 82–83]. Следуя за мыслью Е. М. Поспелова, можно предположить, что этимология скрыта в едином корне *kem-* (*kémti*, *kēma*) с разной степенью вокализма *kam-* (*kamúoti*) и *kim-* (*kimti*, *-a*). Приведённые глаголы объединены, по мнению В. Н. Топорова, «общим семантическим ядром, которое можно описать как наличие множественности мелких однородных элементов, «сдавливаемых» в нечто единое... которое может находиться в хаотичном движении, однако, не грозящем этой массе распадом... Ещё одна особенность – заполненность и тенденция к росту, набуханию» [Топоров, 1975–1990, Т. 3, с. 189; Топоров, 1983, с. 149]. Не менее интересно и указание на типологическую аналогию с понятием «переть, продираться», которое мы часто встречаем в объяснении древнебалтских гидронимов.

Керженец – левый приток Волги. Название пытаются объяснить от мордовского слова *керж* 'левый' либо от марийского почти так же звучащего слова *керж* 'серьга' [Трубе, 1963]. Однако Цна в Тамбовской области принимает правый приток реку *Керша*. В данном случае мы имеем лишь огласовку более древнего гидронима, так же как и с реками Десна и Шуя, этимологию которых пытаются соотнести со значением 'правый' и 'левый'. Происхождение название может быть связано с балтским глаголом *kiršti* и его производными *kiřtinti*, *-ina*, *kirtinėti*, *-ėja*, *kirsdinėti*, *-ėja*, *kiřsdinti*, *-ina* со значением 'хлестать, резать, поглощать' и т. д. [LKZ]. Характерным в основе является индоевропейский корень (*s*)*ker-* с известным речным значением 'to cut' [Pokorny, 1959, с. 942].

Киржач (Кержач) – река во Владимирской области, левый приток Клязьмы. Исследователи, припоминая речку *Киржелка* и ручей *Киржень* в Нижегородской области, происхождение гидронима связывают с мокшанским или эрзянским словом *кяржи*, *кер-*

жи, керше, керш со значением 'левый' [Кузнецов, 2010, с. 84 ; Поспелов, 2002, с. 202]. Версия невероятная в силу того, что имеется правый рукав *Малая Куржачь*. Кроме того, Цна в Тамбовской области принимает правый приток реку *Керша*. В данном случае мы имеем лишь огласовку более древнего гидронима, так же как и с реками Десна и Шуя, этимологию которых пытаются соотнести со значением 'правый' и 'левый'. Происхождение рассматриваемого гидронима, надо полагать, связано с балтским глаголом *kérti, kēra (kérsta, keřna)*, являющегося мобильным вариантом от *skerti*, с общим значением 'разрывать, драть' [Derksen, 2015, с. 240 ; Smoczyński, 2007, с. 560 ; ЛКЗ]. Характерным является индоевропейский корень *(s)ker-* с известным речным значением 'to cut' [Pokorny, 1959, с. 940]. Огласовка в виду трёх последовательных согласных, вероятно, прошла по схеме *kérsta – кершча – кержачь/куржачь*. Однокоренные гидронимы (*Kernys* и другие) часто встречаются в балтийском регионе [Vanagas, 1981, с. 152].

Клязьма – левый приток Оки, протекает по Москве, Московской, Владимирской, Ивановской и Нижегородской областях. Лингвисты, по сути, выбросили белый флаг в поисках этимологии данного гидронима [Никонов, 1966, с. 197]. Здесь будет интересен дуплет гидронимов *Вязьма/Вязмень*. В первом случае имеем происхождение от *vēžti* 'тяжело двигаться, хлестать и т. п.' с архаичной формой на *-ma* (см. Кудьма), второй – от *vezmēnti, -ēna* – незаметно 'хватать, сечь, резать, двигать, поглощать' и т. д. [LKZ]. Аналогичный конструкт наблюдаем и в гидрониме *Клязьма*, в основе которого лежит глагол *klēžti, kleņža*, соответствующий синонимической форме *klišti* 'искривляться, ковылять' [LKZ]. Большую информацию несет индоевропейский корень *kleik-* со значением 'сжимать, щипать, срезать, искривлять' [Pokorny, 1959, с. 602]. *Клязьма*, пожалуй, единичный случай использования такой основы, наиболее часто в гидронимах в аналогичном значении выступают родственные корни *kle(i)v-* или *kliš-* (бассейн Верхнего Днепра – *Клева, Клевень, Клевица* [Топоров, Трубачев, 1962, с. 191], Литва – *Kleiva, Kleva, Kliš-upis* и другие [Vanagas, 1981, с. 159, 160]).

Кокшеньга (Кокшенга) – река в Вологодской и Архангельской областях, левый приток реки Устья (бассейн Северной Двины). Не без труда отдаётся предпочтение этимологии из финно-угорских языков *кокиша* 'лысый' или *кукиша* 'сухой' [Кузнецов, 2010, с. 93]. Однако стоило бы обратить внимание на глагол *kakšēnti, -ēna* 'прорубать, измельчать, хлестать', а также на *kakšēti, kākši* 'разбивать, продолбить, стучать, трещать' [LKZ]. Последний лежит в основе гидронима *Кокша* – реки, протекающие в Тверской, Рязанской, Кировской, Нижегородской, Омской областях, на Алтае. Имеются реки *Kākšis, Kākšinis* в Литве [Vanagas, 1981, с. 142].

Коленьга – приток реки Кулой, протекает в Вологодской и Архангельской областях (см. Кулой).

Колокша – река во Владимирской области, левый приток реки Клязьмы; левый приток Волги, протекает в Ярославской области. Исследователи предлагают финно-угорский корень **kala-*, что значит 'Рыбья река' [Матвеев, 2015, с. 167]. Однако, сам топоним не объясняет, на что указывает одинаковое значение разных гидронимов *Колокша, Кулой, Коленьга* и другие. Такая ситуация может свидетельствовать лишь об огласовке более древнего гидронима. Вероятно, в основе лежит глагол *kalākštyti, -ija*, соответствующий распространённому «речному» глаголу *mišti* с широким спектром значений 'хлестать, бить, напирать, крушить, давить, рубить' и т. д. [LKZ].

Коломенка (ранее – **Коломна**) – река в Московской области, правый приток Москвы; одноимённые реки имеются в Псковской и Тверской областях. Этимологию пытаются объяснить из финноугорского *колм* 'могила, кладбище', из русского *коломень* 'соседство' и из балтского *kalmune* 'заросли аира' [Никонов, 1966, с. 200 ; Поспелов, 2002, с. 209]. Бессмысленность предлагаемых значений для понятия «река» указывает

лишь на их вторичность к первоначальному древнему гидрониму. В данном случае мы имеем в основе глагол *kel̃minti*, *-ina* (также *kilminti*, *-ina*) 'неторопливо, спокойно течь, бежать' [LKZ] и уменьшительный славянский суффикс *-ка*.

Колпь – приток реки Суда, протекает в Ленинградской и Вологодской областях; приток реки Гусь, протекает в Рязанской и Владимирской областях; приток Ушны, протекает во Владимирской области. Водные объекты с названием *Kulpe* (сюда же и *Kalpe*) встречаются в Литве [Vanagas, 1981, с. 143, 171]. Их происхождение А. Ванагас связывает с глаголом *kuĩpėti* с одним из распространённых речных объяснений *mušti* 'хлестать, бить, напирать, крушить, давить, рубить' и т. д. [LKZ]. Кстати, дериватив *kuĩpinti*, *-ina* лежит в основе рек Поочья – *Колпина*, *Колпна*, *Колпянка* и другие, а также Поднепровья – *Колпита* и другие. Очевидно, что традиционная версия происхождения от птицы *коль* [Кузнецов, 2010, с. 96] – не более чем славянская огласовка гидронима.

Кострома – река левый приток Волги, протекает по Костромской области. Как верно отметил В. А. Никонов, «этимологические фантазии многочисленны», но результата нет [Никонов, 1966, с. 208–209]. Между тем, мы имеем конструкт *ко+строма*, в котором первый элемент представлен местоименным *ka-* (*ко-*, *ку-*) (см. Которосль), второй – *streĩti*, *streĩmia* – 'неторопливо, спокойно течь, бежать' [LKZ]. Значение гидронима *Кострома* полностью совпадает с определением названия реки *Коломенка*, только выражено другим глаголом. В литовской гидронимии можно отметить реку *Stromis* [Vanagas, 1981, с. 317].

Которосль – правый приток Волги, протекает по Ярославской области. Попытки выявить этимологию в древнерусской (*каторатися* 'враждовать, спорить') и финно-угорской (*кадыр* 'изгиб, кривой') языковой среде выглядят не убедительно [Данилов, 2005, с. 108]. Решение проблемы видится в балтской языковой среде. Мы наблюдаем конструкт *ко+торосль*. Первый элемент представлен местоименным элементом *ka-* (*ко-*, *ку-*), часто используемый в прибалтийской гидронимии, как усиливающий степень качества [Топоров, 1975–1990, Т. 3, с. 103–104, Т. 4, с. 103]. Второй компонент связан с глаголом *téršti*, *-ia* (другая степень вокализма *taršti* / *tuřti*) 'двигаться, рубить, пересекать, плескаться, хлестать, поглощать' [Smoczyński, 2007, с. 672 ; LKZ].

Кудьма – правый приток Волги; одноимённые реки имеются в Архангельской, Вологодской областях, Красноярском крае. Этимологию гидронима связывают с эрзянским словом *кудо* 'дом, жилище' и финно-угорским топоформантом *-ма* 'земля, территория, край' [Трубе, 1963], т. е. смысл названия реки довольно-таки странный. Происхождение названия может восходить к одной из форм известного балтского глагола *kauti* 'бить, хлестать' (*mušti*), 'рассекать, двигаться' [LKZ]. В частности, мы наблюдаем дериватив *kaudinti*, *-ina*, допуская огласовку *n=m*. В то же время, не исключая, что при корне *kaud-* возможно было наличие архаичного (встречаемого, в том числе, в древнепрусском) форманта *-ma(i)* (аналогичное – *duoti*, *duoma*, *likti*, *liėkma* и т. д.).

Куло́й (Кула) – река в Вологодской и Архангельской области, приток реки Вага (бассейн Северной Двины). Одноименная крупная река протекает в Архангельской области. Имеется топоним *Куляй* и немало гидронимов с корнем *Kul-* в Литве [Vanagas, 1981, с. 170]. Данные соответствия позволяют усомниться в традиционной версии, связывающей происхождение названия с финно-угорским корнем **kala-*, что значит 'Рыбья река' [Кузнецов, 2010, с. 94]. Этимология гидронима может восходить к балтскому глаголу *kulti*, *kulia*, *kulė* 'бить, хлестать, раскалывать, продвигаться' и т. д. (с главным значением *mušti*) [LKZ]. В данном контексте интересна апофония *kul-* / *kal-*, в свете которой имеем с тем же значением глаголы *kalti*, *kala*, *kalinėti*, *-ėja* и куративный *kālinti*, *-ina* [Derksen, 2015, с. 222, 263 ; LKZ]. Последний лежит в основе гидронима *Коленьга* – приток реки *Кулой*.

Лама – приток Шоши до появления Иваньковского водохранилища. Однокоренные гидронимы *lam-/lem-/lom-* встречаются в Поднепровье и Прибалтике [Топоров, 1972, с. 233]. Название реки происходит от балтского глагола *lėmti*, восходящего к индоевропейскому корню *lem-* со значением 'разрывать, разламывать' [Роконю, 1959, с. 674]. Видим определение, имеющееся практически во всех крупных гидронимах балтского ареала.

Лахость – приток Которосли, протекает в Ивановской и Ярославской областях. М. Фасмер пытается объяснить реку финским значением 'небольшая морская бухта' – *лахта*. Однако в Поочье можно встретить гидронимы *Лаханец, Лахтинской, Лахтионовка*. Происхождение названий связано с глаголом *lėgti, -sta* 'таять, спадать, слабеть, исчезать' (в том числе и *lėginėti* для р. *Лаханец*) [LKZ]. Однокоренные гидронимы встречаем и в Литве [Vanagas, 1981, с. 184, 189].

Линда – левый приток Волги; левый приток Костромы. Предлагается марийская этимология от *илемдэ* 'нежилая' [Трубе, 1962]. Очевидно, что значение слишком далеко от понятия «река», да и малозаселенными были территории не только по берегам рассматриваемой реки. Ближе к разрешению вопроса подошёл Ю. В. Откупщиков, пытаюсь связать гидроним с прусским *lindan* 'долина, ложбина' [Откупщиков, 2015, с. 86]. Можно уточнить, что в основе лежит глагол *lindėti, -ėja (linda, lindžia)*, восходящий к *lijsti, šliaužti*, с общим значением 'двигаться, поглощать, вваливаться' и т. д. [LKZ]. К рассматриваемому гидрониму относится в иной огласовке и название реки *Люнда* [Трубе, 1962].

Лопасня – приток Оки, протекает в Подмосковье. Происхождение данного названия можно связать с *lapašinti, -ina*, повторяющему глагол *lapašyti*, имеющему значение 'мушти, культ' – достаточно обширное понятие, включающие огромный спектр характеристик 'хлестать, бить, напирать, крушить, давить, рубить' и т. д. (в том числе, непосредственно определяющие ранее изученные гидронимы *tvoti, trupinti, perti* и другие) [LKZ]. Более узкое значение, например, имеет *lapūšinti, -ina*, давшее название реке *Лопузна*, протекающей в бассейне Десны (приток Днепра). В целом, гидронимы с корнем *lop-/lap-* нередки в Поднепровье и Литве [Маштаков, 1913, с. 258, 260; Vanagas, 1981, с. 180–181].

Луга – река в Ленинградской области (см. Лух, Лужа).

Лужа – правый приток Протвы имеет множество однокоренных гидронимов в Поднепровье [Маштаков, 1913, с. 260]. Встречаются *Luž-upis* и *Lauž-upis* и в литовской гидронимии [Vanagas, 1981, с. 184, 200]. Последние примеры указывают на балтскую основу – *laužti, laužia; lūžti, lužo* 'расступаться, рвать(ся), прокладывать, обходить' [Derksen, 2015, с. 276, 297; LKZ].

Лўза – приток реки Юг (бассейн Северной Двины), протекает в Кировской и Вологодской областях, Республике Коми (см. Лужа).

Лух – река в Ивановской и Владимирской областях, левый приток Клязьмы. Традиционно считается, что название реки происходит от финно-угорского слова *лух* в значении 'низина, болотистое место'. Другая версия, предложенная В. А. Никоновым, отсылает нас к неизвестному вымершему языку [Никонов, 1966, с. 243]. Вместе с тем, *Лух* может являться диалектным вариантом названия самой крупной рекой Ленинградской области – *Луга*. Гидроним связывают с эстонскими *laugas* 'лужа, болото, яма, углубление', или *lauk, laug* 'отмель', а также финским с *laukea* 'река с отмелями'. Мы же предпочтём не изолированную от основной языковой среды балтскую версию. Продолжение индоевропейского корня *leuǵ-* даёт знакомый нам глагол *laužti, laužia, laužė; lūžti, lužo* 'расступаться, рвать(ся), прокладывать, обходить' [Derksen, 2015, с. 276, 297; Rokony, 1959, с. 686, LKZ]. Однокоренные гидронимы имеем и в Поднепровье, и в Прибалтике [Маштаков, 1913, с. 260, Vanagas, 1981, с. 184, 196, 200].

Люнда – правый приток Ветлуги (см. Линда).

Мезá – река протекает по территории Ивановской и Костромской областей (см. Межа).

Межá – левый приток реки Унжи протекает в Костромской области. Одноимённая река имеется в Тверской области (бассейн Западной Двины), однокоренные – в Прибалтике [Vanagas, 1981, с. 213]. Происхождение названия связано с балтским глаголом *méžti*, *-ia* 'продвигать, удобрять (навозная жижа, грязь), прорезать, вить, жадно поглощать' [Derksen, 2015, с. 314–315; LKZ]. Значения гидронима довольно точно описывает характеристику водного объекта – первые километры река представляет широкий поток коричневатого торфянистого цвета, далее, петляя, течёт через болота и луга. Аналогичную этимологию имеет и гидроним *Меза*.

Мера – левый приток реки Волги протекает в Костромской и Ивановской областях. Некоторые исследователи утверждают, что «свое название река получила по племени меря» [Шилов, Шилова, 2014]. Однако гидроним *Мера* встречается на территории Вильнюсского уезда в Литве [Vanagas, 1981, с. 211], где меря отсутствовала. А. Ванагас сравнивает с *Mara* и связывает происхождение с *mārios* 'море, болото' [Vanagas, 1981, с. 204]. Однако этимология этих гидронимов скрыта в балтском глаголе *miřti*, *mira* (*mir-/mer-/mar-*) со значением 'исчезать (*nykti*), расползаться (*irti*), растаивать, растворять, слабеть, быть сильным' [Smoczyński, 2007, с. 406; LKZ] (два последних противоречивых определения, как нельзя лучше отражают характеристику реки – и мели, и перекапы, и участки с быстрым течением).

Меча Красивая – река в Тульской и Липецкой областях, правый приток Дона. Балтское происхождение В. Н. Топоров придаёт и гидрониму [Топоров, 1997 а, с. 318]. Этимология связывается с имеющим широкий спектр значений глаголом *mesti*, *meta* 'бросать, метать, бить, дробить, продвигаться' и т. д. [LKZ]. Гидроним *Меча* нередко встречается в Поочье и Подонье.

Мокша – река в Пензенской, Нижегородской, Рязанской областях и Мордовии, правый приток Оки. Как отмечает Е. М. Поспелов, «название оставлено древним и.-е. населением Поочья, говорившим на языке, близком к балт. Гидроним сопоставим с и.-е. основой *meksha*, означавшей 'проливание, утеkanie'. По-видимому, в языке и.-е. аборигенов мокша 'поток, течение, река' [Поспелов, 2002, с. 272]. Балтское происхождение *Мокши* доказывал и Ю. В. Откупщиков, указав на связь с *mōkšē* 'болото' [Откупщиков, 2015, с. 95]. Остаётся лишь уточнить, что первичен всё-таки балтский глагол *mezgti* с деривативом *magztyti*, *māgzto* (в том числе, с древними формами *mēgsti*, *makstýti* и т. д.), определяющими значение 'вязать, вить' [Derksen, 2015, с. 310; Smoczyński, 2007, с. 384; LKZ] (видим, что, кроме семантической связи с гидронимом *Москва*, имеется родство (через общее *pinti*) с названием реки Пет).

Москва – река, давшей имя Москве, приток Оки. Происхождение гидронима пытались объяснить и со славянского, и с финно-угорского, и с иранского, и другими экзотическими версиями [Никонов, 1966, с. 275–276], однако на сегодняшний день приоритетной остаётся этимология, предложенная В. Н. Топоровым. Исследователь проделал большой анализ и пришёл к выводу о балтской корневой составляющей *mask-/mazg-/mast-/mak-*, которые находят семантические параллели в славянской языковой среде [Топоров, 1972, с. 229–230]. Однако само значение гидронима и понимание гидронимической системы остались до конца не выясненными. Тем не менее, можно сказать, что в основе названия лежит глагол *mazgúoti*, *-úoja*, повторяющий *mazgyti* [LKZ]. Здесь сталкиваемся с двоякостью индоевропейского корня *mezg-*, значение которого определяется '1) нырять, погружать, скрывать и 2) вязать, переплетать' [Pokorný, 1959, с. 745–746].

Навля (Новля) – приток Десны, протекает в Орловской и Брянской областях. Преобладающим объяснением гидронима считаются варианты с основой от *naui* 'смерть, мертвец' [Топоров, Трубачев, 1962, с. 197] и от славянского *нава* 'русалка' и, соответственно, 'река русалочья' [Никонов, 1966, с. 282]. Однако в данном случае мы видим лишь созвучные корни в славянской огласовке более раннего, «оригинального» названия. В контексте наших исследований предпочтительнее выглядит происхождение от *niauti* (*niove*: 'красть, тащить, бить, мучить, томить' [LKZ] – последние два значения как раз сближают с корнем *nov-* / *nav-*). Сам глагол имеет неясную этимологию. С одной стороны, его можно соотнести с индоевропейским корнем *neu-* (качаться, толкать [Pokorny, 1959, с. 767]), как и *niausti* [Derksen, 2015, с. 334] ('брести, понурия голову, неторопливо, извилисто течь' [LKZ]). Однако М. Вилануева Свенссон разделяет *niausti* и *niauti*, предполагая связь последнего и индо-иранским корнем **nav-* 'двигаться' [Villanueva Svensson, 2012, с. 217]. Более предпочтительна параллель Ю. Покорный, упоминающего литовский гидроним *Nova* при рассмотрении индоевропейского корня *nāus-* (в широком смысле – 'желоб для скольжения, плавания судов' [Pokorny, 1959, с. 755–756]).

Нара, приток Оки, «классический» балтский гидроним Московской области. Очевидно, основой становится глагол *nerti*, *neria*, причём, в обоих ипостасях, предлагаемых исследователями [Derksen, 2015, с. 333–334]. Как отмечал В. Н. Топоров, «оба глагола едины в своей основе, хотя это их единство, их общий семантический множитель должны быть открыты и сформулированы» [Топоров, 1998, с. 468]. Как раз в рассматриваемом гидрониме, такое единство присутствует – и углублять, и погружать, и связывать (два берега – прим. автора), и резать, и драть (все эти глаголы мы наблюдаем в изучаемых гидронимах). Здесь отметим ещё одну особенность балтской гидронимии: названия озер происходят от глаголов прошедшего времени. Так в нашем случае, озеро Неро – от *nerè*, аналогично, река Шлина – озеро Шлино, река Волга – озеро Волго и т. д.

Негра (см. Угра).

Нёмда (Немда) – левый приток Волги, протекает в Костромской и Ивановской области. Этимология не ясна, попытка переиначить на *Невда* [Топоров, Трубачев, 1962, с. 198] всё-таки малопродуктивна. В то же время В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев правы, что «объяснение Фасмера <который предлагал связь с первонач. *Мьда "медленная река"> ... едва ли верно». Хотя мнение М. Фасмера о единстве гидронимов *Нёмда* и *Немда* необходимо признать. Тогда корень гидронимов своим происхождением обязан балтскому глаголу *imti* (в латышской языковой среде звучание *nemt*, *ņēti* [Derksen, 2015, с. 200] с деривативом *imdýti*, *iñdo*, имеющим широкий спектр значений 'хватать, сечь, резать, двигать, поглощать' и т. д. [LKZ]).

Нерль – река в Ярославской, Ивановской и Владимирской областях России, левый приток реки Клязьмы. Происхождение гидронима связано с выше рассмотренным (см. Обнора, Нара) глаголом *nerti*, *neria*.

Неруса (Нерусса) – приток Десны, протекает по Орловской и Брянской областям. Происхождение названия можно связать с балтским *rausti*, который с префиксом *ni-* приобретает вид *nurausti*, (*nùrausia*), *nùrausé* со значением 'разрывать, распарывать' [Derksen, 2015, с. 378 ; LKZ]. Однокоренные гидронимы (*raus-* / *rus*) встречаются и в Поднепровье, и в Прибалтике [Маштаков, 1913, с. 265, 275 ; Топоров, Трубачев, 1962, с. 198, 205 ; Vanagas, 1981, с. 284].

Неручь, приток Зуши, протекает по Орловской области. Очевидно, современное звучание есть славянская огласовка балтского гидронима. Происхождение гидронима связано с глаголом *nuraukti* (*nu-raukti* / *nùrauké*) 'двигаться, разрывать, поглощать, связывать, разметаться' [LKZ].

Нёя – приток Унжи, протекает в Костромской области. Имеются одноименные гидронимы в Кировской области и Коми. Этимология названия не выяснена, хотя и является дорусской по происхождению [Поспелов, 2002, с. 288]. В данном гидрониме корень представлен глаголом *eiti*, *eju* с префиксом *ni-* (см. Пра).

Нугрь (см. Пахра).

Обнора – река в европейской части Российской Федерации, протекает по Вологодской и Ярославской области, правый приток Костромы. Этимологию гидронима неуверенно связывают с финской основой *ava* 'открытый, просторный' и *poro* 'болотистая ложбина', хотя допускается и древнерусское происхождение [Кузнецов, 2010, с. 150]. Впрочем, это мало согласуется с характеристикой реки и, как следствие, указывает, что мы имеем дело с огласовкой более древнего названия. Очевидно, первичен был глагол *neriti*, *neria* (с префиксом *ap-*), причём, в обоих ипостасях, предлагаемых исследователями [Derksen, 2015, с. 333–334]. Как отмечал В. Н. Топоров, «оба глагола едины в своей основе, хотя это их единство, их общий семантический множитель должны быть открыты и сформулированы» [Топоров, 1998, с. 468]. Как раз в рассматриваемом гидрониме, такое единство присутствует – и углублять, и погружать, и связывать (два берега – *прим. автора*), и резать, и драть (все эти глаголы мы наблюдаем в изучаемых гидронимах). Гидронимы с конструктом *Арнар-* встречаем в Прибалтике [Vanagas, 1981, с. 44].

Ока, правый приток Волги, река, объединяющая большинство центральных регионов. Мнения об «общеевропейском» или «финском» происхождении названия больше похожи на поиск созвучных корней, не приводя гидронимических параллелей в соответствующей языковой среде. Более обстоятельны выкладки по этимологии у В. Н. Топорова, который обоснованно высказывает балтскую версию, связав гидроним с литовским *akis* 'прорубь, глаз, окно' и т. п. [Топоров, 1989 а, с. 156–157]. Соглашаясь принципиально с исследователем, все-таки отдадим предпочтение «системе». Тогда оказывается, что название Ока происходит от глагола *akėti* (*akeja*, *eketi*) 'боронить, тащить, испарывать, течь, бить' [Derksen, 2015, с. 47 ; LKZ]. Стоит отметить любопытную деталь: на старинных картах Ока часто указана, как Осса, что с латинского означает – *оссо* 'боронить' [Рокоту, 1959, с. 22]. Таким образом, *Ока* – 'поток, испарывающий землю'. Можно сравнить с литовскими (в разных вариациях) *Eketė*, *Akys* [Smoczyński, 2007, с. 37, 100].

Орлик протекает через областной центр Орёл. Бытует мнение, что этимология гидронима происходит от древнерусского «орел» (или тюркского «ерель») – угол, хотя В. А. Никонов и признает, что «это спорно» [Никонов, 1966, с. 311]. Но это не только «спорно», оно не имеет никакого отношения к названию реки и может соответствовать лишь народной этимологии. В данном случае прав В. Н. Топоров, который указывает на балтское происхождение *Орлика*, ставя в один ряд однокоренные гидронимы прибалтийские (*Arle*, *Erlenai* и другие) и днепровского бассейна (*Орля*, *Орленка*) [Топоров, 1989 а, с. 166]. В основе гидронима лежит глагол *arlioti* (*arlyti*, *-ija*), который является производным от известного нам глагола *irti* 'рыть землю, продвигаться с трудом, исчезать' (*nŷkti*) [Smoczyński, 2007, с. 266].

Осётр – правый приток Оки, протекает в Московской, Рязанской и Тульской областях (см. Истра).

Пара – река протекает в основном в Рязанской области и только несколько первых километров в Тамбовской области. Этимологию гидронима связана с глаголом *perti*, *perė* 'хлестать' (*mušti*), 'рассекать, плавать, мыть' (*mazgėti*), 'двигаться' (*eiti*, *joti*). Однокоренные гидронимы *Per-* / *Par-* широко представлены в Прибалтике и Поднепровье [Топоров, Трубачев, 1962, с. 256 ; Vanagas, 1981, с. 245].

Пахра, приток Москвы. Названия представляют соединение аффикса *pa-* и корня от глагола *gurti*, *gura* 'крошиться, ослабевать, проседать' [Derksen, 2015, с. 145]. Одноко-

ренную этимологию имеет и ещё один приток Москвы – река *Пехорка*, а также *Шухор-ма* с префиксом *su-* и расширителем *-m-* (*sugurmeti*, *suguřma* [LKZ]) и с префиксом *ni-* *Нугрь* (*nugurti*). Немного другую основу можно выделить у названия *Яхрома*: префикс *j-* и корень от *gramėti*, *grāma* 'бежать, погружаться, прокладывать, течь' [Derksen, 2015, с. 185 ; LKZ].

Пекша (Пекыша) – левый приток реки Клязьмы, протекает во Владимирской области. У Клязьмы имеется ещё один одноименный приток, но поменьше. Этимологию гидронима связывают с мордовским *пекше* 'липа' [Никонов, 1966, с. 323]. Хотя липа – это дерево, но не река. Странный подход у исследователей прослеживается: если они видят гидроним *Сосна*, то признают это славянской огласовкой более древнего имени; когда же они встречают финноугорскую липу, то считают это оригинальным названием. И подобные двойные стандарты в науке демонстрируются в отношении многих гидронимов. В нашем случае более убедительной выглядит утверждение Ю. В. Откупщикова о балтском происхождении названия от *pėkė* 'жаба' с реконструированными суффиксами [Откупщиков, 2015, с. 100]. С уточнением, что этимология может быть скрыта в глаголе *pikšėti*, *pikši* 'хлопать, шлепать, хлестать, взламывать, трещать'; другая степень вокализма *pakšėti*, *pakši* (*pākša*) 'плескаться' [LKZ]. Сюда же можно отнести литовские гидронимы с корнем *pikš-* [Vanagas, 1981, с. 257].

Пет – правый приток Оки, протекает в Рязанской области. Исследователями предлагается этимология от финского слова *peta* 'сосна' [Почиталин, 1993]. Однако сосна – это дерево, но не река (см. Пекша). Происхождение названия может быть связано с балтским глаголом *pinti* (*pina*, вариант *pīt*) 'вить, сплетать, разваливаться, нарывать, лазить' [Derksen, 2015, с. 356 ; Smoczyński, 2007, с. 461 ; LKZ]. Отмечаем упоминание реки и деревни на её берегу, как Пёт, П'от, Пят. Рассмотренный глагол объясняет и происхождение названий белорусских рек *Луна* – *pina* и *Прупять* (приток Днепра), где первый элемент представлен префиксом *pri-*: *pripinti* [LKZ].

Пехорка, приток Москвы (см. Пахра).

Плава (Плова). Происхождение гидронима можно связать с глаголом *plauti*, *plauju* (с деривативом *plavėti*, *plāvi*) 'омывать, бродить, плыть' и т. д. [Derksen, 2015, с. 364 ; LKZ], имеющим широкое распространение в литовской гидронимии [Vanagas, 1981, с. 261].

Поведь – приток реки Осуга, протекает в Тверской области (см. Увось).

Поля – правый приток Клязьмы в Московской области. Происхождение названия связано с балтским глаголом *pilti*, *-ia* 'лить, сыпать, хлестать, бросать, пузыриться, двигать, течь' и т. д. [Smoczyński, 2007, с. 459 ; LKZ]. В литовской гидронимии встречаем реки *Pala*, *Pela*, *Piles* и другие однокоренные названия [Vanagas, 1981, с. 241, 253, 258–259].

Пра – приток Оки, протекает в Московской и Рязанской областях. Первый элемент *pra-*, в основе же использовался глагол *eiti*, *eina*, *eju* 'течь, двигаться' [Derksen, 2015, с. 145]. Кстати, в этот же ряд можно поставить прямого этимологического родственника из поднепровского бассейна Десны – **Прейю** (*pri-eju*), а также территориально близкую (приток Оки) и далекую (бассейн Сожи) и близкую (бассейн Оки) *Проню* (*pra-eina*) [Топоров, Трубаев, 1962, с. 202]. Корень *eju* [Smoczyński, 2007, с. 144] с префиксом *ni-* мы встречаем в гидрониме Нея.

Прейя (см. Пра).

Проня (см. Пра)

Протва – приток Оки в Московской области. Гидроним пытались необудительно этимологизировать из славянского (А. И. Соболевский), латинского (М. Фасмер), финноугорских языков (см. анализ работ этих авторов в [Никонов, 1966, с. 343]). Опираясь на присутствие в тех местах летописной голяди, В. Н. Топоров предлагает балтскую вер-

сию в виде **Prat-uva* [топоров, 1972, с. 250], хотя не определяет значения выделенных компонентов. В то же время, в балтийской гидронимии достаточно часто встречаются названия с префиксом *pra-* [Derksen, 2015, с. 269] – *Pragulba*, *Prapuntas* и другие [Vanagas, 1981, с. 264–265]. Аналогичную словообразовательную модель можно проследить и в названии *Протва* – при первом элементе *pra-/par-* в основе лежит глагол *tvoti*, *tvója*, получая *pratvoti* 'прорубать, пробивать, прорывать, слабеть' [LKZ].

Пьяна – левый приток Суры. Исследователи соглашаются с народной этимологией: «Ещё первыми русскими насельниками Пьяной река за то прозвана, что шатается, мотается она во все стороны, ровно хмельная баба, и, пройдя вёрст пятьсот закрутасами да изворотами, подбегает к своему истоку и чуть не возле него в Суру выливается» [Трубе, 1962]. В действительности, происхождение гидронима восходит к балтскому глаголу *prjáuti*, *prjáuna* 'хлестать, разрезать, двигаться' и т. д. [LKZ]. Одноименная *Pjaune* и однокоренные гидронимы встречаются в балтийском регионе [Vanagas, 1981, с. 256].

Рáнова – правый приток реки Прони, протекает по Липецкой и Рязанской областях. Происхождение названия связывают с древним славянским антропонимом *Ран* или *Рано* [Чумаков, 1992, с. 134]. Однако в данном случае мы имеем дело с дославянским гидронимом, этимология которого может восходить к форме архаичного глагола *renèti*, *reni* 'создавать, прорубать борозду, желоб' [LKZ]) – **renuoti*. В Литве протекает река *Rėnelis*, этимологию которой А. Ванагас сравнивает с литовским существительным *renė* [Vanagas, 1981, с. 276]. Однокоренной гидроним Ярань (с префиксом *j-*), приток Пижмы.

Ресса и **Рессета** – первая, приток Угры в Калужской области; вторая, приток Жиздры, протекает по Калужской и Брянской областям. Концептуально согласимся с позицией А. Ванагаса (*raiš-/rieš-* [Vanagas, 1981, с. 271, 277]) и В. Н. Топорова (*rais-/ries-/rieš-* [Топоров, 1989 в, с. 58]) при рассмотрении гидронимов, но немножко её скорректируем. В контексте нашего исследования можно предположить, что в основу названия указанных рек положен балтский глагол *raišyti* (латвийский вариант *raisit*; итератив *rišti*) 'связывать, разрывать, капать, потрошить, качаться' (в том числе, и 'плавно течь') [Derksen, 2015, с. 375, 383; LKZ]. Данный глагол соотносится с индоевропейским корнем *ureik-*, обозначающим 'качаться, становиться хромым, медлительным' [Pokorny, 1959, с. 1158–1159].

Руза – приток Москвы. Имеет обширную географию однокоренных (*raus-/rus*) гидронимов [Топоров, Трубаев, 1962, с. 232]. Происхождение названия можно связать с балтским *rausti*, *rausia*, *rausè* со значением 'разрывать, распарывать' [Derksen, 2015, с. 378; LKZ].

Свапа (Свопа) – приток Сейма, протекает по Орловской и Курской областям. Название с некоторыми трудностями пытаются связать с иранским «хорошая вода», хотя В. Н. Топоров осторожно, с оговорками, но склоняется к балтскому происхождению [Топоров, Трубаев, 1962, с. 226]. Исследователь высказывается за «интересное название» притока Вопка (и добавим, что однокоренных гидронимов в Поднепровье много [Маштаков, 1913, с. 241]). Поскольку *Свана* протекает в междуречье балтских гидронимов – Оки и Сейма, имея многочисленное балтское окружение – Клевень, Усожа, Турья и другие, можно считать балтскую версию, заслуживающей внимание. Тогда мы можем предположить, что вновь сталкиваемся с нередко встречающимся словообразованием: префикс *su-* (в славянском **sz(n)*) [Derksen, 2015, с. 434] и глагол *vėpti* (*-ia*, *-è*) 'разрушаться, проваливаться, разрывать, поглощать, разевать губы' – образ (и отмечаем присутствие уже известного нам глагола *irti*) [LKZ].

Северка (Сиверка), приток Москвы. В основе отмечаем широко распространённый в балтской гидронимии корень *ver-*. В данном случае первым элементом выступает префикс *su-* и, соответственно, *suvėrti*, *sùveria*, *suvėré* [LKZ]. В тоже время, река *Шувоя*,

с которой В. Н. Топоров пытается связать *Северку* [Топоров, 1972, с. 243], имеет схожую словообразовательную конструкцию, но другую основу – *su-vyti (suveja, suvijo)* [LKZ].

Серёжа – правый приток Теши; правый приток Куны (бассейн Балтийского моря). Происхождение названия объясняется двумя версиями: от финского *särki* и эстонского *särgi* 'плотва' или от литовского *sargas* 'сторож', *sérgėti* 'охранять, сторожить'. Впрочем, оба варианта не соответствуют характеристике географического объекта – река. Этимология гидронима связана с деривативом балтского глагола *šerti – šerióti, -iója* со значением 'хлестать, бить (*mušti*), сечь, резать' [LKZ]. Корень *šer-* широко распространён в литовской гидронимии [Vanagas, 1981, с. 328–329].

Серена, приток Жиздры в Калужской области. Имеет одноименный аналог в Тельшайском уезде Литвы – *Siriene* [Derksen, 2015, с. 299]. И А. Vanagas, и В. Н. Топоров сходятся во мнении, что происхождение данного гидронима связано с глаголом *sirenti, sirena* 'течь, сочиться, пузыриться' (видимо, отражено наличие многочисленных перекатов) [Топоров, 1989 в, с. 54–55; Vanagas, 1981, с. 299].

Сестра (см. Истра).

Сить – река в Тверской и Ярославской области. Корень *sum-* широко распространён в гидронимии от Вислы до Оки. Исследователи выдвигают версии, что происхождение названия имеет в основе славянское *sumь* 'осока'; *cuma* 'место, поросшее камышом', или финно-угорское *sitta* 'грязь, мусор' [Кузнецов, 2010, с. 199]. Направление изучения гидронимов в нашем случае указывает на глагол *šusti, šuto* (вариант *šuto, sutu*), значение которого включает от известных нам глаголов *irti, pūti, gesti, virti* 'тлеть, разрываться, исчезать, трескаться, пузыриться, потеть (становиться мокрым)' до 'болото, болотистая местность, лесок' [Smoczyński, 2007, с. 653; LKZ]. Названия *Šust-upis* и однокоренные нередко встречаются в Литве [Vanagas, 1981, с. 336].

Согожа – река в Вологодской и Ярославской областях, впадает в Рыбинское водохранилище на Волге. До создания Рыбинского водохранилища была притоком Шексны. Происхождение попытались связать с финноугорскими *sees* 'чистый, светлый' или *sego* 'перемешивать, помеха, заблудиться' [Кузнецов, 2010, с. 193]. Однако в данном случае мы имеем конструкт *co+гожа*, в котором первый компонент представлен префиксом *su-*, второй – глаголом *góžti* с общим значением *sugōžti, sùgožè* 'сильно расцветать, заливать, коробиться' [LKZ], что соответствует характеру реки, которая быстро увеличивает ширину, принимая в верховьях большое количество мелких притоков.

Согра (см. Пехра).

Солони́ца – правый приток Волги, протекает по Ивановской, Костромской и Ярославской областям. Имеется несколько одноимённых гидронимов Нижегородской, Ленинградской и Львовской областях. Подобных «соляных» названий достаточно много и в Поочье, и в Поднепровье, однако не имеющих отношения к «соляной» этимологии. Происхождение рассматриваемого гидронима связано с глаголом *šālinti, -ina* 'разорять, разъединяться, увилывать, извергать' [LKZ], что соответствует характеристике реки, которая образует многочисленные излуины и протоки.

Сосна – приток Дона, имеющий многочисленные однокоренные параллели и в Поочье, и в Поднепровье, и в Прибалтике, в том числе и прусская **Sasnā* [Топоров, 1989 а, с. 168–169]. В основе лежит корень *šēš-*, значение которого С. Каралиюнас определяет сегментом «*pūti, gesti; purvinam; dvokti, smerditi*» [Karaliunas, 1970, с. 211]. Здесь имеем другую степень вокализма корня *šāš-*, который присутствует в глаголе *šāšinti, -ina* 'рвать, двигаться, высыпать (струпья), паршиветь' [LKZ]. Можно предположить, что основой является индоевропейский корень *kes-* со значением 'царапать, резать' (известный «гидронимический» глагол *to cut*) [Mažiulis, 1988–1997, Т. 4, с. 68; Pokorny, 1959, с. 586].

Соть – река протекает по Ярославской области. Ещё одна река, протекающая по Ярославской и Вологодской областям, носит название *Соть* (*Сотька*) (см. Сить).

Сúворощь (Суворощ) – правый приток реки Клязьмы, протекает во Владимирской области. Происхождение гидронима связано с префиксом *su-* и глаголом *verstī* с общим значением *suveřsti, suveřčia, sùvertē* 'пропахать, хлестать, пить, прорубать, двигаться из стороны в сторону' [Derksen, 2015, с. 498 ; LKZ]. Несколько гидронимов с корнем *veřs-* встречается в Литве [Vanagas, 1981, с. 374].

Сúда – река в Вологодской области, впадает в Рыбинское водохранилище. Происхождение гидронима не определено, предлагаемые варианты «щедрающая», «серединная», «судак» [Кузнецов, 2010, с. 207–208] – не убедительны и не соответствуют характеристике понятия «река». Этимология связана с глаголом *šáudyti, -o (šáudžia, šauti)* 'пробиваться, колебаться, плясать, прорезать, продвигать, бросать' [LKZ]. Здесь же мы отмечаем и *šáudžia* – основу гидронима *Суджа*.

Сúджа – река в Курской области России, правый приток Псёла (см. Суда).

Судогда – река во Владимирской области, правый приток реки Клязьма. По мнению исследователей, гидроним имеет финно-угорское происхождение *суд+огда* [Поспелов, 2002, с. 400]. Другой распространённой версией происхождения названия реки – от древнего финно-угорского «*Суткеда / Судгеда*» 'Извилистая', что реально отражает топографию русла реки. Некоторые считают, что название *Судогда* появилось во время татаро-монгольского нашествия от татарского *су* – 'вода' и *догд* 'вокруг' ('кругом вода', 'большая вода') [Никонов, 1994, кн. 1, с. 19–20]. Мы же вместо абстрактного значения гидронима предложим определение, связанное с сущностью географического объекта. Название реки происходит от конструкта: префикс *su-* и корень от балтского глагола *diēgti (-ia, -ē), diēgti* 'пробиваться, продвигаться, распространяться, разрастаться' (учитывая куст *dygd-, dygd-, daig-*) [Derksen, 2015, с. 127 ; LKZ]. Сюда относятся балтийские гидронимы с корнем *diēg-* и, можно предположить, ряд с корнем *deg-* [Vanagas, 1981, с. 83, 85].

Сурá (чувашская *Сър*, горномарийская *Шур, эрзя Суралей*) – правый приток Волги. Протекает по Ульяновской, Пензенской и Нижегородской областям, Мордовии, Марий Эл и Чувашии. Версии происхождения названия предлагаются самые разные: от тюркского *су* 'вода' и *ра* (обычное окончание названия многих рек); из мордовского *сура* 'просо'; от марийского *шур* 'отрог'; от чувашского слова *сюре* 'мутная' [Трубе, 1962]; из вымершего финно-угорского языка *шур* (река) [Поспелов, 2002, с. 401]. Впрочем, как отмечает В. А. Никонов, «предлагаемые этимологии неудовлетворительны, происхождение названия остаётся неизвестным» [Никонов, 1966, с. 399]. В основе гидронима может лежать глагол *šiūrti, šiūra* 'крошиться, трепаться, трескаться, спутываться' [LKZ]. Однокоренные названия встречаем в Литве (реки *Šiūra* и другие) [Vanagas, 1981, с. 332] и Башкирии (Сурень).

Суходрев, левый приток Шани (см. Жиздру).

Сúхона – составляющая Северной Двины, протекает в Вологодской области. Имеются одноименные реки в Поочье. Происхождения названия связывают с понятием «сухой» (особенно оригинальна версия с «сухим дном» – остаётся загадкой: как древние выясняли сей факт?) [Поспелов, 2002, с. 402], что довольно странно для столь крупной реки. Предпринята попытка угадать этимологию из прибалто-финского *sahieno* 'большая река с мелкими порогами' или саамского *suegejedmia* 'мелкая река' [Кузнецов, 2010, с. 210]. Между тем, происхождение гидронима связано с балтским глаголом *šukioti (-iōna)* 'двигаться, трепать, пробивать, поглощать' [LKZ]. В литовской гидронимии немало однокоренных названий рек [Vanagas, 1981, с. 335].

Тамбов Лесной – правый приток Цны: имеется *Нару Тамбов* – левый приток *Тамбова Лесного*. Исследователи принимают наиболее вероятной версией происхожде-

ние от мордовского слова *тамбакс* 'топкий' (эрзянское *тамбака* 'омут') [Никонов, 1966, с. 407], славянская ('вырубка леса, засека'), древнефинская (*tamb* 'дуб') и мордово-эрзянская (*tombale* 'по ту сторону') отвергаются, как малопродуктивные. Впрочем, основная версия также сомнительна, поскольку не объясняет, как река может быть омутом или омут – рекой, тогда как топкими являются болота, но не реки. Этимология гидронима может быть связана с подвергшимся в местных условиях соноризации балтским глаголом *tempti, tempia/tempiu* и его деривативом *tumpiŋoti, -iŋoja* с общим значением 'неуклюже двигаться, течь, растягиваться' [Derksen, 2015, с. 463 ; Smoczyński, 2007, с. 669 ; LKZ].

Таруса (Торуса), левый приток Оки, на берегу расположен одноимённый древнерусский город. Можно предположить, что мы имеем дело со славянской огласовкой глагола *taršyti, taršo, taršē* 'разрывать, спутывать, раскапывать, трепать, поглощать' [LKZ]. Реки с корнем *map-/tar-* можно встретить в Поднепровье и в литовской земле [Маштаков, 1913, с. 282 ; Vanagas, 1981, с. 340].

Тверца́ (Тверь) – река, давшая название топониму *Тверь*, левый приток Волги. Этимологию пытаются связать с дославянским топонимом *Tihvera* [Поспелов, 2002, с. 412], правда, неизвестного значения в финноугорских языках. Поэтому произвольное сближение с Тихвиным из-за упоминания топонима в одном из древнерусских вариантов, как *Тьхвьрь* (хотя имеются и другие формы – *Тьфвьрь, Тфвьрь, Твьрь*), малопродуктивно. С другой стороны, в Литве мы встречаем гидронимы *Tver-upis, Tverkta, Tverečiaus* и другие [Vanagas, 1981, с. 351]. В таком случае, происхождение гидронима можно связать с балтским глаголом *tvėrti, tvėria, tvėrė* 'качаться, виться, переплетать, сливаться' [LKZ].

Теза – река в Ивановской области; левый приток Клязьмы. Этимология гидронима связана с глаголом *tėžti, tėžo (tižti, -o)* 'размягать, исчезать' (*irti*), 'осыпаться, слабеть' [LKZ]. Однокоренные гидронимы встречаются в Поочье (*Теза, Тесна*), Поднепровье (*Тезна, Тесь*), Прибалтике (*Tenža*) [Маштаков, 1913, с. 134 ; Vanagas, 1981, с. 147].

Тёбза (Тебза) – левый приток реки Кострома. Исследователи объединяют этимологию гидронимов *Тебза* и *Теза* под прибалто-финский корень *taysi* 'полный', т. е. это полноводные реки [Халипов, Цоффка, 2008, с. 286]. Мало того, что эти реки вряд ли можно назвать «полноводными», а систему градации, к сожалению, исследователи не предлагают, не объясняются и фонетические изменения *бз/з*. В то же время можно провести параллели с двумя одноимёнными северными гидронимами *Тобыш*, а также рекой *Tebėšk* в балтийском регионе. Последнюю А. Ванагас соотносит с *Šebėšk* [Vanagas, 1981, с. 343], что позволяет предположить этимологию от глагола *šebėsyti, -ija* 'намотать, хлестать, драть' [LKZ]. Вероятно, похожий гидронимический дуплет по огласовке мы встречаем в случае с реками *Тебра* в Латвии и *Тебыр* в Коми.

Тёша – река в Нижегородской области, правый приток Оки (см. Тошня).

Толшма – приток Сухоны, протекает по Костромской и Вологодской областях. Этимологию названия сопоставляют с древне-финским корнем **tule* 'ветер', хотя это и спорно с точки зрения семантики, подчёркивает А. В. Кузнецов [Кузнецов, 2010, с. 217]. Мы же добавим, что не проблемы не столько в семантике, сколько в логике: река – ветер. Аналогичная затруднительная ситуация и с рус. диал. *толуа, товлуа* 'твёрдое сухое место; лесной массив, прилегающий к болоту; лес на высоком берегу реки', *толуа* 'болото, поросшее лесом'. Таким образом, мы видим лишь огласовку более древнего гидронима. Тогда происхождение можно связать с балтским глаголом *telžti, -ia (tilžti, tulžti)* 'течь, литься, мочиться, хлестать' [Derksen, 2015, с. 463 ; Smoczynski, 2007, с. 669 ; LKZ]. Однокоренные гидронимы *tilž-* нередко встречаются в Литве [Vanagas, 1981, с. 345].

Тошня – приток Вологды, протекает в Вологодской области. Этимологию предлагали от древне-финского **tsiezm* – лесная глушь или из манси *тошам* 'су-

хой' [Кузнецов, 2010, с. 221], которая, в общем-то, мало соответствует понятию «река». Происхождение названия связано с глаголом *tašnóti (-ója, -ójo)* – дериватив от балтского *tašyti, tãšo, tešu* 'пробиваться, хлестать, двигаться, прорезать, поглощать' [Derksen, 2015, с. 459; LKZ]. Сюда же можно отнести и гидроним *Тёша*.

Тула (Тулица) дала название городу Тула. Как отмечает Поспелов, гидроним первичен к топониму и может иметь балтское происхождение [Поспелов, 2002, с. 423]. Безусловно, балтским является название реки Упа, в которую впадает *Тула*, а также названия окрестных рек, рассмотренных выше. Многочисленный ряд гидронимов с корнем *Tul-/Tol-/Tal-* имеется в Прибалтике [Vanagas, 1981, с. 339, 349]. Фонетические варианты *tul-/tal-/tol-* позволяют предположить, что в основе лежит глагол *talyti*, значение которого определяется известным глаголом *mušti*, заключающего огромный спектр характеристик 'хлестать, бить, напирать, крушить, давить, рубить, исчезать' и т. д. (включая и круг значений глагола *tulioti*) [LKZ].

Тьма – река в Тверской области, левый приток Волги. Исследователям приходится признавать, что этимология не изучена. Между тем, происхождение гидронима можно найти в балтской языковой среде, давшей многочисленные названия рек в округе. В основе лежит глагол *tumėti, tuma* 'тесниться, сливаться, взбиваться, набухать' (образ – пчелиный рой, а также «тенденция к росту, набуханию» отсылают нас к семантике гидронима *Кёма, Кама*) [Smoczyński, 2007, с. 694; LKZ]. Сюда же относим и реку *Тьмака* – правый приток Волги, впадающий в неё в центре Твери, получившую славянский уменьшительный формант *-ка*. Однокоренные гидронимы *Tumeja, Tuminas* и другие встречаем в Литве [Vanagas, 1981, с. 349–350].

Уводь – река в Ивановской и Владимирской области; левый приток Клязьмы. Происхождение гидронима связано с глаголом *vèsti (vèda, vèdè)* и деривативным рядом *vadžióti, vādè*, дающими обобщающее значение 'водный канал, слабеющее течение, распространяющаяся, заливающаяся' [Smoczyński, 2007, с. 735, 768]. Однокоренные гидронимы *Vad-* широко распространены в Прибалтике [Vanagas, 1981, с. 357]. Первый элемент представлен префиксом *au-* (соответствует в славянском *y-* [Vanagas, 1981, с. 68]) широко встречающийся в балтском ареале [Топоров, 1975–1990, Т. 1, с. 142]. Префикс *pa-* используется с рассматриваемым глаголом в гидрониме *Поведь*.

Угра – приток Оки. Полный тезка российского гидронима находится в Литве – *Ugra* в Рокишкском районе Паневежского уезда. Как указывает В. Н. Топоров, также в прибалтийском ареале встречается несколько однокоренных названий [Топоров, 1997 в, с. 287–289]. В своём анализе исследователь приходит к выводу, что этимология гидронима связана с понятием **angur* 'угорь' – река, богатая угрями, с дальнейшей семантикой *vingurys* 'извилистый' и т. д. Остаётся лишь уточнить, что этимология гидронима восходит к деривативу балтского глагола *vengti - viñgurti, -a* 'крутить, искривляться, двигаться, размахивать' [Smoczyński, 2007, с. 734–735; LKZ]. Другая степень огласовки присутствует в гидронимах *Ухра* (бассейн Волги, Ярославская область), *Вухра* (бассейн Днепра, Белоруссия).

Узола (Узала) – левый приток Волги. Исследователи соглашаются с крайне сомнительной этимологией из марийского *y* 'новая' и *сола* 'село' или русского выражения *у соли* – *усолье* [Трубе, 1962]. Происхождение гидронима может быть связано с глаголом *ansála*, в котором первый компонент представлен диалектным префиксом *j-*, корень – от глагола *sálti, sála* 'течь, струиться' [Derksen, 2015, с. 368; LKZ], восходящего, по мнению Р. Дерксена, к глаголу *selėti, sela (seleja* – может лежать в основе гидронима *Узельга*) 'незаметно ползти, двигаться' [Derksen, 2015, с. 393] и имеющими общий индоевропейский корень *sel-* [Pokorny, 1959, с. 899–900]. Гидронимы с корнем *Sal-/Sel-* широко распространены в балтийском регионе [Vanagas, 1981, с. 287–289, 295].

Унжа – река на территории Вологодской и Костромской областей, левый приток Волги. Одноимённые реки встречаются в Архангельской, Томской, Нижегородской, Владимирской и Рязанской областях, в Марий Эл. Предложены две этимологии. Согласно первой, гидроним *Унжа* восходит к марийскому *уншо* (фактически *ўнгыш*) 'смирный, тихий', другая основывается на селькупском *унджь, унджа* 'ручей, речка'. Однако обе версии выглядят неубедительно, отмечает А. К. Матвеев [Матвеев, 2015, с. 204]. Между тем, происхождение названия *Унжа* связано с балтским глаголом *engti* (варианты *ùngti, ùngzti, uñzgia (-džia), unkšti*) 'драть, хлестать, угнетать' [Smoczyński, 2007, с. 147; LKZ].

Упа – приток Оки. Легко угадываются литовские аналоги (с общим значением 'река, водный поток') *Upe, Upis* и другие. Происхождение связано с индоевропейской основой, которая представлена корнем *ub-* 'толкать, двигать, волочить, выдавливать, выжимать' [Pokorný, 1959, с. 1103], возводя этимологию к глаголу *ũbyti (ùbyti), -ija (-yja)* (в одном ряду *ũbti (ũpti), -ia*) 'хлестать' (*mušti*), 'ухать, стонать' [LKZ]. Именно, данный корень лёг в основу известного литовского / прусского понятия *upe / ape* 'река'. В таком случае разрешается и появление восточно-балтского *u-*, происхождение которого оставалось непонятным исследователям [Derksen, 2015, с. 483]. Соответственно, в литовской гидронимии встречаем речные корни *Ub-/Up-* и в прусской *Ap-* [Топоров, 1975–1990, Т. 1, с. 98–99; Vanagas, 1981, с. 351, 354].

Урга – левый приток Суры. Считается, что это марийское название, в переводе означающее 'беличья река' (*ур* 'белка' и *га* – сокращённо от *йогы* 'течение, река') [Трубе, 1962]. Однако, в балтийском регионе можно встретить немало рек, в названии рек имеющими корень *ur-* с различными расширителями (*k, m, n*) [Vanagas, 1981, с. 355]. Поэтому можно предположить, что в основе рассматриваемого гидронима лежит глагол *urgéti, ùrga*, который восходит (через *urkti*) к балтскому глаголу *veřkti* 'лить, течь' (слёзы – образ) [Smoczyński, 2007, с. 737; LKZ].

Уста – левый приток Ветлуги. Исследователи видят этимологию в марийском словом *уста* 'мастер', хотя и признают, что разумные объяснения подобного значения отсутствуют [Трубе, 1962]. Происхождение можно связать с глаголом *ũsti, ũsta*, который соответствует глаголу *austi* 'сплестать, хлестать, двигаться, поглощать' [LKZ]. Сюда же, реабилитировав формы чередования с *au-/uo-* [Топоров, 1975–1990, Т. 1, с. 172–173], наряду с прусскими гидронимами, можно отнести и литовские с корнем *Uost-* и *Us-* [Vanagas, 1981, с. 354].

Устье – река в Ярославской области. Однокоренные гидронимы (*Усм, Усть, Уста, Устья*) встречаются в Поочье. Сюда же можно отнести и самый крупный правый приток реки Вага (бассейн Северной Двины) – *Устья*. Исследователи как-то обходили этимологию данных гидронимов, тогда как в нашем случае происхождение можно связать с глаголом *áustyti (-o, -é)* 'сплестать, хлестать, двигаться' [LKZ] (дополнительно см. *Уста*).

Ухра – река в Ярославской области. В данном случае, мы имеем диалектную огласовку гидронима *Угра* (см. выше).

Хупта – проток реки Ранова, протекает в Рязанской области. Вероятно, имеем диалектную огласовку *Upita* (одноименная река встречается в Прибалтике [Vanagas, 1981, с. 355], отсылающую нас к известному балтскому гидрониму *Упа* (см. выше).

Цна и Цон – данные гидронимы по несколько раз встречается в Поочье и Поднепровье. По мнению исследователей, происхождение связывают с балтской цепочкой *Tusna > Тьсна > Цна* (древне-пруссский *tusnan* 'тихий') [Топоров, 1972, с. 254; Топоров, 1989 а, с. 163]. Однако наше исследование указывает, что *Ц(о)на* может происходить от *šiñti (šỹti), šina (šēna), šinē, šinti (-a), šýnē* [LKZ], который восходит к глаголу *šiēti* [Smoczyński, 2007, с. 635–636]. Последний, как мы рассмотрели выше, соотносится с

šėivà 'катушка, труба' [Gliwa, 2008, с. 55] и индоевропейским корнем *skēi-* [Pokorny, 1959, с. 919–920].

Чернь – приток Зуши (одноимённый приток есть и у Свапы). В данном случае мы вновь имеем славянскую огласовку балтского названия. В основе, наверняка, лежал глагол *kernėti* (*keřna*), определяемый многократно встречаемым «речным» глаголом *nykti* [LKZ]. Не менее популярный в нашем исследовании глагол *to cut* 'резать, отделять' присутствует в объяснении индоевропейского корня (*s*)*ker-* [Pokorny, 1959, с. 938, 942].

Шаня, левый приток Угры, можно сопоставить с однокоренными гидронимами, которые В. Н. Топоров относит к балтским: в Подмоскowie – *Шанкина*, *Санкина* [Топоров, 1972, с. 264, 267], в Поднепровье – *Сана*, *Шанка* [Топоров, Трубачев, 1962, с. 206, 213]. В этот же ряд можно поставить литовские *Šan-upis*, *Šona* и другие [Vanagas, 1981, с. 325, 335]. Предлагаемый А. Ванасом вариант *šonas* 'берег, край, сторона' [Buck, 1949, с. 454; Vanagas, 1981, с. 335]) может быть вторичен к *šainytis* – с одной стороны, углублять [LKZ]; с другой, восходит к глаголу *šiėti* [Smoczyński, 2007, с. 635–636]. Последний, по мнению Б. Глива, соотносится с *šėivà* 'катушка, труба' [Gliwa, 2008, с. 55], который ведёт нас к индоевропейскому корню *skēi-* [Pokorny, 1959, с. 919–920]. При этом, его значение определяется одним из ключевых, в нашем исследовании, глаголов – *to cut* '(раз)резать, разделять', который неоднократно встречается при изучении этимологии балтских гидронимов. Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «Шаня» есть углубление, расщелина в земле, вьющаяся, наподобие нити из клубка. Здесь же и славянская огласовка *шаня/сана* от переносного значения *san* 'дракон, ленточный червь' [Derksen, 2015, с. 454], принимая особенность гидронима, заключённую в первоначальном названии.

Шексна́ – левый приток Волги, протекает в Вологодской области. Происхождение неясно, признаёт М. Фасмер, хотя и пытается дежурно предложить термин из финноугорских языков *hähnä* 'дятел', очевидно, что дятел – это птица, а не река. В правильном направлении высказывался А. В. Кузнецов, учитывая упоминание реки, как *Шоксна*, *Шехсна*, *Sosna* и т. п., он высказался о связи с литовским *šaka* 'речной рукав, ответвление' [Кузнецов, 2010, с. 244]. Как раз вариант *Sosna* подсказывает нам балтское происхождение от корня *šėš-* с вокализмом *šàšti* и далее *šāšinti*, *-ina* – паршиветь [LKZ] (см. Шоша).

Шерна – река во Владимирской и Московской областях, левый приток Клязьмы. Гидроним имеет в основе *šernóti* уменьшительное от *šerti*, *šéré* 'бить, хлестать, лить', в том числе и *valgyti* [LKZ]. В литовской гидронимии встречаются тёзки подмосковной Шерны – *Šern-upis* и другие однокоренные названия [Топоров, 1972, с. 257; Smoczyński, 2007, с. 329].

Шоша, приток Волги, протекает по окраине Московской области. Гидроним имеет балтское происхождение, на что указывают многочисленные однокоренные аналоги в Прибалтике [Топоров, 1972, с. 231]. Безусловно, в основе лежит выше рассмотренный корень *šėš-*. И вновь вокализм *šàšti*, *šāšo* 'паршиветь' [LKZ] (возможно, отражённая особенность Шоши – наличие в верхнем течение каменистых гряд).

Шувоя (см. Северка).

Шухорма (см. Пахра).

Шу́я – левый приток реки Нёмды (баасейн Волги), протекает в Костромской области. Имеются одноименные гидронимы в Карелии, Кировской, Вологодской, Ивановской (с топонимом *Шуя*) и Тверской областях. Встречаются реки *Suoja* и *Šuoja* в Паневежском и Утенском уездах Литвы. Предлагается финноугорская этимология из *suja* 'талый, половодье' или *suo* 'болото' [Никонов, 1966, с. 481; Поспелов, 2002, с. 476; Vanagas, 1981, с. 320, 336]. Однако в Литве можно увидеть гидронимы с корнем *Šaun-*,

происхождение которых А. Ванагас соотносит с балтским глаголом *šauti* 'бить, продвигать, бросать, разрезать, изгибаться, коробиться' [Vanagas, 1981, с. 327]. Одной из форм глагола оказывается *šauja* – та самая, которая и объясняет рассматриваемый нами гидроним *Шуя*.

Юг – составляющая Северной Двины. Этимология гидронима может быть связана с балтским глаголом *jaiŭgti (jāugti), -ia* (здесь же и *jauti, jauju*) 'смешивать, приводить в беспорядок, запутать, связывать, вливаться' [Derksen, 2015, с. 207, 210; Smoczyński, 2007, с. 229, 231; LKZ]. В литовской гидронимии отмечаем речные названия с корнем *Jaug-/Jauj-* [Vanagas, 1981, с. 134].

Юза – река в Вологодской области, приток Унжи. В качестве аналогии можно посмотреть на псковскую реку *Уза* (приток Шелони) и литовскую реку *Ūžis* [Vanagas, 1981, с. 356]. В качестве основы А. Ванагас указывает глагол *ūžti, -ė* со значением 'тяжело бежать, течь, распространяться, виться' [LKZ]. С данным глаголом связана и этимология гидронима *Юзга* – приток Мокши, протекает в Мордовии. В этом случае имеем с тем же значением *ūgzi, ūzgė* [LKZ].

Юзга – приток Мокши (см. Юза).

Яхрома (см. Пахра).

3. Выводы [Conclusion]

Изучение гидронимов наглядно показало, что их значения взаимосвязаны и систематизированы. В основе речных названий лежат глаголы настоящего времени единственного числа 3-го лица; имена озёр происходят от глаголов прошедшего времени единственного числа 3-го лица. Кроме значений, определяющих непосредственно движение воды ('лить', 'течь'), во многих названиях рек присутствуют такие глаголы, как *разрывать, раздирать, распадаться, крошить* и т. п. В то же время эти глаголы определяют этимологию слова *river* 'река' и его первоисточник – индоевропейский корень *rei-* [Pokorny, 1959, с. 857–859]. Можно посмотреть и на *русло*, которое наряду с глаголом *течь*, также сопоставляется с понятиями *рыть, рушить, бить, ров* и т. п., т. е. название гидронимов обозначает разлом, разрыв, углубление, исчезновение (под водой) земли и связь берегов водой. Подобное семантическое родство указывает на архаичность гидронимической системы и изучаемых областей, и сопредельных территорий, на которых распространены балтские гидронимы. Все названия рек указывают на вид русла (трещину, рытвину, царапину, борозду в земле и т. п.) и соответствуют ранее выявленному принципу, отражающему «река / русло – поток – движение – образ».

Этимология названий крупных рек центральной России имеет корни в балтской языковой среде, впоследствии подвергшихся финно-угорской и славянской огласовке (литовская и прусская гидронимия тоже представляют огласовку древнебалтских названий рек).

Этимология гидронимов, не хуже генетики и археологии, позволяет выявить миграционные потоки групп населения. Можно предположить, что балтоязычные племена на территорию современной центральной России и далее в Европу шли с северо-востока, впоследствии по данному маршруту проследовали финноугры, славяне же двигались в земли нынешней центральной и северо-западной России с юго-запада.

Список литературы

- Аникин, 2007–2016 – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси (Вып. 1–3, 6), Знак (Вып. 4–5), Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Вып. 7–9), Нестор-История (Вып. 10), 2007–2016.

- Данилов, 2005 – Данилов А. Ю. Которосль: взгляд на топонимическую загадку // Век нынешний, век минувший...: Исторический альманах. Вып. 4 / под ред. А. М. Селиванова, В. П. Федюка, Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль: ЯрГУ, 2005. С. 103–108.
- Кузнецов, 2010 – Кузнецов А. В. Словарь гидронимов Вологодской области. Тотма – Грязовец: Грязовецкая типография, 2010. 290 с., карты.
- Матвеев, 2015 – Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. IV. Топонимия мерянского типа. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 313 с., ил., 21 карта.
- Маштаков, 1913 – Маштаков П. Л. Список рек Днепровского бассейна. С картой и алфавитным указателем. СПб: [Б. и.], 1913. 292 с.
- Никонов, 1966 – Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
- Никонов, 1994 – Никонов В. А. Судогда: Историко-краеведческие очерки. В 2-х кн. Владимир: Областная типография, 1994. 160 с., ил. + 144 с., ил.
- Откупщиков, 2015 – Откупщиков Ю. В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования XVI: сб. науч. тр. М.: Изд-во «Индрик», 2015. С. 83–114.
- Откупщиков, 2006 – Откупщиков Ю. В. Об этимологии гидронима Ловать (Индоевропейское языкознание и классическая филология) // X Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб, 2006. С. 215–219.
- Полубояров, 2010 – Полубояров М. С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. М.: Изд-во ЗАО «ФОН», 2010. 224 с.
- Поспелов, 2002 – Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь: Ок. 5000 единиц. 2-е изд. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2002. 512 с.
- Почиталин, 1987 – Почиталин П. А. Край наш Сасовский // Призыв из Сасова: общественно-политическая районная газета. 1987 (13 июня).
- Судаков, 2007 – Судаков Г. В. О происхождении названий рек Молога и Сить // О Мологском крае: Литературно-исторический сборник. Рыбинск, 2007. С. 43–44.
- ТСРО, 2004 – Топонимический словарь Рязанской области / под ред. А. А. Никольского; Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2004. 296 с.
- Топоров, 1972 – Топоров В. Н. “Baltica” Подмосковья // Балто-славянский сборник. – М.: Наука, 1972. С. 217–280.
- Топоров, 1997 а – Топоров В. Н. Балтийские следы на Верхнем Дону // Балто-славянские исследования 1988–1996. – М.: «Индрик», 1997. С. 311–324.
- Топоров, 1988 – Топоров В. Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья I // Балто-славянские исследования 1986. М.: Наука, 1988. С. 154–177.
- Топоров, 1989 – Топоров В. Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья II // Балто-славянские исследования 1987. М.: Наука, 1989. С. 47–69.
- Топоров, 1997 б – Топоров В. Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья III // Балтославянские исследования 1988–1996. М.: «Индрик», 1997. С. 277–310.
- Топоров, 1991 – Топоров В. Н. Ещё раз о названии Волга // Языкознание. Литературоведение. История. История науки. К 80-летию С. Б. Бернштейна. М.: Наука, 1991. С. 47–62.
- Топоров, 1985 – Топоров В. Н. Из хеттско-лувийской этимологии: теофорное имя Kamḡišera // Этимология 1983. М.: Наука, 1985. С. 146–160.
- Топоров, 1998 – Топоров В. Н. Мифопоэтический образ бобра в балтийско-славянской перспективе: генетическое, ареальное и типологическое // Балто-славянские исследования 1997. М.: «Индрик», 1998. С. 400–539.
- Топоров, 1975–1990 – Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. Т. 1–5. М.: Наука, 1975–1990.
- Топоров, Трубочев, 1962 – Топоров В. Н., Трубочев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 271 с.
- Трубе, 1962 – Трубе Л. Л. Как возникли географические названия Горьковской области. Горький: Книжное изд-во, 1962. 192 с.
- Федченко, 2019 – Федченко О. Д. К вопросу о происхождении гидронимов русского Северо-Запада // Псковский регионологический журнал. 2019. № 3 (39). С. 84–95.
- Халипов, Цоффка, 2008 – Халипов С. Г. О гидронимах Костромского края // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Девятой ежегодной международной научной конференции (10–11 апреля 2007 г.). СПб: РХГА, 2008. С. 283–287.

- Чумакова, 1992 – Чумакова Ю. П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа : Изд. Башкир. ун-та, 1992. 170 с.
- Шилов, Шилова, 2014 – Шилов М. П., Шилова Т. Н. Материалы к потамонимии Заволжского района // XIII Плесские чтения, Плес, 2012. Иваново, 2014. С. 208–218. URL: <http://plyos.org/stat/sb-ples-2014-28.html> (дата обращения : 04.10.2019).
- Buck, 1949 – Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. – Chicago, Illinois, 1949. 1532 p.
- Derksen, 2015 – Derksen, R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Brill. Leiden·Boston, 2015. 684 p.
- Gliwa, 2008 – Gliwa B. Litauiš šėivamedis, šėivą trinti, Lettiš saiva, Finniš käävi // Baltu. Filologija. 2008. Vol. XVII (1/2). P. 41–60.
- Karaliunas, 1970 – Karaliunas S. Lietuviu-latviu etimologijos // Baltistica. 1970. Vol. 6 (2). P. 203–212.
- Lyberis, 2005 – Lyberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. M. : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005. 951 p.
- LKZ, 2005 – Lietuvių kalbos žodynas (Vol. I–XX, 1941–2002). Vilnius : Lietuvių kalbos institutas, 2005. URL : <http://lkz.lt/> (дата обращения : 04.10.2019).
- Mažiulis, 1988–1997 – Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. T. 1–4. Vilnius : Mokslo, Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1988–1997.
- Pokorny, 1959 – Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern & München, 1959. 1183 p.
- Smoczyński, 2007 – Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego (Lietuvių kalbos etimologinis žodynas). Vilnius : Vilniaus universitetas, 2007. 823 p.
- Vanagas, 1981 – Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. ("Etymological Dictionary of Lithuanian Hydronyms"). Vilnius : "Mokslas", 1981. 408 p.
- Villanueva Svensson, 2012 – Villanueva Svensson M. The origin of the type Lith. bliáuti, bliáuja, Latv. bļāūt, bļāuju in a Balto-Slavic perspective // Baltistica. 2012. Vol. XLVI (2). – Vilnius : Vilnius University Press. P. 201–223.

UDC 81.373.21

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_104_127

Oleg D. Fedchenko
Independent researcher
Bryansk, Russian Federation
 vukby@yandex.ru

Baltic Hydronymy of Central Russia

Abstract

The article presents the linguistic analysis of hydronyms of the Central Russia. The origin is considered of the names of large rivers (more than 100 km long) from the Moscow, Kaluga, Oryol, Yaroslavl, Ivanovo, Vladimir, Ryazan, Kostroma, Tver, Nizhny Novgorod, Vologda regions. The systematization of hydronyms that appeared in the Baltic language environment was carried out. The results indicate that the names of the rivers have an etymology associated with such concepts as a river, channel, stream. The basis for river names are verbs in Present Tense, third person singular, while the lake names stem from verbs in Past Tense, third person singular. It was also discovered that in modern river names, Slavic and Finno-Ugric vowels of the Baltic hydronyms are very common. The suggested approach helps accurately localize the settlements of Slavic and Finno-Ugric tribes in space as well as time. At the same time, the range of Baltic hydronyms turned out wider than it had been expected. The obtained results enable to clarify the archaeological and historical aspects of the life of ancient people in the Central Russia.

Keywords: hydronyms, etymology, Moscow, Baltism, Volga, Oka, Golden Ring.

© Fedchenko O. D. 2020

References

- Anikin, A. E. (2007). *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Vol. 1–10. Moscow.
- Danilov, A. Yu. (2005). Kotorosl': vzglyad na toponimicheskuyu zagadku [Kotorosl': A look at the toponymic riddle]. *Vek nyneshniy, vek minuvshiy...*: Istoricheskiy al'manakh. [This century, the past century...: Historical almanac] (Vol. 4, pp. 103–108). Yaroslavl: Yaroslavl State University Press.
- Kuznetsov, A. V. (2010). *Slovar' gidronimov Vologodskoy oblasti* [Dictionary of hydronyms of the Vologda Region]. Tot'ma – Griazovets: Griazovets Publishing House.
- Matveev, A. K. (2015). *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa. IV. Toponimiya merianskogo tipa* [Substrate toponymy of the Russian North. Merya toponymy]. Ekaterinburg: Ural University Press.
- Mashtakov, P. L. (1913). *Spisok rek Dneprovskogo basseyna* [List of the Dnieper basin rivers]. Saint-Petersburg: [S. n].
- Nikonov, V. A. (1966). *Kratkiy toponimicheskii slovar'* [A brief toponymic dictionary]. Moscow: Mysl' Press.
- Nikonov, V. M. (1994). *Sudogda: Istoriko-kraevedcheskie ocherki* [Sudogda: Historical and local history essays]. Vladimir: Oblast Press.
- Otkupshchikov, Yu. V. (2015). Drevnyaya gidronimiya v basseyne Oki [Ancient hydronymy in the Oka basin]. *Balto-slavyanskii issledovaniya XVI* [Balto-Slavic studies XVI]. Collection of scientific papers (pp. 83–114). Moscow: Indrik Press.
- Otkupshchikov, Yu. V. (2006). *Ob etimologii gidronima Lovat'* [About the etymology of the hydronym Lovat]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. X Materialy chteniy, posvyashchennykh pamyati professora I. M. Tronskogo* [Indo-European linguistics and classical philology. X Reading materials on the memory of Professor I. M. Tronsky] (pp. 215–219). Saint-Petersburg.
- Poluboyarov, M. S. (2010). *Drevnosti Penzenskogo kraya v zerkale toponimiki* [Antiquities of the Penza region in the mirror of toponymy]. Penza.
- Pospelov, E. M. (2002). *Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskii slovar'* [Geographic names of the world: Toponymic dictionary]. Moscow: AST.
- Pochitalin, P. A. (1993). *Kray nash Sasovskiy* [Our land Sasovsky]. Retrieved October 4, 2019 from <<https://62info.ru/history/node/15291>>.
- Sudakov, G. V. (2007). *O proiskhozhdenii nazvaniy rek Mologa i Sit'* [On the origin of the rivers' names Mologa and Sit']. *O Mologskom krae: Literaturno-istoricheskiy sbornik* [About the Mologda Territory: Literary and historical collection] (pp. 43–44). Rybinsk.
- Nikolskiy, A. (Ed.), (2004). *Toponimicheskii slovar' Rjazanskoj oblasti* [Toponymic dictionary of the Ryazan region]. Ryazan. (TSRO).
- Toporov, V. N. (1972). "Baltica" Podmoskov'ya ["Baltica" of Moscow Region]. *Balto-slavyanskiy sbornik* [Balto-Slavic collection] (pp. 217–280). Moscow.
- Toporov, V. N. (1997 a). Baltiyskie sledy na Verhnem Donu [Baltic traces on the Upper Don]. *Balto-slavyanskii issledovaniya 1988–1996* [Balto-Slavic studies 1988–1996] (pp. 311–324). Moscow: Nauka Press.
- Toporov, V. N. (1988). Baltiyskiy element v gidronimii Pooch'ya I [Baltic elements in the hydronymics of the Oka basin I]. *Balto-slavyanskii issledovaniya 1986* [Balto-Slavic studies 1986] (pp. 154–177). Moscow: Nauka Press.
- Toporov, V. N. (1989). Baltiyskiy element v gidronimii Pooch'ya II [Baltic elements in the hydronymics of the Oka basin II]. *Balto-slavyanskii issledovaniya 1987* [Balto-Slavic studies 1987] (pp. 47–69). Moscow: Nauka Press.

- Toporov, V. N. (1997 b). Baltiyskiy element v gidronimii Pooch'ya III [Baltic elements in the hydronymics of the Oka river basin III]. *Balto-slavyanskije issledovaniya 1988–1996* [Balto-Slavic studies 1988–1996] (pp. 276–310). Moscow : Nauka Press.
- Toporov, V. N. (1991). Eshche raz o nazvanii Volga [Once again about the name Volga]. *Yazykoznanie. Literaturovedenie. Istorija. Istorija nauki. K 80-letiyu S. B. Bernshteyna* [Linguistics. Literary criticism. Story. History of science. To the 80th anniversary of S. B. Bernshtein] (pp. 47–62). Moscow : Nauka Press.
- Toporov, V. N. (1985). Iz khettsko-luviyskoy etimologii: teofornoe imya Kamrušepa [From the Hittite-Luvian etymology: the theophoric name Kamrušepa]. *Etimologiya, 1983* [Etymology, 1983] (pp. 146–160). Moscow : Nauka Press.
- Toporov, V. N. (1998). Mifopoeticheskiy obraz bobra v baltiysko-slavyanskoy perspektive: geneticheskoe, areal'noe i tipologicheskoe [Mythopoeitic image of a beaver in the Baltic-Slavic perspective: genetic, areal and typological]. *Balto-slavyanskije issledovaniya. 1997* [Balto-Slavic studies 1997] (pp. 400–539). Moscow : Nauka Press.
- Toporov, V. N. (1975–1990). *Prusskiy yazyk. Slovar'* [The Prussian language. Dictionary]. Moscow : Nauka Press.
- Toporov, V. N. Trubachev, O. N., (1962). *Lingvisticheskiy analiz gidronimov Verkhnego Podneprov'ya* [Linguistic analysis of the Upper Dnieper region hydronyms]. Moscow : AN SSSR Press.
- Trube, L. L. (1962). *Kak vznikli geograficheskie nazvaniya Gor'kovskoy oblasti* [How did the geographical names of the Gorky region arise]. Gorkiy : Knizhnoe Press.
- Fedchenko, O. D. (2019). *K voprosu o proiskhozhdenii gidronimov russkogo Severo-Zapada* [On the Origin of the Hydronyms of the Russian North-West]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal* [Pskov Regional Journal], 39, 84–95.
- Halipov, S. G., Coffka, V. V. (2008). O gidronimakh Kostromskogo kraja [On the hydronyms of the Kostroma Territory]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy : Materialy Devyatoy ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [St. Petersburg and the Nordic countries : Proceedings of the Ninth Annual International Scientific Conference] (pp. 283–287). Saint-Petersburg.
- Chumakova, Ju. P. (1992). *Rasselenie slavyan v Srednem (Ryazanskom) Pooch'e po lingvisticheskim i istoricheskim dannym* [Resettlement of the Slavs in Middle (Ryazan) Pooch'e according to linguistic and historical data]. Ufa : Bashkir State University Press.
- Shilov, M. P., Shilova, T. N. (2014). Materialy k potamonimii Zavolzhskogo rayona [Materials for the Potamonymy of the Zavolzhsky District]. *XIII Plesskie chteniya* [XIII Plesnkie readings] (pp. 208–218). Retrieved October 4, 2019 from <http://plyos.org/stat/sb-ples-2014-28.html>.
- Buck, C. D. (1942). *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*. Chicago : Illinois.
- Derksen, R. (2015). *Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon*. Brill. Leiden. Boston.
- Gliwa, B. (2008). Litauisch šėivamedis, šėivą trinti, Lettisch saiva, Finnisch käävi. Baltu. *Filologija*, Vol. XVII (1/2), 41–60.
- Karaliunas, S. (1970). Lietuviu-latviu etimologijos. *Baltistica*, Vol. 6 (2), 203–212.
- Lyberis, A. (2005). *Lietuvių-rusų kalbų žodynas*. Moscow : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. *Lietuvių kalbos žodynas* (t. I–XX, 1941–2002). Vilnius : Lietuvių kalbos institutas, 2005. Retrieved April 4, 2020 from URL: <http://lkz.lt/>. (LKZ).
- Mažiulis, V. (1988–1997). *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*. Vol. 1–4. Vilnius : Mokslo, Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
- Pokorny, J. (1959). *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. Bern & München.
- Smoczyński, W. (2007). *Słownik etymologiczny języka litewskiego* (Lietuvių kalbos etimologinis žodynas). Vilnius : Vilniaus universitetas.
- Vanagas, A. (1981). *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. ("Etymological Dictionary of Lithuanian Hydronyms"). Vilnius : Mokslo.
- Villanueva Svensson, M. (2012). The origin of the type Lith. bliáuti, bliáuja, Latv. bļáūt, bļáuju in a Balto-Slavic perspective. *Baltistica XLVI* (2) (pp. 201–223). Vilnius : Vilnius University Press.

Филиппова Айяна Александровна
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
г. Якутск, Российская Федерация
fiayalex11@yandex.ru

Способы терминообразования в сфере местного самоуправления на якутском языке

Аннотация

В данной статье рассмотрены терминообразующие аффиксы якутского языка. Предметом исследования служат способы образования терминов и терминосочетаний, формирующих законодательные базы местного самоуправления на якутском языке. Материалом исследования послужили тексты трёх законодательных актов местного самоуправления, переведённых на якутский язык – от 1997 года, а также 2002 и 2004 гг., – изданных в приложении «Якутские ведомости» республиканской газеты «Якутия». На начальном этапе исследовательской работы произведена выборка терминологического материала (около 257 терминов и терминосочетаний). Далее, с помощью лексико-семантического и лексико-грамматического методов исследования найденные терминологические единицы были сгруппированы в зависимости от способа образования, в каждой группе было подсчитано получившееся количество составляющих. Полученные результаты указывают на преобладание составных терминов над простыми. Кроме того, выявлено преобладание морфемно-аффиксального способа терминообразования над синтаксическим. Исследование показало, что, несмотря на наличие немалого количества заимствований и калькирования, якутский язык обладает реальными и потенциальными терминообразующими средствами.

Ключевые слова: термины, терминотворчество, якутский язык, местное самоуправление, закон, дериватология, аффиксы.

© Филиппова А. А. 2020

1. Введение [Introduction]

«Язык саха наряду с русским языком имеет статус государственного языка, что создаёт благоприятные условия для сбалансированного функционирования в республике двух государственных языков» [Гринев, 1995, с. 5]. Изучение терминологии является самым популярным направлением в исследованиях якутского языка. Пожалуй, наиболее остро стоит проблема терминологии законодательных актов местного самоуправления в связи с многозначностью и синонимией терминов, недостаточной дифференцированностью словообразовательных аффиксов. «Поэтому на современном этапе функционирования якутского языка как государственного приобретают актуальность способы терминологизации общеупотребительных слов. Ведущими из них являются дериватологические, синтагматические, лексико-семантические и заимствованные образования» [Быганова, 1996, с. 2]. Актуальность исследования также обусловлена необходимостью упорядочения терминов местного самоуправления и создания словника терминов по местному самоуправлению.

Основная цель – определить терминообразующие средства в якутском языке на примере материалов переводных законодательных актов местного самоуправления. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1) ознакомление с терминографическими источниками якутского языка, историей и теорией терминологии;

2) выявление основных способов образования якутских терминов местного самоуправления;

3) составление словника терминов местного самоуправления.

Для достижения данных задач были изучены литературные источники по терминологии якутского языка, рассмотрены работы ведущего якутского терминографа Е. И. Оконешникова, а также диссертации других учёных, специализирующихся в области терминологии, в том числе Ю. М. Борисовой, К. М. Мусаевой.

Как пишет известный исследователь терминологии якутского языка Л. А. Афанасьев [Афанасьев, 2014, с. 24], официально-деловой стиль начал формироваться в 30-е годы, но к 70-м годам данный стиль стал рассматриваться только как средство перевода, что послужило причиной снижения его качества. Также язык законов, деловых бумаг в якутском языке долгое время не рассматривался исследователями. Но в настоящее время данному стилю уделяется особое внимание, т. к. необходимо разрабатывать специальные термины для языка законов, чтобы официально-деловой стиль якутского языка приобрёл все свойства, признаки функционального стиля.

В Республике Саха (Якутия) деловая документация (законы, постановления, указы, приказы и т. д.) изначально составляется на русском языке, только затем переводится на якутский язык (= язык саха – от самоназвания «саха тыла»). Делопроизводство на языке саха фактически не обладает статусом «официальных рабочих документов, поскольку в практике управленческой деятельности реально руководствуются русскими текстами» [Борисова, 2018].

В данном законе терминологическая лексика местного самоуправления передана на якутский язык различными способами перевода. С лексической точки зрения при переводе терминов возможны две основные ситуации – когда в языке перевода существуют эквиваленты термина русского языка, зафиксированные в законе, и когда такие эквиваленты отсутствуют. Как отмечает В. В. Дубичинский, «Основным содержанием переводной лексикографии является описание языковых единиц одного языка при помощи другого. Переводная лексикография призвана устанавливать эквивалентные отношения между элементами различных языков» [Дубичинский, 2009]. Учитывая вышесказанное, была выдвинута следующая гипотеза. Среди терминообразующих ресурсов языка особое место занимают аффиксальные способы терминообразования. Отчасти это происходит из-за влияния русской терминологии, ведущего к повышению доли деривационного терминообразования и к универсализации терминообразующих аффиксов. Вместе с тем, ожидается немалая продуктивность и синтаксического способа образования терминов. Для проверки данной гипотезы был проанализирован терминологический материал.

2. Образование терминов в сфере самоуправления [Term forming in the sphere of local governing]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В данной статье материалом исследования послужили тексты следующих законодательных актов, переведенных на якутский язык: Закон Республики Саха (Якутия) «О местном самоуправлении в Республике Саха (Якутия)» от 27 ноября 1997 года, Закон Республики Саха (Якутия) «О внесении изменений и дополнений в закон РС (Я) «О местном самоуправлении в Республике Саха (Якутия)» от 10 июля 2002 года, Закон Республики Саха (Якутия) «О местном самоуправлении в Республике Саха (Якутия)» от 30 ноября 2004 г., изданные в приложении «Якутские ведомости» республиканской газеты «Якутия». Из материала методом сплошной выборки были отобраны 257 терминов и терминосокращений. Термины местного самоуправления были классифицированы по

двум признакам: количество компонентов и способ образования. С одной стороны, все термины были разделены на две группы – простые (однокомпонентные = однословные) и составные (два и более компонента). Параллельно найденные термины были разделены на те, которые образованы морфемно-аффиксальным способом и те, которые получены синтаксическим способом. В следующем разделе представлены описания полученных групп и подгрупп.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Простые и составные терминологические единицы [Complex and compound terms]

К простым терминам были отнесены следующие: *дьяһалта* 'администрация', *акт*, *баан* 'банк', *бланк*, *туруоруу* 'выдвижение', *мэктиэ* 'гарантия', *куолас* 'голос', *дуогабар* 'договор', *депутат*, *убулээхин* 'дотация', *дуоһунас* 'должность', *демократия*, *солбуйааччы* 'заместитель', *мунных* 'заседание', *хамнас* 'заработная плата', *сайабылыанья* 'заявление', *сокуон* 'закон', *сокуон* 'законодательство', *сокуоннас* 'законность', *ороскуот* 'затраты', *заем* 'займ', *ирдээччи* 'истец', *капитал*, *квартал*, *комиссия*, *суруйсуу* 'корреспонденция', *комитет*. Всего 73 примера. Остальные термины оказались составными с разным количеством компонентов. Ниже приведены примеры по подгруппам указанной группы. Из 19 приведённых здесь примеров 8 было заимствовано без какой-либо адаптации (см. термины, указанные без перевода)

Составные термины были разделены на несколько подгрупп.

Состоящие из двух компонентов: *салалта аппарата* 'аппарат управления', *арбитражной суут* 'арбитражный суд', *дьяһалта эппиэтинэһигэр* 'административная ответственность', *тупсаран онгоруу* 'благоустройство', *суктэриллитбит эбээһинэс* 'возложенные обязанности', *талар бырааптаах* 'вправе избирать', *государственной былаас* 'государственная власть', *харчыны ытыты* 'денежный перевод', *хос предприятие-лар* 'дочерние предприятия', *дуоһунастаах киһи* 'должностное лицо', *болдьобун иннинэ* 'досрочно', *сир баайа* 'земельные ресурсы', *хаһаас сир* 'земли запаса', *сокуоннай күүстээхтэр* 'имеют юридическую силу', *талыллар органнар* 'избираемые органы', *дьяһаллары таһаарар* 'издаёт распоряжения', *конституционнай тутул* 'конституционный строй', *идэ таһыма* 'квалификация', *коллегиальной орган* 'коллегиальный орган', *олохтоох салайыны* 'местное самоуправление'. Всего 42 примера.

Состоящие из трёх компонентов: *олохтоох суолталаах боппуруос* 'вопросы местного значения', *валюта фондатын үбэ* 'валютный фонд', *муниципальной тэриллии баһылыга* 'глава муниципального образования', *улуустаабы суолталаах куорат* 'город улусного значения', *республикатаабы суолталаах куорат* 'город республиканского значения', *Государственной Мунных (Ил Түмэн)* 'Государственное Собрание (Ил Түмэн)', *олохтоох салайыны депутаттарын* 'депутатов местного самоуправления', *нэһилиэнньэлээх пууннар сирдэрэ* 'земли населенных пунктов', *ойуур фондатын сирэ* 'земли лесного фонда'. Всего 21 пример.

Состоящие из четырёх и более компонентов: *сири-уоту тупсаран онгоруу* 'благоустройство территории', *олох-дьаһах уонна эргиэн өнгөтө* 'бытовое и торговое обслуживание', *куорат уонна тыа сирин сэлиэнньэлэригэр* 'в городских и сельских поселениях', *республикатаабы суолталаах куораттар куорат иьинээби сирдэригэр-уоттарыгар* 'внутригородских территориях городов республиканского значения', *олохтоох салайыны быыбарданар дуоһунастаах киһитэ* 'выборное должностное лицо местного самоуправления', *боппуруостары киллэрии уонна керүү* 'внесение и рассмотрение вопросов', *сир-уот уонна дьяһалта тэриллиилэригэр* 'в административно-территориальных единицах'. Всего 15 примеров.

2.2.2. Термины образованные морфологическим и синтаксическим способами

Далее рассмотрим группировку в зависимости от способа образования. Итак, в якутском языке одним из функционирующих способов является морфологический способ. Всего морфологическим способом в исследуемом материале образованы 80 терминологических единиц (термины и терминосочетания) местного самоуправления. Из них 41 единица образована по 13 моделям, зафиксированным Е. И. Оконешниковым.

(1) **Модель глагольная основа (первичная, залоговая и видовая) + афф. -ыы (-ии, -уу, -үү):** Суруйсуу 'корреспонденция', идэни үрдэтии 'переподготовка', идэни уларытыы 'переквалификация', пенсиянан хааччыйыы 'пенсионное обеспечение', уларытан тэрийии 'реорганизация', туруоруу 'выдвижение', чэпчэтии 'льгота', туһаныы 'пользование', ынырыы 'созыв', суруйсуу 'корреспонденция', бас билии 'собственность'.

(2) **Модель глагольная основа + афф. -ааһын (-ээһин, -ооһун, -өөһүн):** тулалыыр айылҕаны харыстааһын 'охрана окружающей среды', общественной бэрээдэги харыстааһын 'охрана общественного порядка', прокурор эттуттэн кэтээн көрөөһүн 'прокурорский надзор', бырааптарын суутунан көмүскээһин 'судебная защита', сири инвентаризациялааһын 'инвентаризация земель', убулээһин 'дотация', кииннээһин 'централизация'.

(3) **Модель глагольная основа + афф. -ааччы (-ээччи, -ооччу, -өөччү):** солбуйааччы 'заместитель', салайааччы 'руководитель', ирдээччи 'истец', эппиэттээччи 'ответчик'.

(4) **Модель глагольная основа + афф. -к/-ык:** холбоһук 'сообщество'.

(5) **Модель глагольная основа + афф. -х:** болдьох 'срок'; күрэх 'конкурс'.

(6) **Модель глагольная основа + афф. -ат, -аат, -аах, -аас:** уураах 'постановление'; ыйаах 'указ'.

(7) **Модель глагольная основа + афф. -с:** хамнас 'заработная плата'.

(8) **Модель глагольная основа + афф. -лта (-лтэ):** дьаһалта 'администрация'; тэрилтэ 'организация'; көмөлтө үп 'субвенция'; салалта 'управление'.

(9) **Модель глагольная основа + афф. -мта (-мтэ):** бэйэмтэ 'субъект'; барымта 'объект'.

(10) **Модель глагольная основа + афф. -мньы (-мньи, -мньу, -мньү):** хоромньу 'ущерб'.

(11) **Модель глагольная основа + афф. -ах:** мунньах 'заседание'.

(12) **Модель глагольная основа + афф. -ыыр:** хомуур 'сбор'.

(13) **Модель глагольная основа + афф. -быр:** төлөбүр 'платёж'.

Кроме этих моделей, были обнаружены модели с шестью аффиксами, не зафиксированными у Е. И. Оконешникова. Таких оказалось 39 терминов и терминосочетаний местного самоуправления:

(1) **-лаах (-лээх, -лоох, -лөөх):** олохтоох үп 'местные финансы', олохтоох референдум 'местный референдум', муниципальной тэриллии сириин табыгастаахтык туһаныы 'рациональное использование земель муниципального образования', нэһилиэнньэ талар бэрэстэбиитэллээх органнара 'представительные органы, избираемые органы';

(2) **-лар:** муниципальной сулууспалаахтар 'муниципальные служащие', хонтуруолу олохтуулар 'осуществляют контроль', таллылар органнар 'избираемые органы', муниципальной тэриллии устааптарыгар 'уставами муниципальных образований', микрооройуоннар 'микрорайоны';

(3) **-а, -та:** үп ресурсата 'финансовые ресурсы', депутат анал туруга 'статус депутата', идэ таһыма 'квалификация';

(4) **-ай (-эй):** материальной үп ресурсалара 'материальные ресурсы', социальный халыып 'социальный стандарт', муниципальной быыбар 'муниципальные выборы',

государственной былаас 'государственная власть', *коллегиальной* орган 'коллегиальный орган';

(5) *-скай*: *сир-уот биир кэлим социальной-экономической сайдыыта* 'комплексное социально-экономическое развитие', *юридической* 'юридических лиц', *Российской Федерация* 'Российская Федерация';

(6) *-таабы*: *нэбилиэннээ сирдээби-уоттаабы общественной салайыныыта* 'территориальное общественное самоуправление населения', *улуустаабы суолталаах куорат* 'город улусного значения', *республикатаабы суолталаах куорат* 'город республиканского значения'.

В якутском терминообразовании синтаксический способ является самым плодотворным способом словообразования. Синтаксический способ делится на две разновидности: 1) лексико-синтаксический; 2) морфолого-синтаксический.

Е. И. Оконешников в своей работе выделяет 3 разновидности терминологической синтагматики: а) сложные термины; б) составные термины; в) слова-термины, состоящие из трёх и более слов.

В экспериментальном материале зафиксировано 26 терминов, образованных морфолого-синтаксическим способом.

Образование **сложных терминов** данным способом происходило по следующим моделям.

Модель Сущ.+Сущ. (существительное+существительное) типа *барыс үп* 'дивиденд'. К данному типу моделей относим сложные термины, имеющие в своем составе производные компоненты: *бас билии* 'собственность'.

Модель Деепр. + Сущ. на -ааһын, -ааччы, -ыы (деепричастие+произвольные существительные на -ааһын..., -эһин..., -ын...) типа *тупсаран оҥоруу* 'благоустройство', *уларытан тэрийи* 'реорганизация'.

Существительное в винительном падеже + причастие типа *сокуоннай күүст-ээхтэр* 'имеет юридическую силу', *уураахтары ылынар* 'принимает постановления', *быһаарыыларын ылынар* 'принимает решения'.

Составные термины. Слова-термины, относящиеся к типу относительно устойчивых словосочетаний, Е. И. Оконешников выделяет в особую группу под названием составные термины. Они состоят, так же, как и сложные термины, из двух компонентов, застывших некогда свободных словосочетаний.

Модель Сущ. + Сущ. (существительное + существительное) типа *сир баайа* 'земельные ресурсы'.

Модель Прил. + Сущ. (прилагательное + существительное) типа *арбитражной суут* 'арбитражный суд', *дуоһунастаах кийи* 'должностное лицо', *государственной былаас* 'государственная власть', *конституционной тутул* 'конституционный строй', *коллегиальной орган* 'коллегиальный орган', *олохтоох үп* 'местные финансы', *олохтоох референдум* 'местный референдум', *муниципальной быыбар* 'муниципальные выборы', *муниципальной бас билии* 'муниципальная собственность', *муниципальной сулууспа* 'муниципальная служба', *муниципальной тэриллии* 'муниципальное образование', *социальной халыып* 'социальные стандарты', *орто хамнас* 'среднемесячная заработная плата', *сыаналаах кумаабылар* 'ценные бумаги', *хаһаас сир* 'земли запаса'.

Терминологические образования с аффиксом *-ыы* достаточно многочисленны их моделиобразующие возможности также широки.

Модель Вин.п. + Сущ. на -ыы (винительный падеж + существительные на -ыы...) типа *идэни үрдэтии* 'переподготовка', *идэни уларытыы* 'переквалификация'.

Модель Тв. п. + Сущ. на -ыы (творительный падеж + существительные на -ыы...) типа *пенсиянан хааччыйыы* 'пенсионное обеспечение'.

Терминообразующая модель с производным существительным на *-ааһын* используется в языке саха далеко недостаточно.

Модель Вин. п. + Сущ. на -ааһын (винительный падеж + существительные на -ааһын...) типа *сири инвентаризациялааһын* 'инвентаризация земель'.

Слова-термины, состоящие из трёх и более слов, в экспериментальном материале не зафиксированы.

Как видно из приведённых примеров, некоторые термины местного самоуправления в якутском языке образованы на базе собственных ресурсов якутского литературного языка и являются протерминами. Из 257 исследованных терминов 26 терминов являются протерминами.

Практическим применением полученных результатов стала разработка словника терминов по местному самоуправлению. Главным принципом формирования словника была его ориентированность на адресата: для работников местного самоуправления и тех, кто интересуется терминологией якутского языка вообще и в данной сфере – в частности. Выборка терминов словника местного самоуправления производилась, в основном, из общественно-политических источников. Это периодическая печать и другие средства массовой информации (телевидение, радио, интернет), научно-популярные статьи, публицистика, учебная литература, словари. Основным критерий подбора словника – это принцип актуальности. Словник относится к переводно-инвентаризационному типу словарей и состоит из двух уровней: первый – это заглавная единица (т. е. словник словаря), второй – перевод, т. е. приведение различными средствами эквивалентов во входном языке (на языке саха). В словник вошли 212 терминов и терминосоchetаний местного самоуправления, организованных в алфавитном порядке.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование даёт основания заключить, что основными способами образования терминов местного самоуправления в якутском языке являются заимствование, калькирование и производство терминов словообразовательными средствами языка-реципиента. В образовании терминов и терминосоchetаний, формирующих законодательные базы местного самоуправления на якутском языке, задействованы все терминообразующие средства, существующие в якутском языке. При этом, 26 из 257 терминов являются протерминами.

В ходе исследования выяснилось, что, во-первых, в материале составные термины преобладают над простыми. Во-вторых, выявлены 19 моделей морфемно-аффиксального терминообразования (в том числе 6 моделей, которые ранее не были зафиксированы у Е. И. Оконешникова) и 3 модели синтаксического способа. Самым употребляемым способом оказалось морфемно-аффиксальное терминообразование.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что якутский язык обладает реальными и потенциальными терминообразующими средствами, которые надлежит использовать для образования терминов не только в сфере местного самоуправления, но и в других отраслях. Конечным продуктом данного исследования стал словник терминов по местному самоуправлению. Аналогичные словники могут быть предложены для систематизации терминов в других областях деятельности.

Список литературы

- Афанасьев, 2014 – Афанасьев Л. А. Терминологическая работа в якутском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. I. С. 24–26.

- Борисова, 2018 – Борисова Ю. М. О терминологизации диалектной лексики языка саха в лексикографических материалах 1930–40-х годах // *Коренные народы Якутии: территориальные и культурные диалекты*. Якутск: ИГИ и ПМНС СО РАН, 2018. С. 78–80.
- Быганова, 1996 – Быганова В. И. Якутская терминология (этапы становления): автореферат дис. ... канд. филол. наук 10.02.06. / Быганова Вера Ивановна; Ин-т гуманитар. исслед. АН РС(Я). Якутск, 1996. 21 с.
- Гринев, 1995 – Гринев С. В. Введение в терминографию. М.: МПУ, 1995.
- Дубичинский, 2009 – Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М.: Наука, Флинта, 2009. С. 97–121.
- Егорова, 2003 – Егорова В. И. Официально-деловой стиль в системе функциональных стилей языка саха // *Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия): Актуальные проблемы*. Новосибирск: Наука. 2003. С. 172–178.
- Мусаев, 2000 – Мусаев К. М. Проблемы формирования и развития терминологии на языках народов РФ // *Формирование терминологии на титульных языках республик РФ и СНГ*. М, 2000. С. 3–34.
- Оконешников, 2004 – Оконешиников Е. И. Лингвистические аспекты терминологии языка саха (на материале общей и отраслевой лексикографии). Якутск: ЯФ СО РАН, 2004. 196 с.
- Оконешников, 2015 – Оконешиников Е. И. Язык саха: проблемы лексикографии и терминографии. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2015. 210 с.
- Якутские ведомости, 1997 – Якутские ведомости. Приложение к газете «Якутия». № 42 (225) 20 декабря 1997.

UDC 811.512.157

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_128_135

Ayyana A. Filippova
North-Eastern Federal University n.a. M.K.Ammosov
Yakutsk, Russian Federation
fiayalex11@yandex.ru

Term-building patterns in the Yakut language in the Sphere of local governing

Abstract

This article discusses the term-forming affixes of the Yakut language. The focus is made on the Yakut ways of forming the terminological units that build the legislative framework for the local governing system. 3 legislative acts of local government (1997, 2002, 2004), translated from Russian into Yakut and published in the Appendix “Yakutskiye Vedomosti” of the republican newspaper “Yakutia” comprised the material for this study. At the initial stage of the research, a selection of terminological material was made (about 257 terms and term combinations). Then, lexical-semantic, lexico-grammatical methods were used to group the selected tokens in accordance with term-forming patterns. The obtained results enabled to demonstrate higher frequency of compound terminological units compared to one-word tokens. Another finding was higher occurrence of complex terms (with derivation affixes) as opposed to compound (syntactic-based) patterns. The research has also demonstrated that despite a considerable number of borrowed terms, the Yakut language has a real potential of purely Yakut means of word-building to create the necessary terms.

Keywords: terms, term-creation, the Yakut language, local government, law, derivatology, affixes.

References

- Afanas'ev, L. A. (2014). Terminologicheskaya rabota v yakutskom yazyke [Terminological work in the Yakut language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice]. № 4 (34), Part. I, 24–26
- Borisova, Yu. M. (2018). *O terminologizatsii dialektnoy leksiki yazyka sakha v leksikograficheskikh materialakh 1930-40-kh godakh* [On the dialect vocabulary terminization of the Sakha language on the lexicographic materials of the 1930s and 40s]. *Korennyye narody Yakutii: territorial'nye i kul'turnye dialekty* [Indigenous peoples of Yakutia: territorial and cultural dialects] (pp. 78–80). Yakutsk : The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North.
- Byganova, V. I. (1996). Yakutskaya terminologiya (etapy stanovleniya) [Yakut terminology (stages of formation)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Yakutsk : The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North.
- Grinev, S. V. (1995). *Vvedenie v terminografiyu* [Introduction to terminography]. Moscow : Moscow Pedagogical University.
- Dubichinskiy, V. V. (2009). *Leksikografiya russkogo yazyka: ucheb. Posobie* [Lexicography of the Russian language: coursebook.]. Moscow : Nauka Press, Flinta Press.
- Egorova, V. I. (2003). Ofitsial'no-delovoy stil' v sisteme funktsional'nykh stiley yazyka Sakha [The official style in the system of the Sakha language functional styles]. *Sovremennyye yazykovyye protsessy v Respublike Sakha (Yakutiya): Aktual'nye problem* [Modern language processes in the Republic of Sakha (Yakutia): Actual problems]. Novosibirsk : Nauka Press.
- Musaev, K. M. (2000). Problemy formirovaniya i razvitiya terminologii na yazykakh narodov RF [Formation and development problems of terminology in the indigenous languages of the Russian Federation]. *Formirovanie terminologii na titul'nykh yazykakh respublik RF i SNG* [Terminology formation of in the dominant languages of the Russian Federation republics and the CIS]. Moscow.
- Okoneshnikov, E. I. (2004). *Lingvisticheskie aspekty terminologii yazyka sakha (na materiale obshchey i otraslevoy leksikografii)* [Linguistic aspects of Sakha terminology (based on general and industry lexicography)]. Yakutsk : Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
- Okoneshnikov, E. I. (2015). *Yazyk sakha: problemy leksikografii i terminografii* [Sakha: problems of lexicography and terminography]. Yakutsk : The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North.
- Yakutskie vedomosti. (1997). *Yakutskie vedomosti. Prilozhenie k gazete "Yakutiya"* [Yakutsk journal. Appendix to the newspaper "Yakutia"], 42 (225).

Хань Юфэн

**Научно-исследовательский институт по межнациональным отношениям
г. Харбин, КНР**

Мэн Шусянь

**Департамент по национальным вопросам этнических меньшинств
Провинция Хэйлунцзян, КНР
mahayer_111@sina.com**

**Морозова Ольга Николаевна, Иванашко Юлия Петровна,
Процукович Елена Александровна, Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
morozova_olga06@mail.ru, polia-80@mail.ru, amursea@mail.ru, androsova_@mail.ru**

Булатова Надежда Яковлевна

**Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
bulatovany@gmail.com**

Сопоставительные характеристики категорий залога и вида глагола в ороchonском и эвенкийском языках

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты анализа грамматических категорий глагола (залог, вид) ороchonского языка; рассматриваются их значения и способы образования. Сопоставление полученных данных со сведениями об аналогичных грамматических категориях глагола эвенкийского языка, представленных в научной литературе, обнаруживает близость грамматических систем двух генетически схожих языков. Анализ категории залога демонстрирует совпадение их видов в большинстве случаев. Возвратный залог, ранее не описанный для ороchonского языка, в нём, согласно нашим полевым материалам, всё же присутствует. Грамматическая категория залога в сопоставляемых языках имеет аффиксальное выражение, при этом формы аффиксов полностью совпадают в большинстве случаев. Исключение составили побудительный и совместный залогов – в аффиксах, их образующих, наблюдается чередование согласных и гласных фонем. Видовая категория глагола демонстрирует несовпадение количества её форм в двух языках. Соответствие по значению и способу образования обнаруживают пять разновидностей данной категории глагола сопоставляемых языков. Тем не менее, в каждом из них представлены видовые формы, не имеющие соответствия по значению в другом языке. Аффиксы совпадающих видовых форм в большинстве случаев обнаруживают абсолютную корреляцию. Однако в некоторых формах происходит чередование фонем аффиксов подобное тому, что было отмечено в ходе изучения грамматической категории залога. Наконец, обращает на себя внимание большее количество аффиксов, строящих указанные глагольные формы, в эвенкийском языке по сравнению с аналогичными или сопоставимыми формами в ороchonском.

Ключевые слова: ороchonский язык, эвенкийский язык, грамматика, морфология, глагол, категория залога, категория вида.

1. Введение [Introduction]

Настоящее исследование является частью научной работы коллектива авторов, занимающихся изучением парадигматики и синтагматики языка ороchonов. На предшествующем этапе был осуществлен анализ грамматических категорий имени существительного (числа, склонения и притяжательности) и лексико-грамматических разрядов местоимений (личные, возвратные, указательные, вопросительные) ороchonского языка и способов их образования. Полученные результаты были сопоставлены со сведениями научной литературы о формах и способах образования имён существительных и местоимений в эвенкийском языке [Морозова и др., 2019; Морозова и др., 2020].

Ц е л ь ю данной работы является описание грамматических категорий глаголов (залога и вида) и способов их образования в ороchonском языке. Актуальность проведения анализа грамматического строя ороchonского языка заключается во фрагментарности имеющихся на сегодняшний день данных и необходимости их упорядочивания и классификации. Полученные данные сопоставляются с имеющимися в научной литературе сведениями о значениях и способах образования категорий глагола в эвенкийском языке, что определяет новизну предпринятого исследования. Статья основана на аналитико-сопоставительной работе по литературным источникам.

2. Грамматические категории глагола [Verb grammar categories]

Согласно общеизвестной словарной дефиниции, глагол – это самостоятельная часть речи, обозначающая действие или состояние как процесс. В разных языках имеет различные грамматические категории, из которых наиболее типичны время, лицо, наклонение, вид и залог. Основная синтаксическая функция глагола в предложении – быть сказуемым [БЭС, 1991].

Обзор литературы [Болдырев, 2007 ; Булатова, 2002 ; Константинова, 1964 ; Василевич, 1948 ; Материалы..., 2014 ; Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 1993, 2013, 2014 ; Мэн Шусянь, 2017 ; Са Сижун, 1981 ; Ху Цзэни, 1986, 2001] выявил в ороchonском и эвенкийском языках несколько грамматических категорий глагола, однако их количество в сопоставляемых языках не совпадает. В эвенкийском языке выделяется семь категорий: 1) наклонение, 2) вид, 3) время, 4) модальность, 5) залог, 6) лицо и 7) число. В ороchonском языке описаны шесть глагольных категорий: 1) залог, 2) вид, 3) наклонение, 4) условие, 5) прилагательно-глагольная категория, 6) наречно-глагольная категория. Как видно из представленных перечней, категории наклонения, вида и залога имеются в обоих языках, однако категории лица и числа в ороchonском глаголе не представлены, а прилагательно-глагольная и наречно-глагольная категории ороchonского языка соответствуют эвенкийскому причастию и деепричастию, статус которых в данном языке спорен (самостоятельная часть речи или форма глагола), возможно, под влиянием схожих различий в доминантном русском языке. В рамках настоящего исследования проведён сопоставительный анализ двух грамматических категорий глагола двух языков – залога и вида.

2.1. Категория залога [Voice]

Залог – это глагольная категория, представляющая различные отношения между субъектом и объектом [Ахманова, 2007, с. 52]. В ороchonском языке выделяют пять видов залога: активный, побудительный (каузатив), страдательный (пассив), взаимный и совместный. В эвенкийском языке кроме вышеупомянутых видов залога также выделяют возвратный залог.

В таблице 1 представлены сопоставительные данные о видах залога в ороchonском и эвенкийском языках.

Т а б л и ц а 1. Категория залога в ороchonском и эвенкийском языках
 T a b l e 1. Voice category in the Orochon and the Evenki languages

Залог	Ороchonский язык		Эвенкийский язык		Значение
	аффикс	пример	аффикс	пример	
Действительный (активный)	-	<i>бй битыгэвэ түрэдем</i> 'я читаю книгу'; <i>бй дэхтэе дебум</i> 'я поел (пищу)'	-	<i>бй эунэкэнмэ дявам</i> 'я оленёнка поймал'; <i>асй силэудерэн</i> 'женщина варит суп'	Процесс, обозначенный глаголом, исходит от предмета, обозначенного тем словом, с которым грамматически соотнесена данная глагольная форма, и направлен от этого предмета вовне [Ахманова, 2007, с. 153]
Побудительный (каузатив)	-вхāн -вхэн	<i>бй кохāнма</i> <i>йабувхāнним</i> 'я велел ребёнку идти'	-вкāн -вкэн -вкōн	<i>нууан омонгивй</i> <i>оновкōнон</i> 'он сына своего заставил пойти искать оленей'	Действие, которое производится по воле субъекта [Булагова, 2002, с. 53]
Страдательный	-в	<i>кумахāвэ дэвчэ</i> 'олень застрелен'; <i>мурин бэйэдү дявавчā</i> 'лошадь поймана (схвачена) человеком'	-в -му	<i>оронми сокоривран</i> 'олень мой потерялся'; <i>некэ аминдүв дявавчāн</i> 'соболь отцу моему поймался'	Процесс, обозначенный глаголом, направлен извне на предмет, обозначенный словом в именительном падеже, тогда как производитель действия выступает как орудие действия [Ахманова, 2007, с. 153–154]
Возвратный	-рга -ргэ -рго	<i>тэти эбдэргэчэ, дяха</i> <i>ситэргэчэ</i> 'одежда обветшала, вещь порвалась'; <i>дэрэв багдаргачā</i> 'лицо моё побелело'	-рга -ргэ -рго	<i>унтав тэкэргэчэн</i> 'унты мои порвались'; <i>экинми дэрэн</i> <i>багдаргаран</i> 'лицо сестры моей побелело'	Действие направлено на само действующее лицо, которое является, таким образом, одновременно и субъектом, и объектом действия [Там же: с. 153]
Взаимный	-мāт -мэт	<i>дюр бэйэ карамāтта</i> 'два человека ругаются'; <i>дюр бэйэ улгучэмэттэ</i> 'два человека разговаривают'	-мāт -мэт -мōт (-мāч -мэч -мōч)	<i>дйлвй турэмэтчэрэ</i> 'друзья мои ссорятся'; <i>бэел гүмэчиллэ</i> 'люди стали разговаривать'	Совместное действие двух или нескольких субъектов, переходящая с одного из них на другой и не имеющая иного объекта помимо производящих действие субъектов [там же: с. 152]
Совместный	-лди	<i>тарчила эмундү</i> <i>авулдидял</i> 'они объединились'	-лды	<i>омогилты</i> <i>сурулдыктын</i> 'сыновья наши пусть пойдут вместе'; <i>бу унэлдбллэв</i> <i>школалā</i> 'мы пошли вместе в школу'	Действие, которое совершается совместно несколькими субъектами [Булагова, 2002, с. 53]

Поскольку ороchonский язык не имеет письменности, в настоящей работе применяется упрощённая транскрипция на кириллице с целью более наглядного сопоставления морфологии ороchonского и эвенкийского языков.

Таблица 1 демонстрирует более богатую категорию залога в эвенкийском языке, насчитывающую шесть его видов. В языке ороchonов описано пять видов залога, обнаруживающих соответствия в эвенкийском языке по значению и способу образования. В ходе исследования, проведённого Хань Юфэн и Мэн Шусянь, возвратный залог, представленный в эвенкийском языке, в ороchonском выделен не был. Возможно, это связано с ограниченностью экспериментального материала, обработанного китайскими учёными. Но, как показывают наши полевые записи, в базе данных ороchonской речи, возвратный вид в ороchonском языке существует. Это позволило включить в таблицу 1 наши материалы. Для достоверности они были перепроверены в телефонном разговоре с носителем ороchonского языка.

Основным способом образования грамматической категории залога в сопоставляемых языках является аффиксация, при этом действительный залог в обоих языках образован без участия аффиксов. Во всех залогах, где задействованы аффиксы, кроме совместного и возвратного с равным количеством, аффиксов в эвенкийском на 1 больше, чем в ороchonском (соответственно ср. побудительный: 3 vs 2; страдательный: 2 vs 1; взаимный: 3 с дополнительными тремя вариантами с другим конечным согласным vs 2).

Анализ данных, представленных в таблице, выявил фонетическую корреляцию суффиксов для большинства видов залога. При этом, в аффиксах *-вхāн*, *-вхэн* / *-вкāн*, *-вкэн* побудительного залога двух языков наблюдается чередование заднеязычных согласных фонем. Как показывает исследование фонетического строя двух языков, чередование согласных *к/х* является частью нормы внутри каждого из них и нередко отмечается в различных ороchonских и эвенкийских диалектах.

Отмечено также незначительное отличие звукового облика аффикса совместного залога в ороchonском и эвенкийском языках *-лди* / *-лды*.

2.2. Категория вида [Aspect]

Вид – это категория, использующаяся в грамматическом описании глагола и, в первую очередь, имеющая отношение к способу грамматического выделения особых свойств, характера протекания того или иного процесса, то есть отношение глагола к внутреннему пределу, результату, длительности, повторяемости и т. д. [Crystal, 2011, с. 38]. В отличие от других категорий глагола, выражающих определённые синтаксические отношения, категория вида не выражает отношения между словами, а связана с характеристикой действия [Константинова, 1964, с. 162].

Вид выражает форму состояния, тесно связан со временем, некоторые виды глагола могут выражать особенности действия, потребность и желание субъекта по отношению к действию и т. д. В таблицах 2–3 представлены данные о разновидностях категории вида в ороchonском и эвенкийском языках.

Исходя из выше представленных таблиц, в ороchonском языке обнаруживаются следующие видовые формы глагола: начинательный, прогрессивный, зачинательный (исходный), быстродействующий, переменчивый, желанный, жаждущий, вид направления (см. табл. 2). В эвенкийском языке выделяют совершенный, несовершенный, многократный, исходный, начинательный, продолженный, обычный, повторный виды, а также вид состояния и быстроты действия (см. табл. 3). Наиболее употребительными являются несовершенный, исходный, начинательный, продолженный [Булатова, 2002, с. 52; Константинова, 1964, с. 162]. Сопоставление таблиц обнаруживает как сходства видовых форм глагола двух языков, так и их отличия.

Т а б л и ц а 2. Категория вида в ороchonском языке

T a b l e 2. Aspect category in the Orochon language

Вид	Аффикс	Пример	Значение
Начинательный	-л	<i>дѣхтэ дебулчэ</i> 'начал есть пищу'; <i>дѣлган дблдилчэ</i> 'начал слышаться звук (голос)'	Начало действия
Зачинательный (исходный)	-шин	<i>дюдэшикѣхи йабушиндѣ</i> 'вперед начал идти'; <i>дѣхтэ дебушиндѣ</i> 'пищу начал есть'	Действие начинает совершаться
Прогрессивный	-ди -де	<i>дѣхтэ дебудиэрэн</i> 'пищу (как раз сейчас) ем'; <i>дюддү тѣдерэн</i> 'дома (как раз сейчас) сажу'	Действие находится в процессе совершения
Быстродействующий	-мэлча -мэлчэ	<i>торбхи амтамэлчамдухи ухтилчэ</i> 'кабан, унюхав запах, сразу же побежал'; <i>бй эмэргимэлчэчэв гэрбэлчэв</i> 'я быстро вернулся, начал трудиться'	Действие начало происходить очень быстро
Переменчивый	-хта -хтэ	<i>бй урэдү намухатчэв</i> 'я на горе везде гонялся'	Нестабильное действие (часто связано с перемещением в пространстве, движением)
Желанный	-мүн	<i>бй дѣхтээйэ дебумүнним</i> 'я хочу есть пищу'; <i>тари бэйэ манѣ дюдлайи йабумүннан</i> 'тот человек очень хочет вернуться домой'	Субъект желает совершить действие
Жажущий	-хша -хшэ	<i>тари ари улэвэ манѣ дебухиэрэн</i> 'он очень хочет съесть кусок мяса'; <i>тари бэйэвэ манѣ мундэхшаран</i> 'он человека очень хочет ударить'	Субъект жаждет / очень хо- чет совершить действие (от- личается от желанного тем, что передает ещё большее желание совершить дей- ствие)
Вид направления	-нā -нэ	<i>шобдар гивчэньми дяванāран</i> всегда на козулю свою ходит охотиться'; <i>шобдар минэвэ ичэнширэн</i> 'всегда меня приходит навещать (смотреть)'	Направление совершения действия

Видовая система глагола эвенкийского языка, насчитывающая 10 видовых форм, является более развитой по сравнению с аналогичной системой ороchonского языка, в которой выделяют восемь разновидностей. При этом соответствие по значению и способу образования обнаруживают пять видовых форм глагола двух языков: 1) начинательный; 2) зачинательный / исходный; 3) прогрессивный / несовершенный, продолженный; 4) быстродействующий / вид быстроты действия; 5) переменчивый / многократный. Необходимо отметить, что в ороchonском языке исследователями описаны желанный (суффикс *-мүн*), жажущий (суффикс *-хша*, *-хшэ*) виды и вид направления (суффикс *-нā*, *-нэ*), не находящие соответствий в эвенкийском языке. Однако аналогичные формы в эвенкийском языке имеются. О. А. Константинова, характеризуя подобные глагольные формы, относил их к особым формам модальности. Она писала, что суффикс *-му* имеет следующее

значение: желание, потребность совершить что-либо, например, *сурум*- 'желать уйти' (*суру*- 'уйти'), *деву*- 'хотеть есть' (*дев*- 'есть') [Константинова, 1964, с. 169]. Г. М. Василевич квалифицировала эту глагольную форму с суффиксом *-му* как вид органической потребности: *ā*- 'спать' – *āmē*- 'хотеть спать'; *дев*- 'есть' – *дему*- 'хотеть есть' [Василевич, 1958, с. 775].

Т а б л и ц а 3. Категория вида в эвенкийском языке
T a b l e 3. Aspect category in the Evenki language

Вид	Аффикс	Пример	Значение
Начинательный	-л-	<i>бирава исмй, умиллан</i> –дойдя до реки, стал пить	Начало действия
Исходный	-син -хин	<i>хуркэкэн үлэллэн, тэпкэсинэн</i> – мальчик испугался, вскрикнул	Начало, возникновение действия
Несовершенный	-дя -де -дё	<i>хавалдыра</i> 'работают'; <i>сāдячās</i> 'знал (ты)'	Действие без указания на его завершение или предел
Продолженный	-т -чи	<i>синэ горово алātчэрэв</i> 'мы тебя долго ждём'; <i>орорво горово оныттан</i> 'олений долго искал'	Действие, которое продолжается длительное время
Вид быстроты действия	-мāлчa -мāлчэ -мблчб -малдб -мэлдб -молдб	<i>улумйдерй туксамāлчаран,</i> <i>ганāчиллан</i> 'охотник быстро побегал, стал стрелять из лука'	Действие или состояние, которое быстро заканчивается
Множественный	-кта -ктэ -кто	<i>умукэнтын элгэвумнйдү</i> <i>ханйкталлан</i> 'один из них стал ходить за проводником'	Множественное действие (часто связано с перемещением в пространстве, движением)
Совершенный	-	<i>гадан</i> 'взял (он)'; <i>дукудянāв</i> 'напишу (я)'	Действие в его результате, пределе, совершении в какой-либо момент
Обычный	-үна -үнэ -үно -	<i>эвенкйл уллэвэ,</i> <i>оллово девуунэрэ</i> 'эвенки обычно едят мясо, рыбу'	Действие или состояние, которое присуще тому или иному субъекту, а также повторяющееся действие
Повторный	-вāт -вэт -вбт -вāн -вэн -вбн	<i>нунан кэтэрэ соктбāндечэн</i> 'он ошибался много раз (пьянел)'	Повторяющееся во времени действие
Вид состояния	-ча	<i>авландү гиркинэн</i> <i>дэрумкичэдечэтын</i> 'на поляне с товарищем отдыхали (вдвоем)'	Продолжительное или обычное действие

Орочонскому показателю жажущего вида (суффикс *-хиа*, *-хиаэ*) соответствует по значению суффикс модальности *-сса* в южном наречии эвенкийского языка и *-кса* – фоне-

тический вариант в восточном наречии, имеющий значение: попытка произвести действие, например: *илисса-* ‘пытаться встать’ (*ил-* ‘встать, остановиться’), *асасса-* ‘пытаться догнать’ (*аса-* ‘гнаться’), *йссэ-* ‘пытаться войти’ (*й-* ‘войти’) [Константинова, 1964, с. 169]. Г. М. Василевич рассматривала суффикс *-кса* при глагольной основе как показатель вида стремления к действию: *алагүв-* ‘учиться’ – *алагүвукса-* ‘стремиться учиться’ [Василевич, 1958, с. 763]. Выделенный вид направления (суффикс *-нā, -нэ*) в языке орононов КНР также находит аналогичную форму с этим суффиксом в языке эвенков России, но также относится к категории модальности со значением – отправление с целью совершить определенное действие: *баканā-* ‘пойти найти’ (*бака-* ‘найти’), *тэгэнэ-* ‘пойти сесть’ (*тэгэ-* ‘сесть’) [Константинова, 1964, с. 170]. Г. М. Василевич суффикс *-нā (-нэ, -нō)* описывает как суффикс вида, обозначающий движение к действию: *дуку-* ‘писать’ – *дукунā-* ‘пойти писать’ [Василевич, 1958, с. 777].

В языке эвенков, в свою очередь, представлены совершенный, обычный, повторный виды и вид состояния, отсутствующие в орононовском языке.

Анализ аффиксов, образующих совпадающие в двух языках видовые формы глаголов, показал в большинстве случаев полное их соответствие. Однако в некоторых аффиксах совпадающих видов наблюдается чередование фонем, подобное тому, что было отмечено в ходе изучения грамматической категории залога. Например, переменчивый вид в орононовском языке выражается посредством аффиксов *-хта / -хтэ*, в то время как в языке эвенков соответствующий вид (многократный) образуется за счёт прибавления *-кта / -ктэ / -кто*. Данное явление может быть обнаружено и при сравнении других аффиксов, в которых звуки, их образующие, имеют близость по активному органу и / или способу образования. Так же, как и в случае с залогом, у схожих видов, образованных аффиксальным способом, количество аффиксов в эвенкийском превышает их количество в орононовском. Так, в прогрессивном залоге (оронский) фиксируется 2 аффикса, а в эвенкийском аналоге (несовершенный) – 3; в быстроедействующем залоге (оронский) выявлено 2 аффикса, а в эвенкийском аналоге (вид быстроты действия) – 6.

3. Заключение [Conclusion]

Предпринятое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Контрастивный анализ грамматической категории залога выявил более развитую его систему в эвенкийском языке, насчитывающую шесть разновидностей. В языке орононов описано пять разновидностей залога, обнаруживающих соответствия в эвенкийском языке по значению и способу образования. Возвратный залог, представленный в эвенкийском языке, в исследованиях орононовского языка ранее не выделялся. Но, как показывают наши полевые материалы, возвратный залог в языке орононов КНР присутствует, поэтому мы сочли необходимым включить его в глагольную парадигму. В целом, категория залога в орононовском языке требует более тщательного изучения, которое возможно при условии увеличения объёмов языкового материала.

2. Основным морфологическим показателем категории залога в сопоставляемых языках является аффиксация, при этом действительный залог в обоих случаях образован безаффиксальным способом. Анализ языкового материала выявил фонетическую корреляцию суффиксов для большинства разновидностей залога в двух языках. Исключение составили побудительный и совместный залогов – в аффиксах, их образующих, наблюдается чередование согласных и гласных фонем.

3. Видовая категория глагола демонстрирует несовпадение количества её форм в двух языках. Соответствие по значению и способу образования обнаруживают пять разновидностей данной категории глагола сопоставляемых языков. В каждом из них выявлены видовые формы, не имеющие соответствия по значению в другом языке.

4. Абсолютная корреляция аффиксов видовых форм глагола, совпадающих в двух языках, отмечена в большинстве случаев. Однако, в некоторых формах происходит чередование фонем аффиксов подобное тому, что было отмечено в ходе изучения грамматической категории залога.

Настоящая работа представляет собой третий этап комплексного исследования грамматической системы ороchonского языка. В перспективе планируется продолжить описание грамматических категорий глагола ороchonского языка, в частности, наклонения в сопоставлении с аналогичной категорией эвенкийского языка.

Благодарности [Acknowledgments]

Исследование поддержано грантом Амурского государственного университета "Парадигматика и синтагматика ороchonского языка".

Список литературы

- Ахманова, 2007 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стер. М.: Ком-Книга, 2007. 576 с.
- Болдырев, 2007 – Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. 932 с.
- БЭС, 1991 – Большой энциклопедический словарь : [В 2 т.] (БЭС) / гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 1: [А-Н]. М.: Сов. энцикл., 1991. 862 с.
- Булатова, 2002 – Булатова Н. Я. Эвенкийский язык в таблицах. СПб.: Дрофа, 2002. 64 с.
- Василевич, 1948 – Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Госучпедгиз, 1948. 352 с.
- Василевич, 1958 – Василевич, Г. М. Эвенкийскорусский словарь. М.: Гиинс, 1958. 803 с.
- Константинова, 1964 – Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М. – Л.: Наука, 1964. 274 с.
- Морозова и др., 2019 – Сопоставительные характеристики категории имени существительного в ороchonском и эвенкийском языках [Текст] / О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, Хань Юфэн, Мэн Шусянь // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 4. С. 171–181.
- Мэн Шусянь, 2017 – Мэн Шусянь. Общее описание ороchonского языка в Китае // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 1. С. 67–86.
- Са Сижун, 1981 – Са Сижун. Элементарная китайско-орочонская сопоставительная хрестоматия. Пекин: Изд-во национальностей, 1981. 71 с.
- Хань Юфэн и др., 2020 – Сопоставительные характеристики местоимений в ороchonском и эвенкийском языках [Текст] / Хань Юфэн, Мэн Шусянь, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 1. С. 161–171.
- Crystal, 2011 – Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics. 6th ed. Blackwell Publish. Ltd., 2011. 529 p.
- Ху Цзэньи, 1986 – 胡增益, 鄂伦春语简志/北京: 民族出版社, 1986年, 209页[Ху Цзэньи. Краткое описание ороchonского языка. Пекин: Народное изд-во, 1986, 209 с.].
- Ху Цзэньи, 2001 – 胡增益 《鄂伦春语研究》民族出版社 2001年[Ху Цзэньи. Исследование ороchonского языка. Изд-во Миньцзу, 2001. 293 с.]
- Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 1993 – 韩有峰(卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/北京. 中央民族学院出版社出版. 1993年. 385页[Хань Юфэн, Мэн Шусянь Сопоставительная хрестоматия ороchonского и китайского языков. Пекин: Центральное изд-во Института национальных меньшинств. 1993. 385 с.]

- Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 2013 –韩有峰(卡基尔), 孟淑贤, 简明鄂伦春语读本/哈尔滨市: 黑龙江教育出版社, 2013年, 185页[Хань Юфэн, Мэн Шусянь. Краткая хрестоматия ороchonского языка. Харбин: Изд-во образования провинции Хэйлунцзян, 2013. 185 с.].
- Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 2014 –韩有峰(卡基尔), 孟淑贤, 中国鄂伦春语方言研究/大阪市: 国立民族学博物館の人間文化研究機構, 2014年, 113页[Хань Юфэн, Мэн Шусянь. Исследование диалектов ороchonского языка. Осака: Издательский отдел Национального музея этнологии, 2014. 113 с.].
- Материалы..., 2014 – 鄂伦春语材料/黑河市: 黑河市民族宗教事务局, 2014年, 111页[Материалы по ороchonскому языку (сборник). Хэйхэ: Отдел по делам национальностей и религий Правительства г. Хэйхэ, 2014. 111 с.].

UDC 811.512.212, 81'33

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_136_145

Han Youfeng
Research Institute for Interethnic Relations
Harbin, China

Meng Shuxian
Department of National Affairs of Ethnic Minorities
Heilongjiang province, China
 mahayer_111@sina.com

Olga N. Morozova, Yulia P. Ivanashko, Elena A. Protsukovich, Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
 morozova_olga06@mail.ru, polia-80@mail.ru, amursea@mail.ru, androsova_@mail.ru

Nadezhda Ya. Bulatova
Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
 bulatovany@gmail.com

Comparing voice and aspect categories in Orochon and Evenki

Comparing voice and aspect categories in Orochon and Evenki The current article presents the results of examining the Orochon voice and aspect verb categories, their meaning and forming patterns. First, The data resulting from the comparison of Orochon and Evenki verb categories reveal considerable similarity of the grammatical systems of the two closely related languages. First, voice category analysis demonstrates its general similarity. The reflexive voice not previously registered in the Orochon language, according to our field materials, is present there. The grammatical category of voice in the compared languages is formed by means of affixes; the affix forms mostly correlate with the exception of the imperative and cooperative voice where interchange of sounds is found within the affixes. Secondly, aspect types do not correspond in the two languages. Five aspect types demonstrate the correlation in meaning and formation. Nevertheless, each language has aspects which are not presented in the other. The affixes of the same aspect types are generally equivalent. However, some aspect forms demonstrate vowel or consonant alternations within the affixes. Finally, larger spectrum of affixes characteristic for the corresponding verb patterns should be noted in Evenki compared to Orochon.

Keywords: the Orochon language, the Evenki language, grammar, morphology, verb, voice, aspect.

© Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova O. N., Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Androsova S. V., Bulatova N. Ya. 2020

References

- Akhmanova, O. S. (2007). Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : KomKniga Press.
- Boldyrev, B. V. (2007). Morfologiya evenkiyskogo yazyka [Morphology of the Evenki language]. Novosibirsk : Nauka PRes.
- Prokhorov, A. M. (Ed.) (1991). Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'(BES) [A large encyclopedic dictionary : In 2 volumes. Vol. 1: [A-N]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press.
- Bulatova, N. Ya. (2002). Evenkiyskiy yazyk v tablitsakh [The Evenki language in tables]. St Petersburg : Drofa Press.
- Vasilevich, G. M. (1948). Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka [Essays on dialects of the Evenki (Tungus) language]. Leningrad : Gosuchpedgiz Press.
- Vasilevich, G. M. (1958). Evenkiysko russkiy slovar' [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow : Foreign and National Dictionaries Press.
- Konstantinova, O. A. (1964). Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow – Leningrad : Nauka Press.
- Morozova, O. N. (2019). Sopostavitel'nyye kharakteristiki kategorii imeni sushchestvitel'nogo v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparative analysis of the Noun in Orochon and Evenki]. Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 171–181.
- Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2020) Sopostavitel'nyye kharakteristiki mestoimeny v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing pronouns in Orochon and Evenki] Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (1), 161–171.
- Meng Shuxian (2017). Obshcheye opisaniye orochonskogo yazyka v Kitaye [General description of the Orochon language in China]. Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (1), 67–86.
- Sa Sizhun (1981). Elementarnaya kitaysko-orochonskaya sopostavitel'naya khrestomatiya [Sino-Orochon Comparative Reading]. Beijing : Natsional'nosti Press.
- Crystal, D. (2011). A dictionary of linguistics and phonetics. 6th ed. Blackwell Publish. Ltd.
- 胡增益, 鄂伦春语简志/北京:民族出版社, 1986年, 209页 [Hu Zengyi. (1986). Short description of the Orochon Language. Beijing].
- 胡增益 《鄂伦春语研究》 民族出版社 2001年 [Hu Zengyi, Meng Shuxian. (2001). Studies in the Orochon Language. Minzu Press].
- 韩有峰(卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/北京. 中央民族学院出版社出版. 1993年. 385页 [Han Youfeng, Meng Shuxian. (1993). Comparative reader of the Orochon and Chinese. Central publishing house of the Institute for National Minorities].
- 韩有峰(卡基尔), 孟淑贤, 简明鄂伦春语读本/哈尔滨市:黑龙江教育出版社, 2013年, 185页 [Han Youfeng, Meng Shuxian. (2013). Brief reader of the Orochon language. Heilongjiang Province Education Publishing House].
- 韩有峰(卡基尔), 孟淑贤, 中国鄂伦春语方言研究/大阪市: 国立民族学博物馆の人間文化研究機構, 2014年, 113页 [Han Youfeng, Meng Shuxian. (2014). The study of the dialects of the Orochon language. Publishing Department of the National Museum of Ethnology, Osaka].
- 鄂伦春语材料/黑河市: 黑河市民族宗教事务局, 2014年, 111页 [Materials on the Orochon language (collection). (2014). Department of Nationalities and Religions of Heihe government].

Чертыкова Мария Дмитриевна
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
chertikova@yandex.ru

Цыренов Бабасан Доржиевич
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
tsyrenovbabasan@mail.ru

Каксин Андрей Данилович
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
adkaksin@yandex.ru

Фразеологические единицы с соматизмом «сердце» в разноструктурных языках (на материале хакасского, бурятского и хантыйского языков)

Аннотация

Статья посвящена описанию лексико-семантических и лингвокультурологических особенностей хакасских, бурятских и хантыйских фразеологизмов с компонентом «сердце». Как значимый и базовый фрагмент фразеологической картины мира, данный пласт лексической системы формируется на основе культурной и мировоззренческой компетенции этноса. Универсальной особенностью соматического фразеологического осмысления, получившего образное выражение в хакасском, бурятском и хантыйском лингвокультурах является то, что сердце символизирует не только «вместилище переживаемых эмоций и сокровенных мыслей», но и абсолютный центр всего человеческого. При этом каждый из исследуемых языков содержит национальную специфику видения мира через ассоциативный образ сердца. В хантыйском языке это ощущение физиологической потребности организма; в бурятском – ёмкость, переполненная жидкостью и могущая опрокинуться. Если в хакасском языке при положительных эмоциях сердце «поднимается» вверх, то в хантыйском языке оно «скатывается» вниз и по нему течёт масло.

Ключевые слова: хакасский язык, бурятский язык, хантыйский язык, соматизм «сердце», фразеологизм, видение мира, образ.

© Чертыкова М. Д., Цыренов Б. Д., Каксин А. Д. 2020

1. Введение [Introduction]

Несмотря на обилие лингвистических исследований по фразеологической лексике в разноструктурных языках, данная категория лексической системы продолжает привлекать внимание лингвистов многообразием и насыщенностью своей семантической сущности. Если ранее фразеологизмы изучались с точки зрения собственно лингвистических парадигм, раскрывающих семантические, синтаксические и структурные взаимосвязанности составляющих компонентов, то в последние десятилетия больше

внимания уделяется их когнитивной и лингвокультурологической значимости как отражению национального менталитета конкретного этноса. Сравнительно-сопоставительное изучение данного языкового материала способствует выявлению не только лингвистической специфики отдельно взятого языка, но и национально-культурных, мировоззренческих особенностей его носителей. Общеизвестно, что взаимосвязь языка и культуры наиболее ярко проявляется во фразеологической картине мира.

Тема данного исследования фразеологических единиц с соматическими компонентами выбрана нами не случайно. В процессе изучения антропоцентричной глагольной лексики спонтанно был создан особый круг лексических единиц, выражающих различные аспекты психической жизни человека, и построенных по модели «соматизм + глагол». Данный фрагмент фразеологии является наиболее продуктивной во всех языках, поскольку человек в различных жизненных ситуациях, ощущая внутри себя какие-либо психические или физические признаки, склонен связывать их с определёнными внутренними органами и частями своего тела. Помимо языковой значимости соматические фразеологизмы используются как один из инструментов выражения национального культурного мировидения народа, позволяющий им полнее передать свои мысли или произвести большее впечатление от сказанного.

В корпусе фразеологии соматические фразеологизмы представляют собой обширную семантическую группировку. Термин «соматизм» в переводе с греческого слова «somatos» обозначает «тело». В качестве соматизма выступает лексема, выражающая бытовое наименование части тела и внутренних органов человека. Учёные считают, что соматические фразеологизмы имеют глубокие исторические корни и являются наиболее употребительной частью в системе фразеологии. Это объясняется тем, что «человеческое тело оказалось одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектом, и слова, обозначающие части тела человека, так же древни, как и само человеческое сознание» [Белявский, 1997, с. 19]. Из сказанного следует, что во всех языках соматическая лексика относится к историческому и древнему пласту словарного состава, поэтому в близкородственных языках они имеют общую праформу с изначальным анатомическим значением.

Ц е л ь нашей статьи – выявление и описание лексико-семантических и национально-культурных особенностей фразеологизмов с компонентом «сердце» на материале хакасского, бурятского и хантыйского языков. Наша попытка описания данной лексической категории базируется на словарных данных, а также на языковом материале, собранном из хакасских художественных произведений и из бурятского корпуса [БК]. Иллюстрируемые примеры переведены на русский язык авторами статьи. Данные языки являются представителями трёх разных языковых семей: тюркской, монгольской и финно-угорской. Имеются также некоторые исторически сформированные социально-бытовые различия в жизни данных этносов. Ханты занимают огромные территории на северо-западе Сибири; в зависимости от условий места обитания они занимаются охотой, рыболовством или оленеводством. Хакасы же живут в Саяно-Алтайском нагорье и, являясь скотоводами, традиционно вели полукочевой образ жизни. Буряты живут в Прибайкалье, и исторически сложилось так, что их занятием были скотоводство, охота и рыбалка. Соответственно, образ жизни любого этноса как система представлений о модели мира накладывает отпечаток на его язык. Учитывая эти факторы, мы обращаем особое внимание на образные и когнитивные стороны фразеологического корпуса с соматическими компонентами с установкой выявить общие и отличительные данные.

Соматическую лексику можно разделить на две категории: наименования внутренних органов и наименования внешних частей тела. В рассматриваемых языках наиболее репрезентативными являются соматические фразеологизмы, образованные по структур-

но-семантической модели: именной компонент – соматизм (часто в притяжательной форме) + глагол. При этом тематика глагольной семантики разнообразна, потому не поддается строгой семантической классификации. Как показывает анализируемый материал хакасского, бурятского и хантыйского языков, в этих языках наиболее распространены фразеологизмы с компонентами – наименованиями внутренних органов, передающие эмоционально-психические переживания человека. С помощью таких единиц выражается достаточно много эмоций – радость, печаль, недовольство, злость, удивление, испуг, стыд и др. Самые разные эмоции в человеческом сознании соотносятся в первую очередь с представлениями о каких-либо действиях, происходящих во внутренних органах, например, таких как:

хак.: *чүрек* 'сердце', *өкпе* 'лёгкие', *паар* 'печень', *істі* 'нутро' и др.;

бур.: *зүрхэн* 'сердце', *эльгэн* 'печень', *дотор / досоо* 'нутро' и абстрактные понятия *сэдхэл* 'дума, душа' и др.;

хант.: *лыл* 'душа, дух', *хун* 'внутренность, нутро, живот', *турах* 'лёгкие', *сәм* 'сердце', *мухал* 'печень' и др.¹.

2. Семантико-когнитивный анализ фразеологизмов с соматизмом «сердце» [Semantic and cognitive analysis of Phraseological units with the “heart” somatism]

Эмоциональные переживания наиболее часто выражаются при помощи соматизма *сердце*. «Концепт «сердце» обладает развитой системой когнитивных образов и ассоциаций: это – вместилище определённых чувств, настроений; источник храбрости, жизненной энергии и силы, трудолюбия; биологического и духовно-ментального центра человека и т. д.» [Чертыкова 2018, с. 512]. В хакасском языкознании общетюркская лексема *чүрек* 'сердце' была объектом исследования в семантико-когнитивном и лингвокультурологическом аспектах в статьях [Чертыкова, 2018, 2019 и др.]. В хантыйском языке концепту «сердце» посвящены работы [Соловар, 2017; Каксин, 2011 и др.].

В хантыйском языке лексема *сәм* 'сердце' часто функционирует как смелость. «С помощью суффикса обладания *-өң* от *сәм* (*səm*) образуется имя прилагательное: *səmtəŋ* 'смелый', Ni². Kaz. *sämeŋ*. О *sämeŋ* 'смелый' (букв. 'обладающий сердцем'); также Vj. 'свирепый, неукротимый', Ni. Kaz. О 'интересующийся, любознательный, проявляющий интерес к работе' [DEWOS, S. 1341]. Ср. также: Teg. *sämeŋ* 'сердечный', *χojat peLi sämeŋ* 'открытый, отзывчивый, с добрым сердцем' (букв. 'к кому-то сердечный'). Характеризуя боязливого, трусливого человека, ханты употребляют слово, образованное от ангионима *сәм* с помощью суффикса необладания *-li* [ХЯ: 88], каз. *sämLi*, О *sämLi*, Š *sämtä*, Tj. *səmLəy* [DEWOS, S. 1341]. Teg. *sämLi* (букв. 'без сердца'), т. е. 'не обладающий смелым сердцем'. Это определение является антонимом слова *sämeŋ*. Ср.: Teg. бран. *säm nõxi* 'бессердечный' (букв. 'мясо сердца'), т. е. 'у него не сердце, а кусок мяса'» [Рябчикова, 2008, с. 22]. Одно из значений рассматриваемой лексемы отражено в хантыйской пословице о добром человеке, проявляющем свою силу в щедрости и помощи другим людям:

(1) *Там ханнэхо саңанмас аңки сам хонаңан* – 'Этот человек родился под сердцем матери'.

¹ Здесь и далее названия исследуемых языков сокращаются: башк. – башкирский, бур. – бурятский, каз. – казахский, кирг. – киргизский, манс. – мансийский, сург. – сургутский, хак. – хакасский, хант. – хантыйский, а также бран. – бранное, букв. – буквально, фольк. – фольклорное.

² Kaz. – казымский диалект, Ni. – низямский диалект, О – обдорский диалект, Š – шеркальский диалект, Teg. – тегинский говор казымского диалекта, Tj. – тромьоганский говор сургутского диалекта, Vj. – васюганский диалект.

Надо отметить, что в некоторых тюркских языках сердце также воспринимается как источник жизненной энергии, силы и смелости, например, каз.: *жүректі адам* 'смелый; решительный; отважный человек; с огоньком' [КазРС, с. 213]; башк.: *йөрәкле ирзәр* 'отважные мужи'; *йөрәкле булыу* 'быть бесстрашным' [БРС, 1996, с. 237]; кирг.: *баатырдын көркү жүрөктө* фольк. 'украшение богатыря – сердце' (т.е. 'храбрость') и др. В древнетюркском языке данный термин был связан исключительно с мужественностью, храбростью, доблестью, героизмом, о чём говорит и семантика производных от *jüräk* лексем: *jüräk urun* 'всецело отдаваться чему-л.':

(2) *edi artug ödrüm talu ər kəräk ögi köñli jetsä urunsa jüräk* – '[для этого] нужен избранный, особенный муж, у которого ум должен быть зрелым и который должен всецело отдаться [делу] [...]' [ДТС, 1969, с. 286].

Представление о сердце у многих народов символизирует место сосредоточения самых сокровенных мыслей, эмоций и настроений человека, а также сердце – это объект, реагирующий и откликающийся на различные ситуации и явления окружающего мира. Тем самым семантика сердца включает помимо обозначения физиологического органа и другие как положительные, так и отрицательные эмоции и состояния субъекта. В хакасском, бурятском и хантыйском языках, как и во многих языках, в основном, сердце рассматривается как вместительница разнообразных эмоций и состояний человека. Однако национальной спецификой употребления лексемы *сәм* 'сердце' в обско-угорских языках является передача физиологической потребности организма человека, о чём и пишет В. Н. Соловар: «... хант. каз. *Сәмем вохЛа* 'Я хочу есть' (букв. 'сердце=моё просит'); *Сәмем ши йувармалы* 'Сердце=моё свернуто (о состоянии голода)'; сург. *Ма сәмәм вәлли* 'Я хочу есть' (букв. 'сердце=моё убивают'); манс. *Сымум этгалаве* 'Я проголодался' (букв. 'сердце=моё испытывает голод'); *Сымум курги* 'Сердце гремит' (букв. 'урчит в животе'); *Сым лэстункве* 'Сердце подкормить'; *Сымум ротмыс* 'Сердце успокоилось (о насыщении пищей)'; *Сым тальханув та лэстысанув* 'Мы голод чуть-чуть утолили' (букв. 'подкормили кончики своих сердец') [Соловар, 2017, с. 68].

В хакасском, бурятском и хантыйском языках сердце как анатомический орган при переживании субъектом эмоций печали, тоски, страдания и душевного гнёта, может испытывать физическую боль, т.е. болеть, ныть:

хак.: *чүрек ачы-* (букв. 'сердце саднит'), *чүрек сыста-* (букв. 'сердце ноет, болит, ломит'), *чүрек агыр-* (букв. 'сердце болит');

(3) *Ой, нога-да чүреем ачи түсті, нир дее иди полбачаң полган* – 'Ой, [моё] сердце ёкнуло, никогда раньше такого не было;

(4) *Ыгыран парча ізик – чүреем ачи түсче: Каскар килді* – 'Заскрипит дверь, сердце [мое] ёкнет, Каскар пришёл';

(5) *Чүрегім сыстапча минің, хайди полчалар олар анда* – 'Сердце [моё] ноет, что с ними там происходит'.

бур.: *зүрхөө шэмшэрүүлхэ* 'печалиться о чём-либо'; букв. 'сердце [своё] ныть'; *зүрхөө үбдэхэ* 'беспокоиться; печалиться'; букв. 'сердце [своё] болеть, а также болеть сердечными болезнями'; *зүрхэ сэдхэлээ үбдэхэ* 'страдать'; букв. 'сердце, душу [свою] болеть'. Примеры:

(6) *Юундэшьеб, сүлөөдэ гансаараа болоходоо, үнгэрһэн ажабайдалаа, илангаяа эхэ эсэгэнээ үхибүүн байхадаа үншэржэ гээгдэһэнээ зүрхөө шэмшэрүүлэн һанана* – 'Почему-то, когда остаётся одна, с печалью вспоминает прошедшую жизнь, то, как лишилась родителей в детском возрасте'.

(7) *Иимэ залуу, сэсэглэжэ ябаһан эхэнэр аад, энэ хүхэ зүхэ газарта шүдэ амаа унашаһан хүгшэдөөр байхатнай эихэбтэр...* *Зүрхэм үбдэнэ...* – 'Такая молодая,

цветущая женщина, и не стыдно [вам] жить здесь среди этих сивых беззубых старух... Печаль [меня] давит'.

(8) *Бадан дархан хоёр зүрхэ сэдхэлээ үбдэн, амяа таташоод, дуугайнууд байһанаа гүнзэги саанаһаа ханаа алдабад* – 'Молчаливо стоявшие Бадан и кузнец, у которых болела душа, глубоко вздохнули'.

хант.: *сәтәт пәрЛа* 'сердце ноет'; букв. '[моё] сердце трёт'.

Как видно из приведённых примеров, в хакасской, бурятской и хантыйской картинах мира сердце воспринимается как сущность живого, непосредственно реагирующую на внешние негативные факторы и способного испытывать боль и дискомфорт в сердце.

Субъект может испытывать эмоцию волнения в различных ситуациях, связанных как с положительным, так и негативным его настроением. Это может быть радость, испуг, страх и т. д. Семантика данных фразеологизмов допускает способность сердца производить колебательные движения или сдвинуться с места. Для описания таких ситуаций используются фразеологизмы, образованные путём сочетания лексемы со значением 'сердце' и глагола со значением 'колебательное движение':

хак.: *чүрек сиртле* 'сердце трепещет'; букв. 'сердце бьётся':

(9) *Аринаны көр салып, чүреем сиртли түскен* – 'Увидев Арину, я заволновался'.
чүрек талбыра 'сердце учащённо бьётся'; букв. 'сердце парит':

(10) *Сыныхтаг алнында чүрек талбыранча* – 'Перед экзаменом сердце бьётся учащённо'.

чүрек хайна 'быть в возбуждённом состоянии'; букв. 'сердце кипит':

(11) *Аринаны Анзының тың чабал сөснөң нандырганына Павелнің чүрегі хайнабысхан* – 'То, что он ответил очень плохим словом, сильно возмутило Павла'.

бур.: *зүрхөө хүдэлхэ* «разволноваться; букв. сердце [своё] двигать»:

(12) *Зүрхөө хүдэлшэһэн лама өөрөө мэдэнгүй, һууриһаа бодошоод байгаа һэн* – 'Разволновавшийся лама, сам того не замечая, встал со своего места и стоял'.

зүрхэ хүлгүүлхэ 'взбудоражить'; букв. 'сердце приводит в движение':

(13) *...ойроо хүрэшэгүй һайхан дангина бодото бэеэрээ харагдажа, хүбүүнэй зүрхые хүлгүүлнэ, шэнэ хүсэтэ мэдэрэл сэдхэлдэнь долгисон ерэнэ* – '... показала собственной персоной неприступная красавица и взбудоражила сердце юноши, и новое чувство проникло в его душу с волнением'.

зүрхөө доһолхо 'взволноваться под влиянием неожиданных (плохих или хороших) вестей; букв. 'сердце [своё] трястись':

(14) *Залд гэжэ / Үрэ зүрхөө доһолшобо* – 'Вздрогнул / И взволновался' (букв. 'сердце своё встряхнул').

На примере приведённых фразеологизмов можно утверждать, что образная коннотация «шевеления» сердца в волнительных ситуациях представляет собой уровень хакасско-бурятской фразеологической эквивалентности, учитывающей их план формы и содержания. Также эмоциональное возбуждение при каких-либо значимых для субъекта событиях и ситуациях заставляет его ощущать сердце как беспокойное существо, способное вырваться наружу: бур. *зүрхэн хөөрэхэ* 'взволноваться, сопряжено с гневом, обидой'; букв. 'сердце всплыть, воспарить':

(15) *Би шамһаа урид хараалби!* – гэжэ Толя *зүрхөө хөөрэн хаишарба* (Хх) – 'Я раньше тебя увидел! – закричал **взволнованно** Толя'.

В волнительных ситуациях в хантыйском языке сердце тоже может «шевелиться»: хант. *сәмәм нух Ләмтәс* 'испытывать возбуждённое состояние от радости, испуга, волнения и т. д.'; букв. '[моё] сердце шевелится'. Значение конкретной эмоции – волнения – в шурышкарском диалекте передаётся фразеологизмом *сәм тарыты* 'волноваться'. В сургутском же диалекте хантыйского языка, предчувствуя что-то плохое:

(16) *Сймал тун ньохал* – 'Сердце как-то шевелится'.

(17) *Сйдем хотац ньохлыйл: молты атэм, таңха, уйгтал* – 'Сердце как-то шевелится: что-то плохое наверно чувствует';

(18) *Лув сймал ньохлэс* – 'У него сердце вздрогнуло'.

В шурышкарском диалекте возможно выражение чувства беспокойства:

(19) *Няң элтэн сйдем хошийл* – 'Я беспокоюсь за тебя (о тебе [моё] сердце ноет)'.

(20) *Шикем сйм лынем атэм цац тайтал хорпи* – 'У меня на душе тревожно' (букв. 'такое внутри сердца плохое ощущение имеется, похоже') [ДСХЯ, 2011, с. 114].

Как видим, в отличие от хакасской и бурятской коннотации шевеления сердца в волнительных ситуациях, хантыйское сердце может шевелиться и в предчувствии недоброго.

Единый в исследуемых языках образ перемещения сердца в случае волнения, страха и тревоги выражается фразеологизмами: хак. *чүрек ахсымнаң сыгарга чөр* 'сильно волноваться'; букв. 'сердце хочет выскочить из-зо рта'; бур. *зүрхэн амаараа гараха* 'сердце [готово] выскочить из груди'; букв. 'сердце через рот [свой] выйти':

(21) *... айһандаа зүрхээ амаараа гаргажархин алдажа байһан хүнүүдэй нюурнуудые нэгэ нэгээр шэртэн, юушые дуугарангүй зогсобо* – '... стоял и смотрел по одному на лица людей, у которых со страху чуть сердца не выскочили изо рта' (калькированные с русского языка).

В хантыйском языке действуют фразеологизмы: «сург. *Сэм ЛуЛ вэса йөвтыЛэл* 'сердце до рта доходит (о состоянии страха)'; каз. *сйдем пўя мәнэс* 'я очень испугался' (букв.: 'сердце в зад ушло')» [Соловар, 2017, с. 67]. Также в хантыйском языке эмоция страха передаётся сочетанием лексемы *сйм* 'сердце' с разными глаголами деструкции или движения. В. Н. Соловар пишет: «Метафорическое переосмысление страха связано с вертикальным движением, направление которого в диалектах хантыйского языка различается: в сургутском – вверх, в казымском – вниз» [Соловар, 2017, с. 67].

К ним же относится фразеологизм хак.: *чүрек табанзар ойлабысхан* 'сильно испугаться'; букв. 'сердце убежало в пятки'. Соответственно русскому *сердце раскалывается*, в хакасском языке используется *чүрек чар* 'сильно испугаться'; букв. 'расколоть сердце'.

(22) *Хабан-Кешке, кинетін столны мунзурухтабызып, кизілернің чүреен сала чар салбаан* – 'Когда Хабан-Кешке, вдруг ударил кулаком по столу, все дрогнули от страха'.

Однако если в хакасском языке сердце может расколоться от страха, то в бурятском языке оно может расколоться от большой радости: *зүрхөө хаха баярлаха* 'очень сильно обрадоваться' (букв. 'сердце [своё] разорвать радоваться'):

(23) *Саяан руу ошолдохо болоһондоо зүрхөө хаха баярлаһан эдир залуу хүбүүн бэишэ, ажабайдалай хатуу шэрүүниие үзэһэн Новиков гээшэб* – 'Я не мальчик, который очень сильно обрадовался, что его берут на Саяны, а Новиков – человек повидавший многое в жизни'.

В языковом представлении бурят сердце является ёмкостью, переполненной жидкостью, которое беспокоится и бурлит. Такие фразеологизмы не конкретизируют тип эмоций, т. е. нейтральны в объектном отношении:

зүрхэн булгилха 'чрезвычайно разволноваться'; букв. 'сердце бурлит':

(24) *Халуун зүрхэм булгилжа...* (ХТ) – 'Горячее сердце [моё] бурлит...':

зүрхэн долгиохо 'волноваться, трепетать'; букв. 'сердце волнами стелиться':

(25) «*Хара һалхин*» гээд нэрлэбди, – гэжэ Бастуев *зүрхөө долгисонгёор хэлэбэ* (Хһ) – 'Назовем «Чёрный ветер», – взволнованно сказал Бастуев'.

Сердце, ассоциирующееся с ёмкостью, переполненной жидкостью, под влиянием бурных эмоций может и опрокинуться:

[эльгэ] зүрхэн хүмэрихэ 'разволноваться под влиянием сильных эмоций, воспоминаний'; букв. '[печень] сердце опрокинуться':

(26) *Харин шамтай уулзан гэхэдээ, Айдай, эльгэ зүрхэм хүмэрёо* – 'И когда встретился с тобой, Айдай, я так разволновался' (букв. 'сердце опрокинулось').

зүрхөө хүнтэргэхэ 'в волнении'; букв. 'сердце [своё] опрокинуть':

(27) *Шэмэг ногоон дэлхэйе, / Сээжэ зүрхөө хүнтэргэн, / Шини нюдөөр хараналби* (С) – 'Прекрасную зелёную Землю оглядывая, / В волнении / Смотрю твоими глазами'.

Как видим, в отличие от хакасского и хантыйского языков, в бурятском языке значение тревоги, волнения обслуживаются более богатым набором фразеологических единиц.

В хакасском языке для выражения положительных эмоций – вдохновения, симпатии, веселья, хорошего настроения – используются фразеологизмы: *чүрек кёöre* 'вдохновляться'; букв. 'сердце вдохновляет', *чүрек кёдир* 'чувствовать прилив энергии, силы, вдохновения'; букв. 'сердце поднимать', *чүрек нымза* 'становиться жалостливым, добрым по отношению к кому-л.'; букв. 'сердце смягчится'. Примеры:

(28) *Паскирнің, чалаңнарны көргенде, чүрее кёбри түскен* – 'Увидев всадников, Паскир воодушевился'.

(29) *Ам на іди тінчезің. Көр салзаң, чүреең нымзап парар* – 'Только сейчас так говоришь. Когда увидишь, лучше станешь относиться (твое сердце смягчится)'.

Также в нашей картотеке содержатся примеры, в которых компонент «сердце» выступает не в составе фразеосочетаний, а в сочетании с глаголом, который характеризует состояние сердца. Между ними можно вставить усилительные наречия, подчёркивающие интенсивность переживаемой эмоции. Рассмотрим данное явление на примере сочетания хакасского соматизма *чүрек* 'сердце' с глаголами, которые могут характеризоваться наречиями: *матап, угаа, тың, хайдадар* с общим значением 'сильно, очень'. При этом какой-либо приятный и дорогой для субъекта объект может храниться в сердце (*чүректе матап хайралла* 'оберегать что-л.'; букв. 'беречь в сердце'), при этом согреть его (*чүректі угаа чылыт* 'быть приятным'; букв. 'греть сердце'), и заставить шевелиться (*чүректі тың тибірет* 'быть тронутым, взволнованным'; букв. 'сердце шевелить'), лечь на сердце (*чүрекке матап чат* 'нравиться'; букв. 'лечь на сердце'). Примеры:

(30) *Кем-де чир үстүне сыхханына пу өкіс оолах іди өрінчеткені минің чүреемні угаа тибіреткен* – 'То, что этот мальчик-сирота так радуется тому, что кто-то появился на свет сильно растрогало меня'.

(31) *Іченің паарсах сөстөрі, хыйга чоохтары чүрек матап чылытча* – 'Ласковые слова и мудрые советы матери согревают сердце'.

Интересен тот факт, что в хантыйском языке положительные чувства могут передаваться через образный спуск сердца вниз: *сәмәл илы хәтәмәс* 'он обрадовался' (букв. '[его] сердце вниз скатилось'), а в шурышкарском диалекте хантыйского языка при положительных эмоциях субъект ощущает, как по сердцу течёт масло: *сәмем войән овлә* 'получаю огромное удовольствие, наслаждаюсь' (букв. 'в сердце течёт масло') [Соловар, 2017, с. 66].

В хакасском языке, как следствие перенасыщения ярких положительных и отрицательных эмоций сердце может гореть (*чүрек кёй* 'быть в возбуждённом состоянии'; букв. 'горит сердце'). Тяжёлые мысли, воспоминания могут сердце сжимать, в хакасском языке: *чүректі хыза нас* 'испытывать тоску, тяжесть внутри'; букв. 'сердце сжимать' и т. д., значения которых воспринимаются буквально. В хантыйском языке тоже есть подобный фразеологизм: *сәмәл на хошиты питәл* 'сердце щемит'. На наш взгляд, субъект упоминает о сердце при таких обстоятельствах, когда он испытывает

наиболее насыщенные эмоции и хочет выразить переживаемые ощущения, «приписывая соответствующие действия своему физическому сердцу» [Каксин, 2011, с. 13].

Калькированное с русского языка хакасское фразеосочетание *чүрекке чагын ал* 'принимать близко к сердцу' нейтрален в идентификации объекта. Можно принимать близко к сердцу и плохое и хорошее, о чём свидетельствуют примеры:

(32) *Че, аның сөстөрін чүрекке чагын алба, атаарханча ол сагаа* – 'Ну, **не принимай близко к сердцу** его слова, завидует он тебе'.

(33) *Синиң тахпахтарыңны мин чүрекке най чагын алчам* – 'Мне **очень нравятся** твои тахпахи' (букв. 'очень близко к сердцу принимаю').

Конечно, включение заимствованных с другого языка фразеологизмов в языковую картину мира другого этноса не происходит случайно. Данный процесс зависит от соответствия жизненных опытов, взглядов на мир и мировоззрений этих народов, от их одинакового образа мышления.

Сердце часто ассоциируется с живым существом внутри тела человека, которое может умереть при длительном влиянии на него негативных факторов извне или со стороны конкретного человека. В таких случаях в хакасском языке говорят *чүреем ол парган* '[моё] сердце умерло', что обозначает 'в результате испытанных длительных негативных чувств стать равнодушным к кому-чему-л.'.

(34) *Оларны көрп, чүреем ол парган* – 'Их действия мне **стали противны**' [букв. 'смотря на них [моё] сердце умерло'].

Данный фразеологизм синонимичен *көңнi хал* 'что-л. становится противным, надоест'; букв. '[его] душа осталась'. В бурятском же языке сердце умирает в случаях, когда субъект теряет интерес к жизни и опускает руки: *зүрхөө үхэхэ* 'отказываться от мысли делать что-л., руки опустить'; букв. 'сердце [своё] умереть':

(35) *Алдар үни удаан ажал бэдэрээд оложо ядахада, зүрхөө үхэшэбэ* – 'Алдар долго и тщетно искал работу, но, не найдя ничего, *опустил руки*'.

Во всех культурах признаётся превосходство здравого смысла над эмоциями. Поскольку сердце является источником эмоциональных переживаний, то в некоторых случаях появляется необходимость «придавить» его, чтобы избежать дальнейшего нежелательного развития событий. Значение успокоения в хакасском языке передаётся фразеологизмом *чүрек пазын* 'сдерживаться; букв. 'сдавливать [своё] сердце'. В бурятском языке ему соответствуют фразеологизмы:

зүрхөө дараха 'успокоиться; букв. сердце своё давить / придавить':

(36) *Үнихэн нуга соогуур хэсэжэ, зүрхөө дараад гэдэргээ бусаба* – 'Долго он бродил по лугу и вернулся домой, **успокоенный**'.

зүрхээ ханаха 'удовлетворяться, развлекаться'; букв. 'сердце [своё] удовлетворять'.

(37) *Англичанинууд сэнгэхэдээ иигэжэ хүнэй хүлэй хурганай таһартар улһаар эрэжэ, зүрхээ ханадаг юм* – 'Когда англичане развлекаются, перетягивают пальцы ног человека, что они отмерев, отваливаются, так они **развлекаются**'.

зүрхөө бариха 'быть сдержанным'; букв. 'сердце [своё] держать':

(38) *Тиигэхэ бүрээ би бээ, зүрхөө шангаар баряаб* – 'С каждым разом я все больше **сдерживал себя**'.

Выражение значения отчаяния, нерешительности, опаски при помощи компонента «сердце» характерно только для бурятского: *зүрхэ алдаха* 'не решаться; робеть, трусить'; букв. 'сердце терять':

(39) *Энээндэ зүрхэ алдаха юун байха юм, колхоздо түрээжэ, колхоз соо хүн болоһон эдир колхознигууд гээшэбди* – 'Чего здесь не решаться, мы же юные колхозники, которые родились в колхозе, стали людьми в колхозе'.

Значение любви, интимных чувств в бурятском языке можно выразить, «открыв сердце»: *зүрхөө нээхэ* 'открыться, влюбиться, ответить на любовь взаимностью'; букв. 'сердце [свое] открыть':

(40) *Хаана ябанааш намгүйгөөр, / Халуун зүрхөө нээнгүйгөөр* – 'Где ты ходишь без меня, / Не открывая сердца своего'.

В отличие от бурятского, в хакасском языке открыть сердце (*чүрек ас* букв. 'открыть сердце') можно только признаваясь в любви. В хантыйском языке компонент сердце тоже участвует в описании высших чувств: *Сам элты йиты амэт* 'искренняя (букв. от сердца идущая радость)'; *сэмема рэхты нэнем* 'любимая женщина (сердцу подходящая женщина)'; *сэмема рэхты хойатэм* 'мой любимый человек' [ДСХЯ, 2011, с. 114]. Также в хантыйском языке добросердечные чувства передаются фразеологизмом *Самал ЛуЛас* 'смягчился, подобрел'.

В категорию соматических терминов обычно включаются и компоненты, обозначающие понятия «душа» и «дух», которые также часто употребляются в составе фразеологических единиц. В хакасской и хантыйской фразеологической картине мира не наблюдается образование души и сердца в единое понятие. Но в бурятском языке *зүрхэн* часто выступает в паре со словом *сэдьхэл*, образуя единое понятие «душа»: *зүрхэ сэдьхэл*, *сэдьхэл зүрхэн*, которые чаще всего употребляются в речи в форме безличного притяжания и в меньшей степени – личного притяжания первого лица единственного числа. В бурятско-русском словаре *сэдьхэл* в третьем значении переведено как: «{...}; 3) душа; психика; перен. сердце» [БРС, 2006, с. 206]. В таком парном виде они участвуют в образовании практически идентичных по значению фразеосочетаний. Например:

зүрхэ сэдьхэлээ хүлгүүлхэ 'вздуроражаться'; букв. 'сердце, душу [свою] приводить в движение':

(41) *Иигээжэ зүрхэ сэдьхэлээ хүлгүүлэн ябаад, Алексей биш шадалаараа гүйһөөр гүйгөөд, түрүүшын томо хандагайда арба метр дүтэ гүйжэ ябашаба* – 'Разволнованный Алексей, бежал-бежал и добежал до первого крупного лося на десяток метров'.

зүрхэ сэдьхэлээ буляалгаха 'быть захваченным, влюбиться'; букв. 'сердце, душу [свою] отобраанным быть':

(42) *Ямар тиимэ хүндэ бодолдо зүрхэ сэдьхэлээ буляалгааб?* – 'Какая же такая тяжёлая мысль грызёт его душу?'

сэдьхэл зүрхөө буляалгаха 'быть захваченным, влюбиться'; букв. 'душа, сердце [свое] отобраанным быть':

(43) *Иимэ үнэн сэхэ үгэнүүдые улад зон нааршаан, сэдьхэл зүрхөө буляалгаа, тиигээжэ шэнэ түрүүлэгшэ һунгагдаа бэлэй* – 'Народ, с удовольствием послушав такие прямые и честные слова, полюбил [его], так был избран новый председатель'.

сэдьхэл зүрхөө үгэхэ 'влюбиться'; букв. 'душу, сердце отдать':

(44) *Сэдьхэл зүрхөө үгөө һэм* – 'Душу свою [я] отдал'.

Данное парное образование участвует в образовании фразеосочетаний с собственными эксклюзивными глаголами. При этом между компонентами могут внедряться слова, не связанные с ними, но раскрывающие или уточняющие их значение. Например:

зүрхэ сэдьхэлээ нишлүүлхэ 'влюбиться / пожениться' (букв. 'сердце, душа соединить'):

(45) *Ябаха дээрээ: «Ши бидэ хоёр зүрхэ сэдьхэлээ нишлүүлжэ шадахагүйлди даа, биш таба-зургаан жэл соо һамга абахагүйб. Гурахам»* – 'Уходя: Мы с тобой не сможем соединить наши души, я [ещё] лет пять-шесть не женюсь. Буду учиться'.

зүрхэ сэдьхэлээ мэрүүлнэ 'мучиться душевными муками (сердце, душа глодать'):

(46) *Элдэб жэжэ һэжэгтэ зүрхэ сэдьхэлээ мэрүүлнэб?* – 'Что же мучается разными мелкими сомнениями?'

зүрхэ сэдхэлээ замаглажархиха 'замкнуться' (букв. 'сердце, душа, замкнуть'):

(47) *Зүрхэ сэдхэлээ бүхэ гэгшын суургаар замаглажархиһан мэтэ гансата дуугай, уруу духа болошоо һэн* – 'Затих и загрузил, будто замкнул (запер) душу [свою] на крепкий замок'.

зүрхэ сэдхэлээ тамалха 'мучиться, терзаться мучениями' (букв. 'сердце, душу мучить'):

(48) *Боди үбгэн гэр бүлэдөө шимэ гашуудал абаашажа ябахатаа, зүрхэ сэдхэлээ яаха аргагүй тамална* – 'Когда дед Боди нёс домой такую горестную весть (букв. 'горесть'), измучил [свою] душу'.

Слово *сэдхэл* 'душа', таким образом, по своей способности образовывать фразеосочетания в целом не отличается от слова *зүрхэн* 'сердце', тем не менее, в Электронном корпусе бурятского языка наблюдаются некоторые эксклюзивные для *сэдхэл* сочетания, которые мы склонны относить к авторским, например:

сэдхэл хагдарха 'состариться (душой)' (букв. 'душа увянуть, жухнуть'):

(49) *Аляа сэдхэлни хагдаршоо гү?* – 'Игривая душа моя увяла?'

сэдхэлээ бадаруулха 'просветиться' (букв. 'душу [свою] разжечь'):

(50) *Тегэд хүн гээшэмнай мунхагтаа дшилдэжэ, эрдэм бэлигээр ухаан сэдхэлээ бадаруулангүй үлэхэдөө, юнһээшье муухай арьяатан болодог һэмнэй* – 'Но человек, задавленный своим невежеством, не осветивший душу [свою] знанием, становится страшным зверем'.

3. Заключение [Conclusion]

Сердце в языковой картине мира хакасов, бурят и ханты рассматривается как анатомический и эмоционально-психический орган в человеческом теле. Как и у многих народов, представление о сердце символизирует место сосредоточения самых сокровенных мыслей, эмоций и настроений человека. Также сердце видится как объект, реагирующий и откликающийся на различные ситуации и явления окружающего мира, что является следствием взаимосвязи состояния сердца и душевного состояния самого человека. Рассмотренные нами фразеологические единицы с соматизмом «сердце» подтверждают универсальность его лингвокультурологической характеристики. Вместе с тем мы отмечаем наличие специфичных образных компонентов в семантико-когнитивном содержании приведённых здесь фразеологизмов. Данный факт свидетельствует о том, что реальный орган – сердце – внутри человеческого тела в традиционном понимании отдельных этносов является невидимой живой субстанцией. Образная смысловая нагрузка рассматриваемого соматизма реализуется с учётом национального мировидения:

а) в хантыйском языке через сердце передаётся ощущение физиологической потребности организма;

б) в бурятском языке в ситуациях волнения сердце ассоциируется с ёмкостью, переполненной жидкостью и может опрокинуться. Также отличительной особенностью бурятских фразеологических единиц с соматизмом *зүрхэн* «сердце» является то, что он часто выступает в паре со словом *сэдхэл*, образуя единое понятие «душа»;

в) если в хакасском языке при положительных эмоциях сердце «поднимается» вверх, то в хантыйском языке оно «скатывается» вниз и по нему течёт масло.

Универсальной же особенностью соматического фразеологического осмысления, получившего образное выражение в хакасском, бурятском и хантыйском лингвокультурных является то, что сердце символизирует не только «вместилище переживаемых эмоций и сокровенных мыслей», но и абсолютный центр всего человеческого. Известно, что концептуальные образы, хранящиеся во фразеологической картине мира, передаются из поколения в поколение, оказывая особое влияние на менталитет народа.

«Через функцию трансляции культуры язык способен оказывать влияние на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности, что особенно актуально в условиях глобализации, ведущей, как можно полагать, к унификации всего» [Тагарова, 2016, с. 248]. Очень важно и актуально особенно для таких малочисленных этносов, как хакасы, буряты и ханты, в процессе подобной интернационализации сохранить специфические аспекты национального мировидения.

Благодарности [Acknowledgments]

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)» (№19-012-00080).

Список литературы

- БРС – Башкирско-русский словарь: 32000 слов / под ред. З. Г. Ураксина. М.: Дигора, Русский язык, 1996. 884 с.
- Белявский, 1997 – Белявский С. Н. Фразеологизмы говорят о многом. Минск: Высшая школа, 1997. 223 с.
- БК – Бурятский корпус. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru.
- ДСХЯ – Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / под ред. Н. Б. Кошкарёвой. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2011. 208 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука. Ленингр. отделение. 1969. 676 с.
- КазРС – Калдыбай Бектаев. Казахско-русский словарь. URL: <http://bookfi.net/book/586995>.
- Каксин, 2011 – Каксин А. Д. Устойчивые сочетания на базе соматической лексики как предмет когнитивной лингвистики // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2011. № 1 (13). С. 11–15.
- Рябчикова, 2008 – Рябчикова З. С. Соматическая лексика хантыйского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Рябчикова Зоя Степановна; РГПУ им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2008. 28 с.
- Соловар, 2017 – Соловар В. Н. Семантика фразеологизмов-соматизмов с компонентом сым / сям в обско-угорских языках // Финно-угорский мир. 2017. № 4. С. 65–70.
- Тагарова, 2016 – Тагарова Т. Б. К изучению фразеологических единиц бурятского языка как элементов культуры // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 246–254. doi: 10.17223/18137083/55/25.
- Чертыкова, 2018 а – Чертыкова М. Д. Концепт чүрек / сүрэх «сердце» в языковой картине мира хакасов и якутов // Имя. Язык. Этнос: сб. материалов всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения М. С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ, 8 ноября 2018 г. / редкол.: Н. И. Данилова, Нь. С. Уо Багдарыын, А. М. Николаева. Якутск, 2018. С. 150–153. doi: 10.25693/978-5-902198-40-0_049.
- Чертыкова, 2018 б – Чертыкова М. Д. Соматические фразеологизмы как сфера соприкосновения тюркского мировидения: компонент «сердце» // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70). С. 511–513.
- Чертыкова, 2019 – Чертыкова М. Д. Хакасская лексема чүрек «сердце» и его лексические параллели в других тюркских языках // Türkoloji [Тюркология]. 2019. № 1 (93). С. 25–42.
- DEWOS – Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache / W. Steinitz u. a. Berlin: Akademie – Verlag, 1966–1991. 2019 S.

Maria D. Chertykova
Humanitarian Researches and the Sayan-Altay Tyurkologiya
of Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation
chertikova@yandex.ru

Babasan D. Tsyrenov
Institute of Mongolian Studies, Buddology and Tibetology, Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation
tsyrenovbabasan@mail.ru

Andrey D. Kaksin
Humanitarian Researches and the Sayan-Altay Tyurkologiya
of Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation
adkaksin@yandex.ru

Phraseological units with the “heart” somatism in structurally different languages (Based on Khakas, Buryat and Khanty)

Abstract

The article describes lexical, semantic and linguocultural features of the Khakas, Buryat and Khanty phraseological units with the “heart” component. As a significant and basic fragment of the phraseological picture of the world, this layer of the lexical system is formed on the basis of the cultural and ideological competence of the ethnoses. The universal feature of somatic phraseological understanding, which has received a figurative expression in the Khakass, Buryat and Khanty linguistic cultures, is that the heart symbolizes not only “a reservoir of experienced emotions and innermost thoughts”, but also the absolute center of everything connected with the human being. At the same time, each of the languages studied contains the national specifics of seeing the world through an associative image of the heart. In Khanty, it is body’s physical need, in Buryat it is a container filled with liquid that can spill over. While experiencing positive emotions, in Khakas, the heart goes up but in Khanty, it falls down and oil flows down it.

Keywords: Khakas language, Buryat language, Khanty language, somatism "heart", phraseological unit, vision of the world, image.

© Chertykova M. D., Tsyrenov B. D., Kaksin A. D. 2020

References

- Uraksin, Z. G. (1996). *Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian dictionary]: 32000 words. Moscow : Digora, Russkiy yazyk Press. (BRS).
- Belyavskiy, S. N. (1997). *Frazeologizmy govoryat o mnogom* [Phraseological units are very telling]. Minsk : Vysshaya shkola Press.
- Buryatskiy korpus [Buryat corpus]. Retrieved December 19, 2019 from <http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru>. (BK).
- Koshkarevoy, N. B. (Ed.) (2011). *Dialektologicheskiy slovar' khantyyskogo yazyka (shuryshkarskiy i priural'skiy dialekty)* [The dictionary of Khanty dialects (Shuryshkarskiy and Priuralskiy dialects)]. Ekaterinburg : Basko Press.

- Nadelyaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., Shcherbak, A. M. (Eds.) (1969). *Drevnetyurkskiy slovar'* [The dictionary of ancient Turkic] (DTS). Leningrad : Nauka Press.
- Kaldybay Bektaev. *Kazakhsko-russkiy slovar'* [Kazakh-Russian dictionary]. Retrieved from <<http://bookfi.net/book/586995>>. (KazRS).
- Kaksin, A. D. (2011). Ustoychivye sochetaniya na baze somaticheskoy leksiki kak predmet kognitivnoy lingvistiki [Steady combinations on the basis of somatic lexicon as a subject of cognitive linguistics]. *Gumanitariy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya* [Humanitarian: Actual problems of the humanities and education], 1 (13), 11–15.
- Ryabchikova, Z. S. (2008). *Somaticheskaya leksika khantyyskogo yazyka* [Somatic vocabulary in Khanty]. PhD in Philological sci. diss. St-Petersburg : Herzen State Pedagogical University of Russia.
- Solovar, V. N. (2017). Semantika frazeologizmov – somatizmov s komponentom sym / sām v obsko-ugorskiy yazykah [The semantics of phraseological units-somatisms with component sym/sām meaning “heart” in the Ob-Ugric languages]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno Ugric World], 4. 65–70.
- Tagarova, T. B. (2016). K izucheniyu frazeologicheskikh edinitz buryatskogo yazyka kak elementov kul'tury [On the study of the phraseological units of the Buryat language as elements of lingvoculture]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2, 246–254. doi : 10.17223/18137083/55/25.
- Chertykova, M. D. (2018 a). Kontsept chÿrek / syrekh «serdtse» v yazykovoy kartine mira khakasov i yakutov [The concept of chÿrek / syrekh “heart” in Khakas and Yakut linguistic picture of the world]. *Imya. Yazyk. Etnos* [Name. Language. Ethnos]. In N. I. Danilova, N'. S. Uo Bagdaryyn, A. M. Nikolaeva (Eds.), *Proc. of All-Russia Scientific-Practical Conference in Commemoration of M. S. Ivanov-Bagdaryyn Sylbe, November 8, 2018* (pp. 150–153). doi : 10.25693/978-5-902198-40-0_049.
- Chertykova, M. D. (2018 b). Somaticheskie frazeologizmy kak sfera soprikosnoveniya tyurkskogo mirovideniya: komponent «serdce» [Somatic phraseological units as a sphere of contact of the Turkic worldview: The component denoting heart]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 3 (70), 511–513.
- Chertykova, M. D. (2019). Hakasskaya leksema чÿpek «serdce» i ee leksicheskie paralleli v drugih tyurkskiy yazykah [Khakas Leksema Чÿpek «Heart» and its Lexical Parallels in Other Turkic Languages]. *Türkolojî* [Türkologia], 1 (93), 25–42.
- Steinitz, W. (1966–1991). *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin : Akademie – Verlag. (DEWOS).

Чугаева Татьяна Николаевна, Шпак Наталья Евгеньевна
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
г. Пермь, Российская Федерация
tatiananch@mail.ru, shpaknat@yandex.ru

Существует ли слово в тексте: психологические и лингвистические аспекты соотношения перцептивной и артикуляционной баз языка

Аннотация

В основе аудирования лежат сложные механизмы обработки поступающего речевого сигнала, поэтому в практике обучения иностранным языкам именно трудности овладения механизмами восприятия иноязычной речи на слух остаются непреодоленными. Статья посвящена проблеме формирования перцептивной базы при обучении восприятию немецкой речи на слух. Обсуждаются приоритетная роль аудирования, механизмы перцепции, соотношение артикуляторной и перцептивной баз. Слово рассматривается как опорная единица восприятия. Описываются механизмы восприятия на слух немецкого слова в терминах теории существенных лингвистических признаков. Обосновывается необходимость целенаправленного формирования базовых навыков восприятия звучащей речи. Оперативными единицами такого формирования выступают наборы ключевых слов в единстве их фонетического облика и значений, характеризующихся полезными для восприятия признаками. Обсуждаются особенности отработки навыков опоры на эти признаки на примере авторских пособий по аудированию.

Ключевые слова: аудирование, восприятие звучащего слова, механизмы восприятия, существенные лингвистические признаки, перцептивная база, артикуляционная база языка, обучение немецкому языку.

© Чугаева Т. Н., Шпак Н. Е. 2020

1. Введение [Introduction]

Овладение иностранными языками является насущным требованием времени, что находит отражение в образовательных программах и учебных планах в различных учебных заведениях: дисциплине «Иностранный язык» отводится достаточно много учебного времени, постоянно обновляются стандарты и требования к обучению иностранным языкам. Перед преподавателями стоят непростые задачи, они находятся в постоянном поиске новых эффективных методов, методик, подходов и технологий обучения. Исследователи в области лингвистики и лингводидактики направляют свой интерес и усилия на изучение вопросов овладения иноязычной речью и постижения глубинных механизмов речи, создания прочной и эффективной методической основы обучения языку и речи.

Тесная взаимосвязь основных видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) при обучении языку остаётся неоспоримой. Однако до сих пор актуально звучит утверждение А. А. Леонтьева о том, что «при коммуникативной ориентированности современной методики правильная организация обучения аудированию является одним из основных условий успешного овладения иностранным языком в целом <...>» [Леонтьев, 1988, с. 104]. Ситуация остаётся сложной в силу того, что «в течение длительного времени формирование аудитивных умений не относилось к числу специальных методических задач, а рассматривалось как побочный результат обучения говорению и чтению, учащиеся, которых специально не обучали восприятию речи на слух, так и не приобретают аудитивных умений» [Леонтьев А.А., 1988, с. 104].

Между тем, аудирование обеспечивает возможность общения на иностранном языке, от степени сформированности механизмов этого вида речевой деятельности напрямую зависит адекватное участие в коммуникации, удовлетворение коммуникативных потребностей, успешность общения в целом. Таким образом, проблема формирования навыков и умений восприятия речи на слух становится всё более актуальной. Поскольку в основе речевой деятельности аудирования лежат сложные аналитико-синтетические механизмы обработки поступающего по разным уровням речевого сигнала (акустическому, семантико-языковому, смысловому), в практике обучения иностранным языкам именно трудности овладения механизмами восприятия иноязычной речи на слух остаются непреодоленными. При этом, работа по совершенствованию произносительных навыков традиционно осуществляется в аспекте обучения говорению.

При обучении иностранному языку необходимо ясное осознание того, что формирование навыков восприятия иноязычной речи на слух непосредственно связано с произносительными навыками (более того, приоритетно).

Многие исследователи рассматривают слово как опорную единицу восприятия [Леонтьев, 1988; Зимняя, 1976; Штерн, 1992; Краузе, 2002]. Восприятие текста также происходит через слово, через ключевые слова. Оперативными единицами восприятия текста становятся наборы ключевых слов [Мурзин, Штерн, 1991, с. 73]. А. А. Залевская называет слово «критической единицей сегментации текста» [Залевская, 1998, с. 11].

Восприятие речи является важнейшей составной частью человеческого вербального общения, а развитие навыков восприятия иноязычной речи является одним из важнейших условий, обеспечивающих не только совершенствование собственного произношения, но и развитие остальных речевых навыков и умений [Джапаридзе, 1985, с. 32]. Поэтому, по нашему мнению, представляются обязательными целенаправленные усилия по формированию перцептивной и артикуляторной баз преподаваемого языка в единстве. Практика преподавания иностранного языка должна опираться на закономерности в области восприятия речи, выявленные исследователями [Краузе, 2002, с. 44].

2. Аудирование и слово [Listening and word]

Термин «аудирование» («Listening comprehension», «comprehension orale», «Hörverstehen» в зарубежной методике) в методике обучения иностранным языкам означает процесс восприятия и понимания речи на слух. Описывая аудирование как сложный рецептивный вид речевой деятельности, исследователи характеризуют его как одновременное восприятие и понимание речи на слух [Колесникова, Долгина, 2008, с. 185].

Аудирование характеризуется внутренней формой активности слушающего; с точки зрения структурной организации аудирование представляет собой трёхфазную деятельность, включающей мотивационно-побудительную, аналитико-синтетическую и исполнительскую фазы [Зимняя, 1976, с. 11]. Предметным (психологическим) содержанием аудирования является мысль, передаваемая в звучащем тексте и подлежащая распознаванию. Продуктом речевой деятельности аудирования выступают суждения и умозаключения слушающего, а результатом – понимание воспринятого смыслового содержания и собственное ответное поведение, следовательно, речевая деятельность аудирования характеризуется направленностью на результат, выражающийся в понимании звучащей речи [Зимняя, 1973, с. 32].

В основе аудирования лежат сложные психофизиологические механизмы – восприятие, узнавание, понимание. Работы отечественных психологов в области восприятия речи [Выготский, 1982, с. 363–381; Жинкин, 1958, с. 117–124, 173–203; Жинкин, 1982, с. 20–28, 46–53] позволяют представить процесс восприятия звучащей информации как её декодирование, превращение сказанного слова в мысль, смысловую

переработку информации и на этой основе — понимание высказывания. И. А. Зимняя указывает, что аудирование включает слуховое восприятие, которое трактуется сложная «перцептивно-мыслительная деятельность» [Зимняя, 1976]. К механизмам восприятия относят механизм внутреннего проговаривания, оперативной и долговременной памяти, идентификации (сличения), антиципации (вероятностного прогнозирования).

И. А. Зимняя характеризует речевое восприятие как «неоднородный многоплановый процесс. Процесс непосредственного чувственного познания, <...> и процесс второсигнального отражения действительности, т. е. процесс раскрытия опосредованных словами связей и отношений, включающий осмысление». Слуховое восприятие включает перцептивное декодирование – «многомерную деятельность по выделению, соотнесению, интегрированию полезных, информативных признаков речевого сигнала» [Зимняя, 1976, с. 32]. Подчеркивается, что «на основе отождествления слова принимается решение о смысловом звене (синтагме, двусловном сочетании) <...>, затем о связях между смысловыми звеньями, после чего осуществляется фаза смыслоформулирования, которая заключается для слушающего в обобщении результата всей этой перцептивно-мыслительной работы и переводе его на одну нерасчленимую единицу понимания – общий смысл воспринятого сообщения [Зимняя, 1976, с. 32–33 цит. по: Леонтьев, 1997, с. 132–133]. В понимании А. А. Леонтьева – это внутренняя программа речевого высказывания, которая в то же время может являться константным (инвариантным) звеном при переводе с одного языка на другой» [Леонтьев, 1997, с. 132–133].

Успешность перцептивной деятельности обучающихся, связанной с сенсорно-смысловой переработкой иноязычной информации определяет успешность осмысления и понимания звучащей речи [Викулина, 2017, с. 165]. Существует условное разграничение обсуждаемого процесса на речевой слух (восприятие и понимание всех фонологических средств языка) и осмысление и понимание содержания высказывания [Ильнер, 2016, с. 10]. Речевой слух описывают как иерархически организованную функциональную систему, обеспечивающую способность воспринимать, распознавать фонологические средства языка, осмысливать особенности звучащей речи, осуществлять контроль за собственной речью. Речевой слух состоит из фонематического и фонетического слуха и выполняет две главные функции – воспринимающую и воспроизводящую [Лурия, 2006, с. 160; цит. по: Ильнер, 2016, с. 12] Благодаря этому перцептивному механизму происходит узнавание знакомых образов в речевом потоке, опознавание звучащих единиц речи, том числе иноязычных. «Иноязычный речевой слух можно рассматривать как способность различать звуки, слова, предложения и соотносить их с соответствующими сегментными и суперсегментными структурами изучаемого языка» [Ильнер, 2016, с. 15].

С лингвистической точки зрения восприятие иноязычной речи рассматривается перцептивной фонетикой, разграничиваются понятия артикуляционной и перцептивной базы языка: они представляют собой две формы существования звукового строя языка [Джапаридзе, 1985, с. 14].

Л. Р. Зиндер утверждал, что «артикуляционную базу связывают с особенностями фонологической системы языка». Она описывается как «совокупность привычных для данного языка движений и положений произносительных органов» [Зиндер, 1979, с. 80, 92; Зиндер, 1984, с. 12], «хранящаяся в памяти система «произносительных инструкций» и адресов, соответственно которой в органы речи направляются «произносительные приказы» (нервные импульсы), приводящие к произносительным движениям» [Джапаридзе, 1985, цит. по: Богданова, Шатохина, 2006, с. 232].

Артикуляционная база языка через фонемы соотносится с перцептивной базой. Перцептивная база – это «система лингвистических средств, используемых носителями данного языка при восприятии речевого потока» [Джапаридзе, 1969, с. 39], «система гра-

ниченного набора эталонов фонетических единиц и правил сличения с ними, хранящихся в памяти человека, как итог работы речевой системы, который образуется в результате фонологических обобщений на разных иерархических уровнях» [Евчик, 2001, с. 25].

Н. В. Богданова подчёркивает, что в литературе широко представлен тезис о известном параллелизме артикуляционной и перцептивной баз языка – это то, что ... Н. С. Трубецкой называл «фонологическим ситом» [Трубецкой, 1960, с. 59], А. А. Реформатский – «фонологичностью речевого слуха» [Реформатский, 1970, с. 507], «... основная трудность в обучении иностранному произношению состоит в том, что учащиеся воспринимают звучание чужой речи сквозь призму фонетической системы родного языка» [Бернштейн, 1937, с. 13 ; Богданова, Шатохина 2006, с. 232–233].

Тем не менее, как отмечает Н. В. Богданова, в современных работах звучит мысль о том, что артикуляционная и перцептивная базы не находятся в неразрывном единстве: «В условиях интервенции обе стороны речевой деятельности (порождение высказывания и восприятие сообщения на неродном языке) не являются полностью автоматизированными..., то есть «плохое» качество речи на неродном языке не исключает хорошего понимания, а при плохом понимании звуков неродного языка произносительные ошибки необязательны» [Интерференция звуковых систем, 1987, с. 5]. «В целом, фонематический слух <...> более чувствителен к звукам неродного языка и не стремится каждый незнакомый звук втиснуть в фонологическую схему родного языка. Особенно важно, что разные классы звуков в разной степени подчиняются унифицированному воздействию фонологического слуха. Одним из существенных свойств фонологического слуха является то, что он обеспечивает разные механизмы обработки звуков родного и неродного языка» [Богданова, Шатохина 2006, с. 234]. Так или иначе «без понимания перцептивной деятельности носителей другого языка не понять устройства звуковой системы этого языка, невозможно успешное обучение языку» [Бондарко и др., 1991, с. 90] естественное несовпадение перцептивных баз двух контактирующих языков чаще всего приводит к искажению и порождаемых, и воспринимаемых звуковых обликов, иными словами, к ошибкам и в речепроизводстве, и в речевосприятии [Богданова, Шатохина 2006, с. 234].

В психологии принято рассматривать слуховую афферентацию как базовый механизм овладения разговорной речью; постоянный поток нервных импульсов поступает в центральную нервную систему от органов чувств, воспринимающих информацию как от внешних раздражителей, так и от внутренних органов [Хомская, 2003, с. 229]. Перцептивная база, по сравнению с артикуляционной, имеет опережающее развитие [Джапаридзе 1969, с. 20]. Контролирующая функция слуха позволяет формировать обратную связь, которую обеспечивают речевые кинестезии [Ильнер, 2016, с. 63].

Вышесказанное позволяет утверждать, что в основу обучения иноязычному восприятию и пониманию речи следует положить целенаправленное формирование и развитие перцептивной базы изучаемого языка, начиная с развития речевого слуха. А. О. Ильнер, исследуя проблему развития иноязычного речевого слуха, полагает, что на начальном этапе развития иноязычного речевого слуха необходимо «формирование слуховой дифференциальной чувствительности и основ моторной артикуляции; формирование нового перцептивного эталона с установлением графо-фонемных связей; формирование навыков восприятия и артикуляции в пределах слога; формирование перцептивной и артикуляционной структуры слова» [Ильнер, 2016, с. 63]. Эти методические задачи представляется перспективным решать с опорой на положения Щербовской лингвистической школы.

В работах Л. Р. Зиндера и А. С. Штерн разработана концепция восприятия речи по существенным лингвистическим признакам; доказана опора на признаки восприятия единиц всех языковых уровней, от слога до текста [Зиндер, Штерн, 1972 ; Штерн, 1992]. А. С. Штерн рассматривает иерархию лингвистических признаков в качестве экспери-

ментально-статистической модели процесса восприятия. Наборы существенных лингвистических признаков (СЛП) отвечают единицам первого этапа процесса восприятия. В результате осуществления комплекса элементарных перцептивных действий формируется «смутный образ» воспринимаемого речевого отрезка и его частей. На втором этапе происходит распознавание объекта целиком. Это осуществляется сопоставлением информации, полученной на пересечении признаков, с характеристиками перцептивных эталонов [Чугаева, 2009, с. 257].

Исследования в рамках данной модели проведены на материале трёх языков: русского [Штерн, 1992], английского [Чугаева 1989, 2009] и немецкого [Краузе, 2002]. Центральная роль в данной модели принадлежит слову как основной единице восприятия, обладающей психологической реальностью в «речевой организации индивида» (Л. В. Щерба) [Чугаева, 2005, с. 3–4]. Слово рассматривается как опорная единица восприятия. Оно как совокупность значения и звука выступает средством понимания мысли говорящего, средством апперцепционирования содержания его мысли; слово выполняет роль внутреннего механизма самого акта мышления [Соколов 1967, с. 19]. Восприятие текста также происходит через слово, через ключевые слова. Оперативными единицами восприятия текста становятся наборы ключевых слов [Мурзин, Штерн 1991, с. 80–81], их можно обозначить как условие для включения механизма понимания и обеспечения переходов на более глубокие уровни понимания. Ключевые слова фиксируются в качестве смысловых вех во внутренней речи [Жинкин, 1958; Смирнов, 1966; Соколов, 1967]. Они обладают той же цельностью, что и тексты, и в процессе восприятия текста наблюдается постоянное формирование наборов ключевых слов [Мурзин, Штерн, 1991, с. 211–213; Штерн, 1992, с. 217].

В процессе понимания звучащей речи слово играет особую роль. А. А. Залевская называет слово «критической единицей сегментации текста» [Залевская, 1998 с. 11]. Важно также, что образуются связи как между звуковыми оболочками слов, так и в семантических полях [Доценко, Бочкарева, 2005]; соединение поверхностного (фонетического) и глубинного (семантического) уровней ментального лексикона «становится возможным за счёт функционирования в ментальном лексиконе промежуточной системы, организуемой фонетико-семантическими связями, которые одновременно обращены к фонетическим и семантическим признакам слов». [Чугаева, 2009, с. 254].

Как отмечалось выше, модель восприятия по существенным лингвистическим признакам А. С. Штерн была проверена на материале немецкой речи, в исследовании по восприятию немецкого слова М. Краузе, описана динамика механизма восприятия слова при различных условиях овладения иностранным языком. Полученные экспериментальные данные подтверждают принцип пословности восприятия текста как на родном, так и на неродном языке. В результате исследования выделены 13 существенных лингвистических признаков при восприятии немецкого слова на разных уровнях: на уровне текста – частота встречаемости; на уровне слова – ритмическая структура, количество квазиомонимов, часть речи; на уровне слогов – длина слова в слогах; на уровне морфем – длина в морфемах, длина в структурных элементах, соотношение слога-морфемных стыков; на уровне фонем – ударная гласная фонема, консонантный коэффициент, количество консонансов, начальный звук; на уровне дифференциальных признаков – шумность-сонорность, смычность-щелевость, звонкость-глухость, фортисность-ленисность [Штерн, 1992, с. 117–118; Краузе, 2002, с. 140–141].

Одни признаки характеризуют слово как цельное, например, квазиомонимия и частотные параметры. Другие описывают его с точки зрения частей целого. При этом признаки, которые характеризуют соотношение частей, могут функционировать как комплексные признаки целого [Зиндер, Штерн, 1972; Краузе, 2002, с. 28].

Авторы исследования отмечают, что при разных условиях восприятия (при наличии или отсутствии помех при восприятии) главным фактором является «частота встречаемости слова», средними факторами являются «длина в морфемах», «ударная гласная», малозначимыми являются факторы «часть речи», «шумность-сонорность», «смычность-щелевость». При улучшении условий приёма резко возрастает роль факторов «длина в слогах» (2-е место), «длина в структурных элементах» (3-место), «количество квазиомонимов» (4-е место) [Штерн, 1992, с. 119].

Рассмотрим основные лингвистические признаки немецкого слова.

«*Частота*» (Гоб), или «объективная частота» устанавливается путём подсчётов появления слов в определённом наборе текстов на материале частотных словарей Ф. Кэдинга и Х. Майера [Майер, 1967].

«*Длина слова в слогах и фонемах*». «Длина в слогах» является одним из ведущих факторов в опознании слов во всех условиях предъявления. Чем лучше условия восприятия, тем больше вес этого фактора. С увеличением длины слова отмечается увеличение разборчивости. В неразрывной связи со слоговой структурой слова стоит его ритмическая организация. Особенность немецкого слова состоит в том, что место ударения в слове несёт морфологическую нагрузку. Как правило, ударение падает на первый слог корневой морфемы. Отклонения от основного правила распространяются на чётко определённые группы слов [Краузе, 2002, с. 31].

«*Количество квазиомонимов*». В экспериментах по восприятию немецких слов иностранцами установлено, что в качестве замен на стимулы появляются в основном фонетически близкие слова [Краузе, 2002, с. 30].

Гласный звук, являясь в немецком слове существенным признаком при слуховом восприятии, характеризуется такими грациями как долгота (долгие-краткие) и напряжённость (напряжённые-ненапряжённые). В системе немецких гласных каждому краткому гласному противопоставляется более закрытый долгий того же ряда. Единственное исключение представлял краткий [ε], которому противопоставлялся не один, а два долгих...» [Зиндер, 1997, с. 112–113]. Немецкие гласные чётко противопоставлены по ряду (гласные переднего и заднего рядов) и подъёму (трёх ступеней). Важность опознания ударного гласного для опознания слога и слова замечена давно. Фактор «ударная гласная» является одним из важнейших для восприятия слогов и при восприятии слов; причём в шуме выявляется единообразная тенденция: чем выше подъём гласных, тем хуже воспринимается слог или слово [Штерн, 1992, с. 92].

При восприятии иноязычного слова на слух в силу несформированности иноязычной перцептивной базы зоны рассеивания звуков в разных языках могут не совпадать [Ильнер, 2016, с. 55]. Одни и те же признаки в одних языках могут определяться как существенные, а в других нет. Формируется фонологическая оппозиция, например, долгота и краткость гласных существенна для немецкого и не существенна для русского, хотя принципиально данные признаки существуют в обоих языках [Зимняя, 1961, с. 32 цит по: Ильнер, 2016, с. 62].

В исследовании по изучению динамики механизма восприятия слова М. Краузе обнаружено, что непосредственная интерференция родного языка проявляется прежде всего на уровне элементарных перцептивных эталонов – фонем и дифференциальных признаков согласных, а также при восприятии ритмических структур. Поэтому делается вывод о необходимости специальной тренировки перцептивных навыков, в процессе которой им обучаются [Краузе, 2002; Штерн, 1988]. Это особенно важно, потому что навыки восприятия опережают навыки произнесения. Рекомендуется проводить аудитивные упражнения сначала на материале элементарных единиц речи, как слогов и слов, а затем также включать предложения и тексты [Краузе, 2002, с. 169].

А. О. Ильнер отмечает, что целесообразно выделять фонологические ошибки, возникающие вследствие недодифференциации фонемного состава изучаемого языка, и фонетические, как следствие различия в артикуляционном укладе языка. Фонетические ошибки могут не оказывать существенного влияния на процесс коммуникации, а фонологические ошибки приводят к не опознанию слова. Так, например, неразличение долготы-краткости немецких гласных не позволит однозначно дифференцировать слова, отличающиеся данным признаком (минимальные пары слов) [Ильнер, 2016, с. 58].

При обучении слуховому восприятию следует особое внимание уделить работе, направленной на развитие способностей опознавать и оценивать существенные лингвистические признаки, развитие перцептивной базы изучаемого языка и предотвращать появление фонологических ошибок.

3. Заключение [Conclusion]

Универсальные черты модели восприятия речи по существенным лингвистическим признакам позволяют использовать её в качестве теоретической базы для построения системы аудирования иноязычной речи, что было успешно реализовано в учебном пособии для целенаправленного формирования навыков восприятия английской речи [Чугаева и др., 2005]. Такой теоретический подход к обучению аудированию позволяет сформировать механизмы восприятия в виде целостной системы. В пособии реализован метод «снизу-вверх», начиная с низших уровней слова и предложения, который целесообразен при начальном формировании или кардинальной корректировке механизмов восприятия.

Результаты обучающего эксперимента на английском материале, а также многолетний опыт обучения аудирования по данной методике показывает значительное улучшение восприятия звучащего текста после выполнения обучающимися упражнений по прослушиванию словесных таблиц с опорой на перцептивно значимые лингвистические признаки [Чугаева и др., 2005]. Последовательное прослушивание и выполнение целенаправленных заданий на материале немецкого языка по опознаванию существенных лингвистических признаков слов даёт системное представление о характерных особенностях немецкого звучащего слова и способствует формированию и развитию базовых навыков восприятия на слух немецкой речи [Чугаева, Страхова, 2003].

Л. Р. Зиндер подчёркивал, что в акте коммуникации первостепенное значение имеет перцептивная база языка, то есть, способность воспринимать звуковую сторону языка: «Понятия артикуляционной и перцептивной баз, т.е. самых общих черт, отличающий способ образования звуков, их акустический облик и возможности их восприятия, имеют немаловажное значение для обучения иностранному произношению и пониманию иноязычной речи» [Зиндер, 1997, с. 94]. Задача, в таком случае, должна заключаться в том, чтобы расширить эти базы у учащихся, научить их пользоваться ими.

Список литературы

- Бернштейн, 1975 – Бернштейн С. И. Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам) // Вопросы фонетики и обучение произношению / под ред. А. А. Леонтьева, Н. И. Самуйловой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 5–49.
- Бондарко и др., 1991 – Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1991. 152 с.
- Богданова, Шатохина, 2006 – Богданова Н. В., Шатохина Г. С. Восприятие как область межъязыковой фонетической интерференции (на материале опознавания японцами русских бифонемных консонансов) // ...Слово отзовется: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. Пермь : Изд-во Перм.ун-т., 2006. – С. 232–240.

- Бочкарева, Доценко, 2005 – Бочкарева Е. В., Доценко Т. И. Пути доступа к значению слова и ментальный лексикон // Научные чтения – 2004: прилож. к журн. «Язык и речевая деятельность». СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. Т. 6. С. 107–112.
- Викулина, 2017 – Викулина М. А. Аудирование и чтение при формировании иноязычной межкультурной компетенции // Язык и культура. Томск : НИТГУ, 2017. С. 154–172.
- Выготский, 1982 – Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии М. : Педагогика, 1982. 504 с.
- Джапаридзе, 1969 – Джапаридзе З. Н. Некоторые вопросы перцептивной фонетики // Вопросы анализа речи. Тбилиси, 1969. С. 39–52.
- Джапаридзе, 1985 – Джапаридзе З. Н. Перцептивная фонетика (основные вопросы). Тбилиси : Мецниереба, 1985. 117 с.
- Евчик, 2001 – Евчик Н. Е. Перцептивная база языка: теоретические и прикладные аспекты формирования (в норме и патологии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2001. 35 с.
- Жинкин, 1958 – Жинкин Н. И. Механизмы речи. М. : Изд-во Академии пед. наук, 1958. 370 с.
- Жинкин, 1982 – Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982. 159 с.
- Залевская и др., 1998 – Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста / А. А. Залевская, Э. Е. Каминская, И. Л. Медведева, Н. В. Рафикова. Тверь : ТвГУ, 1998. 206 с.
- Зимняя, 1961 – Зимняя И. А. К вопросу о зонной природе восприятия изолированных звуков // Доклады АПН РСФСР. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1961. № 2. С. 43–49.
- Зимняя, 1973 – Зимняя И. А. Психология слушания и говорения : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / И. А. Зимняя. М., 1973.
- Зимняя, 1976 – Зимняя И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения как сложная перцептивно-мыслительно-мнемическая деятельность // Смысловое восприятие речевого сообщения. М. : Наука, 1976. С. 5–33.
- Зиндер, 1979 – Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М. : Высшая школа, 1979. 312 с.
- Зиндер, 1984 – Зиндер Л. Р. К вопросу об артикуляционной базе // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Вып. 1. Л., 1984. С. 8–12.
- Зиндер, 1997 – Зиндер Л. Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. 184 с.
- Зиндер, 1972 – Зиндер Л. Р., Штерн А. С. Факторы, влияющие на опознавание слов // Материалы IV Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. С. 100–108.
- Бондарко, Вербицкая (ред), 1978 – Интерференция звуковых систем / отв. ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. : ЛГУ, 1987. 278 с.
- Ильнер, 2016 – Ильнер А. О. Развитие иноязычного речевого слуха в условиях учебного многоязычия. Екатеринбург : УрФУ, 2016. 136 с.
- Краузе, 2002 – Краузе М. Динамика механизма восприятия слова при различных условиях овладения иностранным языком. Мюнхен : Изд-во Отто Загнер, 2002. 177 с.
- Колесникова, Долгина, 2008 – Колесникова И. Л., Долгина О. А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. М. : Дрофа, 2008. 431 с.
- Леонтьев, 1997 – Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 1997. 285 с.
- Леонтьев, 1988 – Леонтьев А. А. Методика. М. : Изд-во Русский язык, 1988. 180 с.
- Лурия, 2006 – Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. СПб. : Питер, 2006. 320 с.
- Мурзин, Штерн, 1991 – Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 171 с.
- Реформатский, 1970 – Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М. : Наука, 1970. 528 с.
- Соколов, 1967 – Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М. : 1967. 38 с.
- Смирнов, 1966 – Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. М. : Просвещение, 1966. 423 с.
- Трубецкой, 1960 – Трубецкой Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. 372 с.
- Хомская, 2003 – Хомская Е. Д. Нейропсихология : учебник. СПб. : Питер, 2003. 496 с.

- Чугаева, 1989 – Чугаева Т. Н. Механизмы аудирования родной и иноязычной речи : дисс. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Чугаева Татьяна Николаевна. Л., 1989. 257 с.
- Чугаева, 2005 – Чугаева Т. Н., Thacker A., Байбурова О. В., Ощепкова О. В., Новиков А. В. Listening Challenge: практикум по аудированию английской речи / Т. Н. Чугаева, А. Thacker, О. В. Байбурова, О. В. Ощепкова, А. В. Новиков. Пермь : Изд-во ПГУ, 2005. 152 с.
- Чугаева, 2008 – Чугаева Т. Н. Восприятие звучащей речи как результат интегративного процесса (к постановке проблемы) // Вестник Санкт-Петерб. ун-та Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 1. Ч. II. С. 253–259.
- Чугаева, 2009 – Чугаева Т. Н. Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка): дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Чугаева Татьяна Николаевна. – СПбГУ, 2009. 346 с.
- Чугаева, Страхова, 2003 – Чугаева Т. Н., Страхова И. В. Немецкие артикуляционные таблицы. Deutsche Artikulationstabellen : методич. пособие по аудированию немецкой речи. СПб-Пермь, 2003. 52 с. (CD included).
- Штерн, 1992 – Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности (экспериментальное исследование). СПб : Изд-во СПбГУ, 1992. 236 с.

UDC 81'34

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_159_169

Tatiana N. Chugaeva, Natalya E. Shpak
Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Perm, Russian Federation
 tatiananch@mail.ru, shpaknat@yandex.ru

Does the word really exist within the text: The issue of perceptual and articulatory language bases correlation

Abstract

Complicated analytic and synthetic mechanisms of speech signal processing underlie the basis for listening comprehension skills, therefore, while teaching listening skills, the mechanisms of oral foreign speech perception remain crucial and properly addressed. The article looks into the formation of the perceptual language base while perceiving German as L2 speech. In this paper, we discuss a number of issues including the priority role of listening comprehension, mechanisms of perception and the interaction of the articulatory and perceptual language bases. The word is viewed as the basic unit of perception. The listening mechanisms of the German word are described in terms of significant linguistic features. The necessity of purposeful formation of basic oral speech perception skills is shown. The operating units of such formation are sets of keywords in the unity of their sound patterns and meanings, the latter characterized by the perception relevant features. The techniques of operating these features in the designed coursebooks are also observed.

Keywords: listening comprehension, perception of the word sound pattern, perception mechanisms, relevant linguistic features, perceptual base, articulation base, German as L2 teaching.

© Chugaeva T. N., Shpak N. E. 2020

References

- Bernstein, S. I. (1975). Voprosy obucheniya proiznosheniyu (primenitel'no k prepodavaniyu russkogo ka yazyka inostrantsam) [The issues of teaching pronunciation (Russian as L2)]. In A. A. Leont'ev, N. I. Samuylova (Eds.), *Voprosy fonetiki i obuchenie proiznosheniyu* [The issues of phonetics and teaching pronunciation] (pp. 5–49). Moscow : Moscow University Press.

- Bondarko, L. V., Verbitskaya, L. A., Gordina, M. V. (1991). *Osnovy obshchey fonetiki* [The outline of general phonetics]. St Petersburg : St Petersburg University Press.
- Bogdanova, N. V., Shatokhina, G. S. (2006). *Vospriyatie kak oblast' mezh'yazykovoy foneticheskoy interferentsii (na materiale opoznavaniya yapontsami russkikh bifonemnykh konsonansov)* [Perception as the realm of language interference (The perception of Russian biphonemic consonant clusters by the Japanese)]. ...*Slovo otzovetsya: pamyati Ally Solomonovny Shtern i Leonida Vol'kovicha Sakharnogo* [... The word will respond: The memory of Alla Solomonovna Stern and Leonid Volkovich Saharny] (pp.232–240). Perm : Perm University Press.
- Bochkareva, E. V., Dotsenko, T. I. (2005). *Puti dostupa k znacheniyu slova i mental'nyy leksikon* [The ways to access words meanings in mental lexicon]. *Nauchnye chteniya – 2004: prilozh. k zhurn. «Yazyk i rechevaya deyatel'nost'»* [Scientific Readings – 2004: Application to the journal “Language and speech activity”], 6, 107–112.
- Vikulina, M. A. (2017). *Audirovanie i chtenie pri formirovani inoyazychnoy mezhkul'turnoy kompetentsii* [Listening and reading comprehension as objects of perceptive-semantic activity when forming students' foreign-language intercultural competence]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 40, 154–172.
- Vygotskiy, L. S. (1982). *Sobranie sochineniy* [Collection of works]: In 6 volumes. Vol. 2. *Problemy obshchey psikhologii* [Issues of general psychology]. Moscow : Pedagogika Press.
- Dzhaparidze, Z. N. (1969). *Nekotorye voprosy pertseptivnoy fonetiki* [Some issues of perceptual phonetics]. *Voprosy analiza rechi* [Issues of speech analysis] (pp. 39–52). Tbilisi.
- Dzhaparidze, Z. N. (1985). *Pertseptivnaya fonetika (osnovnye voprosy)* [Perceptual phonetics (General issues)]. Tbilisi : Metsniereba Press.
- Evchik, N. E. (2001). *Pertseptivnaya baza yazyka: teoreticheskie i prikladnye aspekty formirovaniya (v norme i patologii)* [Perceptual base of a language : Theoretical and practical issues of forming : (Norm and pathology)] : Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Minsk.
- Zhinkin, N. I. (1958). *Mekhanizmy rechi* [Mechanisms of speech]. Moscow : Academy of Pedagogical Sciences Press.
- Zhinkin, N. I. (1982). *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as a conduit of information]. Moscow : Nauka Press.
- Zalevskaya, A. A., Kaminskaya, E. E., Medvedeva, I. L., Rafikova, N. V. (1998). *Psikholingvisticheskie aspekty vzaimodeystviya slova i teksta* [Psychological aspects of word and speech interaction]. Tver : Tver State University Press.
- Zimnyaya, I. A. (1961). *K voprosu o zonnoy prirode vospriyatiya izolirovannykh zvukov* [Zone nature perceiving sounds pronounced in isolation]. *Doklady APN RSFSR* [Reports of the Russian Academy of Pedagogical Sciences] (Vol. 2, pp. 43–49). Moscow : Russian Academy of Pedagogical Sciences Press.
- Zimnyaya, I. A. (1973). *Psikhologiya slushaniya i govoreniya* [The psychology of listening and speaking] : Author's abstract of Doctoral in Psychological sci. diss. Moscow.
- Zimnyaya, I. A. (1976). *Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya kak slozhnaya pertseptivno-myslitel'no-mnemicheskaya deyatel'nost'* [The perception of the utterance meaning as a complicated thought and mnemonic process]. *Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya* [The perception of the utterance meaning] (pp. 5–33). Moscow : Nauka Press.
- Zinder, L. R. (1979). *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
- Zinder, L. R. (1984). *K voprosu ob artikulyatsionnoy baze* [On the issue of articulatory basis]. *Eksperimental'no-foneticheskiy analiz rechi: problemy i metody* [Experimental phonetic speech analysis: Problems and methods] (Vol. 1. pp. 8–12). Leningrad.
- Zinder, L. R. (1997). *Teoreticheskiy kurs fonetiki sovremennogo nemetskogo yazyka* [The theory of modern German] : A coursebook. St Petersburg : St Petersburg University Press.
- Zinder, L. R., Shtern, A. S. (1972). *Faktory, vliyayushchie na opoznavanie slov* [Factors influencing words perception]. *Materialy IV Vsesoyuz. simp. po psikholingvistike i teorii kommunikatsii* [Proc. of the IV All-Russia Symposium on Psycholinguistics and the Theory of Communication] (pp. 100–108). Moscow.

- Bondarko, L. V., Verbitskaya, L. A. (Eds.) (1987). *Interferentsiya zvukovykh sistem* [Sound systems interference]. Leningrad: Leningrad State University Press.
- Il'ner, A. O. (2016). *Razvitie inoyazychnogo rechevogo slukha v usloviyakh uchebnogo mnogoyazychiya* [Developing foreign language listening ability in multilingual learning environment]. Yekaterinburg : Ural Federal University Press.
- Krauze, M. (2002). *Dinamika mekhanizma vospriyatiya slova pri razlichnykh usloviyakh ovladeniya inostrannym yazykom* [Dynamics of word perception mechanism at different levels of foreign language skills acquisition]. Munich : Otto Zagner Press.
- Kolesnikova, I. L., Dolgina, O. A. (2008). *Anglo-russkiy terminologicheskiy spravochnik po metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov* [English-Russian terminological guidebook in foreign language teaching methods]. Moscow : Drofa Press.
- Leont'ev, A. A. (1997). *Osnovy psikholingvistiki* [The basics of psycholinguistics]. Moscow : Smysl Press.
- Leont'ev, A. A. (1988). *Metodika* [The methodology]. Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Luriya, A. R. (2006). *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lecture on general psychology]. St Petersburg : Piter Press.
- Murzin, L. N., Shtern, A. S. (1991). *Tekst i ego vospriyatie* [Text and its perception]. Sverdlovsk : Ural University Press.
- Reformatskiy, A. A. (1970). *Iz istorii otechestvennoy fonologii* [From the history of Russian phonology]. Moscow : Nauka Press.
- Sokolov, A. N. (1967). *Vnutrennyaya rech' i myshlenie* [Inner speech and thinking] : Author's abstract of Doctoral in Pedagogical sci. diss. Moscow.
- Smirnov, A. A. (1966). *Problemy psikhologii pamyati* [Issues of memory psychology]. Moscow : Prosveshchenie Press.
- Trubetzkoy, N. S. (1960). *Osnovy fonologii* [Principles of phonology]. Translated from German by A. A. Kholodovicha. Moscow : Inostrannaya literatura Press.
- Khomskaya, E. D. (2003). *Neyropsikhologiya* [Neuropsychology]: A coursebook. St Petersburg : Piter Press.
- Chugaeva, T. N. (1989). *Mekhanizmy audirovaniya rodnoy i inoyazychnoy rechi* [Listening mechanism of native and foreign speech]: PhD in Philological sci. diss. Leningrad.
- Chugaeva, T. N., Thacker, A., Bayburova, O. B., Oshchepkova, O. V., Novikov, A. V. (2005). *Listening Challenge: The book on English speech listening practice*. Perm : Perm State University Press.
- Chugaeva, T. N. (2008). *Vospriyatie zvuchashchey rechi kak rezul'tat integrativnogo protsessa (k postanovke problemy)* [Speech perception as a result of integrative process (Defining the problem)]. *Vestnik Sankt-Peterb. un-ta Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism], 1 (2), 253–259.
- Chugaeva, T. N. (2009). *Zvukovoy stroy yazyka v pertseptivnom aspekte (eksperimental'noe issledovanie na materiale angliyskogo yazyka)* [Sound systems of the language in perceptual aspect (Experimental study based on English)] : Doctoral in Philological sci. diss. St Petersburg : St Petersburg University.
- Chugaeva, T. N., Strakhova, I. V. (2003). *Deutsche Artikulationstabellen : A coursebook on German speech listening (with CD)*. St Petersburg ; Perm.
- Shtern, A. S. (1992). *Pertseptivnyy aspekt rechevoy deyatel'nosti (eksperimental'noe issledovanie)* [Perceptual aspects of speech activity (Experimental study)]. St Petersburg : St Petersburg University Press.

Шамина Елена Анатольевна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e.shamina@spbu.ru

Беседина Елена Ивановна, Кузьмич Ирина Васильевна
Санкт-Петербургский электротехнический университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
elivbesedina@mail.ru, irinakuzmich@inbox.ru

Современный англоязычный дискурс в условиях пандемии: методический потенциал

Аннотация

В статье отмечается резкое изменение содержательной стороны англоязычного дискурса во время пандемии COVID-2019 и обосновываются связанные с этим модификации его прикладных аспектов, таких как лингводидактика. Обсуждаются также проблемы поддержания и усиления мотивации студентов высшей школы при изучении иностранного (английского) языка, в условиях преимущественно дистанционного обучения. Подчеркивается необходимость включения психологической поддержки студентам в основные лингводидактические установки преподавателя, в том числе с помощью повышения уровня внутренней мотивации к обучению английскому языку как основному средству межъязыкового и межкультурного общения. Приводятся примеры расширения тематики и реестра лингводидактических материалов, включающих описание и обсуждение текущей эпидемиологической ситуации в мире, а также её экономических, социальных и культурных аспектов. Разработанные авторами материалы предназначены для использования на занятиях английским языком в рамках целого спектра курсов для разных специальностей.

Ключевые слова: англоязычный дискурс, лингводидактика, мотивация обучаемых, социальные и культурные факторы.

© Шамина Е.А., Беседина Е. И., Кузьмич И. В. 2020

1. Введение [Introduction]

Наблюдаемые изменения в содержательной стороне англоязычного дискурса, как, впрочем, и в дискурсе на других языках, вызваны к жизни значительными переменами, происходящими в настоящий период в условиях существования каждого человека и связанными с необходимостью противостоять смертоносному вирусу COVID-2019. Легко можно заметить, что большая часть публикаций в СМИ, новостных передач и ток-шоу и даже частных бесед посвящены в той или иной мере темам здоровья, симптомов заболевания, санитарных норм, ограничений социальных контактов и т. п. Столь резкие смены тематических парадигм в дискурсе обычно связаны с некими социальными потрясениями, к которым приходится отнести и появление нового вируса и борьбу с ним, в которую вовлечено всё человеческое сообщество.

Лингводидактика как составная часть прикладной лингвистики не может оставаться в стороне от происходящих в языке явлений и должна соответствовать текущему моменту, вырабатывая новые подходы к оценке языкового материала и его методического потенциала.

2. Новый англоязычный дискурс и общие проблемы лингводидактики [New English discourse and the general issues of language teaching]

Как известно, мотивация считается одним из ключевых факторов, влияющих на успех в изучении иностранного языка [Gardner, Lambert, 1972 ; Daskalovska et al., 2020], при этом данное утверждение одинаково справедливо и в отношении студентов-филологов, и в отношении будущих специалистов в самых разных областях науки и техники, изучающих так называемый «английский для специальных целей» (ESP). Без достаточно высокого уровня мотивированности студентов невозможно хоть сколько-нибудь приблизиться к достижению целей современного университетского образования, к которым в развитых европейских странах относят, помимо получения комплекса собственно профессиональных знаний и умений, создание широкой общеобразовательной платформы, подготовку к активному участию в жизни общества, всестороннее развитие личности, выработку исследовательских навыков и готовности к инновациям.

С началом периода пандемии академическое сообщество подчёркивает роль учреждений высшего образования в воспитании у молодого поколения чувства гражданского долга и выступает с предложениями считать формирование у студентов демократических ценностей, готовности к сотрудничеству и преданности идеям всеобщего блага одним из основных направлений деятельности [Harkavy et al., 2020]. В самом деле, необходимо признать, что в условиях небезопасной эпидемиологической обстановки, а также частичного и / или периодического карантина, когда привычные социальные (дружеские, коллегиальные и даже родственные) связи становится трудно поддерживать, а ритм жизни и её событийное наполнение нарушаются, целеполагания в области обучения также могут претерпеть существенные изменения. Возникает вероятность утраты студентами интереса к приобретению знаний в выбранной ими профессиональной области в связи с осложнившейся ситуацией на рынке занятости и боязни невозможности найти работу по специальности. Временный запрет зарубежных поездок и ограничение личных контактов с иностранными партнерами, коллегами и друзьями может привести к кажущейся потере актуальности знаний иностранных языков. Агрессивная информационная политика основных медийных источников, полных печальной статистики распространения нового коронавируса, может вызывать пессимистические настроения, создавать психологические проблемы, повышать тревожность, отвлекать от выполнения задач, направленных в будущее. При этом страдают как внешняя, так и внутренняя мотивация к обучению. Первая связана с внешними обстоятельствами (необходимость зарабатывать, выполнение требований родителей, подчинение общепринятым нормам и др.), вторая – с удовлетворением внутренних потребностей личности к познанию [Ur, 1991]. Если на внешние обстоятельства преподаватель иностранного языка повлиять не в состоянии, то в его силах способствовать усилению личностной заинтересованности студента в изучаемом предмете.

При осуществлении мер по повышению мотивации студентов прежде всего необходимо проводить анализ потребностей обучаемых, включающий определение и оценку целей обучения, уровня владения иностранным языком, ожиданий обучающихся от изучения иностранного языка в вузе и предыдущего опыта овладения им. Таким образом, именно потребности студентов должны находиться в центре внимания как при составлении программы учебной дисциплины, так и при разработке лингводидактических материалов и методов [Brown, 2013]. Не вызывает сомнения предположение, что в период повышенного внимания к медицинским темам и соответствующей реструктуризации языкового дискурса потребности изучающих иностранный язык включают способность понимать тексты и умение общаться на темы, связанные с COVID-2019.

Более того, анализ потребностей должен характеризоваться непрерывностью, осуществляться на протяжении всего курса обучения [Бадмаева, Семенова, 2017] и, следовательно, при изменении условий обучения обеспечивать необходимую адаптацию стратегий преподавания. Текущий момент как раз и требует определённых модификаций учебных планов и методических материалов, для обеспечения соответствия содержательной стороны изучаемой дисциплины, претерпевшей изменения содержательной стороне языкового дискурса, а также изменившимся условиям жизни и отличительным чертам образовательного процесса в условиях пандемии.

Это в особенности касается изучения английского языка, в связи с его ролью языка глобального, универсального *lingua franca*, основного средства межъязыкового и межкультурного общения. Именно владение английским языком в той или иной степени может стать инструментом связи с внешним миром за пределами ограниченной карантинной локации, позволяющим вливаться в мировое культурное пространство, оставаться в курсе событий не только внутри страны, но и на мировой арене, и способствующим становлению гуманитарного мировоззрения, способным объединить человечество перед лицом эпидемиологической опасности.

В соответствии с этими соображениями, представляется необходимым расширение тем, предлагаемых к обсуждению на занятиях по английскому языку для студентов, обучающихся по всем направлениям, с тем, чтобы они включали описание и анализ текущей ситуации с COVID-2019, а также её экономических, социальных и культурных аспектов.

Особое значение в настоящее время приобретают также хорошо знакомые опытным преподавателям способы привлечения внимания и повышения мотивации, такие как использование ярких визуальных стимулов, элементов развлекательности, юмористического контента, игровых методик и т. п. [Минеева и др., 2018 ; Ur, 1991].

3. Некоторые лингводидактические вопросы дистанционного обучения [Some issues of distance language learning and teaching]

Предпринятые во многих странах карантинные меры, направленные на обеспечение санитарной безопасности, в большинстве случаев приводят к введению дистанционной формы обучения с использованием современных компьютерных технологий. Несмотря на несомненные преимущества такого способа преподавания и обучения перед контактным (аудиторным) в целях сокращения заболеваемости, а также его другие достоинства, не являющиеся предметом настоящей статьи, следует признать, что дистанционный формат занятий, особенно практических занятий иностранным языком, характеризуется целым рядом свойств, негативно влияющих на мотивацию, а значит, и на успешность процесса обучения. Это отметили все опрошенные авторами коллеги-преподаватели и студенты. В качестве таких отрицательных свойств, помимо неизбежных технических сложностей, они называли значительное увеличение времени и сил на подготовку занятия (преподаватели) и выполнение домашнего задания (студенты), необходимость длительное время находиться перед экраном практически неподвижно и связанное с этим снижение концентрации внимания, высокий соблазн отвлечься во внеаудиторной обстановке на посторонние дела, ослабленный контроль со стороны преподавателя за восприятием и пониманием дидактического материала студентами, недостаточно частую и регулярную смену деятельности в ходе занятия, отсутствие (или ослабление) психологического эмоционального взаимодействия между студентами и преподавателем, а также между членами учебной группы. Компенсировать эти недостатки (хотя бы в некоторой степени) призваны, по мысли авторов, специальные меры по усилению мотивации к обучению.

Дистанционное (онлайн) обучение в разных вузах может быть организовано на разных специальных (BlackBoard, Zoom, MSTeams) или общедоступных (WhatsApp, Skype) платформах, предоставляющих преподавателю достаточно широкие возможности для подготовки, проведения, аудио- и видеозаписи занятия, хранения и рассылки учебных материалов студентам, обмена с ними данными, включая выполненные в разных форматах задания. Существуют исследования, доказывающие, что использование подобных современных технологий, столь популярных среди молодёжи, эффективно вовлекает обучаемых в образовательный процесс, способствует их самостоятельности, ведёт к лучшему усвоению учебного материала, одним словом, повышает мотивацию учащихся [Ляшенко, 2016 ; Chinnery, 2014].

При этом необходимо отметить особый методический потенциал упомянутых выше изменений в языковом дискурсе. Во время пандемии, особенно в период изоляции, Интернет и социальные сети стали не только средством передачи и приобретения знаний и отработки навыков устной речи / аудирования / чтения / письма на иностранном языке, но и незаменимым источником лингводидактических материалов. При обучении английскому языку следует использовать, помимо рекомендуемого учебника, широкий спектр онлайн-изданий открытых англоязычных СМИ. Сюда могут входить ежедневные газеты и журналы, (для студентов-филологов, а также студентов изучающих «общий английский», или General English), или специализированные публикации, например, в онлайн-журнале ScienceDaily (для студентов, изучающих английский для специальных целей или ESP). Включение в образовательный процесс таких источников заставляет студентов следить за международными новостями и знакомит их с самыми разными мнениями и взглядами на происходящее.

Помимо серьёзных публикаций в уважаемых изданиях, популярные в социальных сетях, таких как Facebook, демотиваторы и другие размещённые в глобальной сети злободневные юмористические материалы на тему COVID-2019 также представляют контент, достойный внимания методистов. Они необычны по форме, обладают элементами развлекательности и достаточно часто содержат языковой материал, отвечающий требованиям программы по иностранному языку.

4. Способы повышения мотивации к изучению английского языка в условиях пандемии [Ways to boost motivation for learning English during the pandemic]

4.1. Актуальная тематика [Topics in high demand]

Как уже указывалось выше, тематика, содержание лингводидактических материалов, используемых на занятиях и в качестве основы для домашней работы студентов, должен в какой-то мере иметь отношение к пандемии COVID-19, так как борьба с ней в настоящее время составляет один из важнейших компонентов жизнеобеспечения и является основным предметом обсуждения в естественной коммуникации на родном языке.

К примеру, при работе с такими материалами на занятиях по чтению все обычные для такого рода учебной деятельности задания (поиск специфической информации, ответы на вопросы, подведение итогов, упорядочивание отрывков и т. д.) помогают учащимся, только начавшим изучать английский язык, приобрести новый или расширить уже имеющийся словарный запас, например: *pandemic, epidemic, virus, lockdown, vaccine, injection, pneumonia, sample, contamination* и др. Для студентов-филологов, владеющих английским языком на уровне B1 и B2 общеевропейской шкалы языковых компетенций, сведения, содержащиеся в публикациях на тему пандемии, могут стать основой для тренировки языковых трансформаций. Иллюстрировать это предложение можно следующим примером из педагогического опыта авторов. В ходе анализа текста

Why it's so hard to be rational about [Covid-19], опубликованной в сети Интернет, студентам было предложено произвести парафраз некоторых положений статьи (<https://www.bbc.com/future/article/20200505-why-its-so-hard-to-be-rational-about-covid-19>). Задание вызвало живой интерес и принесло неплохие результаты, как в отношении тренировки грамматических трансформаций, так и в отношении предоставления студентам дополнительной информации о распространении болезни по миру и об отношении к ней и к предпринимаемым карантинным мерам в разных странах. Образец задания приводится ниже:

Оригинальный текст:

These protests, which contradict health advice to reduce transmission rates of the virus, come at a time of widely circulated conspiracy theories about the virus, including that it is a hoax (believed by 13% of Americans polled). The research shows that even smart people can believe such conspiracy theories, if they're couched in the right language.

Пример студенческой трансформации (здесь и далее студенческие тексты не редактируются, имеющиеся в них ошибки не исправляются):

These protests conflicting with health advice to slow down spreading of the virus arose at a time of coming out of conspiracy theories about the virus including it to be a hoax. This study proves that such conspiracy theories can impact even on smart people if they're formed in the right language.

При том, что обучение аудированию обычно строится на использовании специально разработанных устных текстов с чёткими задачами по определению основной идеи, выделению специфических данных и т. д., в соответствии с требованиями текущего момента, дидактические материалы, направленные на тренировку понимания на слух, должны теперь с необходимостью включать новости, репортажи, радиосообщения, телевизионные ток-шоу и аналитические программы, посвящённые проблемам пандемии. Регулярные публичные выступления президента США Дональда Трампа и премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона, а также интервью с другими политиками и общественными деятелями дают возможность практиковать понимание речи на слух в реальной жизни.

Обращение английской королевы Елизаветы II к нации, сделанное ею 5 апреля 2020 года на первом этапе пандемии, является образцом этого жанра. Она упомянула славное прошлое своей страны, выразила искреннюю глубокую благодарность медицинскому персоналу медицинских учреждений, находящихся на передовой борьбы с новой инфекцией, и с надеждой говорила о будущем. Её уверенность в положительном исходе трагических событий настоящего периода проявилась в словах: *I hope in the years to come everyone will be able to take pride in how they responded to this challenge, and those who come after us will say the Britons of this generation were as strong as any.* Одна из авторов статьи рискнула поставить перед своей группой студентов уровня С1 задачу проанализировать супrasegmentные произносительные элементы (ударение и интонацию) в этом выступлении и их роль в создании эмоционального воздействия, которое оно оказало на аудиторию не только на Британских островах, но и во всём мире. Преподаватель затем была вознаграждена прекрасными результатами работы группы над английским произношением, когда они старались при озвучивании текста имитировать речь королевы.

Студентам переводческих специальностей следует регулярно формулировать задания на перевод текстов соответствующей тематики как с английского языка на русский, так и с русского на английский. Задание на перевод части вышеуказанной статьи:

As polls have shown, as far back as February, Americans' attitudes to Covid-19 risk are closely tied to voting behavior. Our decision making is influenced by our biology and our social environment. Many Americans adopt the opinions of their tribal leaders: the political elites,

Имело результатом появление нескольких русскоязычных вариантов, в том числе следующих:

(1) *По результатам опросов, так же как еще в феврале, отношение американцев к Covid-19 тесно связано с их предпочтениями. На принятие решений влияем мы сами и наше социальное окружение. Многие американцы перенимают мнение своих лидеров – политических элит;*

(2) *Как показали результаты опросов ещё в феврале, отношение американцев к опасности Covid-19 тесно связано с тем, как они голосуют. На то, как мы принимаем решения, влияют наше биологическое устройство и наша социальная среда. Многие американцы разделяют мнения вождей своего племени – политической элиты.*

Понятно, что качество студенческих переводов определяется целым рядом факторов (именно поэтому перевод (2) представляется гораздо более адекватным и точным, чем перевод (1)), однако заинтересованность в выполнении задания, а, значит, и его качество, может хотя бы отчасти напрямую зависеть от заинтересованности исполнителя в тематике переводимого текста.

Необходимо иметь в виду, что при письменном и/или устном переводе материалов СМИ студенты неизбежно столкнутся с совершенно разными и даже диаметрально противоположными взглядами на одни и те же факты и события (скажем, с оценкой статистики смертей, связанных с COVID-19, во всём мире и в России). Основная задача преподавателя видится при этом в обучении адекватному представлению мнения источника в тексте перевода. Второстепенной задачей может стать обучение анализу собственного опыта и выражению собственной точки зрения на английском языке, в том числе и при оценке излагаемой информации (ср. также раздел 3.4). Вообще говоря, использование в качестве дидактического материала реальных неоднозначных мнений и лозунгов, вроде ставшего популярным после одного из маршей протеста в столице США Вашингтоне: *My freedom does not end where your fear begins*, – является прекрасным стимулом для организации дискуссий и дебатов как между отдельными студентами, так и между студенческими группами.

4.2. Невербальные средства представления учебного материала [Non-verbal means of presenting learning materials]

Использование визуальных средств (картинок, плакатов, фотографий, видеозаписей, вырезок из кинофильмов) для представления учебного материала и организации его обсуждения – старый испытанный методический приём. Он легко применим для целей повышения ситуативной мотивации во время занятия со студентами всех уровней владения английским языком. Так, например, фотографии, представленные на рисунке 1, демонстрируют трудности общения и обучения в условиях санитарных ограничений и могут инициировать обсуждение данных проблем на занятии по разговору.

По всей вероятности, к подобным же способам усиления мотивации следует отнести и введение в канву занятия по разговорной практике или аудированию музыкального компонента, путём прослушивания исполнения вокальных композиций в аудио- или видеозаписи. Примером такого вида материала является размещенный в Интернете директором средней школы из Новой Зеландии Shirley Şerban фрагмент известного мюзикла «Звуки музыки» (“The Sound of Music”, XXI Century Fox, 1965), в котором на мелодию одной из знаковых для фильма композиций Do-Re-Mi она исполняет написанные ею слова:

*Let's start at the very beginning:
A sore throat, a cough in Wuhan
And in no time at all, there were 1, 2, 3
And one went on a plane – took it overseas*

Overseas

And that's how pandemics get started, you see.

Woe is me.

Now we've got Covid-19.

Do not fear – but please stay here...

(<https://www.youtube.com/channel/UCR5AvDAabVaMDnD00Wg7CNA>)

Р и с у н о к 1. Визуальные дидактические материалы на занятии по разговорной практике

Figure 1. Visual didactic materials in an oral communication class

Просмотр данного, весьма оптимистичного, контента, несомненно, поднимает настроение и может послужить отправной точкой для обсуждения путей распространения инфекции и способов защиты от неё. Такой же цели соответствует и прослушивание своеобразной кавер-версии известной песни легендарной рок-группы Queen (*Bohemian Rhapsody*, *Freddy Mercury*) в исполнении Adrian Grimes – *Coronavirus Rhapsody*, которая столь же драматична по тексту и столь же проникновенна по исполнению, как и оригинал (<https://www.youtube.com/watch?v=8KPbJ0-DxTc>). Песня содержит слова *Mama, I just killed a man*, отсылающие слушателя к размышлениям об ответственности каждого за соблюдение санитарных норм и нераспространение смертельно опасного заболевания.

Что касается собственно лингвистической составляющей описанных выше песенных текстов, то включение подобных произведений масс-культуры в реестр дидактических материалов не только вводит развлекательный элемент в образовательный процесс, но и с необходимостью влечёт за собой изучение различных речевых жанров с использованием характерных для них конкретных языковых средств.

4.3. Юмор [Exploiting humor]

Апелляция к чувству юмора является традиционным стимулом повышения интереса к предмету коммуникации, в нашем случае – к предмету изучения на вузовских занятиях по английскому языку. В условиях карантина и всевозможных социальных ограничений, когда молодым людям студенческого возраста, как никогда раньше, требуется психологическая поддержка, в том числе, и со стороны преподавателя как человека более старшего и умудрённого жизненным опытом, возможность улыбнуться при выполнении стандартных учебных процедур чрезвычайно важна. Привлечение к лингвистическому анализу и последующему обсуждению многочисленных демотиваторов, с завидной регулярностью публикуемых в социальных медиа-ресурсах помогает разрядить напряжённую атмосферу дистанционного занятия и быть очень полезным с методической точки зрения. Одним примером такого рода является музыкальный скетч – пародия Рэнди Рейнбоу (Randy Rainbow) *A Spoonful of Clorox*, остроумная сатира на неудачное предложение Дональда Трампа использовать в повседневной жизни больше

моющих средств, чтобы избежать заражения коронавирусом (<https://www.youtube.com/watch?v=DPDPzbLFeP4>, см. также рис. 2). Другой пример – пародия на рекламное объявление о знакомстве *Single man with Purell and Lysol seeking single woman with toilet paper for good clean fun* (см. рис. 2) – был размещён на платформе Facebook 22 марта 2020 года пользователем Crazy World и уже вошёл в историю как лучший способ «подцепить девушку» (the best pick up line) в этом году. Обсуждение этих юмористических по сути текстов может быть сосредоточено либо на популярности услуг брачных агентств, либо на санитарных требованиях настоящего периода и, как следствие, на буме продаж и сопутствующем ему дефиците в определённых секторах потребительского рынка. Опытный преподаватель не преминёт также использовать прекрасную возможность обсудить необходимость соблюдать санитарные рекомендации Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) с использованием модальных глаголов и выражений *mustn't, should, had better, be not allowed* и т. п.

Р и с у н о к 2. Комическое на занятии английским языком
F i g u r e 2. Humour at an English class

Оба рассмотренных текста достаточно просты с точки зрения лексики и грамматики и пригодны для использования на занятии со студентами невысоких уровней владения английским языком.

Следующий текст, также опубликованный в открытом доступе на Facebook под названием “They-say-laughter-is-the-best-medicine” («Говорят, смех – лучшее лекарство»), может быть рекомендован студентам уровня B2 и выше: *The American Medical Association has weighed in on Trump's Corona Virus strategy: The Allergists were in favor of scratching it, but the Dermatologists advised not to make any rash moves. The Gastroenterologists had sort of a gut feeling about it, but the Neurologists thought the Administration had a lot of nerve. Meanwhile, Obstetricians felt certain everyone was laboring under a misconception, while the Ophthalmologists considered the idea shortsighted. Pathologists yelled, "Over my dead body!" while the Pediatricians said, "Oh, grow up!"* (...). Этот текст, можно сказать, претендует на политическую сатиру, в нём используется терминология и идиомы из области медицины, что может оказаться полезным для обучения английскому языку не только студентов-медиков, но и обучаемых других специальностей. Он годится как для устного обсуждения, так и для обучения переводу.

4.4. Привлечение профессиональных знаний и личного опыта студентов [Exploiting professional knowledge and personal experience]

В процессе преподавания английского языка для специальных целей рекомендуется по возможности обращаться к профессиональным знаниям и опыту учащихся. На занятиях со студентами, обучающимися по направлениям «Экономика и менеджмент», «Связи с общественностью» авторы предлагали студентам подготовить и провести не-

большие лекции – презентации по тематике их специализации. Студенты ESP со знанием дела, а, следовательно, и с удовольствием, читали лекции об экономическом спаде, вызванном пандемией COVID-19, о стратегиях его преодоления и мерах, которые предприятия Санкт-Петербурга могут принять для смягчения его последствий. Их усилия по созданию устных презентаций по этой теме были очень впечатляющими (см. рис. 3).

Р и с у н о к 3. Пример студенческой презентации по специальности «Экономика»
Figure 3. A part of a student presentation on Economics

Поделиться личным опытом существования в условиях карантина студенты могли при написании сочинений в ответ на вопрос о том, чему их научила необходимость соблюдать меры санитарной безопасности и другие рекомендации ВОЗ. Некоторые из них оказались посвящены размышлениям о поддержании привычного уклада жизни и заботе о благополучии других людей:

(1) *Self-control is the most important skill in this situation, because without the need to go to classes, you can easily relax and stop learning. (...) during self-isolation many will have to change their habits. It will be difficult, but to maintain health, you must rebuild your behavior. In this difficult time, you need to responsibly treat your health and the health of others.*

Другие, очень личные и эмоциональные, свидетельствовали о поиске способов преодоления психологических проблем, вызванных пандемией:

(2) *My girlfriend and I have to maintain a long-distance relationship, which is sometimes difficult. But we found a solution that allowed us to spend time together. We started holding virtual dates. Sometimes in the evening, we dress up in evening clothes, Skype via video, and have dinner together, chatting with each other, listening to music together, and having a good time in each other's company. (...) I want to say, that self-isolation is a good opportunity to know, how we all can learn to distribute our time and spend it with ourselves. I think it's a very good skill that's always needed.*

Неподдельная искренность сочинений со всей убедительностью доказывает высокую мотивированность студентов в желании поделиться своими мыслями и ощущениями, и такую возможность преподаватели должны своим подопечным предоставлять.

На занятиях по развитию навыков устной речи со студентами высоких уровней подготовки им предлагалось изложить своё мнение относительно системы питания в ситуации самоизоляции и работы или учёбы из дому в двух разных функциональных стилях: (1) как на публичной лекции и (2) как в дружеской беседе, с надлежащим использованием всех грамматических особенностей, лексики и манеры изложения. Следующие тексты являются яркой иллюстрацией работы группы над этим заданием:

(1) *In these troubled times of the COVID-19 pandemic when most world population are prescribed to observe self-isolation by their national or local governments and medical authorities, dieting may present a grave problem. Deprived of venturing outside and communicating with even the immediate circle of family and friends, people are certain to*

experience emotional stress coupled with lack of exercise. This eventually results in heightened intake of such nutrients as carbohydrates, and that in its turn...;

(2) Look here, darling, this must stop. You can't go on gobbling all this fatty sweet food! I know you are sick and tired of having nothing better to do than sit glued to the TV. I know you are sore and jittery because the kids are raising hell all day long. But it's bad for your health, it's bad for our looks. What will your sister say when she sees you next? So how about doing a bit of yoga here in the corner?

Хотя это задание было далеко не простым, студенты над ним работали увлечённо, делая по несколько вариантов аудиозаписей своих обращений, поскольку содержание текстов отражало их собственные чувства и потребности, и они считали их полезными – и не только для себя, но и для других.

4.5. Эмоциональное взаимодействие [Emotional interaction]

Как уже отмечалось выше, отсутствие или существенное ослабление эмоционального межличностного взаимодействия преподавателя и студентов считается одним из наиболее выраженных негативных факторов дистанционного обучения. Представляется, что преподавателю необходимо прилагать максимум усилий для его поддержания, поскольку взаимное уважение, психологическая кооперация (эмпатия, наконец) в учебной аудитории является залогом успешного, результативного образовательного процесса.

Следует заметить, что выше уже упоминались материалы и методы, использование которых на занятии предполагает эмоциональное взаимодействие всех участников образовательного процесса: анализ провокационных лозунгов (3.1), прослушивание песен (3.2), перевод юмористических текстов (3.3) и т. д. Однако, для того чтобы эмоциональное взаимодействие было полным, оно должно быть обоюдным: преподавателю следует рассчитывать на доверие, только если он готов эмоционально открыться и поделиться со студентами своими, преподавательскими, трудностями, обусловленными необходимостью вести занятия онлайн. Этому может способствовать совместное прослушивание песни, написанной профессором Технологического университета Миссури Майклом Брунингом (Michael Bruening) на музыку известной композиции *I will survive*, ставшей в своё время хитом в исполнении Тины Тернер (Tina Turner). В ней говорится о непреклонном намерении преподавателей нести свет знаний в студенческие массы, даже если для этого приходится самостоятельно улучшить свои навыки в области компьютерных технологий за два дня:

*At first, I was afraid, I was petrified,
Kept thinking I could never teach through Canvas all the time,
But then I spent so many nights reading the help docs for so long
And I grew strong
And I learned how to get along (...)
Oh, my students still will learn
And my paychecks I will earn,
And I'll survive, I will survive!*

Рефреном этой посвящённой дистанционному преподаванию композиции, как и оригинала, является жизнеутверждающее заявление «Я выживу!», что не может не вызывать у студентов уважение к своим преподавателям.

5. Заключение [Conclusion]

Язык, вообще говоря, чутко реагирует на все изменения в обществе: политические, экономические, культурные, и потому важнейшее средство коммуникации не мог-

ло не отразить происходящие во всем мире события, вызванные распространением вируса COVID-19. Изменения, происходящие в англоязычном дискурсе, должны с необходимостью найти отражение в используемых лингводидактических материалах, а то, в свою очередь, повышает ответственность преподавателя за подготовку таких материалов и за постоянное внимание к процессам функционирования и развития языка.

С другой стороны, поддержание мотивации к обучению всегда было важной составной частью педагогической деятельности. В настоящее время, однако, в связи с обстоятельствами непреодолимой силы: распространением вируса и высокой степенью опасности заражения, предопределившими почти повсеместный переход образовательных учреждений на режим удалённой работы, – эта задача приобретает особое значение. Она непосредственно связана с другой важнейшей задачей преподавательского сообщества – оказанием психологической поддержки обучаемым, – и требует от преподавателя применения всего арсенала лингводидактических средств, которыми он обладает. Авторы статьи делятся с коллегами своими практическими наработками в этой области в уверенности, что пандемия скоро будет побеждена, а опыт обучения английскому языку с использованием самых разнообразных речевых произведений, появляющихся в англоязычном дискурсе в ответ на каждодневно меняющуюся обстановку, пригодится в будущем. Потребности текущего момента определяют необходимость структурной и содержательной модификации учебных программ по иностранному языку, лингводидактических материалов и методических приёмов (ср. [Shamina et al, 2020]), включая те, которые обеспечивают поддержание и повышение мотивации к обучению студентов высшей школы.

Список литературы

- Бадмаева, Семенова, 2017 – Бадмаева Е. С., Семенова М. В. Метод анализа потребностей обучаемых при изучении иностранного языка в вузе // Мир науки : интернет журнал. 2017. Т. 5. № 2. С. 1–13. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/71PDMN217.pdf> (дата обращения: 26.05.2017).
- Ляшенко, 2015 – Ляшенко М. С. Применение социальных медиа технологий в образовательной среде вуза // Управление мегаполисом. 2015. С. 28–32.
- Минеева и др., 2018 – Минеева О. А., Оладышкина А. А., Клопова Ю. В. Способы повышения мотивации студентов к изучению английского языка // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 125–128.
- Brown, 2013 – Brown H. D. *Learner-Centered English Language Education*. New York : Routledge, 2013. 304 p.
- Chinnery, 2014 – Chinnery G. M. CALL me... Maybe: Framework for Intergrating the Internet into ELT // *English Teaching Forum*. 2014. Vol. 52, N. 1. P. 2–13.
- Daskalovska et al. – Daskalovska N., Gudeva L. K., Ivanovska B. Learner Motivation and Interest // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2011. Vol. 46. URL : <https://www.researchgate.net/publication/232722950> (дата обращения : 16.09.2020).
- Gardner, Lambert, 1972 – Gardner R. C., Lambert W. E. *Attitudes and Motivation in Second Language Learning*. Rowley, Mass. : Newbury House Publishers, 1972. 313 p.
- Harkavy et al., 2020 – Universities must help shape the post-COVID-19 world / I. Harkavy, S. Bergan, T. Gallagher, H. van't Land // *Global Forum*. 2020. URL : <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200413152542750> (дата обращения : 16.09.2020).
- Shamina et al., 1991 – Shamina E., Besedina E., Kuzmich I. On Meeting Challenges on the Doorstep: Curriculum Development during the Pandemic // *ICERI2020 Proceedings*, November 2020, Seville. (In print).
- Ur, 1991 – Ur P. A *Course in Language Teaching: Practice and Theory*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. 388 p.

Elena A. Shamina
St Petersburg State University
St.Petersburg, Russian Federation
 e.shamina@spbu.ru

Elena I. Besedina, Irina V. Kuzmich
St.Petersburg Electrotechnical University
St.Petersburg, Russian Federation
 elivbesedina@mail.ru, irinakuzmich@inbox.ru

Contemporary English language discourse during the pandemic: Methodological potential

Abstract

The article draws attention to the sudden change in the content of the English language discourse during the COVID-2019 pandemic and states the necessity of modification in some aspects of Applied Linguistics domain, such as linguodidactics. It also discusses ways of keeping up and strengthening motivation of university students in studying foreign languages (English in particular), mostly in the distance learning format. The authors claim that in these circumstances students are in need of the teacher's moral support and encouraging, as well as heightening their intrinsic motivation for studying English as the major means of international and intercultural communication, and that this kind of support should be included into the list of immediate linguodidactic goals. Considerable changes are offered in the range of linguodidactic materials and topics to embrace those related to the current epidemic situation in the world and its economic, social and cultural aspects. The materials presented are targeted at students learning English in a variety of university courses.

Keywords: English language discourse, linguodidactics, learner motivation, social and cultural factors.

© Shamina E. A., Besedina E. I., Kuzmich I. V. 2020

References

- Badmaeva, E. S., Semenova, M. V. (2017). Metod analiza potrebnostey obuchaemykh pri izuchenii inostrannogo yazyka v vuze [Method of learner's needs analysis in the process of foreign language acquisition at university]. *Mir nauki* [World of science. Pedagogy and Psychology], 5 (2), 1–13.
- Lyashenko, M. S. (2015). Primenenie sotsial'nykh media tekhnologiy v obrazovatel'noy srede vuza [Implementation of social media in educational environment of university]. *Upravlenie Megapolisom* [Megapolis Management], 6-1 (48), 28–32.
- Mineeva, O. A., Oladyshkina, A. A., Klopova, Ju. V. (2018). Sposoby povysheniya motivatsii studentov k izucheniyu angliyskogo yazyka [The ways of increasing students' motivation in learning the English language]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of Scientific research: Pedagogy and Psychology], vol. 7, 1 (22), 125–128.
- Brown, H. D. (2013). *Learner-Centered English Language Education*. New York : Routledge.
- Chinnery, G. M. (2014). *CALL me... Maybe: Framework for Intergrating the Internet into ELT*. *English Teaching Forum*, 52 (1), 2–13.
- Daskalovska, N., Gudeva, L. K., Ivanovska, B. (2011). Learner Motivation and Interest. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, vol. 46. Retrieved from <https://www.researchgate.net/publication/232722950> 16.09.2020
- Gardner, R. C., Lambert, W. E. (1972). *Attitudes and Motivation in Second Language Learning*. Rowley, Mass : Newbury House Publishers.
- Harkavy, I., Bergan, S., Gallagher, T., van't Land, H. (2020). *Universities must help shape the post-COVID-19 world*. *Global Forum*. Retrieved from <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200413152542750> 16.09.2020
- Shamina, E., Besedina, E., Kuzmich, I. (1991). On Meeting Challenges on the Doorstep: Curriculum Development during the Pandemic. *ICERI2020 Proceedings*, November 2020, Seville. (In print).
- Ur, P. A. (1991). *Course in Language Teaching: Practice and Theory*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Шуйская Татьяна Викторовна
Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
T.Shuiskaya@mail.ru

Гласная вставка в детской речи

Аннотация

Важность овладения слоговой структурой слов детьми не вызывает сомнения. В речи трёхлетних детей встречаются ненормативные с точки зрения речи взрослых сокращения числа слогов, выпадение отдельных согласных, а также реализация гласной вставки. Считается, что гласная вставка в речи взрослых носителей русского языка возникает в результате физиологических причин. Однако в детской речи, согласно гипотезе исследования, между согласными, возможно, реализуется полноценная гласная фонема, что приводит к изменению количества слогов в слове. Результаты акустического анализа гласной вставки, обнаруженной в двусложных словах у трёх детей в возрасте трёх лет, показали наличие полноценной формантной структуры наподобие той, что характерна для окружающих гласных. В ходе исследования речевого материала обнаружено 2 типа гласной вставки – [a]-образная и [i]-образная. Кроме того, выявлено, что средняя длительность гласной вставки принципиально не отличается от средней длительности реализаций полноценной фонемы с соответствующими акустическими характеристиками. Перцептивный эксперимент с участием двадцати носителей русского языка показал надёжное восприятие увеличения количества слогов за счёт опознания гласной вставки как полноценной фонемы. Испытуемые оказались единодушны и в фонемной интерпретации гласных вставок, которая полностью коррелировала с их формантной картиной.

Ключевые слова: гласная вставка, слог, согласный, детская речь, акустический анализ, перцептивный эксперимент.

© Шуйская Т. В. 2020

1. Введение [Introduction]

Работы онтолингвистов, как правило, направлены на систематизацию наиболее распространённых специфических характеристик детской речи, отличающих её от нормативной речи взрослых. В литературе часто встречается анализ фонетических явлений: фонемных замен, элизии, эллипсиса, сокращения числа слогов [Гвоздев, 2007; Маркова, 1969; Елисеева, 2008 и др.]. Проведены исследования, посвящённые описанию акустических характеристик сегментных единиц, в определённый период развития детей [Ляксо, Григорьев, 2013; Андреева, Куликов, 2014; Шуйская, 2018], созданы целые корпуса детской речи [Ляксо и др., 2017]. Однако наряду с систематическим наблюдением не менее важна фиксация отдельных речевых проявлений ребёнка, так как это даёт возможность дополнить материал о речевом развитии детей [Рыбников, 1927]. Вопрос формирования слоговой структуры слова не раз освещался в трудах лингвистов [Маркова, 1969; Сикорский, 1977; Винарская, Богомазов, 2005 и др.], в том числе с использованием инструментального метода исследования [Шуйская, 2017]. Вместе с тем случай реализации гласной вставки в детской речи не получил широкого освещения в работах по речевому онтогенезу, возможно, ввиду его немассового характера.

Даже в логопедической работе с детьми часто на первый план выдвигается преодоление недостатков произношения отдельных звуков и недооценивается значение

правильного формирования слоговой структуры слова [<https://logosha.com/category/stati>]. Между тем, по мнению Л. В. Бондарко, именно слог является минимальной единицей произношения [Бондарко, 1977]. Поэтому правильное формирование слоговой структуры слова обеспечит успешное обучение ребёнка в школе и его дальнейшую социализацию.

Овладение слоговой структурой слова зависит от целого ряда факторов, среди которых наиболее значимыми считаются: артикуляционные возможности, фонематическое восприятие, особенности неречевых процессов (оптико-пространственная ориентация, ритмическая организация движений, возможности темпо-ритмической организации движений и действий, способность к серийно-последовательной обработке информации) [Бабина, Сафонкина, 2005].

В русском языке действует тенденция к образованию открытых слогов, что порой вызывает развитие дополнительной слоговости, приводящей к появлению нового звука в составе слога, а именно развитие гласных вставок [Агапкина, 1982].

Под гласной вставкой понимается гласный звук, возникающий в сочетаниях согласных, обладающий собственными качественными и количественными характеристиками, но не имеющий самостоятельного фонологического статуса [Богомазов, Пауфошима, 1979].

Длительность гласных вставок зависит от положения в слове, от способа образования согласных и от их звонкости, глухости. Наибольшей длительностью обладают гласные вставки в конечных сочетаниях шумных взрывных и щелевых с сонантами, в сочетаниях конечных сонорных согласных. В начальных сочетаниях наибольшей длительностью обладают гласные вставки в сочетаниях сонорных с шумными взрывными или щелевыми. Наименьшую длительность имеют гласные вставки в сочетаниях двух взрывных [Агапкина, 1982].

Большое значение для появления гласных вставок имеет тип сочетания по способу образования согласного. Благоприятные условия для их возникновения создают сонорные и шумные взрывные согласные, а именно при сочетании: «шумный взрывной + сонорный», «шумный щелевой + сонорный», «сонорный + сонорный». В начальных сочетаниях согласных появление гласных вставок менее распространено [Агапкина, 1982].

Важно понимать, что гласная вставка в речи взрослых и в детской речи – это не одно и то же. Во взрослой речи это явление объясняется физиологическими и индивидуальными особенностями речи [Богородицкий, 1930], а также инерционностью речевого аппарата и разрядкой стечения согласных, нехарактерных для фонетического строя русского языка [Богомазов, 1970]. В детской речи, гласные вставки возникают в отличных от взрослой речи сочетаниях. Представляется, что в детской речи, гласные вставки по формантной структуре мало чем отличаются от окружающих гласных, а по длительности схожи с реализациями соответствующих гласных фонем. В связи с этим ожидалось, что в условиях ограниченного контекста гласная вставка будет надёжно восприниматься как соответствующая фонема. Для проверки данной гипотезы было проведено исследование.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Изучение детской речи проводится в рамках тематического плана ФГБОУ ВО АмГУ (НИОКТР АААА-А17-117021310063-3) «Фонетический портрет нормально развивающихся детей в возрасте 3–5 лет (на материале амурского региолекта)». Успешность формирования слоговой структуры у двадцати детей из контрольной группы была изучена и представлена в ранее опубликованной работе «Слоговая структура слов в речи трёхлетних детей» [Шуйская, 2017]. Однако, общаясь с остальными детьми в группе, были замечены интересные реализации сегментных единиц и особенности

оформления слоговой структуры слова. С разрешения родителей несовершеннолетних и администрации детского сада г. Благовещенска Амурской области, были записаны речи отдельных детей (мальчик (3 года) и две девочки (3,1 года)), не вошедших в состав основной исследуемой группы. Несмотря на то, что дети не были отобраны в основную группу, важно отметить, что в норме у детей этого возраста сохраняются недостатки в произношении ряда длинных и незнакомых слов, среди которых – вставка дополнительных гласных [Швачкин, 2004]. Тем не менее, поскольку у основной группы не отмечалась такая речевая особенность, были опрошены матери именно этих трёх детей. В ходе беседы выяснилось, что по заключению невролога дети здоровы. Однако у всех детей наблюдалось раннее развитие опорно-двигательного аппарата, что является одним из предпосылок для замедления темпа речевого развития.

Исследование проводилось в несколько этапов:

- 1) запись слов со стечениями согласных;
- 2) инструментальный анализ гласных вставок;
- 3) аудиторский эксперимент по восприятию участков слов с гласными вставками.

На первом этапе ребёнку предлагалось повторить слово вслед за диктором. Если ребёнок называл слово правильно, переходили к следующему слову. При неправильном произношении просили повторить. Если ребёнок не знал слово, ему объясняли его значение. Корпус слов для записи, представленный в таблице 1, составили односложные слова со стечениями согласных в начале слова – *гном, хлеб, стул, блин, внук* и в конце слова – *бант, зонт, лифт, кекс, лист*; двусложные слова со стечениями согласных звуков на стыке слогов – *утка, банка, банты, шапка, тапки* и в начале слова – *гномы, слоны, шкафы, столы, круги*, а также с двумя стечениями согласных: *кружка, гвозди, кресло, звезда, игрушки*. Образцы речи были записаны на диктофон Samsung YP-VP1AB.

Дети знали значение всех слов, но иногда сложность вызывали слова с обозначением множественного числа из-за незнания самой грамматической формы (например, *шкафы, банты*). Твёрдость и мягкость сочетаний согласных не учитывалась, поскольку этот признак не влияет на появление гласной вставки. Если гласная вставка есть в сочетании с твёрдым согласным, то и с мягким согласным она тоже будет реализована [Агапкина, 1982].

Т а б л и ц а 1. Слова со стечением согласных
T a b l e 1. Words with consonant clusters

Согласный	l/lj	n/nj	t/tj	k/kj	v/vj	r/rj	d/dj	s/sj
g/gj	-	ГНОМ ГНОМЫ	-	-	ГВОЗДИ	ИГРУШКИ	-	-
z/z	-	-	-	-	ЗВЕЗДА	-	ЗВЕЗДА ГВОЗДИ	-
h/hj	ХЛЕБ	-	-	-	-	-	-	-
s/sj	СЛОНЫ КРЕСЛО	-	ЛИСТ СТУЛ СТОЛЫ	-	-	-	-	-
b/bj	БЛИН	-	-	-	-	-	-	-
v/vj	-	ВНУК ВНУКИ	-	-	-	-	-	-
n/nj	-	-	БАНТ ЗОНТ БАНТЫ	БАНКА	-	-	-	-
t/tj	-	-	-	УТКА	-	-	-	-

Окончание таблицы 1 [End of Table 1]

p/pʲ	-	-	-	тапки шапка	-	-	-	-
k/kʲ	-	-	-	-	-	кружка круги кресло	-	кекс
f/fʲ	-	-	лифт	-	-	-	-	-
ʃ/ʃʲ	-	-	-	шкафы игрушки кружка	-	-	-	-

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В ходе анализа выяснилось, что в контексте «глухой смычный /p/ + глухой смычный /k/» в двусложных словах *шапка* и *тапки* реализована а-образная гласная вставка у двух девочек. В речи двух детей (девочка и мальчик) в контексте «глухой щелевой /ʃ/ + глухой смычный /k/» в слове *игрушки* реализуется i-образная гласная вставка. В данном слове наблюдается редукция [ɾ] у троих детей. В остальных словах реализация гласной вставки не отмечалась.

При беседе с родительницами данных детей было выяснено, что в более раннем возрасте гласных вставок было больше, чем в настоящий период. Дети самостоятельно, без помощи логопеда, перешли на правильное слоговое оформление большинства слов.

Для определения акустических характеристик гласных вставок был проведен акустический анализ в программе Praat.

В слове *шапка* а-образный гласный имеет чёткую формантную структуру. Среднее значение F1 составляет 1000 Гц, F2 – 2040 Гц, что соответствует средним значениям гласного /a/ в речи детей трёх лет (F1 – 1039 Гц, F2 – 2106 Гц) [Шуйская, 2018]. Средняя длительность вставки равна 154 мс. В слове *тапки* среднее значение F1 равно 1010 Гц, F2 – 2027 Гц. Средняя длительность гласного – 148 мс. Среднее значение длительности данного гласного у детей соответствующего возраста составляет 177 мс [Шуйская, 2018].

Средние значения F1 i-образной гласной вставки в слове *игрушки* равно 505 Гц, а F2 – 1780 Гц. Средние значения гласного /i/ в речи трёхлетних детей – F1 составляет 524 Гц, F2 – 1805 Гц. Длительность вставки равна 148 мс, а среднее значение длительности гласного у трёхлетних /i/ – 157 мс [Шуйская, 2018].

Согласно данным по длительности, нельзя сказать, что вставка была короче средней длительности соответствующей фонемы. Кроме того, разница средних значений (9 мс) не является ни статистически, ни перцептивно значимой.

Поскольку формантная структура гласных является акустическим коррелятом их дифференциальных признаков, можно предположить, что в слове *шапка* и *тапки* был реализован гласный /a/, также, как и в слове *игрушки* реализован гласный /i/. Важно отметить, что в указанных словах гласная вставка реализуется в безударной позиции, что объяснило бы её меньшую длительность, по сравнению с длительностью соответствующих гласных в ударной позиции. Однако ещё раз подчеркнём отсутствие статистически значимой разницы и отсутствие стабильно более высокого значения длительности ударного гласного по сравнению с аналогичным параметром гласной вставки.

Учитывая полученные в ходе акустического анализа формантные значения и длительность, возникло предположение о том, что гласные вставки будут восприниматься как фонемы с соответствующими акустическими характеристиками.

Для проверки этой гипотезы с соответствующими сегментами, взятыми из слов *шапка*, *тапки*, *игрушки*, был проведён перцептивный эксперимент. В нём приняло

участие двадцать носителей русского языка, являющиеся студентами первого курса Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). В качестве стимулов были предъявлены сегментированные участки из слов: шапка [ʃapa] (пака [pa]ka), тапки [tapaki] (паки [pa]ki), игрушки [iguʃki] (шики [ʃki]). Каждый стимул повторялся три раза с равными паузами между каждым. Задача аудитором (далее – А1–А20) заключалась в записи услышанного любым удобным способом. Ответы аудитором представлены в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Ответы аудитором

T a b l e 2. Listeners' responses

Стимул	пака [pa]ka]	паки [pa]ki]	шики [ʃki]
А 1	пока	паки	шыки
А 2	пака	паки	шыки
А 3	рака	pa]ki	Shuiki
А 4	пока	паки	шыки
А 5	пока	паки	шыки
А 6	пока	паки	шыки
А 7	рака	pa]ki	shyki
А 8	пака	паки	шыки
А 9	пока	паки	шыки
А 10	пока	паки	шыки
А 11	рака	pa]ki	shyki
А 12	рака	pa]ki	shiki
А 13	пока	паки	шыки
А 14	пака	паки	шыки
А 15	пака	паки	шыки
А 16	пака	паки	шыки
А 17	пака	паки	шыки
А 18	пака	паки	шыки
А 19	рака	pa]ki	shyki
А 20	пака	паки	шыки

Анализ ответов аудитором показал, во-первых, их полное единодушие при восприятии канонически трёхфонемного сочетания как четырёхфонемного – между согласными всеми аудитором было опознано наличие гласного. Во-вторых, при предъявлении стимула пака [pa]ka] из слова шапка, шесть раз использовалось слово пока, что объясняет стремление услышать слово, наделённое смыслом. В остальных случаях это была либо транскрипция на кириллице, либо на латинице. При опознавании стимула паки [pa]ki]) из слова тапки [tapaki] аудитором проявили единообразие, указав гласный /a/ в 100% случаев. Интерпретация гласной вставки [i] в слове игрушки между согласными /ʃ/ и /k/ также была единодушной и полностью коррелировала с акустическими характеристиками. Обозначения данного стимула различные (shyki, shuiki, shiki), что скорее всего связано со сложностью графической передачи гласного /i/ буквами латинского алфавита для студентом неязыковых специальностей.

3. Выводы [Conclusion]

Проведённый анализ акустических характеристик гласной вставки у детей позволил определить, что она появляется в двусложных словах со стечениями согласных на стыке слогов, а также в двусложном слове с двумя стечениями согласных. Предпочтительный контекст для реализации гласной вставки – глухие согласные. Из двадцати пяти предъявленных слов только в трёх была реализована гласная вставка, что свидетельствует о том, что в возрасте трёх лет дети с отсутствием отклонений в развитии редко вставляют гласный в сочетании согласных. Уверенное распознавание аудиторами гласных вставок позволяет констатировать реализацию соответствующих гласных фонем, что приводит к перераспределению слогов в слове и стремлению использовать открытые слоги.

Предполагается, что более репрезентативный в количественном отношении материал со словами, в которых реализуется гласная вставка, можно получить, записав речь детей в более раннем возрасте, в частности, когда дети поступают в ясельную группу. Перспективу дальнейших исследований может также составить изучение безударного вокализма в детской речи, частично предпринятого в настоящей статье.

Список литературы

- Агапкина, 1982 – Агапкина О. П. Учёт фактора дополнительной слоговости при обучении русской фонематике // *Слух и речь в норме и патологии*. Л., 1982. С. 52–62.
- Андреева, Куликов, 2014 – Андреева Н. Г., Куликов Г. А. Акустические характеристики русских двухформантных гласных разных форм речи // *Доклады Академии наук*. 2014. Т. 457, 1. С. 114–116.
- Бабина, Сафонкина, 2002 – Бабина Г. В., Сафонкина Н. Ю. Обследование слоговой структуры слова и предпосылок ее развития у младших школьников с общим недоразвитием речи // *Воспитание и обучение детей с нарушениями развития*. 2002. № 4. С. 12–19.
- Бондарко, 1977 – Бондарко, Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.
- Богомазов, Пауфошима, 1979 – Богомазов Г. М., Пауфошима Р. Ф. О восприятии вставных гласных // *Звуковой строй языка / отв. ред. Р. И. Аванесов*. М.: Наука, 1979. С. 14–19.
- Винарская, Богомазов, 2005 – Винарская Е. Н., Богомазов Г. М. Возрастная фонетика. М.: АСТ, Астрель, 2005. 208 с.
- Богомазов, 1970 – Богомазов Г. М. Статистическая и фонетическая характеристика двучленных сочетаний согласных в русской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970. 18 с.
- Богородицкий, 1930 – Богородицкий В. А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930. 356 с.
- Гвоздев, 2007 – Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-Пресс, 2007. 470 с.
- Елисеева, 2008 – Елисеева М. Б. «Нормальные» ошибки в речи детей раннего возраста // *Практическая психология и логопедия*. 2008. № 2 (31). С. 57–62.
- Ляко и др., 2017 – Корпуса детской речи «INFANT.RU», «INFANT.MAVS», «CHILD.RU», «EмоChildRu» на материале русского языка и их использование в исследованиях речевого онтогенеза [Текст] / Е. Е. Ляко, О. В. Фролова, А. С. Григорьев, А. В. Остроухов // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2017. Вып. 3, № 1. С. 28–58.
- Ляко, Григорьев, 2013 – Ляко Е. Е., Григорьев А. С. Динамика длительности и частотных характеристик гласных на протяжении первых семи лет жизни детей // *Российский Физиологический журнал им. И. М. Сеченова*. 2013. № 9. С. 1097–1110.
- Маркова, 1969 – Маркова А. К. Овладение слоговым составом слова в раннем возрасте // *Вопросы психологии*. 1969. № 5. С. 22–34.
- Нарушение слоговой структуры слова. URL: <https://logosha.com/category/stati>.
- Сикорский, 1881 – Сикорский И. А. О развитии речи у детей // *Оттиск из Еженедельной клинической газеты*. СПб.: Изд-во Боткина, 1881. С. 21–34.

- Швачкин, 2004 – Швачкин Н. Х. Возрастная психоллингвистика: Хрестоматия / сост. К. Ф. Седова. Н. Х. Швачкин. М. : Лабиринт, 2004. 330 с.
- Шуйская, 2017 – Шуйская Т. В. Элизия и эллипсис в речи детей трёх лет // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 2. С. 104–112.
- Шуйская, 2018 – Шуйская, Т. В. Аллофонное варьирование ударных гласных в речи детей трех лет (по данным акустического анализа) [Текст] / Т. В. Шуйская // Вестник Томского государственного университета. 2018.–№ 428. С. 36–43.
- Broersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer (Version 5.4.15) [Computer Program]. URL : <https://www.fon.hum.uva.nl/praat> (дата обращения : 07.04.2016).

UDC 81'34, 81'161.1

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_182_189

Tatiana V. Shuiskaya
Saint-Petersburg State Institute of Technology
Saint Petersburg, Russian Federation
 T.Shuiskaya@mail.ru

Vowel insertion in child speech

Abstract

The importance of word syllable structure acquisition by children can hardly be doubted. In 3-year-olds speech, there are specific pattern that, from the viewpoint of adult standards, are considered misnomers: examples of syllable elision, consonant elision and vowel insertion. It is believed that vowel insertion in adult native speakers of Russian occurs due to physiological reasons. However, according to the hypothesis, in child's speech it is vowel phoneme that occurs between consonants and it leads to a change in the word syllable structure. The results of an acoustic study of vowel insertion in two-syllable words produced by three 3-year-old subjects showed well-expressed F-structure that was similar to the surrounding vowel phonemes. 2 types of vowel insertions were discovered: with [a]-like F-structure and [i]-like F-structure. It was also found that vowel insertion mean duration was no different from the one of a “legitimate” vowel phoneme with similar acoustic pattern. 20 Russian native speakers performing a discrimination task during a perceptual study were unanimous in perceiving the number of syllables increase as a result of vowel insertion being interpreted as a “legitimate” phoneme presence. The participants were also unanimous in the phoneme affiliation of the vowel insertions that closely correlated with their F-structure.

Keywords: vowel insertion, syllable, consonant, child speech, acoustic analysis, perceptual experiment.

© Shuiskaya T. V. 2020

References

- Agapkina, O. P. (1982). Uchyot faktora dopolnitel'noy slogovosti pri obuchenii russkoy fonematike [The consideration of the factor of additional syllabicity in teaching Russian phonematics]. *Sluh i rech' v norme i patologii* [Normal and abnormal speech and hearing] (pp. 52–62). Leningrad.
- Andreeva, N. G., Kulikov, G. A. (2014). Akusticheskie kharakteristiki russkikh dvukhformantnykh glasnykh raznykh form rechi [Acoustic parameters of two-formant vowels in different speech types]. *Doklady akademii nauk* [Doklady Biological Sciences.], 457 (1), 114–116.
- Babina, G. V. Safonkina, Y. U. (2002) Obsledovanie slogovoy struktury slova i predposylok ee razvitiya u mladshikh shkol'nikov s obshchim nedorazvitiem rechi [Examination of the word syllabic structure and the prerequisites for its development among primary school children with general speech underdevelopment]. *Vospitanie i obuchenie detey s narusheniyami razvitiya* [Education and upbringing of children with disabilities], 4, 12–19.

- Bogomazov, G. M. (1970). *Statisticheskaya i foneticheskaya kharakteristika dvuchlennykh sochetaniy soglasnykh v russkoy rechi* [Statistical and phonetic analysis of two-consonant clusters in Russian speech]: PhD in Philological sci. diss. Leningrad.
- Bogomazov, G. M., Paufoshima, R. F. (1979). O vospriyatii vstavnykh glasnykh [On the perception of vowel insertions]. In R. I. Avanesov (Ed.), *Zvukovoy stroy yazyka* [Sound system of language] (pp. 14–19). Moscow : Nauka Press.
- Bogorodickiy, V. A. (1930). *Fonetika russkogo yazyka v svete eksperimental'nykh dannykh* [Phonetics of Russian language in the light of experimental data]. Kazan.
- Bondarko, L. V. (1977). *Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka* [Sound system of modern Russian]. Moscow : Prosveshchenie Press.
- Vinarskaya, E. N., Bogomazov G. M. (2005). *Vozrastnaya fonetika* [Age-related phonetics]. Astrel' Press.
- Gvozdev, A. N. (2007). *Voprosy izucheniya detskoy rechi* [The issues of child speech study]. St Petersburg: Detstvo-Press.
- Eliseeva, M. B. (2008). «Normal'nye» oshibki v rechi detey rannego vozrasta [“Normal” speech errors in young children’s speech]. *Prakticheskaya psikhologiya i logopediya* [Practical psychology and speech therapy], 2 (31), 57–62.
- Lyakso, E. E., Frolova O. V., Grigorev A. S., Ostroukhov A. V. (2017). Korpusa detskoy rechi «INFANT.RU», «INFANT.MAVS», «CHILD.RU», «EmoChildRu» na materiale russkogo yazyka i ih ispol'zovanie v issledovaniyakh rechevogo ontogeneza [«INFANT.RU», «INFANT.MAVS», «CHILD.RU», «EmoChildRu» – Russian children speech corpora and their application in research of ontogenesis of speech]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (1), 28–58.
- Lyakso, E. E., Grigor'ev A. S. (2013). Dinamika dlitel'nosti i chastotnykh kharakteristik glasnykh na protyazhenii pervykh semi let zhizni detey [Dynamics of the vowel duration and frequency characteristics during seven years of children's life]. *Rossiyskiy Fiziologicheskiy zhurnal im. I. M. Sechenova* [Russian Journal of Physiology], 9, 1097–1110.
- Markova, A. K. (1969). Ovladenie slogovym sostavom slova v rannem vozraste [Learning the syllabic structure of a word at an early age]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], 5, 22–34.
- Narushenie slogovoy struktury slova. Retrieved from <<https://logosha.com/category/stati>>
- Sikorskiy, I. A. (1881). O razvitiy rechi u detey [About children’s speech development]. *Ottisk iz Ezhenedel'noy klinicheskoy gazety* [A reprint from Weekly Medical Newspaper], 21–34. St Petersburg : Botkina Press.
- Shvachkin, N. H. (2004). *Vozrastnaya psiholingvistika: Khrestomatiya* [Age-related psycholinguistics: Anthology]: A coursebook. Moscow : Labirint Press.
- Shuyskaya, T. V. (2017). Eliziya i ellipsis v rechi detey trekh let [Elision in 3-year-olds speech]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (2), 104–112.
- Shuiskaya, T. V. (2018). Allofonnoe var'irovanie udarnykh glasnykh v rechi detey trekh let (po dannym akusticheskogo analiza) [Allophonic variation of stressed vowels in 3-year-olds’ speech (Based on acoustic analysis)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 428, 36–43. doi : 10.17223/15617793/428/5.
- Broersma, P., Weenink, D. (2015). Praat: Doing phonetics by computer (Version 5.4.15) [Computer Program]. Retrieved April 7, 2016 from <<https://www.fon.hum.uva.nl/praat>>.

Шустова Светлана Викторовна, Тяпугина Анастасия Евгеньевна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
lanaschust@mail.ru, anastasikt@rambler.ru

Актуализация анималистического кода культуры во фразеологии русского и английского языков

Аннотация

В предлагаемой статье анализируется актуализация анималистического кода во фразеологизмах русского и английского языков. Фразеологизмы представляют чрезвычайно интересный и богатый материал для исследований в области этнолингвистики, сопоставительной фразеологии, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации. Зооморфный, или анималистический код культуры – это совокупность представлений о животном мире, номинатах животных и других живых существ, обозначающих их как целое или их части и специфические характеристики, дополняющие их природные свойства функционально значимыми для культуры смыслами. В статье предлагается методика лингвокультурологического анализа фразеологизмов, содержащих анимализмы. По данной методике проведён анализ идиом с двумя компонентами-зоонимами 1) *bull* 'бык' и 2) *duck* 'утка', найденных в словарях, интернет-ресурсах и языковых корпусах. С каждым компонентом найдено по три идиомы в 450 контекстах. Анализ идиом с первым компонентом показал полное совпадение содержания при частичном совпадении формы для первой идиомы, полное совпадение формы и содержания для второй идиомы и полное совпадение содержания при несовпадении формы для третьей. Из трёх идиом со вторым компонентом две демонстрировали полное совпадение содержания и формы, а одна – частичное совпадение содержания при полном несовпадении формы.

Ключевые слова: анималистический код, лингвокультурология, английский язык, русский язык, паремия, фразеологизм, зооним.

© Шустова С. В., Тяпугина А. Е. 2020

1. Введение [Introduction]

Зоонимы, или зоолексемы, обозначающие представителей мира животных, являются важным культурным компонентом любого языка и постоянно попадают в центр внимания исследований, посвящённых отдельным произведениям (напр., [Бычков и др., 2014]), отдельным языкам (напр., английскому [Диярова, 2017]), сопоставлению зоонимов в разных языках (напр., английского и персидского [Miri, Soori, 2015], английского и арабского для решения переводческих задач [Mansouri, 2015], русского и английского [Розенкова, Шустова, 2018]).

К зоонимам или зоолексемам в частности относятся анимализмы – слова, образованные от названий животных, и зооморфизмы – обозначения животных в метафоричном смысле для характеристики человека и его поведения, значения которых реализуются в составе фразеологизмов [Гукетлова, 2009, с. 13]. Проявление зоонимов присутствует в традициях каждой национальной культуры (в социально-бытовой и аграрной обрядности, верованиях, приметах, песнях, сказках, фразеологизмах) [Надель-Червинская, 2011, с. 37]. М. Надель-Червинская в составе анималистического кода выделяет четыре подкода: 1) код птиц; 2) код животных; 3) код гадов; 4) код рыб; 5) код насекомых [Надель-Червинская, 2011, с. 91].

Л. В. Савченко [Савченко, 2014, с. 171–172] расширяет состав анималистического кода, в рамках которого выделяет следующие субкоды:

1) териологический код (лат. *theria* 'зверь') – совокупность зоонимов для обозначения зверей (*играть в кошки-мышки*); 2) орнитологический код (греч. *ορνιθος* 'птица') – совокупность зоонимов для обозначения птиц (*стреляный воробей*); 3) иктиологический код (греч. *ιχθυς* 'рыба') – совокупность зоонимов для обозначения рыб (*акулы бизнеса*); 4) инсектологический код (лат. *insectum* 'насекомое') – совокупность зоонимов для обозначения насекомых (*тараканы в голове*); 5) герпетологический код (греч. *έρπετον* 'пресмыкающееся') – совокупность зоонимов для обозначения пресмыкающихся (*книжный червь*); 6) амфибиологический код (лат. *amphibia* 'земноводные') – совокупность зоонимов для обозначения земноводных (*как лягушка на кочках*); 7) карцинологический код (греч. *καρκίνοσ* 'рак') – совокупность зоонимов для обозначения ракообразных (*где раки зимуют*).

Как известно, при познании окружающего мира человек использует методы наблюдения и сравнения. Именно поэтому, при наблюдении за животными, человек сравнивает своё поведение, черты характера с поведением животных и проводит соответствующие ассоциативные связи [Телия, 2005; Гукетлова, 2009, с. 16–17; Hart, Long Jr, 2011; Вознесенская, 2014]. Зоонимы, закреплённые в лексике и фразеологии того или иного языка, составляют языковую картину мира и выявляют универсальные и специфические национальные особенности. В связи с этим, в разных лингвокультурах одни и те же зоолексемы и зооморфизмы могут, как совпадать, так и отличаться. Так, в английском и персидском есть зоометафоры, 1) совпадающие по форме и по значению, 2) различающиеся по форме, но совпадающие по значению и 3) присутствующие в одном языке, но отсутствующие в другом [Miri, Soogi, 2015].

Животные, играя символическую роль в языковой картине мира человека, являются эталонными носителями характеристик человека, отражают опыт народа, говорящего на том или ином языке. «Для раскрытия культурного содержания зооморфизмов представляется интересным описание языковых символов, стереотипов, включающих зоонимы. Так как все эти ментальные структуры представляют собой окультуренные объекты, они причастны к культуре и обозначены в языке. Окультуренные смыслы в своей совокупности и образуют коды культуры» [Гукетлова, 2009, с. 12]. Зоонимы как единицы анималистического кода помогают в выявлении специфики той или иной культуры и языка.

«При межъязыковых сопоставлениях обнаруживается три основных вида отношений – тождества, неполного тождества и различия» [Райхштайн 1980, с. 24]. Эти отношения затрагивают три стороны фразеологического знака – образную основу, компонентный состав и актуальное значение. Таким образом, при сопоставлении английских и русских фразеологических единиц нужно учитывать как три вида межъязыковых отношений, так и три стороны фразеологического знака [Вознесенская, 2014, с. 57].

Целью настоящего исследования является разработка методики лингвокультурологического анализа фразеологических единиц, содержащих зоонимы, в аспекте актуализации анималистического кода. Предметом исследования являются фразеологические единицы русского и английского языков, имеющие в своём составе анимализмы. Актуальность обращения к данной теме обусловлена отсутствием общепринятой методологии и методики анализа таких единиц при бесспорной важности их изучения в аспекте межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

При проведении лингвокультурологического анализа фразеологических единиц мы опирались на материал Абердинского bestiария [TAB]. Абердинский bestiарий, на-

писанный в XII веке и в настоящее время переведённый на английский язык, содержит краткие описания настоящих и вымышленных представителей животного мира. Животные в бестиарии зачастую сравниваются с людьми, описывая их положительные и отрицательные черты, что помогает нам проникнуться в раннюю английскую культуру, понять, как животных видели люди того времени.

В процессе исследования был выполнен сопоставительный и лингвокультурологический анализ английских единиц фразеологического фонда с подобными единицами русской лингвокультуры.

В рамках данной статьи исследовалось два компонента-зоонима – *bull* 'бык' и *duck* 'утка'. Сначала были представлены словарные дефиниции каждого зоонима и этимология, затем в словарях, электронных ресурсах и языковых корпусах методом сплошной выборки были найдены контексты употребления и проведён анализ особенностей семантики и использования компонентов-зоонимов. Всего было проанализировано 450 контекстов. Для иллюстрации особенностей функционирования указанных компонентов-зоонимов в статье приведено 25 контекстов их употребления с соответствующим анализом.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Компонент-зооним *bull* / бык [Zoonym-component *bull*]

Бык получил своё имя из-за схожести на созвездие тельца (греч. *ταῦρος* 'бык'). Быки могут раскрывать рот во всю ширину своей головы. Их шерсть растёт в противоположном от подшёрстка направлении. Они могут двигать своими рогами в любом направлении, а их жёсткую кожу не способны проткнуть ни одно оружие. Именно такими свирепыми и несокрушимыми представляют быков люди средневековья [ТАВ].

Бык – 'крупное рогатое животное', 'самец коровы'. Укр. *бик, бичачий*, блр. *бык, бычыны*, болг. *бик*, словен. *bik, bikovski*, чеш. *býk, býčí*, польск. *byk, byczy*, ст.-сл. *быкъ*, ср. др.-рус. *бучати* 'реветь' [ИЭССРЯ].

Like a bull in a china shop (пер. 'как бык в китайском магазине') означает "вести себя крайне неосторожно и неуклюже в месте или ситуации, где с большой вероятностью можно что-либо сломать или кому-либо навредить" [ODI]. Используется в ситуации, когда человек занимается чем-либо с большим энтузиазмом или слишком быстро и неосторожно, так, что появляется возможность расстроить кого-либо или нанести ущерб.

Происхождение фразеологизма остаётся неизвестным, однако впервые его употребили в английской прессе в рецензии на спектакль в 1812 году:

(1) *The extraordinary spectacle of a **Bull in a China Shop** afforded great entertainment; and an artificial elephant introduced, was welcomed with loud plaudits* (J. Gold, S. Lane).

Позже, в 1834 году, Фредерик Мэрриат (Frederick Marryat) в романе «Джейкоб Фэйтфул» (Jacob Faithful) использовал идиому в следующем контексте:

(2) *Whatever it is that smashes, Mrs. T. always swears it was the most valuable thing in the room. I'm like a **bull in a china shop**.*

Тем не менее, вариации данного выражения встречаются во многих лингвокультурах, где бык может быть заменён на слона или осла.

(3) *It is important that you don't go at this like a **bull in a china shop**. It must be taken slow and steady, step by step* [IWC].

Как и во многих других языках, в русском существует свой вариант идиомы: *как слон в посудной лавке*. Неизвестно как данное выражение укоренилось в русском языке, но впервые оно было использовано Николаем Агнивцевым в басне «О слонах и фарфоре». В басне слон заходит в фарфоровую лавку и пытается в ней развернуться. О дальнейших событиях автор умолчал, но запретил слону появляться в лавке снова. Из-за

пугливости и габаритов слона сложно представить его в лавке с хрупкими предметами, с большой вероятностью от магазина ничего не останется. С быком в английском варианте похожая ситуация: быка легко разозлить, в результате чего он разобьёт всё на своём пути. Как видим, английское и русское выражения сходны по значению и лексическому составу, за исключением различных компонентов-зоонимов.

(4) *Частные собственники тоже хороши. Болезнь роста очевидна. То, что люди, ничего общего не имеющие с производством, становятся собственниками компаний, что они себя ведут как слон в посудной лавке, высасывают деньги, воруют на своём собственном заводе и так далее... Это проходит через этап роста* [НКРЯ].

(5) *Меня, на самом деле, ломал вопрос, беспокоил, – так что мы делаем? Мы управляем, предвидим, совершаем какую-нибудь гадость, не понимая, не отдавая себе отчета – что? Вмешиваемся, как слон в посудной лавке, короче говоря* [НКРЯ].

Take (grab) the bull by the horns (пер. 'взять быка за рога') означает "отважно и решительно справляться со сложной, опасной или неприятной ситуацией" [ODI]. Говорится о ситуации, вызывающей отрицательные эмоции либо страх; человек решается на смелый поступок, не избегает сложных ситуаций, а справляется с ними.

Вероятно, идиома берёт своё начало на американских родео и ранчо, когда пастуху приходилось справляться с разъярёнными быками, что являлось опасной практикой. Чтобы загнать быка в стойло, нужно его поймать. Рискованно хватать быка за ноги или шею – обуздать его возможно лишь ухватившись за рога.

(6) *Tesla grabbed the bull by the horns and went full electric, even though the world told them they just couldn't, but stayed conservative with the design* [IWC].

В русском языке имеется полный эквивалент данной идиомы – *брать быка за рога*. «Фразеологизм отображает стереотипное представление о решимости немедленно приступить к самому главному и выполняет функцию эталона незамедлительности осуществления действий». «В представлении русских бык – крупное и очень сильное животное... Он может проявлять упрямство, и тогда никакая сила не заставит его сдвинуться с места... Впавший в ярость бык представляет огромную опасность, поскольку он неуправляем и практически неуправляем...» [БФСРЯ].

(7) *Пожалуй, Иван Семенович был уже достаточно подготовлен. Пора брать быка за рога. Сегодня я разыграю кульминационную сцену пьесы. Это и будет моя провозакация* [НКРЯ].

(8) *Была пущена в обращение даже мысль об упразднении Союзного Совета. Пришлось «брать быка за рога». Союзный Совет назначил большое собрание, по несколько представителей от каждой студенческой организации, для обсуждения вопроса о «легализаторстве»* [НКРЯ].

(9) *Сталин сам предпочитал брать быка за рога, а не ходить вокруг да около* [НКРЯ].

Bull of Bashan (пер. 'Васанский бык') означает 'сильный человек с громовым голосом' [БРАФС]. Используется при описании человека с сильным, басовитым, громким голосом и крепким, мускулистым телосложением.

Выражение пришло из Библии, где *the bulls of Bashan* описаны как быки из города Васан, что на берегу реки Иордан, который славился скотоводством. Васанский бык представлен животным невероятного размера, обладающим удивительной силой и жестокостью. *The bulls of Bashan* олицетворяют яростных, жестоких, непобедимых людей. "They gaped upon me with their mouths, as a ravening and a roaring lion" (Psalm 22:13). Здесь приводится сравнение быка с раскрытой пастью с ревушим львом. То есть быки, открывая рот, издают звуки, подобные рычанию льва, поэтому *the bulls of Bashan* обладают громовым голосом.

(10) *How came it that all of a sudden Mrs. Bingley began to raise her voice and bellow like a **bull of Bashan*** [Ngram].

Русскоязычный вариант выражения – *труба иерихонская* так же пришёл из Библии. Евреи несколько дней осаждали город Иерихон, окруженный высокой крепостью. На седьмой день священники, обходя стены, начали трубить в трубы, в результате чего крепость рухнула. Поэтому, если человека называют *трубой иерихонской*, значит, он обладает оглушающим, необыкновенно громким голосом [ЭСКСВ]. Фразеологизм *труба иерихонская* отличается от *bull of Bashan* отсутствием такой характеристики, как сила, мощь тела, что делает выражения отличными по лексическому составу и частично отличными по образному выражению.

(11) *Батько как заорёт. Голос у него **труба иерихонская**. Бывало, в хате скажет матери: «Ульяна, вари борщ с индюком!» – то полстаницы слышит* [НКРЯ].

(12) *Он шёл, громко проповедуя слово божье, обличая никонианскую ересь: как **труба иерихонская**, раздавался его голос по сибирским городам и весям* [НКРЯ].

(13) *Только потише, Султаночка. У вас, душа моя, не голос, а **труба иерихонская**, – предупредил Костя. Увы! Султана уже встала в позу и загудела на всю залу... И эхо из других зал, сводчатых и пустынных, понеслось, перекликаясь, за нею»* [НКРЯ].

2.2.2. Компонент-зооним *duck / утка* [Zoonym-component duck]

Утка в латыни называется *anas* по причине постоянного пребывания в воде. Утки обитают везде кроме Антарктики. Они предпочитают заболоченные местности с обилием растительности. В их рацион входят растения, насекомые, черви и моллюски. Утки откладывают яйца у водоёма, чтобы утята сразу приспособились к водной среде. Большую часть времени утки проводят в воде, выставив вверх хвостовые перья, и жуют траву и семена растений. Испугавшаяся утка может вылететь из воды со скоростью ракеты, оставляя за собой лишь влажный след [ТАВ].

Утка – птица семейства утиных отряда гусиных, средняя по величине, с широким, как бы сплюснутым (плоским) клювом, с короткими, широко расставленными перепончатыми лапами, умеющая плавать и нырять'. Укр. *утка, вутка*, ср. блр. *качка*, совр. чеш. *kačen(k)a, kachna*, польск. *kaczka*, с.-хорв. *утва* 'дикая утка', словен. *otva* 'дикая утка', др.-рус. **уты*, лит. *antis* 'утка', дат. *and* 'утка', швед. *aud* 'дикая утка' [ИЭССРЯ].

Like a dying duck in a thunderstorm (пер. 'как умирающая утка в грозу') означает 'иметь печальный или растерянный вид' [ODI]. Описывает человека с отчаянным, жалким, прискорбным, безнадёжным выражением лица или внешним видом. Говорится с неодобрением.

(14) *By the end of the rodeo I looked **like a dyin' duck in a thunderstorm**, Con's ankle was the size of his head and the chute was in pieces* [NOWC].

Выражение *словно в воду опущенный* в русском языке имеет ту же образную основу, что и *like a dying duck in a thunderstorm*. «В основе образа лежит пространственная метафора, в которой вода... связывается с неизведанным, непонятым, мистическим и опасным пространством, негативно влияющим на человека, а компонент опущенный... создаёт стереотипное представление о погружении субъекта вглубь, вниз и о непротивлении последнего производимому действию. Данная метафора уподобляет удручённое, подавленное состояние человека результату отрицательного магического воздействия на него воды как враждебной стихии, под которое он попадает не по своей воле» [БФСРЯ]. В русском выражении отсутствует компонент-зооним *утка* и природный компонент гроза, что делает его более антропным, нежели с анималистическим уничижительным значением.

(15) *Да, полно, Василий, кручиниться! И вчера ты целый день прогоревал, и сегодня словно в воду опущенный!.. Что, в самом деле, иль про тебя одна только невеста и была Ольга Дмитриевна Запольская?* [НКРЯ].

(16) *Не то здоров, не то болен. Сидит все, повесив голову, молчит и на свет белый не смотрит: ну словно в воду опущенный; все ему не по нраву. Вот хоть я, чего уже не делаю, чтоб поразвеселить его, нашего батюшку, – ничто не в угоду* [НКРЯ].

(17) *Она сначала заподозрила было Надю, но та ходила грустная, словно в воду опущенная* [НКРЯ].

An ugly duckling (пер. 'некрасивый утёнок') означает 'молодой человек, который, несмотря на все ожидания, становится талантливым, красивым, хорошим' [ODI]. Обычно так говорят о ребёнке, который не подаёт больших надежд, но вырастает и становится выдающимся и привлекательным человеком.

Выражение вошло в употребление благодаря сказке Ганса Андерсена “The ugly duckling”. Сказка рассказывает о молодом лебедь, которого случайно высидела утка. Из-за своей внешности, лебедь часто прятался от других уток, но вырос прекрасным лебедь, несмотря на насмешки утиного общества.

(18) *An afternoon of stenciling can transform an ugly duckling old wooden dresser into a beautiful swan*” [IWC].

В русском языке эквивалент данного выражения появился так же, благодаря сказке Андерсена. Таким образом, выражение *гадкий утёнок* считается полным эквивалентом идиомы *an ugly duckling*. Выражение применяется в шуточной форме по отношению к ребёнку или подростку, у которого неожиданно появляются достоинства [ФСРЛЯ].

(19) *Словом, Лютик совсем взрослая. Уже не гадкий утёнок, а лебедь, то есть – советский человек, то есть – фигура трагическая и обречённая* [НКРЯ].

(20) *Ты – музыкант, а у тебя не абсолютный слух – обидно! И обидно, когда ущербность твою не только не обходят деликатным молчанием, а постоянно тебе о ней напоминают, ужасаются, негодуют! Ты гадкий утёнок среди белых лебедей. Ядвига Яновна, преподавательница сольфеджио, являлась поборником «чистых кровей», безупречной породы. Только люди с абсолютным слухом, она считала, достойны служения музыке*” [НКРЯ].

(21) *Для всех этот смешной, отвратительный человек – гадкий утёнок, которому бы лучше и не родиться на свет, а если он уже родился, то лучше всего было ему спрятаться подальше, поглубже от всех* [НКРЯ].

Lame duck (пер. 'хромая утка') означает 'обессиленный или нуждающийся в помощи человек или предмет' [ODI]. У выражения есть несколько значений: 1) неудачник, калека; 2) банкрот, разорившийся маклер; 3) непереизбранный член (конгресса и т. п.) в США; 4) повреждённый самолёт [APC]. «*Lame duck* моряки называют корабль, получивший повреждения во время сильного шторма» [БРАФС].

В середине XVIII в. *lame duck* использовалось в контексте торговли на фондовой бирже и определяло человека или компанию, которая не выполняла свои финансовые обязательства. Позже, с середины XIX в., выражение стало использоваться относительно американских политиков, на чьё место уже избрали нового кандидата [ODI]. «Буквальный смысл выражения *хромая утка* – болезнь нижних конечностей, которой страдают водоплавающие птицы. Такая утка обречена – она теряет возможность передвигаться и становится лёгкой добычей хищников» (Ibid.).

(22) *The Economist calls lame ducks those industries whose survival is claimed to depend on government subsidy* [БРАФС].

В русском языке выражение *хромая утка* является лишь термином, взятым из английского языка, имеющий всё те же определения. Таким образом, сама утка яв-

ляется олицетворением безуспешности, беспомощности, безнадёжности, болезненности, дефектности.

(23) *Бедняга Эйб! Они принесли его в жертву ради того, чтобы дать мне понять: ты, мол, больше не президент, а «храмая утка»* [НКРЯ].

(24) *Но всё же «ТНС энерго» сумела серьёзно расширить своё присутствие, в первую очередь за счёт «храмых уток» – компаний, попавших в трудное положение* [НКРЯ].

(25) *В условиях, когда все враждующие кланы делают ставку на своих кандидатов, «храмой утке» будет тяжело сохранить свою популярность*” [НКРЯ].

3. Заключение [Conclusion]

Необходимым условием успешности межкультурной коммуникации является овладение кодами культуры, которые имеют особую значимость для формирования лингвокультурной компетенции. Анималистический код включает в себя знания о фольклоре культуры, традициях, мировоззрении человека, имеющих описательный характер, а также о видении животных через культурную призму. Анимализмы как единицы зооморфного кода наиболее ярко проявляются во фразеологических единицах той или иной культуры.

Анализ двух компонентов-зоонимов – *bull* 'бык' и *duck* 'утка' – позволил выявить три идиомы с первым компонентом (*like a bull in a china shop*, *Take (grab) the bull by the horns*, *bull of Bashan*) и три – со вторым (*like a dying duck in a thunderstorm*, *an ugly duckling*, *lame duck*). Первая идиома с первым компонентом включает в себя значение неуклюжести, неосторожности. Русский эквивалент идиомы вместо компонента *бык* использует компонент *слон* – *как слон в посудной лавке*. Вторая идиома с первым компонентом апеллирует к отважности и решительности и в русском языке имеет эквивалент, полностью совпадающий по форме и содержанию с английским – *брать (хватать) быка за рога*. Третья идиома с первым компонентом имеет библейское происхождение в обоих языках и используется для указания на оглушающе громкий голос. Однако в русском эквиваленте вместо компонента *бык* используется предметное существительное, не являющееся зоонимом – *труба*. Имеется разница и в географическом компоненте: *Вахон* – в английской идиоме, *Иерихон* – в русской.

Первая идиома со вторым компонентом имеет значение уничижительности. Русский эквивалент – *как в воду опущенный* – не содержит зоонима и обозначает, скорее подавленность настроения человека. Вторая идиома со вторым компонентом совпадает по форме и содержанию с той, что имеется в русском языке – *гадкий утёнок*. Наконец, третья идиома со вторым компонентом в английском языке эволюционировала и на современном этапе развития языка используется для обозначения политика-неудачника или компании-неудачницы. Сохранив форму и значение, идиома «перекочевала» в русский язык – *храмая утка*.

Практическое применение полученных результатов очевидно – изучение фразеологических единиц анималистического кода и их дальнейшее использование во всех видах речевой деятельности способствует формированию лингвокультурной компетенции, которая заключается в умении интерпретировать и понимать языковые аспекты в контексте культуры.

Список литературы

- БТФСМ, 2004 – Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]: в 3 т.: 216 тыс. русских слов, 44 тыс. иностранных слов / М. И. Михельсон. М.: Си ЭТС, 2004. 2208 с. URL : http://www.ets.ru/download/rus_dicts/demo/mikhelson_demo.zip . (БТФСМ).

- УФС, 1997 – Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ, 1997. 304 с. (УФС).
- Бычков и др., 2014 – Бычков Д. М., Игумнова Е. С., Тараканова Л. А. Анималистический код и средства его репрезентации в художественном дискурсе «романа-жития» С. Василенко «Дурочка» // Вестник МГОУ. 2014. № 3. URL : <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/587>.
- Вознесенская, 2014 – Вознесенская М. М. Мокрая курица vs. wet hen (о зооморфном коде культуры в русской и английской фразеологии) // Язык, сознание, коммуникация. Т. 50 / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов [и др.]. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 56–63.
- Гукетлова, 2009 – Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале кабардино-черкесского, русского и французского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Гукетлова Фатимат Нашировна; Кабардино-балкарский гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. М., 2009. 53 с.
- Диярова, 2017 – Диярова Л. А. Когнитивная метафора как механизм формирования анималистической глагольной лексики в современном английском языке // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 6. С. 78–81.
- Мостицкий, 2018 – Мостицкий И. Л. Англо-русский универсальный дополнительный практический переводческий словарь [Электронный ресурс]. 2018. URL : <http://lingvodics.com/dics/details/643/>. (АРУДППС).
- Надель-Червинская, 2011 – Надель-Червинская М. Семантические коды языка фольклора. Тернополь: Крок, 2011. 148 с.
- НКРЯ, 2018 – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL : <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: октябрь 2018 г.). (НКРЯ).
- Райхштейн, 1980 – Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980. 143 с.
- Розенкова, 2018 – Розенкова Х. Е., Шустова С. В. Анималистический код: сопоставительный и лингводидактический аспекты // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 2. С. 79–90.
- Савченко, 2014 – Савченко Л. В. Иерархическая модель биоморфного кода культуры // Культура народов Причерноморья. 2014. № 273. С. 170–172.
- Телия, 2005 – Телия В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей. Вып. 30 / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 4–42.
- ФСРЛЯ, 2008 – Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 828 с. (ФСРЛЯ).
- ИЭССРЯ, 1999 – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 13560 слов. В 2 т. М.: Русский язык, 1999. 1183 с. (ИЭССРЯ).
- ЕПЕ, 2010 – Cable P. English Idioms & Idiomatic Expressions. 2010. 162 p. (ЕПЕ).
- Ngram, 2018 – Google Books Ngram Viewer URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: октябрь 2018 г.). (Ngram).
- Hart, Long, 2011 – Hart K. R., Long Jr J. H. Animal Metaphors and Metaphorizing Animals: An Integrated Literary, Cognitive, and Evolutionary Analysis of Making and Partaking of Stories // Evo Edu Outreach. 2011. N 4. P. 52–63. DOI 10.1007/s12052-010-0301-6.
- IWC, 2018 – iWeb Corpus. URL : <https://corpus.byu.edu/iweb/> (дата обращения: август – октябрь 2018 г.). (IWC).
- Mansouri, 2015 – Mansouri M. Animal Metaphor And Cultural Bias: Implications For The Translator // Translation Journal. 2015. April Issue. URL : <https://translationjournal.net/April-2015/animal-metaphor-and-cultural-bias-implications-for-the-translator.html> (дата обращения: август – октябрь 2018 г.)
- REDPS, 2000 – Margulis A., Kholodnaya, A. Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings. Jefferson, North Carolina: Mc. Farland & Company, Inc., Publishers, 2000. 487 p. (REDPS).
- Miri, Soori, 2015 – Miri M., Soori A. A contrastive analysis of animal metaphor in English and Persian // Advances in Language and Literary Studies. 2015. Vol. 6. N. 2. P. 160–162.
- NOWC, 2018 – NOW Corpus (News on the Web). URL : <https://corpus.byu.edu/now/> (дата обращения: август 2018 г.). (NOWC).

- ODI – Oxford Dictionary of Idioms. 2nd Edition / ed. by J. Siefring. Oxford University Press, 2004. 340 p. (ODI).
- TAB, 2018 – The Aberdeen Bestiary URL : <https://www.abdn.ac.uk/bestiary/ms24/> (дата обращения : август – сентябрь 2018 г.). (TAB).
- TPF, 2018 – The Phrase Finder URL : <https://www.phrases.org.uk/> (дата обращения : август – октябрь 2018 г.). (TPF).
- Wilkinson, 2002 – Wilkinson P. R. Thesaurus of Traditional English Metaphors. Routledge, 2002. 2034 p.

UDC 811.161.1

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_190_199

Svetlana V. Shustova, Anastasiya E. Tyapugina
Perm State National Research University
Perm, Russian Federation
 lanaschust@mail.ru, anastasikt@rambler.ru

Animalistic cultural code actualization in Russian and English phraseology

Abstract

This article presents the analysis of the actualization of animalistic code in Russian and English idioms. Idioms provide extremely interesting and diverse material for research in such fields as ethnolinguistics, contrastive phraseology, cultural linguistics, intercultural communication. Zoomorphic or animalistic cultural code is the complex of notions of the animal world, nominathemes of animals and other living creatures, representing them as a whole or as their parts, and the specific characteristics which complement their natural features by functionally significant cultural meanings. The article proposes a method of linguoculturological analysis of phraseological units containing animalisms. This method was used to examine idioms with 2 zoonym components 1) *bull* and 2) *duck* selected from dictionaries, internet resources and corpora. Three idioms including each component were found in 450 contexts. The analysis of idioms including first component showed a complete match of meaning and partial match of form for the first idiom, a complete match of both meaning and form for the second idiom and a complete match of meaning and a total mismatch of form for the third idiom. 2 out of 3 idioms with the second component demonstrated a complete match of meaning and form, while one of them was characterized by only partial match of meaning and a total mismatch of form.

Keywords: animalistic code, cultural linguistics, the English language, the Russian language, paremy, idiom, zoonym.

© Shustova S. V., Tyapugina A. E. 2020

References

- Mikhel'son, M. I. (2004). *Bol'shoy tolkovo-frazeologicheskiy slovar' Mikhel'sona* [Mikhel'son's big explanatory dictionary]: In 3 volumes: 216000 Russian words, 44000 borrowed words, 2004. Retrieved from <http://www.ets.ru/download/rus_dicts/demo/mikhelson_demo.zip>. (BTFSM).
- Bystrova E. A., Okuneva A. P., Shanskiy N. M. (1997). *Uchebnyy frazeologicheskiy slovar'* [Phraseological dictionary for students]. Moscow: AST Press. (UFS).
- Bychkov, D., Igumnova, E., Tarakanova, L. (2014). Animalisticheskiy kod i sredstva ego reprezentatsii v khudozhestvennom diskurse «romana-zhitiya» S. Vasilenko «Durochka» [Animal code tools and its representation in the artistic discourse of S. Vasilenko's «novel-hagiography» «Little Fool»]. *Vestnik MGOU* [Bulletin MSRU], 3. Retrieved from <<https://evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/587>>.

- Voznesenskaya, M. M. (2014). *Mokraya kuritsa vs. wet hen (o zoomorfnom kode kul'tury v russkoy i angliyskoy frazeologii)* [Mokraya kuritsa vs. wet hen (On zoomorphical code in Russian and English phraseology)]. In E. L. Barkhudarova, I. A. Bubnova, A. I. Izotov et al. (Eds.), *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language – Mind – Communication]. Iss. 50 (pp. 56–63). Moscow : MAKS Press.
- Guketlova, F. N. (2009). *Zoomorfnyy kod kul'tury v yazykovoy kartine mira (na materiale kabardino-cherkesskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Zoomorphic code culture in the language picture of the world (Based on Kabardino-Cherkess, Russian and French)]. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Moscow.
- Diyarova, L. A. (2017). *Kognitivnaya metafora kak mekhanizm formirovaniya animalisticheskoy glagol'noy leksiki v sovremennom angliyskom yazyke* [Cognitive metaphor as a tool of formation animalistic verbs of modern English]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 6, 78–81.
- Mostitskiy, I. L. (2018). *Anglo-russkiy universal'nyy dopolnitel'nyy prakticheskiy perevodcheskiy slovar'* [English-Russian universal dictionary for translators' additional practices]. Retrieved from <<http://lingvodics.com/dics/details/643/>>. (ARUDPPS).
- Nadel'-Chervinskaya, M. (2011). *Semanticheskie kody yazyka fol'klora* [Semantic codes of folklore language]. Ternopol' : Krok Press.
- Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved October, 2018 from <<http://www.ruscorpora.ru/>>. (NKRYa).
- Raykhshteyn, A. D. (1980). *Sopostavitel'nyy analiz nemetskoy i russkoy frazeologii* [Comparative analysis of German and Russian phraseology]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
- Rozenkova, Ch. E., Shustova, S. V. (2018). *Animalisticheskiy kod: sopostavitel'nyy i lingvodidakticheskiy aspekty* [Animalistic code: Contrastive and linguodidactic aspects]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (2), 79–90.
- Savchenko, L. V. (2014). *Ierarkhicheskaya model' biomorfogokoda kul'tury* [Hierarchical biomorphic model code of culture]. *Kul'tura narodov prichernomor'ya* [The culture of the Black Sea peoples], 273, 170–172.
- Teliya, V. N. (2005). *O fenomene vosproizvodimosti yazykovykh vyrazheniy* [The phenomenon of reproducing language expressions]. In V. V. Krasnykh, A. I. Izotov, *Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya* [Language – Mind – Communication]. Iss. 30 (pp. 4–42). Moscow : MAKS Press.
- Fedorov, A. I. (2008). *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Fraseological dictionary of literary Russian]. Moscow : Astrel' : AST. (FSRLYa).
- Chernykh, P. Ya. (1999). *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of modern Russian]. 13560 words. In 2 volumes. Moscow : Russkiy yazyk Press. (IESSRYa).
- Cable, P. (2010). *English Idioms & Idiomatic Expressions*. (EIIIE).
- Google Books Ngram Viewer* Retrieved October, 2018 from <<https://books.google.com/ngrams/>>. (Ngram).
- Hart, K. R., Long, Jr J. H. (2011). *Animal Metaphors and Metaphorizing Animals: An Integrated Literary, Cognitive, and Evolutionary Analysis of Making and Partaking of Stories*. *Evo Edu Outreach*, 4, 52–63. DOI 10.1007/s12052-010-0301-6.
- iWeb Corpus*. Retrieved August – September, 2018 from <<https://corpus.byu.edu/iweb/>>. (IWC).
- Mansouri, M. (2015). *Animal Metaphor And Cultural Bias: Implications For The Translator*. *Translation Journal*. April Issue. Retrieved from <<https://translationjournal.net/April-2015/animal-metaphor-and-cultural-bias-implications-for-the-translator.html>>.
- Margulis, A., Kholodnaya, A. (2000). *Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings*. Jefferson, North Carolina : Mc. Farland & Company, Inc., Publishers. (REDPS).
- Miri, M., Soori, A. (2015). *A contrastive analysis of animal metaphor in English and Persian*. *Advances in Language and Literary Studies*, 6 (2), 160–162.
- NOW Corpus* (News on the Web). Retrieved August, 2018 from <<https://corpus.byu.edu/now/>>. (NOWC).
- Siefring, J. (Ed.). (2004). *Oxford Dictionary of Idioms*. 2nd Edition. Oxford University Press. (ODI).
- The Aberdeen Bestiary* Retrieved August – September, 2018 from <<https://www.abdn.ac.uk/bestiary/ms24/>>. (TAB).
- The Phrase Finder*. Retrieved August – October, 2018 from <<https://www.phrases.org.uk/>>. (TPF).
- Wilkinson, P. R. (2002). *Thesaurus of Traditional English Metaphors*. Routledge.

ДИСКУССИЯ

УДК 81'272, 81'26

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_200_209

Наумов Владимир Викторович**Независимый исследователь****г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**

vladimir_naumov@mail.ru

Бог, природа, человек, язык: этюды пессимизма (эссе на злобу дня)

Аннотация

Эссе содержит многоплановый анализ состояния природы, влияния человеческой деятельности на окружающую среду. Приводятся факты вредоносного воздействия человека на состояние растительного и животного мира Земли, анализируются последствия, предлагаются возможные меры по предотвращению экологической катастрофы и возможного вымирания человеческой популяции. Языковые проблемы анализируются в русле одного из способов взаимодействия человека и языка – пуризма, имеющего продолжительную историю и многочисленные, порой, противоположные позиции его представителей. В статье даётся общая оценка пуризма и связанных с ним проблем двуязычия, анализируется современное состояние русского и других языков в РФ и других странах, отмечается необходимость структурного и статусного изменения образовательных программ, имеющих отношение к природе и языку.

Ключевые слова: Бог, природа, человек, эволюция, экология, язык, образование, билингвизм, языковой пуризм, языковая политика.

© Наумов В. В. 2020

1. Введение [Introduction]

Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, спаси и помилуй нас грешных...

Обращение в сегодняшней пандемично непредсказуемой ситуации к Богу кажется более чем уместным, но едва ли своевременным. Человечество в очередной раз в своей истории получило предупредительный щелчок по лбу, или, как сказал Патриарх Кирилл (8.10.2020) «последний звонок», имея в виду Covid-19. Никто не думал, что 2020 (високосный) год окажется столь тяжёлым испытанием. Однако развитие событий, похоже, опередило даже самые пессимистичные прогнозы. 40 миллионов заболевших (на 24.10.2020), около полутора миллионов летальных исходов за 10 месяцев – не слишком ли суровое наказание за беспечное и сугубо потребительское отношение людей к окружающей среде – обитатели не только человека, но и вотчины её Создателя? Попытаемся осмыслить причинно-следственную связь сложившейся на сегодняшний день ситуации. Большинство людей начинают понимать, что природа это живая материя, способная адекватно реагировать на вмешательство человека в естественный процесс её развития, когда случаются те или иные техногенные катастрофы, природные катаклизмы, вызывающие возмущения всех существующих на земле стихий: воды, воздуха, огня и самой земли. Нередко такие возмущения природы приводят к массовым жертвам среди живых существ. Однако растущая периодичность стихийных и рукотворных бедствий приводят к мысли о том, что человек до сих пор не осознал ни своей ответственности за состояние окружающей среды перед будущими поколениями, ни возможности постепенного вымирания человеческой популяции вследствие непригодности для жизни планеты Земля. Ощущение, что люди потеряли не только исторически присущий им страх перед природой и Богом, но и разум, с течением времени становится все более явственным.

Пожалуй, самым известным литературным вариантом подмены понятий в сути отношения человека с природой является вредоносная сентенция: «Природа не храм, а мастерская и че-

ловек в ней хозяин», вложенная 150 лет назад И. С. Тургеневым в уста главного героя романа «Отцы и дети». Напомним, что Евгений Базаров погиб от неосторожного поведения в этой «мастерской». Весь период существования *homo sapiens* на земле со всей определённо указывают, что человек, отнюдь, не хозяин, а грязная, дрожащая и ничтожная тварь, жадно и безмерно удовлетворяющая свои потребности за счёт природы, сознательно или бессознательно губящая её. Так было и так есть. Но потенциал природы не безграничен, и если человек, имеющий только одно право – быть у природы наёмным работником, не будет осуществлять свою деятельность в соответствии со строго регламентированными правилами взаимодействия с окружающей средой, фатальная неизбежность гибели многих видов живых существ очевидна и уже имеет место быть. Объём Красной Книги мировой флоры и фауны увеличивается в среднем на 10% за 5 лет.

Приведу всего два примера, чтобы не впадать в излишний морализм. В Африке осталось две самки белого носорога. Их круглосуточно охраняют четверо вооружённых АК рейнджеров, обеспечивающих пожизненное содержание этого вида животных, лишённого каких-либо шансов на выживание. Последнего самца белого носорога браконьеры убили весной 2020 г. Есть только призрачная надежда на реинкарнацию вида, с Божьей помощью. Нет необходимости объяснять читателю, сколь велика роль соответствующих государственных структур в регуляции отношений человека с природой. В Финляндии нужно получить письменное разрешение нескольких ведомств, чтобы срубить в лесу одно дерево. В России за последние 30 лет, при наличии аналогичных финским ведомств, так называемыми «чёрными лесорубами» уничтожено около 20% лесного массива промышленного назначения. Если принять в расчёт ежегодные пожары, пожирающие тысячи гектаров леса по всей стране, то картина становится совсем мрачной. На планете каждую секунду, по тем или иным причинам, исчезает участок леса размером с футбольное поле. Человечество уничтожает планету с феноменальной скоростью. Человек как господствующий вид рано или поздно, исчезнет с лица Земли по трём причинам: (по степени вероятности): а) вследствие уничтожения среды обитания и превращения Земли в токсичный, не пригодный для жизни мусорный полигон; б) в результате очередной вселенской катастрофы, наподобие той, что 66 миллионов лет назад уничтожила динозавров – господствовавший в течение десятков миллионов лет вид земной фауны; в) ядерной войны, которая по своим последствиям будет сопоставима с астероидной атакой из космоса.

2. Божьи твари [God's creatures]

Бог и природа едины и взаимообусловлены в экзистенциальном смысле. Все населяющие Землю живые существа, включая человека – божьи твари, находящиеся по отношению друг к другу в сложных межвидовых отношениях. Создатель позаботился о том, чтобы у каждого из представителей флоры и фауны было своё предназначение, свои правила поведения, своя система коммуникации. Принципиальное сходство любого вида высокоорганизованных представителей животного мира, наделённых сознанием, с человеческим социумом, состоит в иерархичном, субординативном отношении к себе подобным внутри вида и вне его, т. е. в двух измерениях – синтагматическом и парадигматическом. Дихотомия «свой-чужой» является основой поведения в животном мире и естественного отбора, как механизма эволюции, всех живых существ на Земле. Для Создателя такого деления не существует. Нет животных хороших и плохих, полезных и вредных, добрых и злых. Если летучая мышь, через миллионы лет после её появления на свет, стала носителем чумы 21 века – коронавируса, значит, таково было провидение Господне, избравшего именно эту тварь своей помазанницей. Естественный отбор это не только основной рычаг эволюции, но и Божий промысел как высший феномен регламентации жизни представителей живой среды на Земле. Все виды земной фауны наделены равными исходными данными для развития, вне зависимости от того, приносят ли они своим существованием вред или пользу другим видам, включая человека. Приведём несколько примеров. Уничтожающая колоссальные площади сельскохозяйственных угодий саранча, по праву имеющая статус самого вредоносного для флоры насекомого на Земле, неистребима не только по причине её фантастической плодовитости и огромной численности (стая саранчи насчитывает в среднем несколько миллионов особей). Это насекомое получает всё новые возможности мутации, позволяющие ей адаптироваться к изменениям климата и используемым людьми ядохимикатам, размножаясь с заложенной эволюцией в её

геном скоростью. Единственным сдерживающим фактором является температура воздуха. Саранча не переносит «холода», температуры ниже + 25°C. Пока.

Другой, малосимпатичный для большинства людей, зверёк из семейства грызунов – крыса, будучи символом 2020 года, также достоин более подробного описания. Крыса обладает двумя доминирующими характеристиками – интеллектом и агрессивностью, которые позволяют ей без особых проблем сосуществовать с самым нетерпимым по отношению к этому грызуну представителем земной фауны – человеком. Не в последнюю очередь успешность крысиного бытия обеспечивается идеальными по численному составу и структуре их групп параметрами. Крысиный коллектив обычно состоит из пяти особей: лидера (самца), двух солдат, одного либеро (как правило, самки) и одного изгоя. Жёсткая дисциплина, всеядность и завидная плодовитость (одна самка способна рожать от 6 до 12 крысят каждые два месяца) обеспечивают крысам практически безграничный потенциал витальности и адаптации к любой среде обитания. Крысы были одними из первых, но не единственными, в животном мире переносчиками инфекционных заболеваний, чумы, прежде всего. Но именно переносчиками, тягловой силой на пути к апокалипсису, а не носителями, как в случае с рукокрыльями. Бациллы чумы перемещались на людей блохами, населяющими волосяной покров крыс. Болезнь только в 17–18 вв. унесла десятки миллионов жизней. Символично, что наиболее сильные вспышки чумы в Европе отмечены в 1720, 1820, 1920 гг. Минули очередные 100 лет... Магия чисел или зловещая закономерность? Противостоять этой инфекции люди научились только в начале 20 в. Возникающие в таких ситуациях вопросы: «кто виноват и как жить дальше?» требуют некоторых пояснений. Американский президент Д. Трамп, например, считает, что в случае с коронавирусом виноваты китайцы, скрывшие информацию об очаге инфекции и первых заболевших. Но была ли надежда на локализацию болезни в пределах одной страны при современных возможностях мобильности людей? Думается, что нет. В ответе на вопрос «Кто виноват?» очевидно только одно – не летучие мыши и не крысы, как в случае с чумой. На вопрос «Как жить дальше?» постараемся ответить в следующем разделе.

3. Бог – Природа – Человек [God – Nature – Human being]

Посредником между Богом и природой является человек – высший представитель земной фауны, наделённый интеллектом и второй сигнальной системой, позволяющей осуществлять коммуникацию посредством абстрактной системы знаков – языка, также являющегося неотъемлемой частью природы. Именно человек ответственен за всё, что происходит на Земле с его участием. Господь вмешивается в этот процесс только тогда, когда нарушается баланс состояния стихий и их взаимодействия. Так формируются, в частности, климатические катаклизмы: наводнения, извержения вулканов, землетрясения, не рукотворные пожары и т. д. Процесс изменений земной поверхности: соединения и размежевания материков, появление и исчезновение островов в мировом океане имеет произвольный характер и не зависит от человека. Но не все природные метаморфозы объективны и не обусловлены человеческой деятельностью, имеющей в большинстве случаев вредоносный для окружающей среды характер. Рукотворные мусорные острова, состоящие из отходов человеческой жизнедеятельности, в основном пластикового происхождения, по свидетельству очевидцев, растут в океане, как грибы после дождя. Как ни цинично это может показаться, но Covid-19 принесёт планете Земля кратковременную передышку от газовых атак тысяч промышленных предприятий, остановленных пандемией, жидкостных химических стоков в реки и моря, умертвляющих водную фауну и порождающих мутантов. Но может ли пандемия остановить, или хотя бы приостановить, человеческую преступную беспечность, порождающую разливы тысяч тонн топлива (Норильск, сентябрь 2020), регулярный выброс ядовитых отходов в океан и массовую гибель живых существ, населяющих водную стихию, взрывы складов с боеприпасами в России и по всему постсоветскому пространству (последний случай в Рязанской области, октябрь 2020). Смеем предположить, что этот перечень до конца года ещё пополнится. Где же карающая десница Господня в облике прокуратуры и прочих госструктур, ответственных за охрану лесов, полей и рек, где, как утверждалось в известной советской песне, «так вольно дышит человек»? Не претендуя на оценку деятельности всех причастных к состоянию окружающей среды министерств, замечу следующее. Совершенно очевидно, что од-

но из госведомств, а именно «Росприроднадзор», должно быть наделено чрезвычайными полномочиями. Штрафами природу не восстановишь и миллиардеров не испугаешь. Но если у нерадивых собственников в качестве компенсации изымать имущество, нанесшее окружающей среде крупный материальный ущерб, соответствующие выводы будут сделаны.

Теперь, пожалуй, главная проблема на пути к относительному выздоровлению окружающей среды. В человека с молодых ногтей необходимо закладывать бережное, трепетное, как в Японии, отношение к природе. Поэтому на первый план выходит сфера образования и эстетического воспитания молодого поколения. В советский и постсоветский периоды такие предметы как ботаника, зоология, затем природоведение, имели второстепенное значение и стояли в одном ряду с физкультурой и трудовым обучением. Отношение обучающей и обучаемой сторон к природоведению было и остаётся недостаточно серьёзным. Если министерство образования РФ не изменит приоритеты в определении статуса указанных дисциплин с введением по ним промежуточной и итоговой аттестации, наряду с традиционно считающимися «основными» предметами (математика, физика, химия и т. д.), результат будет в равной степени плачевным и для природы и для человека. Принципиальные изменения следует внести и во все обучающие программы дошкольного образования, касающиеся отношения человека с окружающей средой. Предмет «Природоведение» должен не только содержать информацию о флоре и фауне, но и неукоснительно внедрять в детское сознание необходимость крайне бережного отношения к растительному и животному миру, к братьям нашим меньшим. Если природоведение как следствие повлечёт за собой природосбережение, то такой ответ на вопрос «Как жить дальше?» можно признать приемлемым.

3. Языковой пуризм: за и против [Language purism: pro&contra]

«Язык это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». Это, нечасто цитируемое лингвистами, определение [Гумбольдт, 2001, с. 311] показывает, что язык испытывает на себе воздействие с двух сторон: извне – язык социальное явление, и изнутри – язык непосредственно связан с психикой и мышлением человека. Является ли такое буферное, промежуточное положение языка благотворным для его развития или наносит языку вред, вопрос не новый, имеющий различные, порой, противоположные трактовки. Более или менее общей исходной посылкой в анализе механизма субъектно-объектных отношений человека и языка является формула «Не навреди!». В этом разделе мы ограничимся кратким анализом диахронического аспекта пуризма, современного состояния русского и некоторых других языков, оценкой языковой политики государства, ролью образовательных учреждений в сохранении и сбережении национального языка. Сразу заметим, что проблемы здесь по своей значимости сопоставимы с положением дел в живой природе и пренебрежительное отношение к родному языку влечёт за собой угрозу национальной безопасности. Энциклопедическая трактовка языкового пуризма характеризует это явление как «преувеличенное стремление к чистоте литературного языка, к изгнанию из него всяких посторонних элементов» [Википедия..., 2020] (см. подробный анализ проблемы в [Наумов, 2018]; см. также полемику о языковом пуризме в социоисторическом аспекте [Langer, Nesse, 2012] и пуризме по отношению к английскому [Busse et al., 2018], французскому [Walsh, 2010], казахскому [Ismailova et al., 2014] языкам). Ключевое слово в данном определении «преувеличенное». Иноязычный аналог – «гипертрофированное». Так или иначе, речь идёт о субъективном вмешательстве в систему языка, известным ещё со времён позднего средневековья, когда стремление усовершенствовать, «причесать» язык было одним из излюбленных занятий филологов. В. Гумбольдт первым осознал невозможность внешнего воздействия на язык, какими бы «благородными» стремлениями оно ни было обусловлено: «Народ может и несовершенный язык сделать инструментом порождения таких идей, к которым не было никаких исходных импульсов. Но никакой народ не в силах устранить когда-то глубоко укоренившихся в языке ограничений. Здесь и самое высокое просвещение не даёт никаких плодов» [Гумбольдт, 2001, с. 58]. Гумбольдт констатирует факт эволюционных изменений языка, отмечая при этом самостийность языка. Позже на это обратил внимание Ф. Соссюр, охарактеризовав язык как абстрактную систему знаков, подчиняющуюся своему собственному порядку. Но «ограничения», «порядок» – это нормативные категории, а

изменения не всегда приводят к развитию, языка в том числе. Эволюция в природе происходит произвольно, по воле Божьей и в результате вселенских катаклизмов, способных уничтожить большинство живых организмов, и, практически с чистого листа, начать новый этап эволюции. Природный пуризм неуправляем и непредсказуем. Языковой пуризм – дело рук и воли человека. Поэтому и результаты здесь зависят только от человека.

Парадоксально, но именно родина В. Гумбольдта – Германия стала родиной пуризма, первой европейской страной, озаботившейся стремлением к чистоте национального языка. Исторически тесные контакты Германии с романоязычными странами привели к тому, что к концу 18-го века удельный вес французских заимствований составлял более 20% лексического запаса немецкого языка. Тот факт, что проникновение романской лексики было естественным следствием многовековых контактов германцев с народами, населявшими Римскую империю, не принимался пуристами во внимание и поэтому почти все усилия по очищению немецкого языка от романских заимствований в эпоху романтического национализма оказались тщетными. Некогда чужие французские слова были ассимилированы в своем звуковом и графическом облике, став неотъемлемой составной частью немецкой лексической системы: *Balkon, Friseur, Drogerie* и т. д. Отметим ещё один существенный для анализируемой проблемы аспект языкового взаимодействия – семиотический. Заимствования не только восполняют пробелы в языке-реципиенте, вводя для нового понятия соответствующую звуковую или графическую форму. Они во многом ответственны за формирование такого качества языкового знака, как асимметрия. Наличие у одного плана содержания нескольких планов выражения или наоборот является результатом произвольного процесса, возможного вследствие языковой избыточности, объективной и генетически заложенной в языке характеристике. Однако, как всякая языковая категория, языковая избыточность небеспридельна. Кроме того, набор знаков для различного обозначения какого-либо понятия – характеристика регулируемая, обусловленная её функциональной целесообразностью. Узус порождает (или заимствует) такие формы языковых структур, которые необходимы социуму (или его части) здесь и сейчас. А далее судьба новации зависит от ряда факторов: частотности реализации, «удобности/неудобности» звуковой структуры заимствования с точки зрения фонотактики языка-реципиента, его слоговой и акцентной структуры. Например, появившееся в русском языке конца 80-х годов прошлого столетия иностранное слово *офис* постепенно вытеснило русский аналог *кантора*. Вероятно, сработал всеобъемлющий принцип лени, издревле регламентирующий процесс речепроизводства – два слога в первом слове, три во втором.

По такой же схеме сейчас осуществляется ввод в узус таких заимствований, как *кампус* вместо привычного *общежитие*, *фанат* вместо *болельщик* и т. д. Однако далеко не всегда количественные характеристики являются определяющими в отборе иностранного слова и его закреплении в языке-реципиенте. Например, немецкое существительное *Parickmacher* некогда стало основой для полностью ассимилированного русскоязычным узусом слова *парикмахерская*, заметно превосходящего по количеству слогов предыдущее романское заимствование *цирюльня*. Данный пример иллюстрирует ещё одно явление, сопутствующее языковым контактам и имеющее непосредственное отношение к проблематике раздела. Процесс заимствования лексики языком-реципиентом через замещение одного иностранного слова другим практически не анализируется в специальной литературе, хотя именно такой способ проникновения в систему заимствующего языка является: а) достаточно продуктивным; б) весьма показательным для анализа механизма регуляции иноязычной лексики извне. Конкуренцию заимствований за место в системе и норме языка-реципиента нельзя считать полностью произвольным процессом, поскольку предпочтение одного знака другому всегда мотивировано теми или иными факторами. «Вкусовую» оценку проходят те иностранные слова, которые признаются узусом как наиболее «удобные» для заимствующего языка, прежде всего, с позиции податливости ассимилятивному воздействию их звуковой и графической структур. Акцентная структура заимствований, как известно, также претерпевает изменения. Французское слово *жалюзи* в современном русскоязычном узусе в большинстве случаев произносится с ударением на первый слог. Заимствованное русским языком в 90-е годы прошлого века существительное *бутик* также нередко реализуется с первым ударным слогом. Языковые контакты иногда приводят к парадоксальным ситуациям. Например, выпущенный советским автопромом в 70-е годы легковой автомобиль «Жигули» во франкоязычном мире не имел

успеха, поскольку звуковое сходство советской торговой марки с французским словом *жиголо*, имеющим негативную коннотацию, было практически полным. Пришлось изменить название экспортного варианта автомобиля на «Лада». С большой долей уверенности можно предположить, что усилия по недопущению иностранных слов в язык-реципиент могут оказаться результативными только в тех случаях, когда заимствованная лексика находится на стадии «вкусовой» оценки узусом, то есть пока система и норма принимающего языка ещё не подвергла звуковой и графический состав иностранных слов ассимилятивному воздействию.

Другой вопрос, следует ли это делать? Если такая регламентация состояния языка уместна, то кто и как должны осуществлять подобные меры? Анализ показывает, что неконтролируемый вброс иностранной лексики, пожирающей как саранча живую материю родного языка, выхолащивает его дух и, что не менее опасно, нивелирует самосознание носителей языка, утрачивающих чувство родства и ответственности за состояние своего языка как путеводителя в социальной действительности. В этом смысле пуризм может сыграть позитивную роль. Каждая нация по-своему определяет функциональные возможности своего языка. Но каким бы он ни был по форме, язык-путеводитель имеет у всех этносов одну общую черту – способность привести каждого индивида (носителя языка) к желаемой цели. Языковое сознание, определяющее стратегию речевого поведения, обладает инвариантной грамматической и фонетической структурой. Её реализация в речевой деятельности характеризуется широкой вариантностью, обусловленной социальной гетерогенностью общества и колоссальными возможностями лексической системы языка. Именно словарь в первую очередь способен выделить в языковом коллективе группы людей, социальный статус которых закрепляет за ними соответствующий набор лексических единиц и способы их оформления в речи. Таким образом, язык является одновременно и средством объединения нации в языковой коллектив и средством дифференциации данного языкового коллектива на ряд социальных объединений (групп). Структурный изоморфизм с земной фауной, её видовыми изменениями (по Ч. Дарвину) очевиден. Взаимодействие индивидов внутри социальной группы и взаимодействие социальных групп (видов) друг с другом регламентируется в человеческом коллективе системой и нормой языка. Принципиальное отличие системы и нормы состоит в том, что система асоциальна. Ей всё равно, как используются находящиеся в её распоряжении средства. Если, к примеру, в русском языке, глагол *класть* практически прекратил своё существование в дискурсе большинства носителей языка, уступив место своему анормативному аналогу *ложить* с двумя вариантами ударения, то это имеет отношение не к системе, а к норме. Функционально такая замена для языка не ущербна. Но всеядность узуса приводит к опасному противостоянию реальной и кодифицированной норм. Реальная норма, будучи продуктом естественного отбора языковых единиц, является неосознанным, произвольным выбором наивных носителей языка, обращающихся с ним как с обычным бытовым прибором. И, тем не менее, именно наивные носители являются истинной в высшей инстанции в эволюции языка. Кодификация призвана только регистрировать избранные варианты реализации в соответствующих словарях и справочниках. Поэтому включение таких тошнотворных для лингвистов вариантов, как *ложить*, *позвонит*, *походу* вместо *похоже*, *в личку* и т. п. в кодифицированную норму более чем вероятно в не столь отдалённом будущем.

Можно ли этого избежать? Можно, если сработает механизм самосохранения, находящийся в глубинах языкового сознания нации. Так называемое языковое чутьё, присущее носителям языка, способно преодолевать пробелы в образовании и вести, как нить Ариадны, говорящего и пишущего человека к коммуникативной цели. Но более эффективным и реальным является дидактический способ решения проблемы. Мой более чем 40-летний опыт работы в ВУЗе свидетельствует о деградации лингвистического образования в РФ. Попытаюсь это вкратце обосновать. Обучение иностранному языку осуществляется в основном имитационным способом, напоминающим бездумное обезьянничанье. Широкое использование зарубежных учебных пособий, ориентированных на приезжающих в страны изучаемого языка (Германия, Англия, США) иностранцев из Азии и Африки, вынужденных в короткие сроки (на курсах) осваивать чужой язык «сверху вниз», на мой взгляд, не оправдано и даже вредно. В качестве примера могу привести учебное пособие с тарабарским названием «Tangram» из серии

«Deutsch als Fremdsprache», изданное в ФРГ и используемое во многих ВУЗах РФ в качестве основного учебника, представляющего собой примитивное руководство по речепроизводству, которое в подметки не годится изданным в ГДР аналогам.

Несколько слов о теории языка. Удельный вес теоретических дисциплин у студентов-лингвистов в настоящее время сведён к минимуму. С 2007 по 2018 гг. включительно, я преподавал теорию языка (историю лингвистических учений и общее языкознание, семиотику, речевую деятельность общества, теорию второго иностранного языка) магистрантам кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института СПб Политехнического университета. К 2017/18 учебному году из перечисленных дисциплин осталась только «История лингвистических учений и общее языкознание», да и то в урезанном вдвое объёме – один семестр. Двухлетняя программа обучения магистрантов ограничивалась примитивным набором дисциплин по практике английского языка и переводу, мало чем отличаясь по своей сути от пролонгированных курсов иностранных языков. В результате выпускник магистратуры СПбПУ (магистр лингвистики) НЕ понимает сам и НЕ сможет объяснить своим будущим ученикам механизм возникновения языка, его знаковую и социальную природу, функции языка, формы и способы коммуникации. В итоге полная профанация и «попугайный» уровень. Концепция среднего и высшего лингвистического (и не только) образования в РФ ущербна и нуждается в серьёзной корректировке. Должен быть изменен статус русского языка во всех сферах общества: от детского сада до университета. Не может существовать более значимой дисциплины в образовательной сфере, чем родной язык! Но есть и вторая сторона медали. Россия – билингвальная полиэтническая страна. Взаимодействие русского языка с национальными языками старая и весьма непростая проблема. Этот факт должен быть поставлен во главу угла в языковой политике государства.

Чувство родного языка формируется произвольно и долго. В полиэтническом государстве язык становится самодовлеющей силой, дающей, каждому из своих носителей и всему социуму в целом, безграничные возможности использования своего коммуникативного потенциала. Поэтому всякая попытка насильственной подмены благотворного влияния языковой системы родного языка, принижением его статуса за счёт искусственного внедрения в узус иноязычных элементов и структур может привести к далеко идущим негативным последствиям. Недопустимы, в частности, те или иные ущемления прав национального государственного языка в научном сообществе. Конференции, симпозиумы, семинары с участием зарубежных участников, проводимые на территории России, не имеют права не включать русский язык в перечень рабочих языков мероприятия или указывать иностранный(-е) язык(-и) в качестве первого рабочего языка, а русский – в качестве второго или третьего. Далее. Не следует забывать, что любое иностранное слово, в особенности, малоупотребительное, является для билингва знаком-символом (классификация Ч. Пирса [Peirce, 1931]), в котором связь между означаемым и означающим практически отсутствует. Поэтому ввести такие знаки в активный дискурс крайне сложно.

Приведу бытовую, но весьма показательный пример. Летом этого года, на рынке одного из малых городов Северо-Запада России, я остановился у прилавка со специями. На мой вопрос о составе специй расфасованных в одной из пластиковых коробочек, продавец-узбек ответил, что она состоит из «18 ассортиментов». После недолгих выяснений оказалось, что имелось в виду другое слово – «ингредиентов». Понятно, что оба слова, будучи знаками-символами, хранятся в сознании носителя узбекского языка на рецептивном уровне; восприятие и воспроизведение таких единиц чревато коммуникативными сбоями. Знаки-символы требуют от билингва строгого самоконтроля в процессе их реализации. Так называемые «оговорки по Фрейду» на самом деле имеют отнюдь не механическую природу, обуславливающую спорадические трансформации более или менее сходных по звучанию или смыслу слов неродного языка. В сознании субординативного билингва сосуществуют, а, значит, и противостоят две языковые системы: одна – доминирующая, вторая – подчинённая. Взрослому человеку (билингву) нужно обладать незаурядным аналитическим умом, чтобы безошибочно управлять обеими системами. Так называемое «переключение языковых кодов» обязательно сопряжено с сознательным поиском адекватных способов и форм выражения мысли. И если, находясь в рамках одной языковой системы, индивид «всегда неосознанно находит то, чему он бессознательно подвластен» (Сепир), билингв вынужден максимально осознанно осуществлять свою речевую

деятельность, ибо языковая система неродного языка не может быть подвластна индивиду в той же степени, что и система родного языка.

Степень подвластности определяется в каждом конкретном случае уровнем проникновения индивида в языковую систему и норму иностранного языка. Чем глубже это взаимодействие, тем проще и корректнее оперативное управление языковыми единицами неродного языка. Здесь важно подчеркнуть, что тот или иной уровень связи индивида с иностранным языком целиком и полностью должен определяться его социальной мотивацией и функциональной целесообразностью. Поэтому малоперспективным кажется занятие по искусственному вживлению в однородный языковой коллектив чужого языка (в любом виде и объёме) с целью его социализации на внутринациональном коммуникативном пространстве. Очень тонкое наблюдение по поводу восприятия человеком чего-то нового, в том числе и неродного языка, есть у Ф. Ницше: «Слышать что-либо новое нашему уху мучительно и трудно; мы плохо слушаем чуждую нам музыку. Вслушиваясь в чуждое наречие, мы бессознательно стараемся сгруппировать слышанные звуки в слова, более нам знакомые и привычные. Подобным путём германец передал когда-то в *armbrust* 'самострел' слышанное им слово *arcubalista*. Ко всему новому чувства наши относятся враждебно и с неохотой» [Ницше, 2008, с. 102]. Возьмём на себя смелость дополнить сказанное немецким философом. Освоение иностранного языка в целом и его отдельных структур (единиц) в частности как процесс может иметь произвольный и регламентированный характер. И в том, и в другом случае результат будет обусловлен социальными условиями принятия (или непринятия) чуждых языковых единиц. С учётом того, что у носителя языка всегда есть выбор, его речевое поведение, имеющее адаптивную природу, в большинстве случаев определяется выгодой в отборе тех или иных средств коммуникации. Коммуникативная цель определяет средства. Но значит ли это, что носитель языка использует «чуждые» элементы только в тех случаях, когда родной язык не располагает нужными средствами? Отнюдь. С одной стороны язык не допускает не санкционированных системой вольностей. Однако индивидуальные и социальные характеристики речи – это совокупность стереотипов, определяющих характер отношений узуса и нормы и формирующих в языковом коллективе неоднородные группы, представленные носителями различных субкодов. Э. Сепир заметил, что «всякое человеческое поведение включает в себя одинаковые в своей основе типы ментальной деятельности – как сознательные, так и бессознательные» [Сепир, 1993]. Сознательное использование иноязычного материала в дискурсе отдельного индивида и всего социума стимулируется отношением языковой среды к двуязычию. Если языковая среда обуславливает необходимость перехода на иностранный язык, то билингвизм становится нормой речевого поведения. Если же языковая среда позволяет обходиться одним (родным) языком, то переход на второй (иностраный) язык осуществляется в крайне ограниченном наборе ситуаций, связанных, как правило, с реализацией различного рода официальных отношений с институтами государственной власти – носителями второго языка. Большое значение здесь имеют политическая и экономическая составляющие государства, регулирующие процесс социальной адаптации граждан.

Так, например, существенный спад экономики Шотландии в конце 20 века привёл к утрате статуса диалекта шотландского языкового кода «scots» и его постепенной ассимиляции в коммуникативно более мощном британском английском. Однако сейчас ситуация на Британских островах несколько иная. Шотландия предпринимает активные усилия, направленные на обретение политической и экономической самостоятельности. Не последнюю роль в этом процессе играет «scots», обладающий существенными отличиями от BE (британский английский) позволяющими считать шотландский язык самодостаточным коммуникативным кодом, удовлетворяющим потребности национального самосознания. Таким образом, ситуация вынужденного двуязычия не всегда приводит к полному забвению родного языка. А пуристические усилия, осуществляемые инициативными группами в этих случаях способствуют сохранению и укреплению лингвоментальности соответствующего социума. В такой ситуации язык становится, пожалуй, единственным средством самопрезентации нации и ощущения своей этнической принадлежности. Однако волевое, целенаправленное стремление к языковой однородности, которое имеет место в странах ближнего зарубежья, столь же вредно, сколь и некорректно с позиций языковой политики.

И, наконец, ещё одна составляющая анализируемой проблемы. Сущностная и социальная парадоксальность языка состоит в том, что он сочетает в себе взаимоисключающие качества филантропа и мизантропа. Язык не может существовать без людей, но это бездушный организм, не способный противостоять насилию. Язык, обслуживая все сферы деятельности общества, совершенно индифферентен к социуму, его судьбе и проблемам. Однако мизантропия языка – это его временное состояние, реакция на беспечное отношение к нему, стагнация, которая, как правило, не ведёт язык к самоуничтожению, но регистрирует уровень опасного спада жизнедеятельности языка, смену вектора его движения. Немецкий философ точно охарактеризовал суть этой метаморфозы: «Он слишком счастлив был с самим собой. Он – слишком свет, чтоб не пойти за тьмой» [Ницше, 2007, с. 25]. А поход за тьмой долог, неисповедим и чреват нежелательными последствиями. Когда должен последовать подъём, развитие, движение национального государственного языка России вперёд – вопрос из проблематики, которой занимается языковое прогнозирование.

4. Вместо заключения [Instead of conclusion]

Я не отношу себя к специалистам, способным предсказать судьбу и состояние столь противоречивого организма, как язык. Более того, считаю, что какие-либо прогнозы здесь вообще неуместны. Поэтому, завершая статью, ограничусь известным пассажем из творчества М. М. Жванецкого, созвучного, на мой взгляд, с приведённой цитатой из наследия немецкого философа и отражающего нынешнее положение и статус национального языка РФ. В тяжёлые для России времена конца 20-го века журналисты спросили Жванецкого: «виден ли свет в конце туннеля»? Сатирик ответил: «Свет то виден, да туннель, сука, никак не кончается!»

Список литературы

- Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звездинцева. М. : ОАО ИГ «Прогресс», 2001. 400 с.
- Наумов, В. В. Языковой Пуризм: Pro & contra // Alma Mater (Вестник Высшей Школы). 2018. № 4. С. 116–120.
- Ницше, Ф. В. Веселая наука / пер. с нем. М. Кореновой, С. Степанова, В. Топорова. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. 352 с.
- Ницше, Ф. В. По ту сторону добра и зла. СПб, 2008. 238 с.
- Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М. : Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.
- Языковой пуризм // Википедия. Свободная энциклопедия. URL : <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения : 06.04.2020).
- Busse, B., Möhlig-Falke, R., Vit, B. Linguistic purism and language criticism in English // HESO. 2018. N 3. P. 95–102. doi : 10.17885/heiup.heso.2018.0.23890
- Ismailova et al., 2014 – Ismailova, N., Suleimenova, E., Kulichenko, Yu. Language Purism and Cross-Cultural Penetration of Gastronomic Lexicon into the Kazakh Language // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 112. P. 451–456.
- Langer, Nesse, 2012 – Langer, N. Linguistic Purism [Text] / N. Langer, A. Nesse // The Handbook of Historical Sociolinguistics, First Edition / Ed. by J. M. Hernández-Campoy, J. C. Conde-Silvestre. Blackwell Publishing Ltd., 2012. P. 607–625. doi: 10.1002/9781118257227.ch33
- Peirce, 1931 – Peirce, C. S. Collected Papers : In 8 vols. Cambridge : Harvard University Press, 1931.
- Walsh, 2010 – Walsh O. French language societies: purist or moderate? // Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF 2010 / ed. by F. Neveu et al. Paris : Institut de Linguistique Française, 2010. P. 2015–2026. doi 10.1051/cmlf/2010135.

Vladimir V. Naumov
Independent researcher
Saint-Petersburg, Russian Federation
vladimir_naumov@mail.ru

God, nature, human being, language: Voices of pessimism (An essay on a current issue)

Abstract

In the essay, I offer multi-factor approach to the analysis of nature condition and the impact of human activity on the environment. Its detrimental effect on flora and fauna of the Earth is exemplified, the consequences of the effect are analyzed, measures are offered to prevent ecological disaster and the possible human population extinction. Language problems are considered from the angle of language purism as one of the patterns of Human-Language interaction that has a long history and demonstrates the multitude of positions that at times turn out opposite. The paper evaluates language purism in general, discusses closely connected issues of bilingualism, and insists on the necessity of status and structural change of educational programs that focus on nature and language.

Keywords: God, nature, Human being, evolution, ecology, language, education, bilingualism, language purism, language policy.

© Naumov V. V. 2020

References

- Humboldt, von. W. (2001). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected writings in language studies]. Translated from German and ed. by G. V. Ramishvili; Afterword by A. V. Gulyga and V. A. Zvegintsev. Moscow : Progress Press.
- Naumov, V. V. (2018). Yazykovoy Purizm: Pro&contra [Language purism: Pro & Contra]. *Alma Mater (Vestnik Vysshey Shkoly)* [Alma Mater (Higher School Herald)], 4, 116–120.
- Nietzsche, F. W. (2007). *Veselaya nauka* [La gaya scienza] / Translated from German by M. Korenevoy, S. Stepanova, V. Toporova. St Petersburg : Azbuka-klassika Press.
- Nietzsche, F. W. (2008). *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond Good and Evil]. St Petersburg.
- Sapir, E. (1993). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected writings in language, culture and personality]. Translated from English and edited by A. E. Kibrik. Moscow : Progress Press, Univers Press.
- Yazykovoy purizm [Linguistic purism]. *Vikipediya. Svobodnaya entsiklopediya* [Wikipedia. Free encyclopedia]. Retrieved April 6, 2020 from <<https://ru.wikipedia.org>>.
- Busse, B., Möhlig-Falke, R., Vit, B. (2018). Linguistic purism and language criticism in English. In *HESO*, 3, p. 95–102. doi : 10.17885/heiup.heso.2018.0.23890.
- Ismailova, N., Suleimenova, E., Kulichenko, Yu. (2014). Language Purism and Cross-Cultural Penetration of Gastronomic Lexicon into the Kazakh Language. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 112, 451–456.
- Langer, N., Nesse, A. (2012). Linguistic Purism. In J. M. Hernández-Campoy, J. C. Conde-Silvestre (Eds), *The Handbook of Historical Sociolinguistics*, 1st Ed. (pp. 607–625). Blackwell Publishing Ltd., 2012. doi: <https://doi.org/10.1002/9781118257227.ch33>
- Peirce, C. S. (1931). *Collected Papers : In 8 vols.* Cambridge : Harvard University Press.
- Walsh, O. (2010). French language societies: purist or moderate? In F. Neveu, V. Muni Toke, J. Durand, T. Klingler, L. Mondada, S. Prévost (éds.), *Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF 2010* (pp. 2015–2026). Paris : Institut de Linguistique Française. doi 10.1051/cmlf/2010135.

ERRATUM

УДК 811.133.1

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_210_212

Становая Лидия Анатольевна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

lida_stan@mail.ru

Уточнение по поводу термина «франсийский»

Аннотация

Крайне критическое отношение к традиционной истории французского языка и пониманию франсийского диалекта как диалектной базе формирования французского национального языка обусловили появление некоторых фактологических ошибок, в истинности которых нельзя было усомниться из-за авторитетности зарубежных учёных, введших эти сведения в научный обиход. Изучение вопроса об авторстве термина «франсийский» показало, что не Г. Парис придумал и ввёл в романистику этот новый термин. Анализ показал, что новый термин возник в результате перевода П. Моне с немецкого на французский и впервые появился не в 1889 г., а в 1891 г.

Ключевые слова: история французского языка, историческая диалектология, скриптология, франсийский диалект, франсийская скрипта.

© Становая Л. А. 2020

В нашей статье (Становая, 2019) мы допустили ошибку, приписав авторство термина «франсийский» (francien) Г. Парису. Настоящей заметкой нам хотелось бы её исправить. Ранее [Становая, 1994, 1996] мы считали, что Г. Парис называл диалект Иль-де-Франса просто французским, иногда – центральным, поскольку основывались на его трудах, изданных посмертно в 1909 г. в виде сборника под редакцией М. Рока [Paris, 1909]. Однако, в многочисленных работах последнего времени известные зарубежные учёные стали указывать имя Г. Париса как автора термина и приводить в качестве доказательства его лекцию «Говоры Франции» («Les parlers de France»), правда, путаясь в её датировке и указывая то 1888 г., то 1889 г.

Так, Г. Бергунью (Bergounioux, 1989, p. 23) со ссылкой на исследование А. Анри (A. Henry), Ж. Шорана (J. Chaurand), М.-Р. Симони-Орамбу (M.-R. Simoni-Aurembou) – очень известных и авторитетных учёных – отметил, что термин «франсийский» появился в 1889 г. для обозначения диалекта Иль-де-Франса. Далее, не цитируя собственно Г. Париса, но ссылаясь на его работу «Говоры Франции» 1888 г. (G. Paris, «Les parlers de France», *Revue des Patois gallo-romans*, 2, 1888, p. 161–175), Г. Бергунью (с. 34) отметил, что Г. Парис заимствовал термин «франсийский» из работ Г. Зюше и, пользуясь своим высоким административным статусом, «навязал» («impose») его употребление из чисто политических, более того, шовинистических (с. 26), соображений.

Статья Г. Бергунью оказалась чрезвычайно популярной в борьбе французских лингвистов, в том числе Ж. Шорана, против традиционной истории французского языка. В работах «новой» истории французского языка авторство Г. Париса, якобы придумавшего новый термин, не только ни у кого не вызывало ни малейшего сомнения, но и сам этот факт представлялся как общеизвестный.

А. Лодж [Lodge, 2002, с. 150] указал, что Г. Зюше предложил различать термины «французский» и «франсийский» («Francisch et Französisch»), а Г. Парис в 1889 г. придумал новый термин «франсийский», призванный заменить средневековый термин «le françois». Ссылка дана на журнал «Романия», в котором была напечатана статья Г. Париса (Paris, G. (1889) «Les parlers de France», *Romania* 17: 475–489).

М.-Д. Глесген [Glessgen, 2017, с. 314] уточнил, что термин «франсийский» появился в 1889 г. в работе Г. Париса как перевод немецкого неологизма «francisch», использованного Г. Зюше в своей работе 1888 г. Ссылка тоже дана на журнал «Романия», но другого года (Paris, Gaston, 1888. «Les parlers de France», *R* 17, 475–489.).

Занимаясь различными вопросами истории французского языка и постоянно сталкиваясь с цитатами указанных и других, столь же известных зарубежных авторов, мы сделали вывод, что в своё время мы недостаточно хорошо ознакомились с трудами Г. Париса, раз сейчас

все считают, что именно он ввёл в романистику термин «франсийский». Поэтому, основываясь на современных зарубежных работах, мы также указали Г. Париса как создателя термина «франсийский» в нашей статье 2019 г.

При этом, мы решили внимательнее изучить работы Г. Париса, особенно его статью, опубликованную в журнале «Романия». Вследствие пандемии 2020 г., открывшей всем желающим доступ к прежде закрытым библиотечным базам, мы смогли найти все выпуски журнала за 1888–1889 гг., но статьи Г. Париса там не оказалось. Однако в разделе «Хроника» есть указание на эту лекцию (Romania, 1888, p. 475). Кроме того, в одном из архивов удалось найти и саму лекцию.

Оказалось, что наше первоначальное мнение было верным и что в действительности никакого термина «франсийский» в лекции Г. Париса, прочитанной им 26 мая 1888 г. на заседании научных обществ, нет [Paris 1888]. Нет его и в инаугурационной речи 1868 г., открывающей курс лекций по исторической грамматике французского языка, в которой особое место уделено французским говорам, объединённым, по мнению Г. Париса, в пять групп, каждой из которых соответствует один говор: восток – бургундский, северо-восток – пикардский, юго-запад – пуатевинский, северо-запад – нормандский, северо-центр – французский, или центральный. Этот французский, или центральный говор, характерный для Иль-де-Франса и соседних районов (Шампань, Бри, Орлеан, Перш, Нижний Мен), начиная с XII века, будет преобладать над другими, чтобы затем стать французским языком [Paris, 1868, p. 12 ; 1909, p. 156–158]. Именно эти сведения мы приводили в наших предшествующих работах.

Термин «франсийский» впервые появился у Г. Париса только в 1897 г. в его многостраничном отзыве на первое издание «Истории французского языка» Ф. Брюно, опубликованное в 1896 г. [Paris, 1909, p. 177]. При этом, Г. Парис отметил, что обычно филологи употребляют слово «французский» для обозначения или всех говоров северной Франции, или только говора Иль-де-Франса, ставшего впоследствии французским языком. Слово же «франсийский» стало употребляться недавно («qu'on commence à dire»), чтобы избежать двусмысленности между историей французского языка как историей диалектов северной Франции и историей собственно франсийского диалекта («l'histoire du français propre, du «francien»»).

Это значит, что Г. Парис лишь воспользовался новым термином, понимая его необходимость для различения разных понятий – язык Франции vs диалект одного из районов Франции, обозначаемых одинаково термином «французский язык». Учитывая, что сам Г. Парис употребил термин «франсийский» всего 14 раз, из них 12 – в указанном отзыве 1897 г., трудно согласиться с Г. Бергунью о «навязывании» нового термина лично Г. Парисом, почившим в 1903 г. после продолжительной болезни.

Мы попытались найти работы Г. Зюшье, из которых, как указывали некоторые учёные, был заимствован термин «франсийский». Действительно, в одной из его работ есть слово «francisch» – франкский, который переводчиком П. Моне (P. Monnet) был переведён как francien – франсийский. Такой перевод с немецкого на французский был, вероятно, обусловлен находящимся рядом словом «Francien» в выражении «die Mundart der Herzogtums Francien» – говор герцогства Франков, который далее был назван «francische Mundart» – франкский говор (Suchier, 1906, 17). П. Моне [Suchier, 1891, p. 23–24] перевёл первое выражение как диалект герцогства Франции («le dialecte du duché de France»), а второе – как франсийский диалект («le dialecte francien»).

Таким образом, новый термин, образованный в результате переводческих усилий П. Моне, просто оказался в «нужное время в нужном месте» – именно тогда, когда активно складывалась научная терминология истории французского языка и исторической диалектологии французского языка. Последующие исследования истории французского языка и прежде всего, несомненно, фундаментальный труд Ф. Брюно, получивший всемирное признание, сыграли главную роль в распространении как нового удобного термина, так и разработанной известными учёными XIX–XX веков концепции формирования французского языка.

В результате мы пришли к заключению, что необходимо проверять и перепроверять все используемые сведения.

Благодарности [Acknowledgments]

Настоящая статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ №19-012-00297.

Список литературы

Становая Л. А. Старофранцузская морфология и теория скрипты : дисс. ... д-ра филол. наук ; РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 1994. Т.1–2. 503 с.

- Становая Л. А. Введение в скриптологию. СПб. : Златоуст, 1996. – 96 с.
- Становая Л. А. Франсийский как камень преткновения в истории французского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 164–199.
- Glessgen M. La genèse d'une norme en français au Moyen Age: mythe et réalité du 'francien' // Revue de Linguistique Romane. 2017. T. 81. № 323–324. P. 313–397.
- Lodge R. A. «Francien» et «français de Paris» // Linx. 2002. 12. P. 149–172.
- Romania. 1888. 475 p.
- Paris G. Grammaire historique de la langue française. Cours professé à la Sorbonne rue Gerson en 1868 : leçon d'ouverture. Paris : A. Franck, 1868. 28 p.
- Paris G. Les parlers de France. Lecture faite à la réunion de Sociétés savantes le samedi 26 mai. Paris : Imprimerie Nationale, 1888. 13 p.
- Paris G. Mélanges linguistiques (publ. par M. Roques). Latin vulgaire et langues romanes. Langue française. Notes étymologiques. Appendice. Index. Paris : Champion, 1909. X, 731 p.
- Suchier H. Le français et le provençal. Traduction par P. Monet. Paris : Emile Bouillon, éditeur, 1891. 224 p.
- Suchier H. Die französische und provenzalische Sprache und ihre Mundarten. 2. verb. & verm. aufl... Sonderabdruck aus der 2. aufl. des 1. bandes von Gröbers Grundriss der romanischen philologie. Strassburg: Karl J. Trübner, 1906. 130 S.

UDC 811.133.1

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_210_212

Stanovaia Lydia Anatolievna
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation

lida_stan@mail.ru

Clarification on the term “Francian”

Abstract

The extremely critical attitude to the traditional history of the French language and the understanding of the Francien dialect as the dialect basis for the formation of the French National Language led to the emerging of some factual errors that could not be doubted due to the authority of foreign scientists who introduced this information into scientific use. The study of the authorship of the term ‘francien’ showed that it was not G. Paris who invented and introduced this new term into romanistics. The analysis showed that the new term arose as a result of P. Monet's translation from German to French and first appeared not in 1889, but in 1891.

Keywords: history of the French language; historical dialectology; scriptology; francien dialect; francien scripta.

© Stanovaia L. A. 2020

References

- Stanovaia, L. A. (1994). Starofranzuzskaia morfologia I teoria scripti [Old French morphology and theory of scripta] : Doctoral in Philological sci. diss. St-Petersburg : Herzen State Pedagogical Univ. of Russia.
- Stanovaia, L. A. (1996). Vvedenie v scriptologiu [Introduction to Scriptology]. St-Petersburg : Zlatoust Press.
- Stanovaia, L. A. (2019). Fransiyskiy kak kamen pretknoventia v istorii francuzskogo jazika [Francien as a stumbling block in history of the French language]. Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (3), 164–199.
- Glessgen, M. (2017). La genèse d'une norme en français au Moyen Age: mythe et réalité du 'francien'. Revue de Linguistique Romane, 81 (323–324), 313–397.
- Lodge, R. A. (2002). «Francien» et «français de Paris». Linx, 12, 149–172.
- Romania. 1888.
- Paris, G. (1868). Grammaire historique de la langue française. Cours professé à la Sorbonne rue Gerson en 1868: leçon d'ouverture. Paris : A. Franck.
- Paris, G. (1888). Les parlers de France. Lecture faite à la réunion de Sociétés savantes le samedi 26 mai. Paris : Imprimerie Nationale.
- Paris, G. (1909). Mélanges linguistiques (publ. par M. Roques). Latin vulgaire et langues romanes. Langue française. Notes étymologiques. Appendice. Index. Paris : Champion.
- Suchier, H. (1891). Le français et le provençal. Traduction par P. Monet. Paris : Emile Bouillon, éditeur.
- Suchier, H. (1906). Die französische und provenzalische Sprache und ihre Mundarten. 2. verb. & verm. aufl... Sonderabdruck aus der 2. aufl. des 1. bandes von Gröbers Grundriss der romanischen philologie. Strassburg : Karl J. Trübner.

Наши авторы

- Андросова Светлана Викторовна*, д-р филол. наук, доцент, проф. кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: androsova_s@mail.ru
- Аверин Артём Сергеевич*, соискатель кафедры перевода и межкультурной коммуникации Воронежского гос. ун-та, г. Воронеж, Российская Федерация, email: nauka-art@mail.ru
- Беседина Елена Ивановна*, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургского электротех. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: elivbesedina@mail.ru
- Бобров Сергей Владимирович*, магистрант Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация.
- Булатова Надежда Яковлевна*, канд. филол. наук, ведущий науч. сотрудник Ин-та лингвистич. исслед. Российской Академии Наук (ИЛИ РАН), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: bulatovany@gmail.com
- Бурдаева Татьяна Валерьевна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры лингвистики Самарского гос. ун-та путей сообщения, г. Самара, Российская Федерация, email: t-burdaeva@mail.ru
- Гордеев Сергей Витальевич*, аспирант, Национального исследовательского Томского политех. ун-та, г. Томск, Российская Федерация, преподаватель Хэйхэского университета, г. Хэйхэ, КНР, email: gordeev-sergei@inbox.ru
- Добринина Альбина Альбертовна*, канд. филол. наук, науч. сотрудник сектора языков народов Сибири (ИФЛ СО РАН), г. Новосибирск, Российская Федерация, email: dobrinina@philology.nsc.ru
- Жиркова Евгения Егоровна*, науч. сотрудник Научно-исследовательского ин-та Олонхо Северо-Восточного федерального ун-та им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация, email: Jenuasyt@mail.ru
- Залесова Наталья Михайловна*, канд. филол. наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: znm80@list.ru
- Иванашко Юлия Петровна*, канд. филол. наук доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia-80@mail.ru
- Иванцова Юлия Александровна*, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Ин-та общественных наук и междунар. отношений, Севастопольского гос. ун-та, г. Севастополь, Российская Федерация, email: julsan84@mail.ru.
- Ищенко Ирина Геннадьевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: iirinagen@mail.ru
- Каксин Андрей Данилович*, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация, email: adkaksin@yandex.ru
- Кузьмич Ирина Васильевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского электротехнического ун-та, Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: irinakuzmich@inbox.ru
- Ма Татьяна Юрьевна*, д-р филол. наук, доцент, заведующий кафедрой перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: tdovnar@mail.ru
- Морозова Ольга Николаевна*, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru
- Мэн Шусянь*, Департамент по национальным вопросам этнических меньшинств, Провинция Хэйлунцзян, КНР
- Наумов Владимир Викторович*, д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: vladimir_naumov@mail.ru
- Оглезнева Елена Александровна*, д-р филол. наук, директор Ин-та междунар. связей и интернационализации образования, Томский гос. архитектурно-строительный ун-т, г. Томск, Российская Федерация, email: eoglezneva@yandex.ru
- Процукович Елена Александровна*, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru
- Становая Лидия Анатольевна*, д-р филол. наук, проф., заведующий кафедрой романской филологии Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, г. С.-Петербург, РФ, email: lida_stan@mail.ru
- Тяпугина Анастасия Евгеньевна*, независимый исследователь, г. Пермь, Российская Федерация, email: anastasikt@rambler.ru
- Федченко Олег Дмитриевич*, независимый исследователь, г. Брянск, Российская Федерация, email: vukby@yandex.ru
- Филонова Ольга Сергеевна*, независимый исследователь, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: filonova_os@mail.ru
- Филиппова Аяна Александровна*, старший преподаватель кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Северо-Восточного федерального ун-та им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация, email: fiayalex11@yandex.ru
- Хань Юфэн*, сотрудник Научно-исследовательского института по межнациональным отношениям, г. Харбин, КНР
- Цыренов Бабасан Доржиевич*, д-р филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Ин-та монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, email: tsyrenovbabasan@mail.ru
- Чертыхова Мария Дмитриевна*, д-р филол. наук, ведущий науч. сотрудник Ин-та гуманист. исслед. и саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация, email: chertikova@yandex.ru
- Чугаева Татьяна Николаевна*, д-р филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков и философии Пермского науч. центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Пермь, РФ, email: tatiananch@mail.ru
- Шамина Елена Анатольевна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: elena_shamina@hotmail.com
- Шпак Наталья Евгеньевна*, канд. пед. наук, доцент, преподаватель немецкого и английского языков кафедры иностранных языков и философии Пермского федерального исслед. центра УрО РАН, г. Пермь, Российская Федерация, email: shpaknat@yandex.ru
- Шуйская Татьяна Викторовна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского гос. технологич. ин-та (технич. ун-та), г. Благовещенск, Российская Федерация, email: T.Shuiskaya@mail.ru
- Шустова Светлана Викторовна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национально-исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: lanaschust@mail.ru

Our authors

- Svetlana V. Androsova*, Doctor of Philology, Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: androsova_s@mail.ru
- Artyom S. Averin*, Post graduate student, Department of translation and cross – cultural communication, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, email: nauka-art@mail.ru
- Elena I. Besedina*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, St Petersburg Electrotechnical University, St.Petersburg, Russian Federation, email: elivbesedina@mail.ru
- Sergey V. Bobrov*, master student, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation
- Nadezhda Ya. Bulatova*, PhD in Philology, senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russian Federation, email: bulatovany@gmail.com
- Tatiana V. Burdaeva*, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics, Samara State Transport University, Samara, Russian Federation, email: t-burdaeva@mail.ru
- Sergey V. Gordeev*, PhD student, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation; teacher, Heihe University, Heihe, People's Republic of China, email: gordeev-sergei@inbox.ru
- Albina A. Dobrinina*, PhD in Philology, researcher, Institute Of Philology Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, email: dobrinina@philology.nsc.ru
- Eugenia E. Zhirkova*, researcher Olonkho Research Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal university, Yakutsk, Russian Federation, email: jenyasyr@mail.ru
- Natalia M. Zalesova*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: znm80@list.ru
- Yulia P. Ivanashko*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: polia-80@mail.ru
- Yuliya A. Ivantsova*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation, email: julsan84@mail.ru.
- Irina G. Ishchenko*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: iirinagen@mail.ru
- Andrey D. Kaksin*, Doctor of Philology, Senior researcher, Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russian Federation, email: adkaksin@yandex.ru
- Irina V. Kuzmich*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, St Petersburg Electrotechnical University, St.Petersburg, Russian Federation, email: elivbesedina@mail.ru
- Tatyana Yu. Ma*, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: tdovnar@mail.ru
- Olga N. Morozova*, PhD in Philology, Head of Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru
- Meng Shuxian*, Department of National Affairs of Ethnic Minorities, Heilongjiang province, China
- Vladimir V. Naumov*, Doctor of Philology, Professor, St Petersburg, Russian Federation, email: vladimir_naumov_@mail.ru
- Elena A. Oglezneva*, Doctor of Philology, Director of the Institute of International Relations and Internationalization of Education, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, Tomsk, Russian Federation, email: eoglezneva@yandex.ru
- Elena A. Protsukovich*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru
- Lydia A. Stanovaia*, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russian Federation, email: lida_stan@mail.ru
- Anastasiya E. Tyapugina*, independent researcher, Perm, Russian Federation, email: anastasikt@rambler.ru
- Oleg D. Fedchenko*, independent researcher, Bryansk, Russian Federation, email: vukby@yandex.ru
- Olga S. Filonova*, independent researcher, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: filonova_os@mail.ru
- Ayyana A. Filippova*, Senior Lecturer, North-Eastern Federal University M.K.Ammosov, Yakutsk, Russian Federation, email: fiayalex11@yandex.ru
- Han Youfeng*, Research Institute for Interethnic Relations, Harbin, China
- Babasan D. Tsyrenov*, Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Linguistics, Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation, email: tsyrenovbabasan@mail.ru
- Maria D. Chertykova*, Doctor of Philology, senior researcher, Institute for Humanitarian Researches and Altay-Sayan Turkic Studies, Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russian Federation, email: chertikova@yandex.ru
- Tatiana N. Chugaeva*, Doctor of Philology, the Head of the Department of Foreign Languages, Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Science, Perm, Russian Federation, email: tatiananch@mail.ru
- Elena A. Shamina*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Phonetics and Methods of Foreign Language Teaching, Faculty of Philology, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, email: elena_shamina@hotmail.com, e.shamina@spbu.ru
- Natalya E. Shpak*, PhD in Pedagogics, Associate Professor, Department of Foreign Languages Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation, email: shpaknat@yandex.ru
- Tatiana V. Shuiskaya*, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, St Petersburg State Institute of Technology St Petersburg, Russian Federation, email: T.Shuiskaya@mail.ru
- Svetlana V. Shustova*, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Translation, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: lanaschust@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Аверин А. С.</i>	Лингвистические характеристики англоязычных популярно-юридических текстов: теория и практика	5
<i>Бурдаева Т. В.</i>	Синтаксический концепт каузальности как способ выражения когерентно-когезионных отношений в железнодорожном тексте	16
<i>Гордеев С. В., Оглезнева Е. А.</i>	Современная языковая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (КНР) с участием русского языка: количественные признаки	29
<i>Добринина А. А.</i>	Артикуляторные характеристики реализаций звуков типа /и/ в языке южных алтайцев (по данным МРТ)	43
<i>Жиркова Е. Е.</i>	Структурные особенности образной и оноματοпоэтической лексики якутского и японского языков	51
<i>Иванцова Ю. А.</i>	Эволюция социальной составляющей лингвокультурного мегаконцепта «Human Being» в англоязычных версиях Библии	61
<i>Ищенко И. Г., Филонова О. С.</i>	Семантический аспект английских неологизмов с гендерным компонентом значения	74
<i>Каксин А. Д.</i>	Обозначение борьбы в хакасском и тувинском языках (о происхождении слова курес / хүреш)	84
<i>Ма Т. Ю., Бобров С. В., Залесова Н. М.</i>	Библейские фразеологические единицы в материалах сайта CNN	94
<i>Федченко О. Д.</i>	Балтская гидронимия центральной России	104
<i>Филиппова А. А.</i>	Способы терминообразования в сфере местного самоуправления на якутском языке	128
<i>Хань Юфэн, Мэн Шусянь, Морозова О. Н., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я.</i>	Сопоставительные характеристики категорий залога и вида глагола в оронском и эвенкийском языках	136
<i>Чертыкова М. Д., Цыренов Б. Д., Каксин А. Д.</i>	Фразеологические единицы с соматизмом «сердце» в разноструктурных языках (на материале хакасского, бурятского и хантыйского языков)	146
<i>Чугаева Т. Н., Шпак Н. Е.</i>	Существует ли слово в тексте: психологические и лингвистические аспекты соотношения перцептивной и артикуляционной баз языка	159
<i>Шамина Е. А., Беседина Е. И., Кузьмич И. В.</i>	Современный англоязычный дискурс в условиях пандемии: методический потенциал	170
<i>Шуйская Т. В.</i>	Гласная вставка в детской речи	182
<i>Шустова С. В., Тяпугина А. Е.</i>	Актуализация анималистического кода культуры во фразеологии русского и английского языков	190

Дискуссия

<i>Наумов В. В.</i>	Бог, природа, человек, язык: этюды пессимизма (эссе на злобу дня)	200
---------------------	---	-----

Erratum

<i>Становая Л. А.</i>	Уточнение по поводу термина «франсийский»	210
-----------------------	---	-----

Наши авторы		213
--------------------	--	-----

CONTENTS**Original Papers**

<i>Averin A. S.</i>	Linguistic features of English popular legal texts: Theory and practice	5
---------------------	---	---

<i>Burdaeva T. V.</i>	Syntactic concept of causality as a presentation of coherent-cohesive connections in German railway text	16
-----------------------	--	----

<i>Gordeev S. V., Oglezneva E. A.</i>	The present language situation in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (PRC) with the participation of the Russian language: Quantitative characteristics	29
---	---	----

<i>Dobrinina A. A.</i>	Articulatory features of the /i/-type vowels in the Altai-Kizhi dialect (MRI data)	43
------------------------	--	----

<i>Zhirkova E. E.</i>	Structural features of figurative and onomatopoeic vocabulary of the Yakut and Japanese languages	51
-----------------------	---	----

<i>Ivantsova Yu. A.</i>	Evolution of the social content of the linguocultural megaconcept “Human Being” in the English Bible texts	61
-------------------------	--	----

<i>Ishchenko I. G., Filonova O. S.</i>	Semantic aspect of English neologisms with gender component in meaning	74
--	--	----

<i>Kaksin A. D.</i>	Words denoting wrestling in Khakas and Tuvин languages (on the origin of the word küres / hyreš)	84
---------------------	--	----

<i>Ma T. Yu., Bobrov S. V., Zalesova N. M.</i>	Biblical phraseology in CNN publications	94
--	--	----

<i>Fedchenko O. D.</i>	Baltic Hydronymy of Central Russia	104
------------------------	------------------------------------	-----

<i>Filippova A. A.</i>	Term-building patterns in the Yakut language in the Sphere of local governing	128
------------------------	---	-----

<i>Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova O. N., Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Androsova S. V., Bulatova N. Ya.</i>	Comparing voice and aspect categories in Orochon and Evenki	136
--	---	-----

<i>Chertykova M. D., Tsyrenov B. D., Kaksin A. D.</i>	Phraseological units with the “heart” somatism in structurally different languages (Based on Khakas, Buryat and Khanty)	146
---	---	-----

<i>Chugaeva T. N., Shpak N. E.</i>	Does the word really exist within the text: The issue of perceptual and articulatory language bases correlation	159
--	---	-----

<i>Shamina E. A.,</i>	Contemporary English language discourse during the pandemic:	170
-----------------------	--	-----

<i>Besedina E. I., Kuzmich I. V.</i>	methodological potential	
<i>Shuiskaya T. V.</i>	Vowel insertion in child speech	182
<i>Shustova S. V., Tyapugina A. E.</i>	Animalistic cultural code actualization in Russian and English phraseology	190
Discussion		
<i>Naumov V. V.</i>	God, nature, human being, language: Voices of pessimism (An essay on a current issue)	200
Erratum		
<i>Stanovaia L. A.</i>	Clarification on the term “Francian”	210
<i>Our authors</i>		213

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 6, No 4, 2020.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 04.12.2020. Подписано к печати 02.12.20. Дата выхода в свет 24.12.2020.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 25,11. Тираж 1000. Заказ 160. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.